

Андрэ НОРТОН

КАМЕНЬ
ПРЕДТЕЧ

АНДРЭ

НОРТОН

КАМЕНЬ
ПРЕДТЕЧ

ИЗБРАННЫЕ
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

АНДРЭ НОРТОН

том двенадцатый

*Камень предтеч
Звёзды, не нанесённые на карты*

романы

•

Издательство «Зеленоградская книга»
Зеленоград
«Амбер Лтд», г. Ангарск
1993г.

**ББК 84.7 США
Н49**

Нортон Андрэ

Камень предтеч. /Перевод с английского.

Зеленоград: Издательство «Зеленоградская книга»,
1993г. — 416 стр. «С» — 10

Оригиналы: **Andre Norton «The Zero Stone»**
Ace Books 1981 (1968),
Andre Norton «Uncharted stars»
Ace Books 1983 (1969)

*Печатается с разрешения автора и его литературного
агента — ЛИА «БАЗИАТ»*

*Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом
— запрещена без разрешения издателя и переводчиков.*

*Всякое коммерческое использование данного издания воз-
можно исключительно с ведома издателя.*

Н $\frac{4701000.000 - 09}{480 (03) - 93}$ Без объявления

•

**ББК 84.7 США
ISBN 5 — 86314 — 018 — 6**

- © Издательство «Зеленоградская книга», 1993г.
© А. Ю. Прокофьева — перевод «Камень Предтеч», 1993г.
© З. Ф. Хашимов — перевод «Звезды, не нанесённые на карту», 1993г.

КАМЕНЬ ПРЕДТЕЧ

Глава 1

Такая темень стояла в этом вонючем переулке, что, казалось, протяни руку и поймаешь тень, и будешь дёргать её взад-вперёд, как занавесочку. Правда, в этом мире нет луны, и только звёзды усеивают его ночное небо, а жители Кунга-сити освещают факелами лишь главные улицы своего зловещего, похожего на берлогу города.

Зловоние было почти таким же густым и непроницаемым, как темнота, а осклизлая, неровная булыжная мостовая под ногами представляла собой ещё одну опасность. Страх подгонял меня, но благоразумнее было идти медленно, останавливаясь и нащупывая дорогу перед собой. Я продвигался вперёд, руководствуясь лишь смутными воспоминаниями о городе, в котором провёл всего десять дней, да и те вовсе не были посвящены изучению географии. Где-то впереди, если мне повезёт, очень сильно повезёт, я разыщу дверь. К этой двери прикреплена голова божества, почитаемого обитателями планеты. Его глаза сияют в ночи приветственным светом, потому что за дверью всю ночь напролёт горят факелы, поддерживаемые заботливой рукой. И если человеку, за которым по какой-либо причине гонятся по всем этим улицам и закоулкам, удастся схватиться за щеколду под этими горящими глазами, сдвинуть её и войти в расположенное за дверью помещение, то даже если он только что пролил чью-то кровь на глазах у половины города, его убежище будет неприкосновенно для преследователей.

Пальцы вытянутой влево руки скользнули по запотевшему камню, соскребая с него липкую грязь. Правой рукой я сжимал лазер. Если им удастся загнать меня в угол, то, воспользовавшись лазером, я, возможно, получу отсрочку на несколько мгновений, но только на несколько мгновений. Я тяжело дышал — бегство потребовало от меня значительных усилий, кроме того, начало этого кошмара застало меня врасплох, ни я, ни Вондар не были виноваты в том, что случилось. Вондар — я выбросил его из головы без колебаний. Его положение было безнадёжным, безна-

дѣжным с того самого момента, когда четверо в зелёных рясах медленно вошли в закусную, установили свой волчок и запустили его (все в баре побледнели или позеленели от страха, глядя на их спокойные, уверенные движения). Смертоносная стрелка на верхушке волчка зловеще кружилась; остановившись, она должна была указать на того, кто будет принесён в жертву демону, которого они пытались таким образом умиловить.

Мы продолжали сидеть, словно на нас тоже распространялись обычаи этого ужасного мира, и, в некотором смысле, так оно и было. Каждого, кто попытался бы удалиться после того, как стрелка пришла в движение, ждала быстрая смерть от руки его ближайшего соседа. Нельзя было избежать участия в этой ужасной лотерее. Итак, мы сидели, не ожидая, однако, ничего дурного — обычно зеленорясы не выбирают людей из иных миров. Они достаточно умны для того, чтобы понимать, что бог, всемогущий в их собственном мире, не может противостоять тяжести железного кулака существа, неверующего в него, когда этот кулак обрушивается со звёзд, и не были расположены связываться с Патрулём и другими силами за пределами своих небес.

Вондар даже слегка наклонился вперёд, разглядывая с присущим ему любопытством окружающих нас людей. День прошёл удачно — он заключил выгодную сделку, съел самый вкусный обед из тех, что могли приготовить эти варвары, нашёл новый источник кристаллов лалора, и был доволен собой как никогда.

А ещё ему удалось разгадать уловки Хамзара, который пытался всучить ему лалор в шесть каратов весом, но с внутренним изъяном. Вондар тщательно изучил драгоценный камень и заявил, что такой дефект нельзя скрыть при шлифовке; кристалл, который принёс бы Хамзару целое состояние, попалось ему менее опытный покупатель, был на самом деле довольно заурядным камешком и стоил не дороже лазерного заряда.

Лазерный заряд — мои пальцы ещё крепче сжали оружие. Я бы сейчас с радостью обменял целый мешок

лалоров на ещё один заряд. Жизнь человека дороже, по крайней мере для него самого, легендарных сокровищ Джаккарда.

Итак, Вондар следил за туземцами в таверне, а те следили за вращающейся стрелкой, несущей смерть; затем стрелка, дрогнув, остановилась, но её остриё было направлено не на какого-то конкретного человека, а в узкое пространство между нашими плечами: мы сидели почти вплотную друг к другу. И тогда Вондар сказал, улыбнувшись:

— Смотри-ка, Мэрдок, кажется, демон сегодня несколько неуверен в своём выборе. — Он говорил на Бэйсике, но, возможно, кто-то из присутствовавших понял его слова. Он даже не испугался и не достал оружие, хотя, насколько я знал, всегда был настороже. Ни один человек не смог бы вести жизнь торговца драгоценностями, переезжающего с планеты на планету, если бы не держал ухо востро, нос по ветру и лазер наготове.

Возможно, демон действительно колебался, но его служители нет. Им были нужны именно мы, из длинных рукавов их зелёных ряс внезапно появились верёвочные путы, которыми они обычно связывают пленников, прежде чем затащить их в логово своего повелителя. Выстрелив поверх обуглившейся и задымившейся крышки стола, я попал в одного из зеленорясих. Вондар вскочил, но на долю секунды позже, чем следовало. Как говорят вольные торговцы, его удача спала. Человек, сидевший слева от нас, прыгнув, прижал его к стене и схватил за руки так, что он не мог уже дотянуться до оружия. Все вокруг начали кричать, зеленорясые остановились: они не хотели рисковать и ждали, пока нас схватят.

Я подстрелил ещё одного человека, пытавшегося добраться до Вондара, но, опасаясь задеть своего хозяина, не осмелился направить луч на того, кто уже боролся с ним. Потом я услышал, как Вондар вскрикнул, но тут же захлебнулся хлынувшей изо рта кровью. Во время драки мы оказались в разных углах комнаты, я скользил вдоль стены, стараясь поймать лучом зеленорясих, и вдруг

обнаружил проём за своей спиной. Споткнувшись, я кинулся в него и выскочил через боковую дверь на улицу.

Не разбирая дороги, я побежал, затем нырнул в подворотню, постоянно слыша шум погони за спиной. У меня не было шансов спастись бегством. Мои преследователи находились между мной и космопортом. Мгновение, показавшееся мне очень долгим, я, сжавшись, стоял в подворотне: я не видел другого выхода, как только сражаться до конца. Не знаю, какие ассоциации возникли в моём сознании, но я вдруг вспомнил про святилище, мимо которого мы проходили с Хамзаром три-четыре дня тому назад, и всё, что он нам о нём рассказывал. У меня появилась робкая надежда, хотя в тот момент я даже не представлял себе, в какой стороне оно находится.

Я попытался преодолеть страх и представить в уме план города, а также обозначить на нём улицу, на которой я стоял. При определённой подготовке людям удавалось найти выход из самых затруднительных ситуаций, а у меня была такая подготовка. Мою память развивали при помощи специальных упражнений. Я был сыном и учеником Хайвела Джорна, а это что-то да значило.

Я вспомнил расположение улиц и подумал, что, возможно, мне удастся не заблудиться. Кроме того, мои преследователи, конечно, полагают, будто все преимущества на их стороне, и им нужно только не пускать меня к космопорту, а там я сам попаду к ним в руки, заблудившись в лабиринте незнакомого города.

Я выскользнул из тёмной подворотни и пустился в путь по извилистым улочкам, но направился на северо-запад, а не туда, куда, как они считали, я буду стремиться из последних сил. И вот я добрался до этого переулка и пробирался по нему, скользя по зловонной грязи.

Я придерживался двух ориентиров, и, чтобы увидеть один из них — башню порта, мне приходилось оглядываться назад. Она была ярко освещена и отчётливо выделялась на фоне тёмного неба. Я двигался в противоположную сторону, стараясь, чтобы она оставалась справа от меня. Другой ориентир — сторожевая башня Кунги — был

виден мне лишь время от времени, когда я торопливо перебегал от одной тёмной подворотни к другой. Она возвышалась над городом, что давало возможность издали заметить приближение полудиких морских разбойников с севера, совершающих набеги в неурожайные годы Великих Холодов.

Переулок заканчивался глухой стеной. Я зажал лазер в зубах и подпрыгнул, пытаясь ухватиться за её верхний край. Усевшись наверху, я осмотрелся и решил, что дальше буду двигаться по стене. Она тянулась по задворкам домов и была не настолько широкой, чтобы служить надёжной опорой, но зато поднимала меня высоко над землёй. Тускло освещённые окна верхних этажей указывали мне путь.

Иногда я останавливался и прислушивался: в отдалении раздавались голоса моих преследователей. Толпа, бежавшая по главным улицам, растекалась по переулкам, но они продвигались осторожно; оставалось надеяться на то, что они не слишком спешат встретиться лицом к лицу со своей жертвой, зная об её готовности выпустить по ним лазерный луч из темноты. Время работало на них: если я до рассвета не попаду в убежище, моя одежда выдаст меня в любой толпе. На мне был мундир наподобие форменного, хотя и другого цвета, сконструированный специально для путешествий по разным мирам, удобный и практичный.

Вондар выбрал для нас кители неброского тёмно-оливкового цвета, эмблема гемолога украшала грудь его кителя; на моём красовалась такая же эмблема, но с двумя ученическими полосками. Ботинки были с магнитными подошвами, приспособленными для передвижения по кораблю, а вместо нижнего белья мы носили комбинезоны, как рядовые члены экипажа. В этом мире, в окружении людей в широких, отделанных бахромой рясах и разноцветных витых головных уборах, я выглядел очень приметно. Можно было изменить только одну деталь моего гардероба, именно этим я и занялся. Зажав лазер в зубах и с трудом сохраняя равновесие на вершине стены, я распечатал шов и стащил с себя китель с отчётливо выделяющейся эмблемой, свернул его в тугой комок и,

свесившись вниз, забросил на ветки терновника, росшего в крошечном садике. Через четыре дома стена упиралась в высокое здание. Надо прыгать, но куда? В сад или в кишку переулка? Я выбрал переулок, но услышал доносившиеся из его глубины звуки и замер, прижавшись к стене дома. Там кто-то был.

Грязь чавкала под ногами людей, крадущихся в переулке, мне даже показалось, будто я слышу их тяжёлое дыхание, но в отличие от моих преследователей они старались двигаться скрытно.

Руками я ощупывал стену дома, и внезапно мои пальцы провалились в какое-то углубление. Вскоре я понял, что наткнулся на декоративный орнамент, который украшал стены наиболее важных зданий, отдельные его элементы сильно выступали над поверхностью. Я провёл рукой по стене и решил, что орнамент, возможно, доходит до самой крыши.

Я присел, на этот раз, чтобы отстегнуть ботинки и прикрепить их сзади на пояс. Какое-то мгновение я прислушивался к звукам шагов, удалявшихся по направлению к выходу из переулка, затем полез вверх.

И снова мне пригодилась моя подготовка: цепляясь пальцами рук и ног за острые выступы резьбы, я карабкался вверх, пока не перевалился через парапет, украшенный грубо высеченными лицами демонов, чьим предназначением было отпугивать злые силы природы.

Я упал на крышу, полого спускавшуюся к центральному проёму, в котором тремя этажами ниже располагался внутренний дворик с бассейном, во время весенних бурь в него должна была стекать дождевая вода. Крыша была специально отполирована так, чтобы дождь стекал прямо в резервуар, поэтому я полз вдоль парапета, хватаясь руками за выступы на стене. Я торопился: даже в темноте было видно, насколько я близок к цели.

С высоты открывался вид на космопорт. Там стояли два корабля, один из них — торговопассажирский, на него Вондар взял билеты сегодня утром. Он не был бы дальше от меня, даже если бы Чёрный Дракон, свернувшись

кольцами, лежал между нами. Непременно станет известно, что мы купили билеты на него, и его будут тщательно охранять. Другой корабль, стоявший чуть подальше, принадлежал вольным торговцам. К ним я не мог обратиться за помощью, как правило в их дела старались не вмешиваться. Даже если мне удастся добраться до убежища, рассчитывать было не на что. Я отогнал эту страшную мысль и стал обдумывать план дальнейших действий. Теперь мне предстояло спуститься по наружной стене здания на освещённую улицу. Эту стену также украшали полосы орнамента, и я не сомневался в том, что смогу воспользоваться ими в качестве лестницы, если только меня не заметят. Вдоль дороги горели факелы, закреплённые в кронштейнах, и, по сравнению с боковыми улицами, по которым я бежал до сих пор, она была освещена так же ярко, как общественные места на внутренних планетах.

Законопослушные граждане в столь позднее время сидели по домам. Я не слышал ничего, что позволило бы предположить, будто мои преследователи где-то неподалёку. Скорее всего, они охраняли взлётное поле. Теперь, когда я зашёл так далеко, пути назад уже не было. Внимательно оглядев напоследок улицу вниз, я проскользнул между двумя украшениями и начал спускаться.

Я полз вниз по стене от одного выступа к другому, нащупывая их под собой, полагаясь на силу своих пальцев и рук. Я уже миновал верхний этаж, когда передо мной оказалось окно, и я с грохотом соскользнул на шаткий подоконник. Раскинув руки по сторонам, я пытался удержаться на нём, стоя лицом к тёмному проёму. И тут я едва не сорвался вниз, вздрогнув от пронзительного крика, раздавшегося изнутри.

Ничего не соображая, я пустился в бегство вниз по стене. Кто-то вновь закричал. Сколько времени потребуются на то, чтобы поднять на ноги весь дом или привлечь внимание прохожих? Наконец я отпустил руки и кубарем полетел вниз. Я не стал надевать ботинки, а сразу же побежал так, как не бегал никогда в жизни, не оглядываясь на шум, поднявшийся за моей спиной.

Я вихрем мчался вдоль домов, перебегая от одной подворотни к другой. Сзади слышались крики. Вопившей женщине удалось поднять по крайней мере своих домочадцев. И вдруг в закоулке — память меня не подвела! — я разглядел сверкающие на двери глаза божества. Я бежал, глотая воздух открытым ртом, сжимая в руке лазер; ботинки, привязанные к поясу, колотили меня по бёдрам. Вперёд и вперёд — я всё время боялся, что кто-нибудь преградит мне путь к горящим глазам божества. Но никто не остановил меня, и, сделав последний рывок, я налетел на дверь, царапая её ногтями в поисках кольца, затем резко дёрнул за него. Секунду или две дверь, вопреки обещанному, казалось, сопротивлялась моим усилиям. Затем она поддалась, и я, споткнувшись, ввалился в проход, в котором горели факелы, придававшие яркий блеск глазам-маякам.

Забыв о двери, я, шатаясь, побрёл вперёд, с единственным намерением оказаться внутри, подальше от шума, поднявшегося на улице. Тут я оступился и упал на колени, лицом вперёд, однако извернулся и вскочил, держа лазер наготове. Дверь уже закрывалась, заслоняя от меня бегущих по улице людей, сжимающих в руках сверкающие при свете факелов ножи.

Тяжело дыша, я проследил за тем, как дверь закрылась, затем с облегчением сел. Пока я не попал на этот островок безопасности, я даже не подозревал, какого напряжения мне стоило бегство. Как приятно было просто сидеть на полу и знать, что больше не нужно никуда бежать.

Наконец я собрался с силами, натянул ботинки и огляделся. Хамзар, рассказывая о святилище, упомянул только лицо на двери и тот факт, что преступник, попав сюда, может не опасаться своих преследователей. После такого рассказа я думал, что попаду в храм, а оказался в узком коридоре без дверей. Совсем рядом со мной находилась каменная стойка с двумя пропитанными маслом факелами, которые ярко горели, заставляя светиться глаза-маяки на двери.

Я встал и обошёл эту преграду, ожидая увидеть того, кто

поддерживал огонь в ночи, но, повернувшись спиной к свету, обнаружил только продолжение коридора, совсем пустого, в тёмном конце которого могло скрываться что угодно. Я осторожно двинулся вперёд.

Стены, выложенные из жёлтого камня, добываемого неподалёку (им же были вымощены центральные улицы), не были украшены живописью, в отличие от стен тех местных храмов, в которых мне довелось побывать раньше. Широкие плиты пола были сделаны из этого же камня, да и потолок, насколько мне удалось разглядеть, тоже.

Местами они были стёрты ногами, как будто по ним ходили уже несколько столетий. Кроме того, повсюду на полу виднелись тёмные пятна, расположенные как попало, и это наводило на неприятную мысль: некоторые из тех, кто приходили сюда до меня, страдали от ран, полученных во время бегства, однако позднее никто не сделал ни малейшей попытки уничтожить эти следы. Я добрался до конца коридора и обнаружил, что он круто сворачивает направо, причём поворота не было видно, пока я не подошёл к нему вплотную. Налево была стена. В узкий проход не попадал свет факелов, и в нём было почти так же темно, как и в переулках. Я вглядывался в темноту, жалея, что у меня нет с собой фонарика. Наконец, уменьшив мощность лазера до минимума, я выпустил пучок белых лучей, которые оставили глубокий след на покрытых пятнами плитах пола, но осветили мне дорогу.

Сделав всего четыре шага, я оказался в квадратном помещении, и луч моего лазера коснулся незажжённого факела, закрепленного в кронштейне на стене. Тот вспыхнул, и я, заморгав, выключил оружие. Я стоял в комнате, обставленной так, как мог быть обставлен номер в дешёвой гостинице. На противоположной стене висела каменная раковина, в которую тоненькой струйкой стекала вода, она не переливалась через край, а снова уходила в стену. Кровать из верёвочной сетки была прикрыта циновкой из сухих, тонко пахнущих листьев. Постель не слишком удобная, но всё же на ней можно было отдохнуть. У маленького столика стояли два табурета. Всё грубое, без

привычной резьбы, хотя и отполированное от долгого употребления. В нише напротив кровати лежали фляги из тёмного металла, маленькая корзиночка и колокольчик. В комнате не было дверей, выйти из неё можно было только через коридор, по которому я пришёл. Мне подумалось, что хвалёное убежище становилось тюрьмой для человека, которому не хватало смелости покинуть его.

Я вытащил факел из кронштейна и с его помощью осмотрел стены, пол, потолок, но не нашёл ни малейшего отверстия. В конце концов я воткнул его на место. Потом моё внимание привлёк колокольчик, лежавший возле фляги. Колокольчик наводил на мысль, что им можно подать сигнал. Возможно, я получу какое-либо объяснение происходящему. Я позвонил изо всех сил. Несмотря на свои размеры, он лишь приглушённо звякнул, однако я позвонил ещё несколько раз, ожидая ответа, которого так и не последовало, наконец я швырнул его в нишу и сел на кровать.

И когда я получил ответ на свои нетерпеливые призывы, он полностью застал меня врасплох: выхватив лазер, я вскочил на ноги. Голос, раздававшийся непонятно откуда, в нескольких шагах от меня произнёс:

— К Носкальду ты пришёл, пребудь же в его тени, пока не угаснет четвёртый факел.

Лишь через мгновение я понял, что голос говорил не на шепелявом местном языке, а на Бэйсике. Но тогда они должны знать, что я — иномирянин.

— Кто ты? — мои слова сопровождался глухим эхом. — Дай мне взглянуть на тебя.

Тишина. Я снова заговорил, обещая награду, если они сообщат о моём бедственном положении в порт, потом я угрожал карами, которые постигнут их за зло, причинённое иномирянину, хотя, думаю, они были достаточно умны, чтобы понять, насколько пустыми были эти угрозы. Я не получил никакого ответа, даже знака, что я, по крайней мере, услышан. Голос, ответивший мне, мог быть записан на плёнку. Я не знал также, кем были здешние стражи. Священнослужителями? Но тогда, подобно зеле-

норясым, они не окажут мне никаких услуг, кроме тех, что налагаются на них обычаем.

Наконец я свернулся на кровати и уснул; мне снились сны, очень яркие сны, которые были не порождением дремлющего сознания, но воспоминаниями о прошлом. Я заново переживал некоторые события своей недолгой жизни, говорят, такое иногда происходит с умирающим.

Истоки моей жизни терялись в тени другого человека — Хайвела Джорна; в своё время это имя было известно на многих планетах; он чувствовал себя уверенно в таких местах, где даже Патруль проходит на цыпочках, опасаясь, что его появление приведёт к насилию и кровопролитию. Прошлое моего отца было туманным, как мелководные заливы Хаваки после осенних штормов. Я не думаю, что кто-нибудь, кроме него самого, знал о нём всё, во всяком случае, мы не знали. Спустя годы после его смерти по крупицам из всевозможных источников я восстанавливаю его образ, и каждый раз мне открывается что-то новое, и я вижу Хайвела Джорна в ином свете. Я был ещё совсем маленьким, когда тот орган, который заменял ему сердце, сжимался от внезапного предчувствия, и он принимался рассказывать истории, основанные, вероятно, на его собственных приключениях, хотя действующим лицом в них он всегда делал другого человека. Рассказывая их, он пытался научить слушателей, как надо торговать или вести себя в затруднительной ситуации. Он говорил в основном о вещах, а не о людях, которые были случайными персонажами, владельцами редкостей или произведений искусства.

Лет до пятидесяти по планетному исчислению отец был главным консультантом Истамфы, стоявшего во главе сектора Воровской Гильдии. Отец не только не скрывал принадлежности к этой организации, но даже гордился ею. Очевидно, у него был врождённый талант, который он развил постоянными упражнениями, — талант оценивать необычные вещи, попадающие среди награбленного; его ценили и ставили гораздо выше рядовых членов этого подпольного синдиката. Однако он не был честолобив и не стремился к власти, а, возможно, просто хотел остаться

в живых, и у него хватило ума не делать себя мишенью для чужих амбиций.

Затем Истамфа повстречался с бродячим цветком бореры — кто-то, у кого было честолюбие, подбросил этот цветок в его частную коллекцию экзотических растений — и скоропостижно скончался. Отец благоразумно отказался от участия в борьбе за власть. Вместо этого он откупился от Гильдии и перебрался на Ангкор.

Я думаю, что сначала он жил очень тихо, изучая планету и поджидая благоприятного случая, чтобы открыть прибыльное дело. Тогда этот мир был ещё мало освоен и не привлекал внимания членов Гильдии и богатых людей. Но, возможно, до отца уже доходили слухи о том, что должно было начаться.

В течение некоторого времени он ухаживал за местной женщиной. Её отец держал неподалёку от единственного космопорта небольшую лавчонку, в которой можно было заложить вещи и сбыть краденное. Вскоре после свадьбы в порту совершил вынужденную посадку зачумлённый корабль, и его тесть умер от инопланетной лихорадки.

Лихорадка скосила почти всё столичное начальство. Но Хайвел Джорн и его жена оказались не подвержены заразе и выполняли некоторые официальные поручения, что упрочило их положение, после того как эпидемия закончилась и власть была восстановлена.

Пять лет спустя картель «Фортуна» начал торговлю в звёздном скоплении Валтория, и Ангкор внезапно превратился в оживлённую портовую планету. Дело моего отца процветало, хотя он не стал расширять помещение лавки.

Имея многочисленные легальные и нелегальные связи в иных мирах, он преуспел, но, на посторонний взгляд, не слишком.

Всем астронавтам рано или поздно попадают редкие или дорогие вещицы. В любом порту, где есть игорные дома и прочие планетарные развлечения, быстро освобождающие их от заработанных за полёт денег, они рады найти покупателя, который не будет задавать лишних вопросов и заплатит наличными.

Это спокойное процветание длилось годами, и, казалось, ни к чему другому отец не стремился.

Глава 2

Брак, заключённый Хайвелом Джорном скорее всего по расчёту, оказался прочным. В семье было трое детей: я, Фаскил и Дарина. Отец мало интересовался дочерью, но принялся рьяно и с раннего детства обучать меня и Фаскила, хотя Фаскил даже не пытался оправдать те надежды, которые Хайвел Джорн на него возлагал.

У нас было принято ужинать всем вместе за большим круглым столом в задней комнате (мы жили при магазине). Перед ужином отец обычно приносил какой-нибудь предмет со склада и, показав его нам, спрашивал, что мы думаем о нём — о его стоимости, возрасте, происхождении. Драгоценности были его страстью, и нас заставляли изучать их, тогда как другие дети получали общие знания из записанных на плёнки книг. К вящему удовольствию отца я оказался способным учеником. Со временем он в основном сосредоточился на моём обучении, потому что Фаскил то ли не мог, то ли не хотел учиться и повторял одни и те же ошибки, отчего отец постоянно замыкался в себе.

Я ни разу не видел, чтобы Хайвел Джорн разозлился, но старался не навлечь на себя его холодного неудовольствия. И не потому, что боялся его, просто то, чему он меня учил, приводило меня в восторг. Я был ещё ребенком, когда мне разрешили оценивать вещи, отдаваемые в залог. И кто бы из торговцев драгоценностями не заезжал к отцу, меня всем демонстрировали как лучшего ученика.

С годами в доме образовались две партии: мать, Фаскил и Дарина вошли в одну, я с отцом — в другую. Наши, вернее мои, знакомства с остальными детьми в порту были ограничены, отец всё чаще привлекал меня к работе в магазине и к изучению древнего ремесла оценщика. В те дни через наши руки проходило немало причудливых и красивых вещей. Одни продавались открыто, другие, предназначенные отцом для частных сделок, оседали в его сейфах, и я видел лишь некоторые из них.

Среди них попадались вещи из развалин и гробниц

предтеч, сделанные раньше, чем представители нашего вида вырвались в космос, добро, награбленное в империях, переставших существовать так давно, что не осталось следа даже от их планет. Встречались и другие, только что вышедшие из мастерских внутренних систем, в которых всё искусство ювелира было пущено в ход, чтобы привлечь внимание богача с тугим кошельком.

Отцу больше нравились старинные вещи. Взяв в руки ожерелье или браслет (форма которого говорила о том, что он никогда не предназначался для человеческого запястья), он предавался размышлениям о том, кто мог его носить, представители какой цивилизации его создали. Он требовал от тех, кто приносил ему эти безделушки, весьма подробного рассказа об их находке, и записывал на пленку всё, что ему удавалось узнать.

Эти плёнки сами по себе настоящее сокровище для тех, кто интересуется стариной, и я не раз задавался вопросом, понял ли Фаскил их подлинную ценность и сумел ли воспользоваться ими. Мне кажется — да, потому что, в некотором смысле, он оказался умнее отца.

Однажды, когда мы по обыкновению собрались за круглым столом, отец достал очередную чужеземную диковинку. Он не стал, как было раньше, передавать её из рук в руки, а положил на отполированный до блеска стол из чёрного крила и уставился на неё, как степной факир, читающий будущее домохозяйки по полированным бобам.

Это было кольцо, по крайней мере нечто, имевшее форму кольца. Но, очевидно, оно предназначалось для пальца вдвое толще нашего. Металл был тусклым, изъеденным ржавчиной, как будто от старости.

Камень, вставленный в зубчатую оправу, превышал по размерам мой ноготь и соответствовал величине ободка кольца. Бесцветный, без малейшей искорки, совершенно безжизненный, он был таким же тусклым и непривлекательным на вид, как и оправа. Однако чем дольше я смотрел на него, тем больше мне казалось — оно представляет собой лишь останки того, что когда-то было прекрасным и полным жизни, но давным-давно уже мертво.

Увидев его впервые, я ни за что не хотел прикоснуться к нему, хотя всегда с жадностью изучал те вещицы, которые отец использовал для занятий с нами.

— Это ещё с какого трупa? Как бы я хотела, чтобы ты не клал на стол вещи, выкопанные из могил! — Мать говорила резче, чем обычно. Тогда мне показалось странным, что даже она, лишённая, как мне казалось, всякого воображения, сразу связала кольцо со смертью.

Не поднимая глаз от кольца, отец обратился к Фаскилу таким тоном, каким обычно требовал немедленного ответа.

— Что ты скажешь о нём?

Брат протянул руку, чтобы потрогать кольцо, но тут же отдернул её.

— Это кольцо нельзя носить — оно чересчур велико. Возможно, оно было пожертвовано храму.

Отец ничего не ответил на это и спросил Дарину:

— А что видишь ты?

— Оно холодное, такое холодное, и оно мне не нравится, — тоненький голосок моей сестры сорвался, и она выскочила из-за стола.

— Теперь ты, — отец наконец повернулся ко мне.

Кольцо, выполненное больше, чем в натуральную величину, под стать пальцу какого-нибудь бога или богини, действительно могло быть жертвовано храму. Через руки отца уже проходили подобные вещи. И в некоторых из них действительно было что-то, не дававшее до них дотронуться. Но если оно принадлежало богу... Нет, мне в это не верилось. Дарина права. От него веет холодом, холодом и смертью. Однако чем дольше я смотрел на него, тем больше оно мне нравилось. Мне хотелось потрогать его, но я боялся. Мне казалось, я ощущаю нечто, делающее это кольцо отличным от всех драгоценностей, виденных мною ранее, хотя теперь это был всего лишь безжизненный камень в изъеденной временем металлической оправе.

— Я не знаю. Возможно, эта вещь приносит или приносила власть! — Моя уверенность в этом была так

сильна, что я говорил громче, чем хотел, и мои последние слова гулко разнеслись по комнате.

— Откуда оно? — быстро спросил Фаскил, снова наклонившись вперёд и протянув руку, как будто для того, чтобы накрыть кольцо ладонью, хотя его пальцы замерли над ним в нерешительности. В это мгновение мне пришло в голову, что тот, кто уверенно возьмёт его в руки, последует обычаю торговцев драгоценностями: положить руку на украшение значило согласиться на предложенную сделку. Но Фаскил всё же не решился принять вызов и снова отдёрнул руку.

— Из космоса, — ответил отец.

В космосе действительно находят драгоценные камни. Дикари дорого платят за них. Мы до сих пор не знаем точно, откуда они берутся. Принято полагать, что они образуются, когда кусочки метеоритов, состоящие из определённых металлов, сверкая, проносятся через атмосферу планет. Когда-то кольца с подобными тектитами были в моде среди космических капитанов. Я видел несколько таких вещей, принадлежавших столетия тому назад первопроходцам космоса. Но этот драгоценный камень, если только это действительно был драгоценный камень, не походил на них; бесцветный кристалл, тусклый, будто иссечённый песком, он не был ни тёмно-зелёным, ни чёрным, ни коричневым.

— Он не похож на тектит, — решил я.

Отец покачал головой.

— Я не думаю, что он образовался в космосе, во всяком случае, мне об этом ничего не известно, но его там нашли. — Откинувшись на спинку стула, он взял чашку с фолгаровым чаем и, рассеянно прихлёбывая, продолжал разглядывать камень.

— Занятная история...

— К нам должен зайти консул Сэндз с женой, — прервала его мать, словно эта история была ей известна, и она не желала слушать ее снова. — Уже поздно.

Она начала собирать чашки и хотела хлопнуть в ладоши, чтобы позвать Стэффлу, нашу служанку.

— Занятная история, — повторил отец, как будто вообще не слышал того, что она сказала. И настолько велика была его власть в доме, что она не стала звать Стэффлу, а, явно недовольная, неловко присела на стул.

— Но правдивая, в этом я уверен, — продолжал отец. — Его принёс мне сегодня старший помощник с «Астры». Во время полёта у них отказала координатная сетка, и им пришлось выйти из гиперпространства для ремонта. Им снова не повезло, они получили пробоину от метеорита. Пришлось латать обшивку. — Его рассказ был скучным, без обычного лихо закрученного сюжета, словно он старался придерживаться фактов, которых было слишком мало. — Кьор как раз ставил заплату, когда заметил его — дрейфующее тело. Он зацепил его страховочным тросом и втащил внутрь — тело в скафандре. Ему, — тут отец запнулся, — не встречались раньше подобные существа. Оно пробыло там очень долго. И на перчатке его скафандра оказалось вот это. — Он указал на кольцо.

На перчатке скафандра — было чему удивиться. Перчатки — вещь удобная: а как же иначе, ведь человек надевает их, когда надо отремонтировать корабль в открытом космосе или исследовать планету, непригодную для жизни его вида. Но чтобы кому-то пришлось в голову носить поверх перчатки подобное украшение? Я должно быть задал этот вопрос вслух, потому что отец ответил:

— Действительно, зачем? Во всяком случае, не из тщеславия. Значит это было важно для того, кто носил его. Настолько важно, что я хотел бы узнать об этом побольше.

— Можно попытаться исследовать его, — заметил Фаскил.

— Это неизвестный мне драгоценный камень. Его можно оценить в двенадцать баллов по шкале Мохса.

— Алмаз только в десять.

— Алжесайт в одиннадцать, — ответил отец. — Больше ничего не удалось измерить. Это что-то, о чём мы пока не имеем ни малейшего представления.

— В институте... — начала было мать, но отец протянул руку и накрыл кольцо ладонью. Не разжимая пальцев, он

опустил его в мешочек и спрятал во внутреннем кармане куртки.

— Никому о нём не рассказывать! — приказал он, отлично зная, что отныне мы будем молчать о кольце.

Он не только не послал кольцо в институт, но даже, я уверен, не пытался узнать о нём что-либо официальным путём, хотя насколько мне известно, изучал и исследовал его всеми доступными ему средствами, а их было немало.

Я привык видеть его в маленькой лаборатории за столом, кольцо лежит перед ним на куске чёрной материи, а он смотрит на него так, будто пытается одним лишь волевым усилием разгадать его тайну. Если красота и была в нём когда-то, время и пребывание в космосе уничтожили её следы, оно было загадочным, но не прекрасным.

Меня тоже преследовала эта тайна, и отец время от времени делился со мной различными теориями, периодически возникавшими у него в голове. Он пришёл к твёрдому убеждению, что кольцо не являлось украшением, а служило человеку, носившему его, для определённых целей. И он никому не рассказывал о том, чем владеет.

Став хозяином в магазине, отец устроил в стенах множество тайников. А позже, перестраивая комнаты, он оборудовал и ещё несколько потайных мест. Большинство из них были известны всей семье, и каждый мог открыть их, прижав к ним свой палец. Но некоторые из них он показал только мне. В одном из таких тайников в его лаборатории лежало кольцо. Отец переделал замок так, что он открывался только от прикосновения наших пальцев, заставил меня несколько раз открыть и закрыть замок и только тогда успокоился.

Затем он жестом велел мне сесть напротив него.

— Завтра приезжает Вондар Астл, — коротко сказал он. — Он привезёт с собой патент на обучение. Когда он уедет, ты уедешь вместе с ним.

Я не поверил своим ушам. Как старший сын я не мог поступать в ученики ни к кому, кроме собственного отца. Если кто-то и должен был идти служить другому хозяину, то это был Фаскил. Но раньше, чем я успел раскрыть рот,

отец продолжил, и это было единственным объяснением, которое я от него получил.

— Вондар — первоклассный гемолог, он предпочитает путешествовать, хотя мог бы устроиться на любой планете. Во всей Галактике ты не найдёшь лучшего учителя. У меня есть все основания так полагать. Послушай, Мэрдок, этот магазин не для тебя. У тебя есть талант, а человек, который не развивает свой талант, подобен тому, кто ест сухой овсяный пирог вместо стоящего перед ним мяса, кто выбирает циркон, хотя ему достаточно протянуть руку, чтобы взять алмаз. Оставь этот магазин Фаскилу.

— Но он...

Отец едва улыбнулся.

— Нет, Фаскил не из тех, кто видит дальше своего носа, он ценит только толстый кошелёк и пачки кредиток. Лавочник есть лавочник, а ты способен на большее. Я долго ждал такого человека, как Астл, человека, которому я мог бы доверить твоё обучение. В своё время я был известным оценщиком, но я ходил по скользкой дорожке. Ты не должен иметь со мной ничего общего, а добиться этого можно только отрёкшись от того имени, которое ты носишь на Ангкоре. Кроме того, если ты хочешь найти себя, ты должен увидеть иные миры, пройти по другим планетам. Известно, что магнитные поля планет влияют на поведение человека, резкие перепады вызывают изменения головного мозга. Эти изменения приводят к тому, что ум становится более живым и восприимчивым, развивается память, появляются новые идеи. И мне нужны те знания, которые ты можешь получить у Астла в течении ближайших пяти планетарных лет.

— Это связано с камнем из космоса?

Он кивнул.

— Мне уже не отправиться на поиски истины, но тебя, человека близкого мне по духу, ничто здесь не держит. Прежде чем я умру, я должен узнать, в чём тайна этого кольца, что оно приносило или может принести своему владельцу.

Он снова встал и принёс мешочек с кольцом, вынул

оправленный в металл тусклый камень и повертел его в руках.

— Раньше существовало поверье, — задумчиво проговорил он, — что человек оставляет свой след на вещах, которыми владеет, если они были связаны с его судьбой. Держи! — Он внезапно бросил мне кольцо. Я не ожидал этого, но инстинктивно поймал его. За всё время, что оно хранилось в нашем доме, я впервые держал его в руках.

Металл был холодным, с зернистой поверхностью. И мне показалось, что оно стало ещё холоднее, пока лежало на моей ладони, у меня даже начало покалывать кожу. Я поднёс его к глазам и стал разглядывать камень. Его тусклая поверхность была такой же шершавой, как и оправа. Если когда-то в нём и горел огонь, то он давным-давно потух, и камень замутился. Я подумал, нельзя ли вынуть его из грубой оправы и, огранив заново, вернуть к жизни. Но я знал, что отец никогда не сделает этого, да и я тоже не смогу. Дело было не в камне, а в тайне. Важно было не кольцо само по себе, а то, что оно скрывало. И теперь я понял, какие надежды возлагал на меня отец — я должен был разгадать эту загадку.

Так я стал учеником Вондара. Отец оказался прав, трудно было найти лучшего учителя. Мой хозяин составил бы себе не одно состояние, если бы захотел пустить корни в одном из тех миров, где любят роскошь, и открыл бы там ювелирную мастерскую. Но для него гораздо важнее было найти камень без изъяна, чем продать его. Правда, он всё же делал украшения: во время переездов он обычно трудился не покладая рук, изготавливая изделия, которые охотно покупались другими, менее талантливыми людьми, в качестве образцов. Но его настоящей страстью было исследовать новые миры, покупать у аборигенов необработанные камни неподалёку от тех мест, где они были добыты.

Он только посмеивался, когда обнаруживал подделки — дешёвые камни, вымоченные в травах или химикалиях и ставшие после этого похожими на драгоценные, или драгоценные камни, изменившие свой цвет после тепло-

вой обработки. Он учил меня, как производить впечатление на местных торговцев, чтобы заставить их расстаться с лучшими вещами из уважения к чужой мудрости. Например тому, что человеческий волос, лежащий на кусочке натурального нефрита, не загорится, даже если к нему поднести спичку.

Планетарное время исчисляют в годах, труднее измерить время в космосе. Человек, который много путешествует, стареет не так быстро, как тот, кто привязан к земле. Я не знаю, сколько лет было Вондару, если судить по накопленным им знаниям, больше, чем моему отцу. Мы побывали далеко от Ангкора, но через некоторое время оказались там снова.

Не прошло и дня с момента моего возвращения к родному очагу, как мне стало ясно, что многое переменялось. Фаскил стал старше. Если я смотрел сначала на него, а потом на своё отражение в блестящем зеркале матери, мне казалось, что он был рождён первым. Кроме того, приняв на себя обязанности помощника отца, он стал более самоуверенным и даже в его присутствии сам всём распоряжался. А Хайвел Джорн не делал ни малейшей попытки поставить его на место.

Сестра вышла замуж. Её приданого оказалось достаточно, чтобы привлечь, к огромному удовлетворению матери, внимание сына консула. Хотя она исчезла из дому, словно никогда в нём не жила, мать так часто повторяла «моя дочь — жена сына консула», что казалось, сестра превратилась в неотступный призрак.

Мне больше не были рады в этом доме. Фаскилу по большей части удавалось скрывать, насколько он недоволен моим возвращением, но если я появлялся в магазине, он делался чрезмерно предупредительным в обращении с покупателями, хотя ничто в моём поведении не подтверждало его подозрений, будто я собираюсь занять его место. Когда-то я считал лавку самым интересным местом на свете, но столько возможностей открывалось передо мной в иных мирах, что теперь мне казалось скучным потратить на неё всю жизнь, и я не понимал, почему отец сделал такой выбор.

Он оживленно расспрашивал меня о наших странствиях, и я проводил почти всё время в конторе, не без гордости рассказывая обо всём, что узнал. Время от времени он сбивал мою спесь метким замечанием, чем приводил меня в замешательство, и было ясно, что почти всё это ему уже известно.

Однако когда прошёл первый порыв энтузиазма, я понял, что если отец и слушал меня, он слышал или старался услышать совсем иное в потоке моего красноречия. За интересом, а в том, что это был интерес, я не обманывался, он прятал озабоченность делами, не связанными с моими открытиями. Он не упоминал о кольце из космоса, а мне тоже почему-то не хотелось заводить о нём разговор. Он ни разу не достал эту драгоценную вещицу, чтобы, как бывало раньше, поразмышлять над ней.

И не прошло и четырёх дней с момента моего возвращения, как тени, нависшие над домом, сгустились.

На праздники все магазины, и наш в том числе, закрывались. Горожане развлекались с роднёй и друзьями, собирались то в одном доме, то в другом. Вечером, за столом, мать с гордостью рассказывала о поездке к Дарине, о приглашении совершить развлекательное путешествие по реке с самим консулом на его собственном катере.

Когда она закончила, отец покачал головой и заявил, что остаётся дома. Возможно, с годами мать стала более уверенной в себе, однако, не помню, чтобы она пыталась возражать отцу.

Но на этот раз она взорвалась и заявила, что он может поступать как ему заблагорассудится, а все остальные поедут. Он согласился, и, таким образом, я оказался на катере в компании людей, казавшихся мне весьма скучными. Мать сияла от удовольствия и лелеяла новые надежды. Фаскил не отходил от племянницы консула, однако, по моему, эта девица со многими молодыми людьми обменивалась улыбками, и те из них, которые приходились на долю моего брата, были не слишком любезны. Я же сопровождал мать и, возможно, доставил ей некоторое удовольствие тем, что благодаря моему знанию света,

консул выделил меня и спросил пару раз об иных мирах.

По мере того, как катер скользил вниз по реке, во мне росло беспокойство, я постоянно думал об отце и о том, кого он ждёт в закрытом магазине. Он намекнул мне, что у него есть веские основания желать, чтобы в этот день дома никого не было и он мог спокойно встретиться с одним человеком.

У нас и раньше бывали посетители, о которых отец не рассказывал, некоторые из них прикрывались темнотой, как плащом, и приходили и уходили, так никому и не показав своего лица. Властям, вероятно, было известно, что он торговал вещами сомнительного происхождения, но никто не пытался выступить против него. У Воровской Гильдии длинные руки, и она всегда защищает тех, кто служит ей. Возможно, отец откупился от главарей, но можно ли порвать связь с Гильдией? Ходят слухи, что нет.

И всё же на этот раз что-то в поведении отца смущало меня. Он ждал и одновременно боялся предстоящей встречи. И чем больше я думал об этом, тем больше мне казалось, что страх, если это можно назвать страхом, преобладал. Очевидно, путешествия, как и предполагал отец, обострили во мне чувствительность, которой не обладали другие члены семьи.

Во всяком случае, перед закатом я покинул катер, сказав, что мне надо встретиться с Вондаром: мать не поверила этой отговорке. Я нанял лодку, идущую в порт, и велел перевозчику поторапливаться. Однако река была так забита отдыхающими, что мы еле ползли: я сидел, застыв в неудобной позе, сжимая руки и мысленно подгонял лодку.

Но высадившись на берег, я снова оказался в людской толпе и стал, еле сдерживая нетерпение, пробираться вперёд, за что меня не раз обругали и облили душистой водой. Вход в магазин был по-прежнему заперт, и я прошёл через маленький садик к задним дверям.

Не успел я нащупать дверной замок и приложить большой палец к запору, как внезапно мною с новой силой

овладела тревого, преследовавшая меня ранее. В комнатах было холодно и темно. Я остановился перед дверью, ведущей в магазин, и прислушался. Если отец всё ещё разговаривает со своим таинственным посетителем, он не поблагодарит меня за то, что я ворвусь к ним без спросу. Но оттуда не доносилось ни звука, и никто не ответил мне, когда я постучал.

Я толкнул дверь, однако она лишь чуть поддалась, и мне пришлось навалиться на неё плечом, чтобы проложить себе дорогу внутрь. Я услышал скрежет и увидел, что вход забаррикадирован отцовским столом. В отчаянии я нажал сильнее и оказался в совершенно разорённой комнате.

В кресле сидел отец, верёвки, удерживавшие его, были пропитаны кровью. Его глаза сверкали от ярости, словно он не желал смириться с тем, что с ним произошло. Но это была ярость мёртвого человека. Вокруг всё было перевернуто вверх дном, некоторые коробки разбиты в щепки, как будто кто-то выместил на них свою злобу, не найдя того, что искал.

В различных мирах существуют различные верования относительно смерти и того, что наступает за ней. Некоторые из них, вероятно, соответствуют истине. У нас нет никаких доказательств ни за, ни против. Когда я вошёл, отец был мёртв, зверски убит. Но, возможно, его желание, его потребность отомстить, рассказать обо всём случившемся витала в комнате. Я сразу же нашёл, что послужило причиной его смерти.

Пройдя мимо него, я нашёл незаметный резной завиток на стене и приложил к нему палец, как он учил меня. Тайник с трудом, но открылся, должно быть, прошло немало времени с тех пор, как его отпирали в последний раз. Я вынул мешочек, нащупал кольцо, вытащил его и протянул отцу, словно он мог увидеть его и убедиться, что оно у меня, и пообещал ему искать то, что он искал, и найти, таким образом, тех, кто убил его. Кольцо, без всякого сомнения, могло пролить свет на тайну его гибели.

Но это была не последняя утрата, ожидавшая меня на Ангкоре. После того как прибыли представители властей,

и собравшиеся члены семьи дали свои показания, та, которую я всегда называл своей матерью, повернулась ко мне и быстро, как будто опасаясь, что её прервут, проговорила резким голосом:

— Хозяин всему — Фаскил. Он — моя плоть и кровь, наследник моего отца, который владел здесь всем до того, как появился Хайвел Джорн. В этом я готова присягнуть перед консулом.

Я всегда знал, что она больше любит Фаскила, но теперь в её словах прозвучал такой холод, что я растерялся. Она продолжала, и всё стало ясно:

— Ты, Мэрдок, всего лишь приёмный сын. Но ты должен быть благодарен мне, тебя в этом доме никогда не обижали. И никто не сможет сказать, что это не так.

Приёмный сын, один из эмбрионов, отправленных из густонаселённых миров на отдалённые планеты с тем, чтобы сделать популяцию более разнообразной, усыновлённый и воспитанный местными жителями.

То, что я был не родным для неё, не слишком меня взволновало. Но я не был сыном Хайвела Джорна — это было ужасно. Мне кажется, она прочитала эту мысль в моих глазах и отпрянула от меня. Но она зря боялась неприятностей. Я повернулся и ушёл, и больше никогда не возвращался ни в эту комнату, ни в этот дом, ни на Ангкор. Я не взял с собой ничего, кроме кольца из космоса, оставленного мне в наследство.

Глава 3

Проснувшись, я обнаружил, что факел, который я зажёл при входе в святилище, с шипением догорит. Что там сказал голос? Мне разрешено оставаться здесь до тех пор, пока не погаснет четвёртый факел. Я посмотрел на пол. Там лежало ещё три. Я встал, вытащил тлеющий факел из кронштейна и вставил на его место другой.

Четыре факела, а что потом? Меня снова вытолкают на улицу Кунги? Время от времени я ронял этот вопрос в пустоту, но не получал никакого ответа. Я дважды возоб-

новлял поиски, пытаясь найти хитро замаскированный выход. Во мне росло разочарование. Судя по моему хронометру, я провёл здесь половину ночи и часть следующего дня. Я высчитал, что четырёх факелов хватит примерно на трое суток. Но задолго до окончания этого срока взлетит корабль, на который мы с Вондаром купили билеты. Капитан не будет беспокоиться, если мы ими не воспользуемся. Оказавшись на планете, пассажиры сами несут за себя ответственность. Капитан, конечно, попытался бы спасти члена своей крепко спаянной команды: ведь они связаны узами не менее прочными, чем в клане или семье, но посторонним он не стал бы помогать.

Есть ли у меня хоть малейший шанс? Может быть, за мной наблюдают? Как хранители этого места узнают, что факелы уже догорели? Или с годами они привыкают к своим обязанностям и знают, когда приблизительно это должно произойти? Какие цели они преследуют? Что получают за свои услуги? Возможно, в храме примут дары, принесённые богу; мне это убежище всё ещё представлялось каким-то религиозным учреждением.

Я снова лёг на кровать и повернулся лицом к стене. Мне хотелось верить, что за мной следят. Это была моя последняя надежда. Поэтому я действовал наощупь. Два кармашка на потайном поясе. Лежащие там драгоценные камни скользят между пальцами. Я сжал их в кулаке и замер, притворившись спящим.

Лучшие из наших камней Вондар запер в корабельном сейфе. В конце концов они попадут по месту отправления, в кладовую ювелира, и будут ждать там того, кто никогда уже не придёт за ними.

Те, что оставались у меня, не представляли собой ценности, во всяком случае, на внутренних планетах. Но здесь два из них могли показаться весьма соблазнительными. Оба были плодами моей собственной коммерческой деятельности: один — маленький резной кристалл в виде головы демона с глазами из рубинов и клыками из жёлтого сапфира, причудливая антикварная вещица. Возможно, в этом мире оценят именно мастерство резчика. Вторым был

амулет из красного гагата, один из тех, что люди с Гамбула держат в руках, когда говорят о делах. Прикосновение к нему вызывает ощущение умиротворённости, и, возможно, они не напрасно выбрали такой способ снимать напряжение.

Сколько стоит человеческая жизнь? Я мог бы вывернуть свои карманы наизнанку, но знал, что мне надо оставить кое-что про запас, на случай, если мой план удастся. Остановив свой выбор на этих двух камнях, я повернулся и сел. Новый факел светил ярче старого.

Маленький столик; я взглянул на него, затем пересёк комнату, сел на табуретку рядом с ним и выложил камни на стол. На этот раз я не стал просить, а повёл себя как торговец, предлагающий сделку.

— Говорят, всему есть своя цена, — начал я, словно обращаясь к человеку, сидящему напротив. — Один продаёт, другой покупает. Я — чужой на вашей земле, на вашей планете Танф. Я невиновен, но меня преследуют. Мой друг и хозяин мёртв, он тоже был не повинен ни в чём, но его убили. С каких это пор зеленорясые пытаются ублажить своего господина, преследуя иноверцев? Разве не сказано, что тот, кто принесён в жертву насильно, не угоден высшим силам?

Да, я совершил убийство, но сделал это, защищая себя, и готов, если потребуется, заплатить выкуп за пролитую кровь. Но — помните — я из иного мира, и нельзя преследовать меня по законам вашей земли, раз я не нарушал их сознательно и злонамеренно, за всё содеянное я отвечаю только перед своими властями.

Слушает ли меня хоть кто-нибудь? Или Танф лежит так далеко от цивилизованных миров, что они могут пренебречь законами Конфедерации? Что значит для жрецов местного божества порядок, установленный на расстоянии многих световых лет от них? Я также не тешил себя надеждой на то, что смерть Вондара заставит какую-нибудь флотилию прийти в движение, чтобы призвать к ответу жителей Танфа. Путешествуя по отдалённым звёздным трассам, мы рисковали ничуть не меньше, чем вольные торговцы.

— Я заплачу выкуп за пролитую кровь, — повторил я, сдерживая растущее нетерпение, заставляя себя говорить спокойно. Я раскрыл ладонь и показал амулет.

— Этот камень имеет особые достоинства. Тот, кто держит его в руках во время разговора или размышляя о важных вещах, сохраняет спокойствие и ясный ум. — Я украшал свою речь цветистыми оборотами, свойственными речи местных жителей, стараясь употреблять слова, характерные для состоятельных людей. Подобные мелочи подчас имеют огромное значение.

— К этому могущественному камню я ещё добавлю талисман, — теперь я выставил на обозрение резной кристалл, расположив его так, чтобы злобная физиономия оказалась сверху. — Как видите, на нём изображено лицо Амфала (на самом деле он был из другого мира, там этот кошмарный демон неизвестен. Но он настолько походил на виденные мной изображения Амфала, что вполне мог сойти за него). Достаточно прикрепить его к своей налобной повязке — и можно не бояться гримас красноглазого. Ибо, разве не обратится Амфал в бегство при виде своего собственного лица? Двойную цену плачу я за пролитую кровь, даю камень, который делает человека мудрым, и камень, способный защитить от того, кто прилетает по ночам на крыльях северного ветра.

Стараясь не думать о том, что, возможно, я обращаюсь к глухим стенам комнаты, и нет никого, кто бы наблюдал за мной, я продолжал:

— В вашем порту стоит корабль вольных торговцев. Я плачу вам выкуп, а взамен прошу лишь предоставить мне возможность переговорить с капитаном.

Потом я молча сидел, разглядывая лежащие на столе камни, надеясь уловить хоть малейший звук, который мог бы служить подтверждением того, что я был услышан. Мне по-прежнему не верилось, что убежище предоставляется лишь на короткое время, и что те несчастные, которые побывали здесь до меня, не нашли спасительного выхода.

Я услышал щелчок или мне показалось? Мог ли я поверить, что действительно услышал этот звук? Он раз-

дался за моей спиной. Я выждал немного, встал и подошёл к нише как будто для того, чтобы напиться из кувшина. За ним, в маленькой корзинке, лежал кусок плоского пирога; раньше его здесь не было. Я снова поднял соблазнявший меня колокольчик и приготовился позвонить, но тут моё внимание привлекла корзинка. Она была сдвинута с места, и на полке остались пыльные следы. По их виду легко было определить, что один из камней в стене поворачивался.

Безусловно, шелчок мне не померещился. В стене действительно было отверстие, и через него за мной наблюдали. Мне принесли еду. Пирог крошился и пах творогом. На мой инопланетный вкус он был отвратителен, но всё же я съел его. Голод — не тётка.

Ничего нет труднее, чем ждать, но я сделал всё, что мог. Факел догорел, и я собирался поставить на его место новый, когда в дверном проёме без всякого предупреждения появился человек. Я потянулся к лазеру, но он взял меня на прицел раньше, чем мне удалось нащупать приклад.

— Не двигаться! — приказал он на Бэйсике, заходя в комнату. Мне бросился в глаза китель со шкиперским значком у ворота. — Подними руки!

Это был иномирянин в форме вольного торговца. Я затаил дыхание. Пока всё, о чём я просил, было выполнено.

— Чего ты хочешь от нас? — Его глаза пристально, без всякого сочувствия смотрели на меня. — Отвечай. — Он говорил отрывисто и неохотно, словно пришёл ко мне не по своей воле и повсюду чувал опасность.

— Мне нужно место на корабле, — я свёл свой ответ к короткому заявлению.

Он сделал шаг назад, прислонился к стене и устало взглянул на меня. Мало быть просто купцом, чтобы стать шкипером на корабле вольных торговцев. Да, считается, что он — торговец, а не воин, но он не должен успокаиваться и жиреть, утрачивая быстроту реакции.

— Тебя разорвут на части, как только ты выйдешь на улицу, — возразил он. Его лазер всё ещё был нацелен мне

в грудь. Не похоже было, чтобы я разжалобил его. Вольные торговцы держатся друг друга, корабль — их родной дом. Я же не был членом их клана.

— Послушайте, шкипер, — до сих пор я ничего от него не добивался, и теперь мне нужно было показать умение вести переговоры, если я хотел спасти свою жизнь. — Что вам известно обо всём этом?

— Что ты оскорбил одного священнослужителя и убил другого.

— Я — торговец драгоценностями, в последнее время был учеником у Вондара Астла. Вы слышали о таком?

— Слышал. Он ведёт широкую торговлю. И что с того? Разве здесь, в Кунге, это может послужить тебе оправданием?

— Мне не в чем оправдываться. — Что сказать, чтобы он мне поверил? — Вы же не считаете, что человек, будучи в здравом уме, способен разворошить осиное гнездо? Мы закончили все свои дела, взяли билеты на «Войрингер» и зашли в таверну «Пятнистый Вурон». Тут ворвались зеленорясые и установили этот чёртов волчок со стрелкой. Мы — иномиряне, и поэтому считали себя в безопасности. Готов поклясться, что когда стрелка остановилась, она указывала прямо между нами. И тут зеленорясые двинулись на нас.

— Почему? — я заметил недоверие в его глазах. — Они не играют в эти игры с иномирянами.

— Но, шкипер, мы тоже так думали. Однако это правда. Вондара зарезали, когда он попытался оказать сопротивление. Я сжёг священнослужителя и, оказавшись рядом с дверью, выскочил на улицу. Я слышал об этом святилище и вот...

— Скажи мне, что изображено на личном знаке Вондара Астла? Ставлю тебя в известность: мне доводилось его видеть, — он говорил, как стрелял из лазера.

— Опаловый полумесяц и между его рогами печатка — голова грифона из огневита, — быстро ответил я, хотя и удивился, откуда этому вольному торговцу известен знак магистра гемологии, который показывался только равным по рангу.

Он кивнул и сунул лазер в кобуру.

— Какого врага нажил себе здесь Астл?

В убежище у меня было достаточно времени на размышления, и я тоже задавал себе этот вопрос. Тот, кто жаждал мести, вполне мог подстроить убийство моего хозяина. Предполагается, что демон выбирает свою жертву сам, без помощи служителей культа, но ходят слухи, что смертные иногда помогают ему в этом. Возложив соответствующие дары к его алтарю, можно сделать так, чтобы жертвоприношение было угодно не только зеленорясым и их господину. Но мы не ссорились с властью имущими. Мы посетили Хамзара, осмотрели его товары и купили то, что Вондар счёл необходимым, поделились с ним новостями. Затем побывали на базаре у кочевников и поторговались из-за необработанных кристаллов, которые они добывают в соляных пустынях, но обе стороны остались довольны сделкой. Никакой связи с обрушившимся на нас несчастьем! Я вынужден был признать это, хотя был бы рад, если бы всё объяснилось так просто.

— Это не обязательно связано с вашими делами на Танфе, — ответил шкипер. Он смотрел на меня, как будто ждал, что я скажу ему, кто убил Вондара и почему. Мгновение спустя он продолжил:

— Некоторые удары могут быть направлены издалека. Впрочем, будешь ли ты мстить за своего хозяина или нет — твоё дело. Конечно, если тебе удастся выйти отсюда живым. Чего ты хочешь от нас? Ты просишь взять тебя с собой. Но как?

— Решайте сами, — возразил я. — Я оплачу место на корабле и проезд до ближайшей планеты, на которой есть пассажирский порт. И не говорите, — тут я решил поднажать, терять мне было нечего, всё и так висело на волоске, — что вы не сможете освободить меня, даже если захотите. Всем известно могущество вольных торговцев.

— Мы заботимся только о своих. Ты — не наш.

— Вы заботитесь ещё и о своём грузе. Примите меня в качестве груза, ценного груза.

Он внезапно улыбнулся:

— Разве что груза, — улыбка исчезла с его лица, и он, прищурившись, уставился на меня, как будто под его взглядом я действительно мог превратиться в ящик или тук, который можно положить в трюм корабля.

— Ты сказал, что заплатишь, — он снова оживился, — сколько и чем?

Я отвернулся и пошарил в кармашке на потайном поясе. Затем показал ему то, что было у меня в руках; камни вспыхнули в свете факела. Прибыль за полгода от осмотрительной самостоятельной торговли: два камня, практически идеально подходящие друг к другу, — глаза Килема, золотисто-алые с зелёными искорками в глубине. Если смотреть на них долго, цвет начинал меняться. Нет, это, конечно, не состояние, но если продавать их с умом, за них можно получить столько же, сколько не слишком везучий торговец зарабатывает за всю поездку. Больше мне нечего было предложить, и я понял, что он догадался об этом.

Он не стал торговаться и хаять мой товар. Не знаю, была ли у него хоть капля сочувствия ко мне, но он взглянул на камни, затем на меня, кивнул и, протянув руку, накрыл их ладонью, показав тем самым, что знаком также и с правилами нашей торговли. Вольные торговцы не упустят никакого товара и торгуют всем понемногу.

— Идём!

Я оставил свои подношения на столике и вышел вслед за ним из комнаты. Меня удовлетворило то, как они выполнили свою часть уговора. Мы снова оказались в проходе, в котором ночью горели факелы, но теперь они были погашены, и сквозь глазные отверстия чудовища на двери пробивался дневной свет. Шкипер нагнулся, поднял лежавший на полу свёрток, встряхнул его и показал мне поношенную форменную одежду и фуражку.

— Надень это.

Я рассмеялся, чувствуя лёгкое головокружение.

— Похоже, вы всё приготовили заранее, — сказал я, натягивая через голову китель и заваривая его по поясу и у ворота. Он был мне мал, но не слишком.

— Приготовил, — он запнулся. — До нас дошли слухи.

И наш капитан знал Астла. Когда нам сообщили о тебе, он заинтересовался и послал меня.

Он сжал губы, давая мне понять, что больше из него ничего не удастся вытянуть. Я был окрылён свидетельством того, что он пришёл с целью спасти меня, хотя по-прежнему предпочёл бы появиться в дверях с оружием в руках.

Мы пошли другой дорогой, вольный торговец круто свернул к стене слева и хлопнул по ней ладонью. Такого удара было недостаточно для того, чтобы тяжёлый камень пришёл в движение, тем не менее он сдвинулся, открыв ещё один узкий проход, и шкипер уверенно шагнул в него, предоставив мне следовать за ним. Когда камень за нашей спиной вернулся на место, мы оказались в густой темноте, вызвавшей у меня неприятные воспоминания о переулках, по которым я до этого спасался бегством.

Проход был очень узок, так что мы даже задевали плечами за стены. Мой проводник внезапно остановился, и я налетел на него. Раздался щелчок, и всё вокруг залило ярким светом.

— Идём, — он протянул руку и потащил меня за собой. Я моргал и шурил глаза, ослепшие от яркого солнца. Мы очутились в другом переулке, вдоль стены которого тянулись баки с отходами. Какие-то твари копошились в грязи и прыскали в стороны из-под наших башмаков, одна из них зашипела на янущего её шкипера, тот грязно выругался. Шесть торопливых широких шагов, и мы выскочили на улочку почище. Я старался не оглядываться и боролся с желанием пуститься бегом. Приходилось притворяться беззаботным и приноравливаться к походке шкипера.

Наконец ворота порта остались позади. Как я и думал, «Войрингер» уже взлетел, и там оставался только корабль вольных торговцев, который стоял, упёршись стабилизатором в выжженную землю. Шкипер схватил меня за рукав.

— Кажется, опасность.

Но я уже заметил яркие рясы, кишащие вокруг корабля. Нас ожидала торжественная встреча. Возможно, они рас-

считывали, что загнанному иномирянину некуда больше бежать, как на единственный оставшийся в порту корабль.

— Ты пьян, сошёл с корабля и напился, — прошипел мне шкипер, совсем как та тварь из переулка. — Это должно помочь. — Я видел, что он собирается ударить меня, но не успел отскочить в сторону. Я почувствовал резкую боль в подбородке и, должно быть, тут же упал и отключился, потому что на этом мои воспоминания о Танфе обрываются.

В голове стучали ювелирные молоточки, медный обруч сжимался всё туже. Я не мог даже рукой шевельнуть, чтобы прекратить эту пытку. Потом меня окатили водой, и я стал, задыхаясь, глотать воздух; на какое-то мгновение стук молоточков утих. Я с трудом разжал веки.

Передо мной предстало чьё-то лицо, два лица, одно — очень близко, другое, расплывчатое, — гораздо дальше. То, что вблизи, было покрыто шерстью, с золотисто-зелёными глазами, на стоячих ушах виднелись кисточки. Существо открыло черногубый рот, и я увидел клиновидное пространство, усаженное клыками, и гибкий шершавый язык. Это лицо было очень маленьким.

Теперь приблизилось то, что побольше, и я попытался сосредоточиться на нём. Оно было покрыто космическим загаром, волосы коротко острижены; во всём остальном похоже на лицо любого члена экипажа, невыразительное, без определённого возраста.

Я услышал слова:

— Ну вот ты снова с нами.

Снова? Снова где? Что-то лениво шевельнулось в памяти — в святилище? Нет! Я попытался сесть, но голова пошла кругом, и меня затошнило. Однако, когда я, подталкиваемый грубыми руками, опять растянулся на кровати, то почувствовал вибрацию, которая не могла бы сотрясать стены Кунги, — я был на борту корабля, и он уже взлетел. Как только я понял это, меня охватило чувство такого огромного облегчения, что я вновь погрузился в полусон-полузабытьё.

Так я оказался на борту «Вестриса». Шкипер действи-

тельно ударил меня по голове, чтобы пронести на корабль, выдав за своего пьяного помощника. Но, должно быть, те, к кому он применял силу раньше, были сделаны из другого теста, потому что я находился в бессознательном состоянии дольше, чем хотелось бы врачу. Когда я, наконец, полностью стал воспринимать окружающее, то обнаружил, что лежу в тесной амбулатории, в которую обычно кладут тяжелобольных. Через некоторое время я встретился с капитаном Айзараном. Как и все вольные торговцы, он родился на корабле, воспитывался на корабле и принадлежал к тому типу людей, что всё больше и больше отличаются от тех, чья жизнь проходит на планетах. До этого я лишь изредка встречался с вольными торговцами и обнаружил, что при таком близком знакомстве с ними чувствую себя крайне неловко. Я рассказал ему свою историю, и он выслушал меня, затем спросил, кто мог бы желать смерти Вондара Астла, но я не смог ему ответить. Я был уверен, что между моим хозяином и капитаном в прошлом существовала какая-то связь. Но Айзаран не упоминал об этом, а я не осмелился спросить. С меня было достаточно того, что он отвезёт меня в другой мир, где я смогу установить контакты с людьми, знавшими меня как ученика Вондара.

Путешествовать в открытом космосе весьма скучно, поэтому у меня было время составить планы на будущее. Члены экипажа обычно изобретают себе разные занятия, чтобы не бездельничать, а мне оставалось только думать, и мысли мои были настолько неприятны, что мне не хотелось бы подробно останавливаться на них.

У Астла были связи во многих мирах и, вполне вероятно, нашлось бы два-три человека, которые охотно предоставили бы мне возможность открыть дело на какой-либо планете. Но я разбирался в камнях как торговец, я не был ювелиром и не стремился к осёдлому существованию. Мне слишком пришёлся по вкусу образ жизни Вондара. Кармашки моего потайного пояса практически опустели, и мне нужно было добраться до ближайшего порта, чтобы

взять денег из прежних запасов. Кроме того, мои сбережения были весьма ограничены. Один я не смогу продолжать дела. А вондаров астлов, к которым я мог бы пойти в обучение, было очень мало, если только они вообще были.

И ещё, что кроется за смертью Вондара? Я пришёл к твёрдому убеждению, что убийство было подстроено, и не одними только зеленорясыми. Но сколько я не перебирал свои воспоминания, мне не пришёл в голову ни один случай, который мог бы дать кому-либо повод желать его смерти. А возможно, и не только его, потому что зелено-рясые напали на нас обоих.

Уже во второй раз я стал свидетелем внезапной гибели близкого мне человека. Я снова подумал об отце, вернее о том, кого всегда буду считать своим отцом, потому что он обращался со мной так, как будто я был его плотью и кровью. Он предвидел, что произойдёт после его смерти, и устроил моё будущее лучшим, как ему казалось, образом. Кто был у него в тот день? А космическое кольцо? Я нашарил последний, самый глубокий кармашек потайного пояса, но не открыл его, только прошупал сквозь него очертания кольца с тусклым камнем. Действительно ли убийца отца искал именно его? Если да, то почему? Нет, я по-прежнему не видел никакой связи с событиями, произошедшими на Танфе. Всё, найденное на теле жертвы, переходило в собственность зеленорясых и подноси-лось ими смертоносному демону. Если бы я стал их жертвой, кольцо не досталось бы никому, кроме них.

У меня было мало фактов, и я мог до бесконечности строить различные гипотезы, без всякой надежды узнать, какие из них были близки к истине. Хотя со временем, когда я начну зарабатывать себе на жизнь, мне всё равно придётся выяснить, что послужило причиной гибели Вондара. Я ведь был связан с ним настолько тесными узами, что, возможно, я буду вынужден сначала отомстить за него.

Я был всё ещё далёк от решения своей двойной проблемы, когда «Вестрис» приготовился к посадке, но не на ту планету, куда я стремился, а в одном из отдалённых миров.

Шкипер Остренд не стал распространяться о причинах, заставивших их приземлиться здесь. На наш взгляд, тут было жарковато и слишком много буйной растительности. Местные жители происходили от лягушек и не были гуманоидами. Они торговали лекарственным веществом, получаемым путём ферментации сока определённых растений. Для обмена «Вестрис» привёз икру ракообразных. Их разводили в садках и считали деликатесом.

— Это может тебя заинтересовать, — Остренд вынул из рундука три предмета и расположил их на откидной доске.

Розовато-лиловые, они напоминали крошечные фигурки. Я вытащил лупу, чтобы рассмотреть их поближе. Это действительно были фигурки, странные и причудливые, как изображения демонов, созданные воображением художников Танфа. Они казались перламутровыми, хотя и не были вырезаны из него. Я таких раньше не видел. Это были забавные вещицы, которые могли понравиться собирателям редкостей.

— Тут есть некий Сальмскар, плантатор. Он ставит эксперименты с раками-мутантами. На этом здесь держится наша торговля. Всё так быстро мутирует, что уже на следующий год не даёт породистого приплода. Он вводит в тело мутанта крошечное металлическое зёрнышко, а через три-четыре года получается вот такая штука. Для него это не больше, чем увлечение. Но ты можешь купить партию, если найдёшь это выгодным.

Я знал вольных торговцев и то, как ревниво они охраняют тайны происхождения своих товаров. Если бы мутантные жемчужины представляли собой какую-нибудь ценность, Остренд не сделал бы мне такого предложения. А вдруг это проверка или ловушка? Теперь мне повсюду мерещились опасности. Похоже было на то, что он подстрекает меня к нарушению корабельных законов. Но об этом я ему, конечно, не сказал. Ещё одна маленькая тайна вдобавок к остальным. Я проявил непритворный интерес и даже подумал о том, что можно было бы предложить взамен, хотя и не собирался ни пускать в ход немногие из оставшихся у меня ценностей, ни торговать без полного на то согласия моих теперешних спутников.

Глава 4

Вольные торговцы ведут замкнутый образ жизни и не общаются с посторонними, поэтому я был предоставлен самому себе, если не считать одного члена экипажа, скрашивавшего моё одиночество. Я постоянно видел рядом с собой то самое покрытое шерстью существо, которое находилось возле меня, когда я очнулся. Корабельная кошка по кличке Валькирия считала меня важной персоной и проводила долгие часы, свернувшись на койке или на полу в отведённой мне каюте и наблюдая за мной.

Я не привык к обществу животных, и вначале её внимание раздражало меня, я никак не мог отделаться от странного ощущения, что в этих круглых немигающих глазах таится разум, который отмечает каждое моё движение, анализирует и оценивает меня и моё поведение. Однако со временем я стал терпимее относиться к ней, а под конец, когда выяснилось, что члены команды не склонны ни к каким проявлениям дружеских чувств, выходящих за рамки холодной вежливости, я обнаружил, что стал разговаривать с ней за отсутствием другого собеседника. Между собой вольные торговцы общались на своём собственном языке, которого я не понимал, и это делало бесполезной любую попытку следить за их разговором.

Вернувшись после беседы с Острендом в свою каюту, я обнаружил там Валькирию, непринуждённо растянувшуюся на моей койке. Это было красивое, гибкое создание, покрытое густой короткой шерстью, серебристо-серого цвета, с чёрными колечками на хвосте. Иногда она выражала свою привязанность ко мне, и сейчас, подняв голову, чтобы потереться о мою руку, она радостно замурлыкала. Я редко устаивался таких знаков внимания, поэтому был польщён и продолжал гладить её, обдумывая предложение шкипера.

Мы собирались в скором времени совершить посадку на планету неподалёку от той фактории, где люди с «Вестриса» бывали и раньше. Городов там не было, местные жители, склонные к кочевому образу жизни, странствова-

ли кланами по заболоченной местности вдоль рек. Несколько более цивилизованных и предприимчивых кланов обосновались неподалёку от тех мест, где они разводили ракообразных. Но это были лишь огороженные частоколом скопления непрочных хижин из обмазанного илом тростника.

Почти всё моё имущество осталось на Танфе. Теперь я произвёл инвентаризацию своих скудных пожитков, пытаюсь определить, есть ли среди них хоть что-нибудь, пригодное для обмена. Те дешёвые камушки, что ещё оставались в моём потайном поясе, нельзя было трогать, да и вряд ли они могли заинтересовать Сальмскара. Я пожалел о тюках, брошенных в гостинице, о багаже, отправленном с грузовым кораблём. Но что были эти мелочи по сравнению с тем, чего я действительно лишился на Танфе. В карманах было практически пусто. Я сказал об этом Валькирии, она зевнула, широко разинув рот, и легонько куснула меня за руку, давая понять, что ей надоели мои ласки.

Однако, когда мы сели на планету, я был рад возможности выйти на поверхность. Каждому путешественнику, если только он не связан с космосом так неразрывно, как член экипажа, приятно почувствовать твёрдую землю под ногами, да и астронавты иногда ощущают такую потребность.

Запах, который ударил нам в нос, едва мы спустились по сброшенному вниз трапу, был посильнее, чем от выжженной соплами земли: воняло какими-то химическими веществами, да так, что мы чуть ли не задохнулись. Остренд сказал, что туземцы любят селиться в этом краю вулканов и горячих источников, и тут мы разглядели скалы причудливой формы, изъеденные водой и испарениями. Время от времени клубы отвратительно пахнущего пара вырывались из отверстий в земле.

За полосой этой истерзанной земли виднелась голубоватая листва болотной растительности. Ручейки, вытекавшие из кальдеры, с плеском впадали в жёлтые воды реки. Пар, в особенности в сочетании с ядовитыми запахами, был горяч и удушлив. Кашляя и чихая, мы пробирались в поисках деревни по тропинке, ведущей по берегу реки.

Наконец Остренд остановился, прижав лоток рукой в бедро, и огляделся с нескрываемым замешательством. После его рассказа я и не ожидал увидеть настоящие дома, но то, что предстало нашему взору, было скорее заброшенными развалинами, чем даже самым примитивно построенным укрытием.

Из облаков дурнопахнущего тростника кое-где возвышались буторки, ил, покрывавший их, высох и отваливался огромными кусками. Среди этого беспорядка не было заметно никакого движения, потом нечто, напоминавшее скорее ящерицу с кожистыми крыльями, чем птицу, с клёкотом взмыло вверх и, неловко хлопая крыльями, полетело через реку. Торговцы сгрудились вокруг Остренда и стали озиаться, словно внезапно почувствовали опасность.

Шкипер достал из-за пояса тоненький металлический прутик. Под его пальцами он становился всё длиннее и длиннее, пока не превратился в шест высотой в два его роста. Прикрепив к верхнему концу шеста ярко-жёлтый флажок, он воткнул его в вязкий ил на берегу реки. Из разговоров я понял, что, судя по всему, деревня была покинута уже давно, и нам не остаётся ничего другого, как ждать возвращения местных жителей, если только они вообще собираются вернуться. «Вестрис» прилетал сюда довольно регулярно, так что это было вполне вероятно, однако какое-нибудь бедствие могло нарушить привычный ход событий.

Капитан Айзаран не слишком этому обрадовался, хотя и воспринял происходящее по-философски, как и подобало истинному вольному торговцу. Его корабль не придерживался определённого расписания движения, но всё же время стоянки на каждой планете было ограничено. Мы не могли задерживаться здесь слишком долго. Кроме того, неудача нарушала все его планы, и требовалось внести в них некоторые изменения, чтобы покрыть убытки, понесённые в этом рейсе.

Потом Остренд в течении нескольких часов совещался с капитаном, а остальные члены экипажа спорили о том,

что могло случиться, и по очереди дежурили у флажка. Я не принимал в этом участия и поэтому отправился осматривать окрестности, чтобы удовлетворить своё любопытство, но всё же не уходил далеко, боясь потерять из виду устремлённый в небо нос корабля. Вокруг не было ничего примечательного, кроме горячих источников, привлёкших поначалу моё внимание, но жар и запах от них были настолько сильны, что вскоре я потерял к ним интерес. Крылатая тварь, взлетевшая при нашем приближении к опустевшей деревне, была единственным замеченным мной живым существом. Даже насекомые здесь были крайне редки, либо по какой-то причине избегали близости корабля. Наконец я присел на берегу небольшого ручейка, берущего начало среди горячих источников и гейзеров, и решил проверить, нет ли в нём золотиносного песка, но не нашёл ничего стоящего в той грязи, что мне удалось зачерпнуть и промыть.

Правда, мне попались какие-то необычные, покрытые жёстким пухом зёрнышки тускло-чёрного цвета, похожие скорее на семена, чем на минерал. Однако, отделив их при помощи палочки от камней и песка, я обнаружил, что они необыкновенно твёрдые. Ударив по одному из них камнем, я не только не расколол его, но даже не повредил бархатистую поверхность. Они показались мне непохожими на семена или растительные остатки, поэтому я заинтересовался ими и разложил в ряд примерно дюжину, стараясь не трогать их руками. Природа устраивает на некоторых планетах опасные ловушки. Они были некрасивы и, скорее всего, не представляли собой никакой ценности. Но контраст между тем, какими мягкими они казались, и тем, какими твёрдыми были на самом деле, был настолько резким, что я отложил три из них для дальнейшего изучения. Есть драгоценные камни, которые нужно «чистить», срезая послойно непривлекательную внешнюю оболочку. Таким образом нечто весьма заурядное можно превратить в дорогую вещь. Мне смутно чудилось, что под этой пушистой поверхностью может скрываться подобная

неожиданность, но у меня не было ни инструментов, ни должного мастерства, чтобы выполнить эту работу.

Я заворачивал свою находку в кусочек гермопены, когда появилась Валькирия, ступавшая с присущей её виду уверенной грацией по берегу крошечного ручейка. Она приближалась, опустив нос к земле, как гончая, идущая по горячему следу, и явно вынюхивала что-то, привлекавшее её внимание. Затем она добралась до лежащих в ряд отвергнутых мной зёрен. Человеческий нос не улавливал их запаха, но было очевидно, что кошка его почувствовала. Обнюхав зёрна, она припала к земле и принялась лизать самое большое. Испугавшись за неё, я попытался отбросить его в сторону, но кошка, отпугнув меня молниеносным ударом выпущенных когтей, прижала уши к голове и глухо заворчала. Облизывая окровавленные пальцы, я отступил. Валькирия охраняла то, что казалось ей настоящим сокровищем, и вовсе не собиралась терпеть чьё бы то ни было посягательство на него.

Как только я отошёл, она снова принялась лизать зёрнышко. Время от времени она брала его в пасть и отходила немного назад, затем снова садилась и продолжала обрабатывать языком свою находку.

— Ну как, повезло? — Рядом со мной легла длинная тень молодого помощника Остренда.

— Что это? Ты видел их раньше? — спросил я, показав на пушистые камешки, разбросанные Валькирией.

Чизвит присел на корточки, чтобы разглядеть их получше.

— Первый раз вижу. Да и вообще, — он огляделся по сторонам, — этого ручья здесь раньше не было. Должно быть прорвало какую-нибудь грязевую яму. Постой-ка! Тебе не кажется, что так оно и было на самом деле: здесь произошёл газовый выброс? Он, вероятно, и распутал наших лягушек. Им нравится вонь и жара, но вряд ли они могли вынести газ.

— Возможно. — Было интересно выяснить, отчего пропали местные жители, но я стремился к другому. Мне

важно было получить сведения о камнях. Если они и не были камнями, я не знал, как ещё их называть.

— Ты сказал, что видишь их впервые, а Валькирия была с вами, когда вы высаживались здесь в прошлый раз?

— Да, она уже давно на корабле.

— И ты никогда раньше не видел, чтобы она так делала?

— Я показал на Валькирию, которая лежала, обхватив камень вытянутыми лапами, и сосредоточенно обрабатывала его языком.

Чизвит уставился на неё.

— Нет. А что она делает? Да она же лижет эту дрянь! Зачем ты его дал ей? — Он вскочил на ноги и шагнул по направлению к кошке. Валькирия не заметила его приближения, но почувствовала, что её сокровищу грозит опасность. Зажав его в зубах, она кинулась в сторону от корабля и мгновенно исчезла среди искорёженных скал.

Мы побежали за ней, но всё было напрасно, она, конечно, спряталась в какой-нибудь расщелине, где могла спокойно наслаждаться своей добычей. Чизвит набросился на меня с обвинениями, дескать я должен был отобрать у неё камень. Я показал ему окровавленную руку и рассказал о своей неудачной попытке. Явно растерянный, он стал обшаривать в поисках кошки каменистые склоны, не переставая звать и задабривать её.

Я же считал, что Валькирия появится не раньше, чем сама захочет, ведь независимость — отличительная черта кошек, но следовал за ним, заглядывая в каждую трещину, под каждый камень.

Наконец мы нашли её лежащей на небольшом выступе под нависшей скалой. Если бы она не покачивала головой, облизывая камешек, мы бы вообще её не заметили, настолько она сливалась с пористым камнем, на котором лежала. Чизвит, ласково подзывая её, опустился на колени и протянул к ней руку, но она прижала уши и зашипела, затем глотнула — и камень исчез.

Она никак не могла проглотить его! Выбранный ею камень был самым крупным из тех, что я выудил из ручья, и он был слишком велик, чтобы пройти по её пищеводу.

Однако в действительности, именно это и произошло, и мы оба были тому свидетелями. Она выползла из расщелины и села, облизываясь, словно только что хорошо пообедала. Когда Чизвит потянулся за ней, она пошла к нему на руки и, пока он нес её, поглаживала его лапами, громко мурлыкая с полузакрытыми глазами, и не выражала никаких признаков того, что камень, который она проглотила, причинил ей боль или застрял у неё в глотке. Чизвит пустился бежать к кораблю, а я, став на колени, внимательно осмотрел карниз, всё ещё надеясь, что камень мог куда-нибудь закатиться: мне не верилось, что он лежал в животе у Валькирии.

Но выступ серой скалы был пуст. Если бы камень откатился, он оказался бы сейчас прямо передо мной. Но его не было. Я даже просеял крупный песок между пальцами, но ничего не нашёл. Затем я провёл рукой по карнизу. В одном месте он был немного влажным, возможно, от слюны Валькирии. Едва я дотронулся рукой до этого места, как почувствовал головокружение и дурноту. Когда же я снова коснулся его кончиками пальцев, оно было уже лишь слегка влажным и быстро просыхало.

— Да говорю тебе, мы это сами видели! Она проглотила камень, странный чёрный камень! — Я услышал звонкий голос Чизвита ещё в коридоре на полпути к амбулатории.

— Посмотри на рентгеновский снимок, у неё ничего нет в пищевode. Она не могла его проглотить. Возможно, он откатился в сторону и...

— Нет, я проверял, — тихо сказал я, проходя в дверь.

Валькирия сидела на руках у врача и иступлённо мурлыкала, втягивая и выпуская когти. У неё был вид кошки, вполне довольной собой и окружающим миром.

— Тогда это был не камень, а что-то растворимое, — уверенно ответил док.

Я достал свою импровизированную сумку.

— Что вы скажете об этом? Она проглотила точно такой же. Я подобрал их в русле ручья.

Док осторожно опустил Валькирию на койку и дал мне знак, чтобы я положил мешочек на маленький лаборатор-

ный стол. При искусственном освещении пух на камнях стал гораздо заметнее. Док взял скальпель и дотронулся им до большего из камней, затем попытался поскрести его бархатистую поверхность, но кончик ножа только скользнул по камню.

— Я хотел бы заняться ими, — он смотрел на них так же пристально, как раньше Валькирия.

— Почему бы и нет? — Конечно, у него нет ювелирных инструментов, но, по крайней мере, он сможет сказать, из какого вещества они состоят. Он заинтересовался ими и сделает всё, чтобы сорвать с них покров тайны. Я снова взглянул на Валькирию. Стол, на котором лежали камни, был совсем рядом с нею. Захочет ли она взять ещё один? Вместо этого, она сонно растянулась во всю длину, её мурлыканье стало тише, как будто она засыпала.

Амбулатория была слишком тесной, поэтому я и Чизвит вышли, предоставив доктору возможность провести опыт. В коридоре помощник шкипера спросил:

— Какой величины была эта штука, когда она её подобрала?

Я показал ему.

— Они все овальной формы. Валькирия выбрала самый большой камень.

— Но в таком случае она не смогла бы его проглотить.

— Тогда куда же он делся? — спросил я, стараясь вспомнить те последние мгновения, когда мы ещё видели камень. Был ли он действительно таким большим? Может быть, она только ткнула носом в него, а взяла другой, поменьше? Но я пока ещё доверял своим глазам. Моим ремеслом было оценивать камни и их размеры. Пройдя обучение у такого мастера, как Вондар, я могу определить величину предмета и не прикасаясь к нему. Мы столкнулись с чем-то совершенно непонятным. Когда я попытался разбить эту штуку булыжником, у меня ничего не вышло.

— Она лизала его, пока он не стал меньше, — продолжал Чизвит. — Это какое-нибудь семечко или кусочек затвердевшей смолы. Она лизала его, лизала, и в конце концов оно растворилось. — Правдоподобное объяснение, но

насколько я мог судить, совершенно ошибочное. Итак, я столкнулся с загадочным явлением: Валькирия проглотила нечто, представлявшееся мне твёрдым, как камень, и слишком большим, чтобы пройти по её пищеводу. Возможно, док сумеет найти ответ.

На следующий день капитан послал маленький разведывательный флиттер, одноместный, но дальности его полёта было достаточно, чтобы обследовать прилегающий район. Бесплодное ожидание могло растянуться на несколько месяцев, а он не хотел терять время понапрасну.

Остренд, улетевший на нём, отсутствовал два дня. Вернувшись, он сообщил нам неутешительные известия: он не только не нашёл жителей покинутой деревни, но и вообще не видел туземцев. В долине реки исчезли практически все живые существа. Ему попало всего лишь несколько питающихся падалью летучих тварей, наподобие той, что мы спугнули в первый день. В остальном планета везде, куда ему удалось долететь, была напроочь лишена высших форм жизни, словно они тут никогда и не существовали.

Узнав об этом, вольные торговцы устроили совещание, на которое я не был допущен, и постановили вывалить бесполезный теперь груз ракообразных на старые речные плантации на случай, если местные жители ещё вернутся. Они также решили не спускать свой торговый флаг. Но дальнейший маршрут требовалось изменить, чтобы возместить понесённые на этой планете убытки.

Из этого следовало, как коротко объяснил мне Остренд, что моё путешествие на «Вестрисе» продлится дольше, чем ожидалось. Первым портом, где я мог бы сойти с корабля, был как раз тот, куда они собирались отвезти груз лекарственного сырья, но теперь они не будут туда заходить. По законам космоса человека, оплатившего проезд, не могли выкинуть на первой попавшейся планете, а должны были доставить хотя бы в захолустный порт с регулярным пассажирским сообщением. Мне придётся теперь ждать, в тоске и нетерпении, пока мы не доберёмся до такого места. А когда это случится, зависело от того, насколько Острен-

ду повезёт с грузом. Всё своё время он проводил у капитана, просматривая вместе с ним записи торговых отчётов и пытаясь найти способ возместить понесённые потери.

Что касается кошки, то по крайней мере поначалу было незаметно, чтобы проглоченный Валькирией предмет повредил ей. Док не оставлял своих попыток разгадать эту загадку и однажды появился в кают-компании измождённый, с кругами под глазами и явно чем-то смущённый. Он налил себе полчашки кипятку, добавил таблетку телячьего бульона и стал с таким отсутствующим видом следить за тем, как она растворяется в воде, словно перед ним был не привычный всем корабельный напиток, а нечто совсем иное.

— Ну что, док, совершили переворот в науке? — спросил я.

Он оглянулся на меня так, будто видел впервые.

— Я не знаю. Эта штука — живая.

— Но...

Он кивнул:

— Вот именно, что но. Это едва заметно, похоже на анабиоз. Я ничем не могу вскрыть оболочку, окружающую живой зародыш. И это ещё не всё. — Он замолчал и залпом выпил содержимое чашки. — У Валькирии будут котята, или не знаю, как их назвать.

— От камня? Но каким образом?..

Он пожал плечами:

— Не спрашивайте меня. Я знаю, что это противоречит всем известным мне законам природы. Она съела эту штуку, вы оба это подтверждаете. А теперь у неё будет котёнок, или не знаю что.

— И это ещё не всё, — добавил он, доливая воды в чашку. — Я съёг эти камни. И, возможно, мне стоило бы сделать то же самое с кошкой.

— Но почему?

На этот раз он бросил в кипяток две таблетки.

— Потому что, если всё это верно, она вынашивает не котёнка. Вполне вероятно, что только его нам на корабле

и не хватало. Я буду следить за ней. Когда наступит время... Ну, тогда я сделаю, что смогу. — Он в два глотка выпил вторую чашку и, выйдя из кают-компания, направился к капитану.

Вольные торговцы всегда смертельно боятся появления чудовищ. Рассказывают множество ужасных историй о кораблях, которые имели несчастье подобрать безбилетных пассажиров; позднее они превращались в летающие гробницы. Именно по этой причине, Валькирия и ей подобные пользуются такой любовью команды. Принимаются и другие меры: подозрительные грузы, например, подвергают действию иммунизирующего излучения. Но, несмотря на все предосторожности, время от времени на корабль проникает чужой. Иногда он оказывается совершенно безобидным существом, путается у всех под ногами и даже завоевывает всеобщие симпатии. Но слишком велика вероятность того, что подобный незваный гость может оказаться опасным.

Вольные торговцы, как правило, обладают иммунитетом к инопланетным болезням. Это важное и удобное качество основано на том, что эволюция шла параллельными, но различными путями. Но они весьма восприимчивы к ядам, укусам, нападениям живых существ.

Похоже, Валькирия, которая должна была быть нашим надёжным стражем, сама того не зная, впустила в крепость врага. Её заперли в маленьком больничном боксе, в импровизированной клетке. Но док говорил, что, как ни странно, она отнеслась к этому совершенно спокойно. Большую часть времени она спала, поднимаясь только, чтобы поесть и напиться. Она давала ухаживать за собой и казалась вполне довольной жизнью. Мы часто навещали её и строили догадки относительно того, кого она произведёт на свет.

Корабельное время отличается от планетарного; на протяжении многих столетий представители нашего вида привыкли вставать с рассветом, ложиться с закатом и следить за течением дня, поэтому мы условно исчисляем его в сутках. Приблизительно через четыре недели после

того, как мы взлетели с болотистой планеты, док ворвался в каюту, где отдыхали свободные от вахты члены экипажа, с известием, что Валькирия исчезла. Хотя поначалу она была очень беспокойной, как только корабль взлетел, её охватила такая апатия, что док совершенно утратил бдительность. Она ни разу не пыталась вырваться на свободу; тем не менее, когда он принёс ей еду и воду, дверь в клетку была распахнута, а пленница исчезла.

Пространство внутри корабля настолько ограничено, что, кажется, кошке, какой бы маленькой она ни была, практически некуда спрятаться. Однако мы обшарили все помещения от рубки и до запертых грузовых отсеков, а потом, мысленно обвиняя друг друга в невнимательности, снова по двое и даже по трое прошли по тому же маршруту, и не нашли даже следа той, которую искали.

Мы остановились в коридоре у кают-компаний, и тут Чизвит и младший инженер Стаффин набросились на дока с обвинениями в том, что он покончил с Валькирией. Они уже не владели собой, а я лишь теперь, услышав ярость в их голосах, понял, как много значила кошка для этих космических скитальцев. Док напрочь отрицал свою вину: да, он действительно собирался исследовать детёныша, который должен был родиться у Валькирии, но самой кошке ничего не угрожало. Он-то и натравил их на меня, заметив со злобой, что я не только позволил проглотить ей камень, но и принёс ещё несколько штук на корабль.

Как развивались бы события дальше, не знаю, но тут по лестнице неторопливым шагом спустился капитан и отдал отрывистые распоряжения. Он отослал меня в каюту, очевидно, чтобы я не вводил его людей в искушение. В тот момент я и сам был не прочь уйти. Более того, закрыв за собой дверь, я запер её на замок. Оказалось, что безумное ночное бегство по Кунга-сити не прошло для меня бесследно: едва услышав угрожающие нотки в голосах людей, я инстинктивно потянулся за оружием, которого у меня не было.

Я повернулся лицом к койке и замер. По расчётам дока, Валькирия ещё нескоро собиралась раскрыть нам свою

тайну. И вот она лежит на моей койке. Где же она была, пока мы её искали? Я заглядывал сюда дважды, не говоря уже об остальных, и тем не менее у неё был такой вид, будто она уже несколько часов не трогалась с места. Наклонив голову, она снова стала облизывать бессильно прильнувшее к ней существо.

Мне раньше не приходилось иметь дело с котятами, но то, что она сейчас выхаживала, совершенно отличалось от обычного детёныша её породы. Малыш лежал на спинке, вытянувшись во всю длину. Он выглядел совершенно безжизненно — я видел, как поднимались и опускались его бока от частого прерывистого дыхания. Его тело было покрыто чёрным пухом, наподобие того, что покрывал наружную оболочку «камня». Жёсткий, он не поддавался ласковому языку Валькирии.

Его шея казалась непропорционально длинной, мордочка была заострена более, чем следовало, а уши скрывались под крошечными пучками торчащих волос. Ноги были короткими, а хвост длинным; нижнюю сторону и кончик хвоста покрывала не шерсть, а тёмная грубая кожа. Лапы, поджатые к животу, тоже не были покрыты шерстью, причём передние весьма напоминали руки.

Нет, он не был похож на котёнка. Но он лежал, тяжело дыша, и казался совсем беззащитным. А Валькирия явно гордилась своим детёнышем и собиралась о нём заботиться. Мне следовало пойти и позвать дока. Но вместо этого я сел на край кровати, так, чтобы не мешать Валькирии, и стал смотреть, как она энергично вылизывает своего подкидыша. Я не знал, кого она произвела на свет, но мне казалось, что он должен жить. Так я впервые встретился с Итом.

Глава 5

Я не мог даже подумать о том, чтобы выдать Валькирию и её отпрыска команде, и убедил себя, что раскрыть место их пребывания будет предательством. Я, который раньше всегда был равнодушен к животным, теперь проникся к

ним сочувствием и не мог понять почему. Но тем не менее, позвать торговцев было для меня так же невозможно, как если бы я лежал на койке, связанный и с кляпом во рту.

Наконец крошечное создание пошевелилось; подняв свою узкую головку, оно стало водить ею взад-вперёд, как будто что-то искало. Оно делало это вслепую, ведь его глаза ещё не прорезались. Замурлыкав, Валькирия протянула переднюю лапу и заботливо пододвинула его поближе к себе. Но головка, качнувшись, повернулась в мою сторону, и мне показалось, что это существо, хотя и было ещё совсем маленьким, слепым и беспомощным, знало о моём существовании, но не боялось меня, а стремилось использовать в своих целях. Это выглядело забавно.

Встревоженный, я встал с койки и пересел на стул у стены. Повернувшись к ним боком, я постарался сосредоточиться на своих собственных неприятностях. Надо было подготовиться к худшему, раз я не мог рассчитывать на то, что в скором времени сойду с «Вестриса», и не знал точно, на какой планете это произойдёт. Я снова провёл рукой по потайному поясу, ощутив все, теперь уже такие немногочисленные утолщения на нём. Среди них было и космическое кольцо.

Хайвела Джорна убили из-за него, в этом я был так же уверен, как если бы сам присутствовал при этом ужасном событии. Не является ли это кольцо причиной несчастий, настигших нас на Танфе? Если да, то почему убили Вондара, а не меня? Или пытались убить обоих, чтобы выживший не задавал потом лишних вопросов? Но кто? Зачем?

Раньше отец был тесно связан с Воровской Гильдией, правда потом отошёл от дел. В её рядах люди легко наживали себе могущественных врагов. Однако мне казалось, что он продолжал оказывать ей некоторые услуги даже после того, как осел на Ангкоре.

Я потирал кольцо через ткань пояса, а мысли мои двигались по кругу, и я не мог найти никакого объяснения случившемуся. Не знаю, когда я наконец заметил, что в каюте стало чересчур жарко. Я растегнул шов на комби-

незоне и почувствовал, как пот струйками бежит по щекам и подбородку. Я поднял руку, чтобы вытереть лицо, и увидел, что некогда гладкая кожа пальцев и тыльной стороны ладони покрыта вздувшимися фиолетовыми волдырями.

Я попытался встать, но тело меня не слушалось. Я весь дрожал. Жар сменился внутренним ознобом. Меня тошнило, но рвоты не было. Рванув на себе одежду, я увидел, что кожа на груди и руках также густо усыпана волдырями.

— Помогите, — прохрипел я, или мне это только показалось. Каким-то образом мне удалось встать и, цепляясь за обшивку каюты, добраться до маленького переговорного устройства на стене. Шатаясь, я попытался нажать сигнал тревоги.

Вокруг меня, застилая глаза, клубился густой туман, как будто я вновь оказался среди гейзеров на покрытой испарениями планете. Хватит ли у меня сил нажать на кнопку? Я упёрся лбом в стену, так что микрофон оказался рядом с моими губами, и прохрипел свою просьбу:

— Мне плохо, помогите.

Ноги подкашивались. Совершенно забыв про Валькирию, я направился к койке. Но когда я плашмя рухнул вниз, пушистые комочки уже исчезли. Койка была пуста, и я теперь, весь дрожа, лежал на ней.

Я вновь блуждал во влажных испарениях пустынной планеты, они свивались вокруг меня жгучими кольцами, и я кричал от боли. Я бежал по вонючему пенистому илу и тщетно пытался разглядеть своих преследователей, хотя точно знал, что за мной гонятся. Однажды туман рассеялся, и я на мгновение увидел их. Они надвигались с лазерами в руках, и у всех было одно лицо — лицо дока Вилоса. Спотыкась и падая, я бежал дальше.

— Они убьют... убьют... убьют... — слова, подобно грому, раскатывались над просторами зловещей планеты. — Они убьют тебя... тебя... тебя!..

И вновь я в лихорадке лежу на койке. Туман исчез, а зрение прояснилось. И не только зрение, но и разум. Я слышу свистящий шёпот, доносящийся со стены, из

стены. Мне уже доводилось слышать слова, раздававшиеся со стены или прямо из воздуха. Но это было на Танфе, в святилище. Теперь же я не там, а в своей каюте на корабле вольных торговцев. Мне обязательно надо, просто необходимо, услышать этот шёпот вновь.

Я потянулся, и одеяло сползло вниз. Кто-то снял с меня одежду; всё тело было усыпано фиолетовыми волдырями, покрытыми подсохшей коркой. Ужасно! У меня кружилась голова, но я как-то ухитрился добраться до стены, в которую было вмонтировано переговорное устройство. Под ним горел огонёк — оно не было выключено, где-то в другом помещении, сидя неподалёку от микрофона, разговаривали люди, и их речь разносилась по всему кораблю, хотя и несколько невнятно. Я прислушался.

— ...опасно... заварить... не можем даже выбросить его в космос, заварить дверь, сжечь всё в каюте.

— Отвезём его...

— Не выйдет, — должно быть, говоривший придвинулся ближе к микрофону, потому что мне стало лучше слышно. — Он мёртв или вот-вот умрёт. До сих пор нам везло, но мы не можем рисковать в надежде, что эпидемия не распространится. Надо избавиться от всех следов чумы раньше, чем мы сядем в каком-нибудь порту. Вы же не хотите, чтобы наш корабль объявили зачумлённым?

— ...несёт ответственность.

— Вернём им деньги. Покажем плёнку с записью того, что происходит в каюте: одного взгляда на него будет достаточно, чтобы убедить их в его совершенной бесполезности. Они не будут искать — тебе нужна чума?

— ...их не так-то просто убедить...

— Покажем им плёнки! — это говорил док. Теперь я в этом не сомневался. — И даже не станем открывать дверь в каюту до тех пор, пока не сможем сжечь всё внутри, и зайдём туда, надев скафандры, где-нибудь на лишённом жизни спутнике, чтобы инфекция не распространилась дальше. И будем крепко держать язык за зубами. А все остальные пусть думают, что он остался на Танфе или погиб там. По крайней мере в первое время нас ни о чём

не будут спрашивать, а может и никогда не будут. Они позаботятся о том, чтобы замести следы. Мы не можем доставить его сейчас — у нас только тело в запертой каюте — чума...

Я был уверен, что речь шла обо мне. Головокружение уже прошло, и я соображал достаточно хорошо. Вилос считал меня мёртвым, а я и не думал умирать. Я не собирался мириться с уготованной мне участью. Если вольные торговцы примут предложение Вилоса, то они больше не войдут ко мне из страха перед инфекцией, а закроют снаружи и наглухо заварят дверь моей каюты. Затем они отключат вентиляцию, заткнут все отдушины, чтобы ограничить распространение заболевания, и я умру медленной, мучительной смертью. Кроме того, теперь стало ясно, что план моего побега с Танфа был разработан не мной. Почему же раньше лёгкость, с которой мне удалось его осуществить, не вызвала у меня никаких подозрений? Меня взялись доставить по назначению. Не приходилось сомневаться относительно истинной сущности тех, кому меня должны были вручить, словно грузовое отправление.

Оставался ли у меня хоть какой-нибудь выход?

— Прочь отсюда!

Я так резко повернул голову, что мне снова стало дурно и пришлось схватиться за койку. На ней шевелился маленький чёрный комочек. Мгновение я тупо смотрел в пространство, пока, наконец, не сосредоточил на нём свой взгляд. У подушки притулилось то самое существо, которое я в последний раз видел свернувшимся возле Валькирии. Теперь оно стало раза в два крупнее, чем при рождении. Его глаза были широко раскрыты и пристально смотрели на меня. Заметив, что я тоже уставился на него, оно втянуло голову, при этом его длинная шея качнулась, как у змеи.

— Прочь отсюда, — эти слова возникли в моём сознании, и я мог связать их только с этим животным. Я чувствовал себя настолько плохо, что такой способ общения даже не показался мне странным.

— Отсюда куда?.. — спросил я шёпотом и повернулся, чтобы выключить переговорное устройство. У меня не было желания делиться своим открытием с возможными слушателями.

— Это ты хорошо сделал. Прочь из корабля, — ответило существо, прижавшись к измятой подушке.

— Но там же открытый космос? — я поддержал разговор в полной уверенности в том, что виной всему моё лихорадочное состояние. Слова, якобы услышанные через переговорное устройство, вероятно, тоже лишь почудились мне в бреду.

— Нет, ты слышал. Они убьют тебя. Пахнет страхом, ужасный запах по всему кораблю, — узкая головка поднималась всё выше и выше, и я видел, как ноздри её раздувались, словно это существо действительно чувствовало в затхлом воздухе какой-то необычный запах.

— Уходи отсюда. Быстро. Пока они не заварили дверь. Возьми скафандр.

Надеть скафандр, пройти через воздушный шлюз. Тогда мне, возможно, удастся протянуть, пока не кончится запас воздуха в баллонах. Но это продлит мою жизнь лишь на короткий срок.

— Они будут искать, не найдут, вернутся снова, необходимо спрятаться, — настаивал мой странный компаньон.

Совершенно невероятный план, и практически никаких шансов на удачу. Но так велико в нас желание жить, что я был готов принять его. Моя каюта находилась недалеко от шлюза и помещения, в котором хранились скафандры. Но как только я открою его, на мостике раздастся сигнал, кроме того, вдруг мы в гиперпространстве?

— Нет, — перебил меня мой спутник. — Разве ты не чувствуешь?

Он был прав. В гиперпространстве гул корабля не слышен. Я же, напротив, чувствовал вибрацию, свойственную кораблю, летящему в обычном пространстве.

— Они ищут спутник, мёртвую планету, хотят скрыть чуму или, может быть, встретиться с остальными.

Я открыл шкафчик, схватил висевший в нём комбинезон и надел его. Там, где ткань соприкасалась с подсохшими струпьями, кожа чесалась, но это было весьма незначительным неудобством по сравнению со всем остальным, что меня беспокоило. Как только я заварил передний шов, существо подобралось, изогнулось и прыгнуло прямо на маленькую огороженную полочку на уровне моего плеча. Я вздрогнул и прикрыл глаза.

Теперь, когда оно оказалось совсем рядом, я мог внимательно его рассмотреть. Ну и странная же это была помесь! Вместо шерсти его покрывал чёрный жёсткий пух. Лапы были голыми, серыми, с белыми подушечками, и передние весьма походили на крошечные ручки. Голова и тело очертаниями напоминали кошачьи, если не считать того, что конечности были слишком короткими по сравнению с туловищем. На верхней губе торчали жёсткие усы, но уши были меньше, чем у кошек. В непропорционально больших, слегка вытянутых глазах не было видно зрачков.

Шерсть гребнем торчала на верхней части похожего на хлыст хвоста, но кончик и нижняя часть его оставались голыми. В общем, внешность существа казалась странной, но не отталкивающей, просто необычной.

С полки он шагнул ко мне на плечо и, свернувшись вокруг шеи, ухватился своими руками-лапками за меня так, что его голова оказалась рядом с моим ухом, а когти задних лап вцепились в ткань комбинезона на моём левом плече.

— Идём, они уже рядом.

Это было похоже на приказ, и, к своему удивлению, я ему подчинился. Но перед тем, как выйти из каюты, я получил ещё одно указание.

— Воздуховод — пошарь там.

Закрывавшая его заслонка поддалась, едва я дёрнул за неё. Я был настолько ошеломлён, что выполнял все указания, не спрашивая ни о чём. Внутри я обнаружил свой пояс, который лежал в глубине трубы так, что его не было видно снаружи. Я сразу же ощупал кармашки. То небольшое, на что я мог рассчитывать, по-прежнему принадлежало мне.

— Быстрее! — Этот приказ был подкреплён ударом острых когтей.

Я приоткрыл дверь каюты. В тускло освещённом коридоре никого не было. Но неподалёку на лестнице раздавался звон магнитных подошв. Я склонился перед дверцей кладовки, в которой хранились скафандры, и у меня успела промелькнуть мысль, что даже слабая надежда на спасение всё же лучше чем ничего.

Я действовал как во сне. У меня больше не возникало даже малейшего сомнения в целесообразности бегства с корабля и в том, насколько выполним наш сумасшедший план. Силы возвращались ко мне, и чем больше я двигался, тем крепче становился. Я почувствовал мимолётное удовлетворение при мысли о том, какое разочарование постигнет Вилоса, считавшего меня мёртвым.

Задвижка поддалась, и я проскользнул внутрь кладовки, закрыв за собой дверь. Оглядевшись в полутёмном помещении, я понял, как мне повезло: «Вестрис» был построен по плану исследовательского судна, что казалось весьма логичным, ведь вольным торговцам нередко приходится открывать новые миры.

Другим концом кладовка выходила прямо в шлюзовую камеру, что позволяло сэкономить время, затрачиваемое на переодевание при выходе с корабля и возвращении на него. Я провёл ладонью по полке со скафандрами, стараясь найти подходящий по размеру и если не удобный, то хотя бы пригодный для пользования. Как правило, торговцы отличаются хрупким телосложением, и, к счастью, я сам довольно худой и невысокого роста, иначе я не смог бы втиснуться в предназначенный для них скафандр. И всё же он был для меня слишком тесен, мне даже пришлось снять потайной пояс. Что ж, если он не влезет под скафандр, то почему бы не надеть его поверх?

Едва мы вошли в кладовую, мой крошечный спутник прыгнул с моего плеча и, казалось, заструился по полу. Он остановился перед ящиком с прозрачной стенкой, присел перед ним на задние лапы и стал ощупывать его края своими руками-лапками; было ясно, что его действия

имеют вполне определённую цель. Затем передняя стенка ящика отскочила на пружине, он молнией влетел в него и свернулся калачиком внутри. Я заинтригованно наблюдал за ним.

— Закрой! — Прозвучавшая в голове команда заставила меня опуститься на одно колено, скафандр делал мои движения весьма неуклюжими.

Понятия не имею, что это был за ящик. Металлический, с прозрачной передней стенкой, он был очень прочным и в то же время давал возможность наблюдать за тем, что находилось внутри. На задней стенке ящика были вмонтированы крючки, за которые его можно было подвешивать. Вероятно, он предназначался для сбора образцов в новых мирах.

— Закрой быстрее, они идут! Ты возьмёшь меня с собой, ну же!

Он смотрел на меня своими сверкающими глазами, снова подчиняя меня своей воле. Да, я чувствовал его силу и снова повиновался ему.

Мне не удалось застегнуть потайной пояс поверх скафандра. Торопливо расстегнув кармашки, я вывалил их содержимое в сумку на пояс, всё, кроме космического кольца. Когда-то это кольцо носили поверх перчатки скафандра, может быть, и мне его так надеть? И, действительно, оно пришлось как раз впору.

Я закрепил остальное снаряжение, смутно осознавая всю самоубийственную глупость этого плана. Однако я не сомневался, что появившись я сейчас где-нибудь на корабле, меня бы сожгли без всякой жалости. Ничто не вызывает такого страха, как чума. Я взял контейнер с навязавшимся мне попутчиком под мышку и открыл дверь в шлюзовую камеру. Как только я покину корабль, поднимется тревога. Сколько времени пройдёт, прежде чем они поймут, какой путь к спасению избрала их жертва? Вилос заверил их в том, что я нахожусь в коматозном состоянии. Хорошо, если они не скоро расстанутся с этим убеждением.

Крышка люка вернулась на своё место, и я задраил её. Почему бы не остаться здесь? Нельзя, ведь существует

система внутреннего управления, и люк можно отпереть из коридора. Им потребуется лишь открыть его, прожечь дыру в моём скафандре и выкинуть тело в космос. Для меня это верная смерть, а они даже не рискуют заразиться.

Пока эти мысли проносились в моей голове, руки ошупывали запор на наружном люке так, словно действовали сами по себе. Затем загорелась сигнальная лампочка, и воздух со свистом устремился из шлюза. Я медленно вышел наружу, упираясь магнитными подошвами ботинок в наружную оболочку корабля.

Я уже не первый год летал на космических кораблях. Правда, до сих пор мне приходилось бывать на них лишь в качестве пассажира. Всё же у меня хватило ума смотреть себе под ноги, стараясь избегать взглядом пустоты, в которой мы летели. С помощью страховочного троса я прикрепил ящик к поясу, и он болтался из стороны в сторону, однако не настолько сильно, чтобы я не мог удержаться на ногах.

Шаркая и не решаясь оторвать магнитные подошвы ботинок от поверхности корабля, я двинулся в сторону от люка. Вряд ли мои преследователи заставят себя ждать, подумал я, и тут до меня внезапно дошло всё безумие совершённого мной поступка; это вывело меня из дремотного состояния, в котором я находился с тех пор, как крошечное существо завладело моим восприимчивым сознанием.

Если это не бред, а происходит в действительности, значит я получаю все эти советы и приказы телепатическим путём. Давно прошли те времена, когда так называемые просвещённые люди смеялись при одном упоминании о паранормальных способностях.

Никто не сомневается в том, что они существуют, хотя встречаются редко. Однако я не сталкивался с их проявлениями, и уж точно не был наделён этим даром сам.

— Вперёд! — Приказ прозвучал у меня в голове так же резко, как и раньше. — Вперёд, к носу корабля.

Я впервые, с тех пор как началось наше общение, воспротивился ему. Честно говоря, в этот момент я не мог

двигаться ни в одном направлении. Меня сковал такой дикий ужас, что остаётся только удивляться, как я не сошёл с ума. Дело в том, что я потерял осторожность и отвёл взгляд от поверхности корабля.

Слова стучали в моей голове, но я не воспринимал их. Я не осознавал ничего, кроме пустоты. Что-то рвалось и дёргалo меня за пояс. Существо металось по ящику. Мне было видно, как оно раскрывает и закрывает рот, его глаза, похожие на сверкающие бусины, горели ярким огнем. Охваченный страхом перед космосом, я смотрел на него невидящим взглядом.

Но вскоре, глядя на ящик с обезумевшим зверьком, я заметил, как опустилась крышка люка, которую я оставил открытой. Мне кажется, я закричал, да так, что едва не оглох от раздавшегося в шлеме пронзительного вопля. Меня оставили одного. Может быть на какое-то мгновение я утратил рассудок? Теперь мне кажется, что да. Только бы добраться до люка, только бы... Я ничего не помню. Что произошло в те секунды, когда я поддался охватившей меня ужасной панике? Я этого уже никогда не узнаю. Но я оторвался, корабль был неизвестно где, а я, медленно вращаясь, отдалялся от него, уплывал в вечную тьму, без всякой надежды на чью-либо помощь.

Что было дальше, я опять не помню, наверное, потерял сознание. Очнувшись же, я почувствовал, что меня тянут, тянут куда-то. Сперва я даже обрадовался. Меня заарканили, я возвращаюсь на «Вестрис». Не важно, убьют меня там или нет. Лучше уж быстрая смерть, чем вечное кружение в пустоте.

Моё плечо и рука болели — и боль всё усиливалась. Правая рука была вытянута вперёд, как будто указывала на какую-то невидимую цель. На перчатке что-то ярко светилось, свет пульсировал, словно энергия, питавшая его, поступала с перебоями. Я следовал за вытянутой вперёд рукой, подобно тому, как тело ныряльщика следует за поднятыми над головой, режущими воду руками; меня тянуло с такой силой, что болели все жилы, рука, казалось, превратилась в верёвку, притягивавшую меня к якорю.

Я не мог пошевелиться, застыл в одном положении — человек-стрела, устремлённый к неизвестной мне цели, вполне определённой цели, — в этом у меня не возникало никаких сомнений. Но верёвки не было, нет, я летел в пустоте, следуя за светящейся перчаткой. За перчаткой? Нет! На моём пальце светилось космическое кольцо!

Этот некогда тусклый камень превратился в огонь маяка, зовущий меня всё дальше и дальше. Мне удалось чуть-чуть повернуть голову, и я увидел ящик с пушистым существом, блеснувший в лучах отражённого света. Он всё ещё болтался у меня на поясе, но зверёк беспомощно катался взад и вперёд, свернувшись в тугой клубок, и мне показалось, что он умер.

Я не имел ни малейшего представления о том, где остался «Вестрис». Чувствовалось, что я двигаюсь с большой скоростью, но повернуться и посмотреть, что находится позади и по сторонам от меня, я не мог.

Время перестало существовать. Я то приходил в себя, то вновь проваливался во тьму небытия. Далеко не сразу я осознал, что приближаюсь к чему-то. В конце концов, мне удалось уловить очертания того, что некогда могло быть кораблём. Вокруг него, как крошечные спутники вокруг планеты, плавали обломки мусора, иногда они ударялись о корпус, отлетали в сторону и снова возвращались к нему. И кольцо тянуло меня в эту мясорубку. Достаточно самому маленькому обломку задеть меня, и я погибну так же неизбежно, как от луча лазера.

После нескольких неудачных попыток я понял, что мне не справиться с силой, тащившей меня вперёд. Рука занемела, суставы были словно заблокированы в одном положении. Как человек я не существовал больше, осталось орудие, с помощью которого кольцо стремилось к своей цели.

Внутри скафандра моё беспомощное тело, точнее та его часть, которая думала и чувствовала, сжималась и ныла от страха. Я закрыл глаза, не в силах смотреть на открывшуюся передо мной картину. Но во мне ещё теплились остатки надежды, и я снова открыл их. Мы были рядом с

внешним кольцом обломков, когда мне показалось, что я заметил какое-то отверстие, возможно, открытый люк или пробоину в обшивке оставленного командой корабля.

Корабль был почти не виден за хламом, кружившимся вокруг него, но я решил, что он больше «Вестриса»; по размерам он был не меньше пассажирского лайнера, но по очертаниям отличался от всех известных мне кораблей. И тут мы попали в первую полосу обломков.

Я замер в ожидании столкновения с зазубренным куском металла, но вдруг заметил: летающий вокруг нас хлам расступается перед лучом, исходящим от камня, словно он был наделён способностью расчищать дорогу перед собой. Я смотрел вперёд, не веря своим глазам. Но вот огромный обломок качнулся, пошёл вниз и стал медленно удаляться.

Так мы добрались до тёмного отверстия в обшивке корабля. Я решил, что это люк, правда, на нём не оставалось никаких следов крышки. Но для пробоины отверстие было слишком правильным. Кольцо потащило меня по сводчатым коридорам, освещая тускло блестящие стены. Тянувшая меня вперёд правая рука с силой ударилась о твёрдую поверхность и стала, против моего желания, биться об неё, причиняя мне боль. Она стучала по внутреннему люку давным-давно мёртвого корабля и, казалось, требовала, чтобы он открылся. Но в конце концов, моя облачённая в перчатку рука замерла, словно примёрзнув к поверхности, устоявшей перед ней, а я, извиваясь и дёргаясь, дотянулся ногами до пола и встал, упираясь в него магнитными подошвами ботинок; рука же оставалась крепко прижатой к крышке люка.

Глава 6

Оказавшись в замкнутом пространстве внутри корабля, я испытывал такое невероятное облегчение, что на некоторое время забыл обо всём, потом мимолётное ощущение безопасности сменилось пониманием того, что я попал в очередную ловушку. Рука по-прежнему была крепко прижата к двери, и я был не в состоянии оторвать её. Более

того, она всё сильнее тянула меня вперёд, и вскоре всё моё тело распласталось по поверхности двери, словно неведомая сила старалась протащить меня сквозь изъеденный тысячелетиями металл. Я ужаснулся при мысли о том, что мне суждено навечно застрять в этом люке.

Сияние, исходившее от камня, постепенно тускнело. Если бы оно оставалось таким же, как в космосе, то в этом замкнутом пространстве его блеск просто ослепил бы меня. Но камень всё ещё слабо мерцал. Я яростно сопротивлялся его тяге, пока не замер, прижавшись к двери, выбившись из сил и пав духом.

Я висел, в тупом оцепенении уставившись на светящийся камень, дверь и свою руку, пока до меня не дошло, что мерцание стало более упорядоченным. Теперь оно подчинялось определённом ритму — свет загорался и гас, с различными интервалами между вспышками. Скафандр оставался непроницаемым, но там, где внутренняя сторона перчатки прижималась к поверхности двери, расплзлось красноватое пятно. Даже сквозь скафандр я ощущал всплески концентрированной энергии.

Мне снова пришло в голову, что камень пользуется мной как вещью, я был его орудием, а не он моим. Биение стало болезненным, наконец, мучительным, но я ничего не мог сделать, чтобы ослабить его. Красное пятно разрассталось, через некоторое время появились чёрные трещины. По мере того как мои мучения усиливались, дверь начала поддаваться. И вскоре, вылетев из рамы, она разбилась на мелкие кусочки, а меня втянуло в образовавшееся отверстие.

Стены коридоров мелькали передо мной, казалось, что камень спешит наверстать время, потраченное на борьбу с люком. Дважды меня пронесло мимо пробоев в корпусе.

Моё путешествие закончилось в отсеке, заполненном силуэтами машин, во всяком случае, я принял их за машины. Эта часть корабля оставалась нетронутой, как будто её не коснулась та разрушительная сила, которая его уничтожила. Камень продолжал тянуть меня вперёд по

лабиринту из брусьев, цилиндров, решётчатых конструкций и труб и привёл к контейнеру, на дне которого виднелся лоток. В лотке лежали какие-то чёрные комки. Рванувшись ещё раз, камень распластал мою руку по смотровому окошку контейнера и вспыхнул ослепительным светом. Через окошко было видно, как один из комков слабо заблестел в ответ. Потом камень погас, рука бессильно упала и повисла вдоль туловища мёртвым грузом. Я был один в тёмном чреве давным-давно брошенного корабля.

Согнувшись, я двинулся вперёд и почувствовал, как ящик, в котором путешествовал мой спутник, ударил меня по бедру. Я не знал, сколько воздуха оставалось в баллоне моего скафандра, но вряд ли его могло хватить надолго. Очевидно, камень привёл меня к гибели. Правда, мне не придётся вечно кружиться в пустоте, но зато я навсегда останусь в этой гробнице из разрушенного взрывом металла.

У представителей моего вида с древних времен сохранился страх перед темнотой и тем, что может в ней таиться. Я поднял левую руку и несколько раз без всякого результата надавил на кнопку, расположенную на поясе, наконец вспыхнул узкий лучик света и выхватил из темноты контейнер с комочками, которые когда-то, вероятно, были камнями, по силе не уступавшими тому, что был вставлен в моё кольцо. У меня не оставалось никаких шансов на спасение, вряд ли я смог бы отыскать каюту, в которой ещё сохранялся воздух. Но нельзя же просто стоять и ждать, пока удушье прикончит меня!

Правая рука по-прежнему не действовала. Приподняв её левой рукой и закрепив ремнями поперёк груди, я совсем было собрался выбросить ящик с мёртвым существом, но, взглянув на его плотно сжавшееся тельце, заметил к своему величайшему изумлению, что оно повернуло голову, потом в темноте блеснули его глаза. Итак, оно тоже уцелело во время путешествия к покинутому кораблю!

Благодаря магнитным подошвам ботинок я мог двигать-

ся по палубе, которая из-за медленного вращения корабля превращалась то в пол, то в потолок. В конце концов, я отстегнул подошвы и стал передвигаться, цепляясь рукой за скобы.

Теперь на всех кораблях устанавливают спасательные шлюпки, оборудованные пеленгаторным устройством, позволяющим обнаруживать ближайшее небесное тело планетарного типа и направить шлюпку к нему; правда, всегда существует возможность того, что люди, уцелевшие при катастрофе, окажутся во враждебном для человека мире. Возможно, на этом корабле сохранилось подобное устройство, обеспечивавшее безопасность команды и пассажиров. Вдруг мне удастся найти его, хотя, скорее всего, им воспользовались покинувшие корабль члены экипажа. И всё же у меня появилась слабая надежда.

Представителям моего вида свойственно бороться за жизнь до последнего. Этот врождённый инстинкт заставлял меня идти вперёд.

Я заключил, что камень притащил меня в машинное отделение корабля. Та сила, которая пробудила его к жизни в открытом космосе и действовала как наводящее устройство, притянула его прямо к контейнеру с обугленными ксмочками, которые некогда приводили корабль в движение.

Выбравшись из машинного отделения, я подумал, что на спасательных шлюпках могли сохраниться другие источники энергии. Если предположить, что планировка корабля в целом повторяла планировку тех кораблей, на которых мне приходилось бывать, то шлюпки следовало искать несколькими палубами выше, возле пассажирских кают.

Я не нашёл ни одной лестницы, только колодцы, которые прорезали корабль сверху вниз. Было ясно, что он предназначался для существ совершенно иного типа, чем я. У основания второго колодца я на мгновение замер. Корабль медленно поворачивался. Можно было проплыть по колодцу, но, осветив его фонариком, я не нашёл опор для рук; залететь в него и потом болтаться там совершенно

беспомощным... Я пристегнул магнитные подошвы и пошёл по стенам, которые вращались так, что у меня снова, как во время болезни, закружилась голова.

На следующей палубе располагались каюты, двери большинства из них были открыты. Я заглянул в одну. Внутри висели полки, которые вполне могли служить в качестве коек, правда, они были очень короткими и широкими, и такими одинаковыми на вид, что, похоже, здесь помещались члены экипажа.

Я поднялся на следующий уровень. Каюты здесь были больше, а пол покрывал ковёр. Фонарик осветил яркое пятно на стене, выхватив из темноты картину или фреску: странные изломанные фигуры, предметы, очертания, которых мой глаз не мог уловить, краски, которые причиняли боль. Пассажирская палуба. Где-то здесь должны быть люки спасательных шлюпок.

Вдоль стенки коридора медленно плыло какое-то тело. Мне показалось, что оно сейчас налетит на меня, и я с отвращением оттолкнул его, стараясь не смотреть в ту сторону. Это был пассажир или член экипажа, не успевший добежать до спасательной шлюпки. От моего прикосновения он, перевернувшись, полетел прочь.

Я уже почти потерял надежду, но тут, наконец, увидел первый порт и заглянул через него в пустой отсек. Спасательной шлюпки не было: значит, кому-то из пассажиров удалось добраться до неё живым и спастись во время того давнего крушения. Хотя порт был пуст, я воспрял духом.

Стрелка индикатора на баллоне с воздухом вплотную приблизилась к красной отметке. Я взглянул на неё и тут же отвернулся. Лучше не знать, как близок конец. Даже если мне удастся найти пригодную к использованию спасательную шлюпку и запустить её, сколько времени пройдёт, прежде чем я достигну какой-нибудь планеты? Если, если и ещё раз если...

Внезапно лежавшая поперёк груди онемевшая рука дёрнулась и потянула за удерживающие её ремни. Я посмотрел вниз. Камень снова сиял. Возможно, он реагировал на наличие устройства, подобного тому, что я нашёл в машинном отделении.

Подвязанную руку подёргивало, правда, не настолько сильно, чтобы перевязь порвалась, но достаточно сильно для того, чтобы я понял, куда идти. По дороге мне попались ещё две пустые каюты. Затем рука резко рванулась, высвободилась, повернулась всей своей мёртвой тяжестью и указала на стену, оказавшуюся вследствие вращения корабля у меня под ногами. Там виднелся ещё один люк, который явно вёл в отсек, где находилась спасательная шлюпка. Но он был закрыт! Возможно, никто не сумел добраться до него.

И снова моя перчатка устремила к двери и пригвоздила меня к ней, а камень вспыхнул ярким светом. Но на этот раз он не успел прожечь её насквозь. Дверь отошла в сторону, и я увидел удлинённый силуэт спасательной шлюпки. Правая рука упала вниз, я подтянулся с помощью левой и рванул крышку люка шлюпки. Она поддалась, и я ввалился внутрь, ящик с существом упал вслед за мной.

Внутри всё было озарено мерцающим светом, исходившим не только от камня, но и от панели в носовой части шлюпки; висели плетёные люльки, предназначенные для пассажиров, одна была так близко от меня, что мне удалось за неё ухватиться. Тут я почувствовал усиливающуюся вибрацию. Устройство, приводящее спасательную шлюпку в движение, уцелело, его мощности хватило, по крайней мере, чтобы освободить её от опор, удерживающих её во чреве материнского корабля. Мы вылетели с такой силой, что я упал плашмя и на мгновение потерял сознание.

— Воздуха...

Я поднял затуманенный взор. Фонарик всё ещё горел, его свет падал на изогнутую стену и, отражаясь, слепил мне глаза. Внезапно я заметил, что дышу судорожно и прерывисто, временами покашливая. Воздух, которым я пытался наполнить лёгкие, имел странный запах и раздражал ноздри. А на моём плече устроился пушистый зверёк, усатая мордочка тыкалась мне в лицо, а тёмные глазки-бусинки пристально смотрели на меня.

— Воздух,.. — проговорил я сонно. Это всё больше напоминало причудливый ночной кошмар. Такие логич-

ные, но весьма неправдоподобные кошмары, вероятно, снятся довольно редко. Однако тогда мне было достаточно того, что я лежу в гамаке и жадно дышу этим неприятным воздухом.

Слегка повернув голову, я бросил взгляд на приборную доску. Многочисленные огоньки, замелькавшие на ней, когда я ввалился в шлюпку, погасли, и теперь горели только три лампочки: бело-жёлтая, в центре и немного повыше других — красная, и призрачно-голубая. Я взглянул на руку. Под затуманенной поверхностью камня ещё мерцал слабый отблеск, ладонь слегка покалывало.

Ну что ж, я всё ещё жив и покинул мёртвый корабль на спасательной шлюпке, у меня есть воздух, им можно дышать, пусть даже это не совсем тот воздух, которого жаждут мои лёгкие. Очевидно, когда я оказался в капсуле, её древний механизм пришёл в действие.

Если мы взяли курс на ближайшую планету, то как долго нам придётся добираться до неё? Удастся ли нам совершить мягкую посадку? Я могу дышать, но мне нужна вода и пища. На борту должен быть неприкосновенный запас. А вдруг он испортился за столько лет? Кроме того, неизвестно, пригоден ли он для человека.

Я отстегнул зубами зажим на левой перчатке, содрал её с себя и высвободил руку. Затем ощупал своё снаряжение. Мой скафандр предназначался не только для мелких работ в космосе, но и для высадки на планеты, в нём должен быть НЗ. Сперва я наткнулся пальцами на какие-то инструменты, затем нащупал герметически запечатанный пакет. Мне понадобилось несколько минут, чтобы вскрыть его.

До сих пор я не чувствовал голода, теперь же он терзал меня. Я не мог ни сесть, ни даже поднять голову, поэтому поднёс найденную тубу к глазам и приободрился при виде знакомой маркировки. Мгновение ушло на то, чтобы схватить конец тубы зубами и откусить его, затем полужидкое содержимое заполнило мой рот, и я начал жадно глотать его. Я уже почти справился с этим неожиданным подарком, когда почувствовал, как что-то коснулось моей обнажённой шеи, и вспомнил, что я не один.

Я с трудом заставил себя зажать отверстие в тубе и поднести её к мордочке пушистого существа. Его острые зубки вцепились в оболочку с не меньшей жадностью, чем мои; я медленно сжимал тубу, а оно изо всех сил сосало, прижимаясь ко мне своим крошечным тельцем.

В мешочке на поясе было ещё три таких тубы. Я знал, что каждая содержит запас пищи на день, а если уж совсем туго придётся, её можно растянуть на два. Четыре дня... Возможно, нам удастся продержаться все восемь. Ни один человек в здравом рассудке не пошёл бы на такой риск, если бы ему предоставили свободу выбора.

Я полежал спокойно и почувствовал себя немного окрепшим. Налитую свинцом правую руку начало слегка покалывать, но камень тут был ни при чём, просто стало восстанавливаться кровообращение. Затем руку свело болезненной судорогой. Я заставил себя пошевелить пальцами в перчатке, несколько раз поднял и опустил руку, стиснув зубы от боли, которую причиняли мне эти упражнения.

Через некоторое время рука снова слушалась меня, словно и не было всей этой истории с камнем. Я сел и огляделся вокруг. В шлюпке было шесть гамаков, по три у каждой стенки, и я лежал в крайнем справа. Все они располагались на некотором расстоянии от приборной доски, так что до неё нельзя было дотянуться из гамака. Так же были устроены и те спасательные шлюпки, которые мне доводилось видеть раньше. В них имелись ленты с записью курса; раненому достаточно было только добратсья до неё — дальнейшего участия человека не требовалось.

Как и те койки, что я видел на корабле, гамаки явно не предназначались для человеческого тела. Да и воздух, до сих пор раздражавший мой нос и лёгкие, конечно, отличался по составу от нормального. У меня мелькнула мысль, что в нём могут содержаться ядовитые вещества, которые со временем прикончат меня, но тут уж я всё равно ничего не мог сделать.

На стене я заметил линии, обозначающие, как мне показалось, контуры шкафов. Возможно, там до сих пор

лежит запас продовольствия. Я всё ещё находился в полудрёмотном состоянии. Правда, силы вернулись ко мне, но у меня по-прежнему было такое ощущение, будто я наблюдаю за происходящим со стороны и всё это меня совершенно не касается. Как-то раз я поднял руку и посмотрел на неё. Под перчаткой грубая корка, покрывавшая шелушащиеся струпья, образовавшиеся на месте фиолетовых волдырей, уже полностью слезла. Новая кожа была блестящей и розовой.

Пушистое тельце шевельнулось, и я снова почувствовал, как жёсткие волосинки царапнули мою шею. Затем мой спутник сполз по мне вниз и, вытянув вперёд лапу-руку, попытался зацепиться за сетку соседнего гамака. Расстояние было слишком велико, в конце концов, он вцепился когтями задних лап в ткань моего скафандра и, рванувшись вперёд, зацепился за край сетки. Он проворно изогнулся, ухватился покрепче и перепрыгнул на новое место. Воспользовавшись гамаком в качестве лестницы, он живо добрался до одного из обозначенных шкафчиков; опираясь левой передней и обеими задними лапами об раскачивающийся гамак, он ощупал маленькими серыми пальчиками поверхность шкафа. Не знаю, нажал он на кнопку или сдвинул защёлку, но дверца распахнулась, да так резко, что ему пришлось пригнуться, чтобы не удариться. На полке были закреплены две трубки. Они отдалённо напоминали лазеры, и я подумал, что, очевидно, это — оружие или спасательные инструменты. Оставив дверцу открытой, существо методично перебралось к следующей. Я наблюдал за ним с некоторой тревогой.

То, что я разговаривал с ним, не мешало мне считать своего спутника животным. Без всякого сомнения, он был отпрыском Валькирии, хотя по-прежнему оставалось непонятным, кто его отец. Я и раньше слышал о животных-мутантах, способных общаться с людьми. Но теперь стало ясно: кем бы ни было это существо, оно гораздо умнее, чем я решил вначале.

— Кто ты такой? — спросил я его, и мой голос прозвучал в маленькой каюте слишком громко.

Возможно следовало спросить:

— Что ты такое?

Он замер с вытянутой лапкой и, изогнув длинную шею, взглянул на меня. Тут только мне пришло в голову, что когда я очнулся от притока воздуха, на мне уже не было шлема. Я определённо не снимал его, до того как потерял сознание, значит...

— Ит.

Одно единственное слово с непривычным звуком, если только в произнесённом мысленно слове можно выделить звуки.

— Ит, — повторил я вслух. — Что ты имеешь в виду? Ты

— Ит, как я — Мэрдок Джорн, или Ит, как я — человек?

— Я — Ит, я сам, я, — он не удосужился ответить на мой вопрос, даже если и понял, о чём я его спрашиваю.

— Я — Ит, вернувшийся.

— Вернувшийся? Как? Откуда?

Он опустилсЯ в гамак, который так сильно закачался под его лёгким тельцем, что ему пришлось вцепиться в сетку, чтобы не упасть.

— Вернувшийся в тело, — произнёс он, как нечто само собой разумеющееся. — Животное дало мне тело, другое, но вполне сносное. Хотя, возможно, его и не мешало бы несколько изменить. Но, при соответствующем питании, это и так произойдёт, когда наступит время.

— Значит, ты один из аборигенов, один из тех, кого мы не смогли найти, и благодаря тому, что Валькирия проглотила то зерно, ты... — В моей голове возникали самые невероятные предположения.

— Тот мир не был моим домом, — ответил Ит так резко, словно был обижен этим предположением. — Там не было того, что могло бы сделать тело для Ита. Пришлось ждать, пока не открылась дверь, пока не возникла подходящая оболочка. То млекопитающее с корабля имело всё, что мне было нужно, поэтому оно заметило зерно и приняло в себя то, из чего снова мог родиться Ит.

— Родиться снова — но как?

— Из анабиоза, — он начал проявлять раздражение. — Для нас сейчас гораздо важнее выжить.

— Выходит, я нужен тебе? — Иначе, зачем он заставил меня бежать с «Вестриса», а затем спас в шлюпке, стащившем с бесчувственной головы? Может быть, я ему всё-таки нужен?

— Да, мы нужны друг другу. Разные формы жизни, объединяясь, иногда могут достичь большего, чем по отдельности, — заметил Ит. — Я получил тело, у которого есть свои преимущества, но у него нет той силы и роста, которые есть у тебя. С другой стороны, то, что дано мне, может помочь тебе в борьбе за жизнь.

— А это содружество — у него есть какая-нибудь цель в будущем?

— Это ещё предстоит узнать. Пока нам надо думать о том, как выжить, вот что сейчас важнее всего.

— Ты прав. Что ты ищешь?

— Еду и питьё, предназначавшиеся для подкрепления тех, кому придётся воспользоваться этим маленьким кораблём, ты же сам предположил, что они, вероятно, хранятся именно здесь.

— Да, если они никуда не делись и не рассыпались в прах, и если мы сможем воспользоваться ими без риска отравиться. — Однако я приподнялся в гамаке и стал следить за тем, как Ит открывает лапой следующий шкафчик.

В нём были две канистры, закреплённые противоударными ремнями. И хотя Ит вступил с ними в упорную борьбу, ему не удалось достать ни одну из них. Ноги меня не держали, но я всё же дотащился до соседнего гамака и ухитрился сорвать ближайшую канистру с крючков, на которых она висела.

Она сужалась кверху. Я зажал её между коленями и при помощи одного из инструментов, висевших у меня на поясе, открыл её. Внутри плеснулась жидкость. Я принюхался: при мысли о том, что, возможно, мне повезло и это — вода, у меня снова пересохло во рту. В полужидком пайке НЗ содержалась влага, но её было недостаточно для того, чтобы утолить жажду.

Запах был резким, но не противным. Это может быть

питьё, топливо, всё что угодно. Снова риск, сколько уже раз я, или мы, рисковали с тех пор, как покинули «Вест-рис».

— Как ты считаешь, это питьё или топливо? — спросил я Ита, держа канистру так, чтобы он, она или оно могло в свою очередь понюхать её.

— Питьё, — последовал его решительный ответ.

— Откуда ты это знаешь?

— Неужели ты думаешь, я говорю так только потому, что мне этого хочется? Нет. Моё тело способно само определять ядовитые вещества. Это — полезно, выпей и сам убедишься.

Он отдал приказание властным тоном, и я забыл, что оно исходило от крошечного, покрытого шерстью существа неизвестного вида. Я поднёс горлышко к губам и набрал полный рот жидкости, такой кислой, что едва не опрокинул канистру. Вино это вещество не напоминало, но и водой, безусловно, не было. Однако, когда я невольно проглотил его, я почувствовал прохладу в горле, и во рту стало свежо, словно я хлебнул из холодного ручья. Я отпил ещё и передал канистру Иту, придерживая её, пока он не напился. Итак, у нас была необходимая нам влага. С едой же нам не повезло. В соседнем шкафчике мы нашли засохшие жёсткие брикеты розоватого цвета. Ит заявил, что они ядовиты. Если это и был неприкосновенный запас, сохранившийся на шлюпке, то он предназначался не для нас.

Ит обнаружил несколько странных на вид инструментов и ещё один набор оружия; вот и всё, если не считать ящика, стоявшего в последнем шкафчике, сверху на нём было несколько циферблатов, а из отверстий на задней стенке выдвигались два стержня, при этом между ними появлялось тонкое полотно, которое, растягиваясь, превращалось в плёнку. Я решил, что это средство связи, предназначавшееся для того, чтобы подать сигнал бедствия, как только спасательная шлюпка совершит посадку. Но те, кто мог его услышать, давно исчезли из этой части Галактики.

Когда представители моего вида начали осваивать космос, выяснилось, что они не первыми вышли на звёздные дороги. Другие расы тоже путешествовали в космосе, их империи и конфедерации, состоявшие из многих миров, достигли расцвета и пришли в упадок задолго до того, как мы освоили огонь и колесо, научились добывать металлы, изготовили плут и меч. Время от времени мы обнаруживаем их следы и ведём оживлённую торговлю найденными при этом древностями. Закатане, если я не ошибаюсь, собрали археологические находки, свидетельствующие о существовании, по крайней мере, трёх таких империй или союзов, исчезнувших задолго до того, как мы впервые появились в космосе; а закатане — самый древний народ из тех, о ком мы узнали из первых рук: их письменным источникам уже более двух миллионов планетарных лет! Они существуют очень долго и превыше всего ценят знания.

Если мы по счастливой случайности приземлимся на обитаемой планете, то даже эту спасательную шлюпку можно будет продать так выгодно, что я смогу начать торговлю драгоценностями. Но на это я даже не надеялся. Я бы с радостью согласился приземлиться где угодно, лишь бы там были воздух, пригодный для дыхания, а также вода и пища в количествах, достаточных для поддержания жизни.

На спасательной шлюпке не было хронометра. Я спал, Ит тоже. Ели мы очень экономно, и только тогда, когда не могли больше противиться потребности организма, и пили жидкость, доставшуюся нам от исчезнувшего экипажа. Я иногда пытался поговорить с Итом, но он свернулся клубочком и упрямо молчал. Я говорю «он», потому что привык думать о нём, как о существе мужского пола. Правда, он ни разу не подтвердил моего предположения, но зато и не пытался его опровергнуть.

У нас оставалось всего полтубы с едой, когда белая лампочка на приборной доске, светившаяся так ровно, что я перестал обращать на неё внимание, вспыхнула жёлтым светом и раздался сигнал тревоги. Я обрадовался (или

испугался?), решив, что мы наконец-то идём на посадку. Откинувшись в гамаке и прижав к себе Ита, я подумал, что это древнее судно с истощёнными запасами энергии вполне может разбиться при приземлении.

Глава 7

При входе в атмосферу мы получили такой удар, что на некоторое время потеряли сознание. Когда я снова пришёл в себя, вибрация прекратилась, но корабль раскачивался от моих неуверенных движений так, словно мы запутались в огромных сетях, а не сели на твёрдую поверхность. Прикрепив шлем к скафандру, я заметил, что Ит на всякий случай залез в свой ящик. Затем я осторожно прополз к люку, причём от моих движений спасательную шлюпку бросало из стороны в сторону самым неприятным образом.

Изнутри люк запирался несложным устройством, рассчитанным на то, что человек, которому удалось спастись, может быть серьёзно ранен. Но когда я попытался открыть его, механизм заело, а в щель поползли струйки белого дыма. Я боролся с упрямым металлом до тех пор, пока не смог протиснуться через образовавшееся отверстие без риска порвать свой драгоценный скафандр.

Снаружи меня охватили клубы плотного дыма. Я огляделся в поисках опоры. Спасательная шлюпка начала скользить в сторону, и я понял, что у меня больше нет времени на размышления. Как только она резко наклонилась, я прыгнул прямо в клубы дыма и угодил на кучу измятой и горящей листвы, скрытой за этой завесой.

Обломок ветки толщиной в руку с острым, как копьё, концом едва не пропорол меня насквозь. Я схватился за него обеими руками и секунду висел, судорожно пытаюсь найти ногами хоть какую-нибудь опору. Но сук согнулся под моей тяжестью, и я, ломая ветки, рухнул вниз и застрял на самой толстой из них, зацепившись поясом за покрытый мхом сучок. Неподдалёку раздался страшный треск — это, должно быть, упала спасательная шлюпка. Я повис на

суку, который задержал моё падение, и, затаив дыхание, осмотрелся.

Листва, окружавшая меня, была блеклого жёлто-зелёного цвета, местами переходившего в ярко-жёлтый и пурпурно-красный. Я сидел на покрытой грубой корой ветке, настолько широкой, что на ней свободно могли разойтись два человека, её устилал фиолетовый мох, из которого торчали алые шипы с чашечками, похожими на цветы, которые открывались и закрывались в ритме дыхания или бьющегося сердца.

Надо мной зиял огромный пролом со рваными краями, очевидно, он образовался при падении спасательной шлюпки. Вокруг меня лиственный шатёр был плотным и непроницаемым.

Я подтянул поближе ящик с Итом, он стоял на задних лапах и осматривался вокруг, быстро, по-змеиному, двигая шеей. Раздался удар, который я не только услышал, но и почувствовал, ветка подо мной закачалась. Я решил, что спасательная шлюпка достигла, наконец, земли. Даже такому тяжёлому кораблю потребовалось на это некоторое время, значит крона дерева располагалась высоко над землёй и была достаточно плотной, чтобы выдержать тяжесть приземлившегося корабля, смягчить удар и задержать окончательное падение.

Клубы дыма стали ещё гуще и надвигались откуда-то сверху. Если там разгорался огонь, то требовалось срочно уходить. Обогнать лесной пожар в моём неповоротливом скафандре было практически невозможно.

Я встал и осторожно двинулся по направлению к стволу. По крайней мере я надеялся на это, так как впереди меня ветка делалась шире и толще. Помимо мха и дыхательных чашечек здесь попадалась и другая растительность. Вскоре одно такое растение преградило мне путь. Широкие, мясистые жёлтые листья, сложенные розеткой, образовывали углубление, в котором собралась вода или какая-то другая бесцветная жидкость. Над этой крошечной запрудой я увидел наконец живое существо.

Насекомое, величиной примерно с мою ладонь, вспор-

хнуло, раскрыв свои прозрачные крылышки. Оно настолько сливалось с листвой, что я не замечал его, пока оно не взлетело. Другое существо, прятавшееся за листьями, подняло мокрую морду и оскалило зубы. Как и насекомое, оно было хорошо замаскировано, его тёмная, покрытая неровными наростами шкура копировала грубую кору, покрывавшую сучья дерева. Судя по клыкам, это было плотоядное животное, величиной примерно с Валькирию, с длинными конечностями, заканчивающимися цепкими когтями, явно предназначенными для охоты, а не для лазанья по веткам дерева.

Оно не испугалось меня и вовсе не собиралось отступить; оскалив зубы, оно наклонило вниз уродливую голову и вобрало её в плечи, как будто собиралось прыгнуть.

Для того, чтобы двигаться вперёд, мне пришлось бы обойти водоносное растение. Мой соперник был невелик, но не стоило его недооценивать. Как мне не хватало лазера! По корабельным законам всё оружие во время полета хранится под замком. Кроме того, вольные торговцы, как правило, имеют при себе только станнеры, выстрелом из которого можно оглушить, но не убить. А у меня не было даже станнера.

— Не трогай его, — прозвучала в моей голове команда Ита, — оно убежит.

И оно действительно убежало, исчезло внезапно, напomniaв мне призраки, создаваемые песчаными волшебниками с Хаймандиана. Я заметил лишь тень, мелькнувшую на фоне коры за растением, и больше ничего не говорило о том, что его уже нет.

Я осторожно ступил на широкие листья. Они ломались под моей тяжестью, жёлтый сок, сочившийся из них, пачкал подошвы ботинок, листья чернели и тут же начинали гнить, распадаясь на части. Ещё несколько прозрачных тварей взлетели и с плеском опустились вниз за моей спиной, своим появлением я разрушил мир, в котором они обитали.

Скользя и оступаясь, я осторожно двигался по покрытой слизью поверхности и, наконец, перебрался через неё.

Лицо под шлемом было покрыто потом, дыхание стало прерывистым. Запасы воздуха подходили к концу, придётся снять шлем, даже если это будет стоить мне жизни.

Присев на корточки, я щёлкнул замком и сделал вдох, не исключая того, что в результате этого эксперимента останусь без лёгких. Но, хотя воздух и был насыщен ядовитыми испарениями, он понравился мне больше, чем тот, которым мне пришлось дышать в спасательной шлюпке.

Со всех сторон доносились разнообразные звуки: жужжание насекомых, резкие крики, раздававшиеся в отдалении глухие удары, казалось, кто-то время от времени бил в огромный барабан. Слышался шелест и потрескивание. Я чувствовал сильный запах гари, хотя и не замечал среди живущих на дереве существ никакого движения, которое дало бы возможность предположить, что эти обитатели покрытых листьями высот спасаются от огня.

За моей спиной увядало растение-водонос, его измятые листья распадались на гниющие куски, внутренние лепестки или листья, в которых собиралась вода, раскрылись, и с ветки хлынули бурные потоки, унося с собой извивающихся и отчаянно барахтающихся насекомых. Растение продолжало умирать и гнить, пока наконец от него не осталось лишь чёрное пятно, издававшее такой тошнотворный запах, что я поскорее двинулся дальше.

Ветка расширялась. Теперь её обвивали лианы, приходилось двигаться очень осторожно, чтобы не угодить в ловушку. Я потел от душливой жары. Скафандр всё больше мешал мне. Кроме того, меня мучал голод, и, вспоминая пившее из лужи существо, я размышлял о том, удастся ли мне поймать какое-нибудь животное.

— Пусти! — Ит не тратил слов попусту, однако было достаточно ясно, что он имеет в виду. Придержав ящик, я открыл дверцу. Он пулей вылетел наружу и в нерешительности замер на ветке, покачивая головой из стороны в сторону.

— Нам нужна еда, — помнится, Ит говорил, будто бы умеет отличать съедобное от несъедобного. Больше всего

я опасался того, что на незнакомой планете практически вся пища может оказаться несъедобной для пришельцев. Мы совершили удачную посадку, но теперь, возможно, умрём с голоду среди полного изобилия пригодной для аборигенов пищи.

— Вот, — вытянув шею, чтобы придать особое значение сказанному, Ит ткнул носом в какое-то растение. Это был отросток одной из змеевидных лиан. Он походил на черешок, с которого свисали узкие сплюснутые стручки. Они тряслись и дрожали, и, казалось, жили своей собственной непонятной жизнью. Я не понимал, почему Ит выбрал для еды именно их. Они выглядели менее привлекательными, чем гроздь овальных ягод, спелых и сочных, которые свешивались с другого стебелька неподалёку от нас.

Я проследил за тем, как мой спутник срывает передними лапками стручки. Он очистил их от шелухи и достал несколько мелких, даже слишком мелких, фиолетовых зёрнышек, и съел их без всякого удовольствия, словно выполняя свой долг.

Он не забился в конвульсиях, не впал в предсмертное оцепенение, а деловито доел вылущенные из стручка горошины, затем повернулся ко мне.

— Это вполне съедобно, а без пищи ты не сможешь двигаться дальше.

Я всё ещё колебался. То, что полезно для моего наполовину чуждого спутника, не обязательно годится в пищу для меня. Но выбора не было. Неподалёку росла ещё одна гроздь трепещущих стручков.

Я медленно стащил с пальца космическое кольцо, положил его в кармашек на поясе скафандра, отстегнул перчатки и, оставив их болтаться вокруг запястий, стал собирать урожай.

На месте волдырей остались подживающие рубцы, розовые пятна новой кожи ярко выделялись на фоне космического загара. В результате кочевого образа жизни моя кожа стала темнее, чем у тех, кто постоянно жил на

одной планете, хотя оставалась более светлой, чем у астронавтов. Я не видел своего лица, но не сомневался в том, что оно было обезображено покрывавшими его пятнами. Пока эти пятна не исчезнут, если они вообще когда-нибудь исчезнут, все люди будут от меня шарахаться. Мне, возможно, даже повезло, что мы приземлились не в порту, там бы на меня только глянули и сразу посадили бы в карантин на неопределённый срок.

Я очистил горошины от шелухи. Твёрдые и гладкие на ощупь, они были крупнее, чем зёрна пшеницы. Я поднёс их к носу (запах, если они вообще его имели, терялся среди других ароматов), заставил себя положить несколько штук в рот и разжевать.

Под моими зубами они превратились в сухую безвкусную муку, которую я с трудом проглотил. Сделав первый шаг, я уже не видел смысла останавливаться на полпути. Я оборвал все стручки, до которых мне удалось дотянуться, разжевал их и проглотил, а также дал Иту те две грозди, на которые он мне указал.

Мы позволили себе сделать пару глотков жидкости из найденной на корабле канистры. Я успел прихватить её с собой, и она болталась у меня на поясе. Это избавило нас от страшной сухости во рту.

Пока я ел, Ит в нетерпении метался по ветке, убегая всё дальше и дальше, останавливаясь, чтобы оглядеться и прислушаться, затем возвращаясь ко мне. Он родился совсем недавно, но вёл себя так уверенно, словно был уже вполне взрослым.

— Мы высоко над землёй, — он вернулся и устроился рядом со мной. — Хорошо бы спуститься пониже.

Возможно, мне следовало бы прислушаться к его мнению, ведь я уже положился на его инстинкт при выборе пищи. Но карабкаться по веткам в скафандре было очень неудобно, я боялся споткнуться о переплетения лиан.

Став на четвереньки, я пополз вниз, ощупывая пространство перед собой. Вскоре я добрался до того места, где лианы брали начало — до гигантского ствола дерева.

Каким же огромным он был. Мне кажется, если бы он был полым, внутри вполне мог бы разместиться дом средних для Ангкора размеров, высоту же его мне было даже не вообразить. Я попытался представить, как далеко от нас поверхность этого заглушаемого растительностью мира. А вдруг вся планета покрыта подобными деревьями?

Если бы не лианы, я бы никогда не спустился вниз, но их изгибы, скользкие и ненадёжные, всё же служили мне опорой. На моём поясе висел моток троса с крючком на конце, предполагалось, что с его помощью можно закрепить на поверхности корабля во время ремонтных работ; на «Вестрисе» я не сумел обнаружить его. Теперь я воспользовался им. Зацепив крюк за лианы, я спускался на длину троса, затем выдёргивал крюк и цеплял его снова. Я продвигался вниз с большим трудом и вскоре едва не падал от усталости. Удушливая жара усугубляла мои трудности.

Я добрался до очередной развилки. Эта ветка была ещё толще, чем первая. Я залез на неё, довольный тем, что благополучно преодолел хоть это небольшое расстояние. Густая листва практически не пропускала света, и здесь было темно, как в пещере. Я подумал, что на земле, под скрывающим небо лесным шатром, царит вечная ночь. Даже сюда свет, очевидно, проникал через проём, оставленный спасательной шлюпкой.

На этом уровне уже не рос мох с дыхательными чашечками. Вместо него повсюду виднелись грубые, покрытые шипами наросты, из которых свешивались вниз длинные и тонкие, как нити, усики. На них выступали капельки живицы или похожего на неё вещества. Эти капельки слабо мерцали. Я решил, что это приманка, привлекающая жертву либо с помощью свечения, либо благодаря своему запаху. В них завязло несколько насекомых, временами они предпринимали отчаянные попытки высвободиться, изо всех сил раскачивая похожие на ниточки усики.

Ит замер рядом со мной, я чувствовал, что он недоволен моей медлительностью. Ему не мешал скафандр, и он один уже давно добрался бы до земли. Теперь он требовал,

чтобы я шёл дальше. Но если он и боялся чего-то в этом древесном мире, то не стал делиться со мной своими опасениями. Он вёл себя по отношению ко мне, как взрослый, вынужденный иметь дело с ребёнком, о котором надо заботиться и чьё присутствие затрудняет и усложняет выполнение неотложной задачи.

Пыхтя и охая, я снова начал спускаться. Ит скользнул мимо меня и исчез с такой легкостью, что я не мог ему не позавидовать, мне же приходилось ползти, закреплять крюк, цепляться за него, высвобождать его, снова закреплять и снова ползти. По мере того как сгущалась тьма, я стал с большей осторожностью втыкать крюк и подолгу искал опору для рук.

Постепенно у меня создалось впечатление, что я пустился в путь в полдень, а теперь уже вечерело. К счастью, многие растения светились, а покрытые шипами наросты, сочившиеся живицей, становились всё больше и больше и распространяли вокруг себя тусклый свет. Возможно, действительно наступала ночь.

При мысли об этом я удвоил свои усилия. Меньше всего мне хотелось быть застигнутым темнотой на бесконечных лестницах, образованных переплетением лиан. Не останавливаясь, я миновал ещё две ветви, хотя меня и тянуло отдохнуть на них, и упрямо продолжал спускаться вниз.

После исчезновения пившего из лужи существа, мне попадались лишь насекомые. Их здесь было превеликое множество, самых разных — от ползавших по лианам и коре до мириадом крылатых существ. У самых крупных из них тоже были радужные световые пятна. Их антенны, крылышки и другие части тела сверкали яркими красками, в отличие от призрачно-сероватого света, распространяемого растениями. Я видел искры красного, голубого и ярко-зелёного цвета, казалось, вокруг меня порхали на крылышках крошечные драгоценные камни.

Стояла уже глубокая ночь, когда, отчаянно цепляясь за грубую кору, я спустился с последней петли лианы, которая упиралась в землю далеко в стороне от дерева. Я

спрыгнул на мягкую подстилку из опавшей листвы и провалился в неё по колено. Тёмная, безлунная и беззвёздная ночь.

— Сюда! — раздался зов Ита. Я барахтался в перегное, пытаясь нащупать ногами твёрдую почву. Однако теперь я повернулся в том направлении, откуда раздался его призыв.

Корни лиан расползались в стороны от чудовищного ствола дерева, между ними и стволом оставалось небольшое пространство, в котором не росли светящиеся растения и было совершенно темно. Мне показалось, что мой спутник нашёл там себе убежище. Опираясь на лианы, я с трудом вытащил ноги из вязкого перегноя и, протиснувшись в щель между корнями, оказался в пещере. У нас не было ни света, ни оружия, но всё же мы могли чувствовать себя относительно защищёнными. Я не имел ни малейшего представления о том, какие существа бродят под пологом леса. Всегда лучше заранее предположить худшее, чем обманывать себя ощущением ложной безопасности. Практически во всех мирах на деревьях обитают мелкие животные, а крупные живут на земле.

Я согнулся и сел, прижавшись спиной к корню дерева. Я расположился лицом к выходу, чтобы ни одно движение за завесой корней не утаилось от моего взгляда. И чем дольше я сидел в темноте, тем лучше различал окружающие нас предметы.

К моему поясу был прикреплён фонарик, однако не стоило включать его без особой необходимости. Его свет вполне мог привлечь внимание тех тварей, встречи с которыми я стремился избежать. Мелькали искры света, отмечавшие движение крылатых существ. Теперь появились и другие, они не летали по воздуху, а ползали по земле.

Воздух звенел от множества звуков. Не успел я устроиться, как раздался глухой прерывистый писк. Затем неподалёку послышалось сопение, которое постепенно слабело, пока не утихло вдали. Из последних сил я боролся со сном, воображение рисовало мне яркие картины того, что произойдёт, если я закрою глаза и не замечу вовремя

какую-нибудь тварь, которая подползёт или неслышно подкрадётся к нашему ненадёжному убежищу.

Я не спускал пальца с кнопки фонарика. Возможно, если у нас не будет другого выхода, нам удастся ослепить дерзкого охотника внезапной вспышкой света и убежать.

Ит вскарабкался на своё любимое место у меня на плечах. Он потяжелел, должно быть, рос, причём гораздо быстрее, чем котёнок или детёныш любого другого известного мне животного. Я почувствовал, как его жёсткая, похожая на проволоку, шерсть царапнула по моей коже. У меня отнюдь не возникало желания погладить его или приласкать.

— Куда мы пойдём дальше? — не то, чтобы я рассчитывал получить чёткий ответ на свой вопрос, просто общение с существом, которое не было таким враждебным, как всё, окружающее меня, действовало успокаивающе.

— Ночью никуда. Это место ничуть не хуже любого другого, — я снова уловил в его словах раздражение.

— А утром?

— Куда глаза глядят. Одно направление ничем не лучше другого. Мне кажется, это большой лес.

— Спасательная шлюпка упала не далеко отсюда. Там остались инструменты, оружие, если оно всё ещё действует.

— Приятно слышать. Ты начинаешь думать. Да, нашей первой целью будет корабль. Но не последней. Не думаю, что мы можем рассчитывать на помощь спасателей.

Я с трудом боролся со сном, Ит устроился поудобнее на моих плечах и груди, и я почувствовал, как его шерсть кольнула меня.

— Спи, раз тебе хочется, — уловил я его отрывистую мысль, — если ты будешь плохо обращаться со своим телом, оно выйдет из повиновения. Завтра утром тебе понадобится послушное тело и ясный ум.

— А если какой-нибудь ночной зверь, рыскающий по лесу, решится вытащить нас из этой норы? Тарки в своём панцире и то в большей безопасности.

— Когда это случится, тогда и будем думать, что делать. Мне кажется, я чувствую опасность острее, чем ты. Я уже

говорил тебе, что у этого тела есть определённые преимущества.

— У этого тела? Скажи мне, Ит, а каким должно быть твоё настоящее тело?

Я не получил никакого ответа, если не считать ответом внезапно возникшую между нами непроницаемую стену. Я понял, что, сам того не желая, оскорбил своего спутника. Ит, очевидно, был не склонен рассказывать мне о той жизни, которую он вёл, а, может, и не вёл до того момента, когда Валькирия, оказавшись на болотистой планете, проглотила чёрный камень.

Его доводы показались мне достаточно убедительными, я не смогу всё время не спать. Если у Ита есть чувство опасности, присущее животным, но давным-давно притупившееся у представителей моего вида, то он поднимет тревогу раньше, чем я хоть что-нибудь услышу или увижу.

Поэтому я сдался и заснул, откинувшись на корень дерева; над окружающим меня диким миром простиралась глухая чёрная ночь. Мне ничего не снилось, а если и снилось, то, проснувшись, я всё забыл. Внезапно Ит вывел меня из забвения.

— ...справа... — обрывок мысли, острый как наконечник копья, разбудил меня, вонзившись в мозг. Я заморгал, пытаюсь стряхнуть остатки сна.

Затем я заметил тусклое свечение. Пока я спал, темнота, вероятно, немного рассеялась.

Он стоял, слегка наклонившись вперёд, но на двух ногах, а не на четырёх, казалось, это положение было для него не совсем привычно, а может быть, он просто прислушивался или с подозрением вглядывался в темноту. Очевидно, ему удалось уловить непривычный запах. Однако его голова была повернута в сторону от нас.

Подобно разноцветным насекомым и растениям, он тоже светился в темноте. При этом он имел весьма странный вид: сероватые светящиеся пятна располагались лишь на определённых участках тела, не покрывая его целиком. Большое круглое пятно светилось у него на макушке, а ниже, там, где у человека находятся брови, на тёмном лице выделялись два овальных пятна поменьше.

Вдоль наружной стороны верхних и нижних конечностей шли полосы света, и ещё три круга, наподобие того, что венчал его голову, располагались по прямой вдоль туловища. Кроме того, мне удалось разглядеть, что его конечности гораздо толще, чем полосы света на них, а округлое туловище слегка расширялось в плечевой части.

Он отошёл немного в сторону, и я заметил в его руках подобие дубинки. Он резко взмахнул ею, и я услышал отвратительный гулкий звук, означавший, что удар пришёлся прямо по намеченной жертве. Охотник вытянул длинную руку и подобрал обмякшую тушку, затем повернулся и, держа в одной руке дубинку, а в другой убитое им животное, исчез в зарослях лиан с такой скоростью, что напомнил мне пившую из лужи тварь.

Безусловно, это было уже не животное. Но я не имел ни малейшего представления о том, как далеко он ушёл в своём развитии от самых примитивных существ. Ростом он был с высокого человека, если не выше.

— Мы здесь не одни, — заметил я и почувствовал, как Ит беспокойно вздрогнул.

— Самым разумным было бы отправиться на поиски спасательной шлюпки, — ответил он, — если только она не совсем разбита. День начинается.

Опустившись на колени, чтобы выбраться из нашего временного убежища, я задумался о том, в каком направлении нам двигаться. Я не имел об этом ни малейшего представления. Если Ит не сумеет вывести нас к шлюпке, мы можем пройти в двух шагах от неё и ничего не заметить. Мне доводилось слышать о том, что, попав в незнакомую местность, люди, у которых нет компаса или проводника, начинают ходить бесконечными кругами.

Глава 8

— Где ты предлагаешь искать корабль? — обратился я к Иту.

Даже не спросив моего согласия служить ему средством передвижения, он свернулся вокруг моей шеи. Было

влажно и жарко, тяжёлый скафандр оттягивал плечи, а тут ещё такая обуза как Ит.

Он покачал головой из стороны в сторону, словно вынюхивая куда нам идти. Сверху постоянно капало. Во мраке леса всё время шёл дождь, вернее оседала сконцентрировавшаяся наверху влага.

Внизу не было подлеска и росли только растения-паразиты, пустившие корни на стволах деревьев и стеблях лиан; они, очевидно, не нуждались в солнечном свете и в большинстве своём сами тускло мерцали.

Между деревьями не было видно ни единого просвета. Гигантские стволы стояли довольно далеко друг от друга, большие и сильные прокладывали себе дорогу к солнцу и свету, слабые умирали. Все они служили опорой для кружева лиан, которые, разветвляясь и переплетаясь, создавали запутанные лабиринты.

Под тем деревом, где вооружённый дубинкой охотник прикончил свою жертву, мы обнаружили протоптанную дорожку, возможно, звериную тропу. Как хотелось двинуться по проторенному пути, но это было опасно.

— Направо! — Голова Ита качнулась в указанном направлении.

— Откуда ты знаешь?

— Запах! — резко ответил он. — Гарь, горячий металл. У этого тела есть, по крайней мере, некоторые достоинства. Сверни направо и ступай осторожно.

— Как получится, — в свою очередь отрезал я. Не так-то легко было идти по толстому слою перегноя, образовавшемуся из опавших листьев. Магнитные подошвы ботинок проваливались на каждом шагу, и я с трудом вытаскивал их то из сыпучего песка, то из вязкой грязи. Скафандр совершенно не подходил для подобного путешествия, однако я не расставался с ним, потому что он давал мне чувство безопасности.

Ит, как всегда, оказался прав. Обогнув два опутанных лианами гигантских ствола, мы увидели впереди просвет. Над ним ещё дымились ленивые клубы дыма, но пропи-

танная влагой растительность была настолько сочной, что пожар, вызванный падением спасательной шлюпки, потух почти сразу. Корабль ударился о землю носовой частью и бортом и глубоко зарылся в перегной, в измятой металлической обшивке зияли рваные дыры.

Ярко окрашенные насекомые сновали в образовавшемся при его падении просвете, изредка спускаясь вниз, чтобы полакомиться соком, сочившимся из поломанных веток. При виде четвероногого исследователя, заползшего на разбитый корпус корабля, они резко вспорхнули в воздух. Только теперь, когда опасность уже миновала, я понял, что мы были на волосок от гибели. А вдруг мы не успели бы выбраться из шлюпки до того, как она сорвалась вниз с верхушки дерева? Я с трудом перелез через валявшиеся вокруг корабля обломки. Ит соскочил на землю и, в два прыжка добравшись до цели, побежал вдоль бортов шлюпки.

— До люка нам не добраться, — доложил он, — но здесь есть пролом, правда, слишком маленький для тебя.

— Но вполне достаточный для тебя. — Едва не напоровшись на острые обломки веток, я сдвинул их в сторону и ступил на слой углей, из-под ног поднялись струйки вонючего дыма.

Я заметил, как Ит нырнул в пролом. Вблизи шлюпка выглядела ужасно, очевидно, внутри всё было изломано и искорежено, туда всё равно не смог бы пролезть никто крупнее мутанта.

— Верёвку, — раздалась мысленная команда моего спутника, — брось мне верёвку.

Ступая по тлеющим обломкам, я подобрался поближе к пролому и спустил вниз моток троса с крючком на конце, которым пользовался при спуске с дерева. Он дёрнулся под тяжестью прикреплённого к нему груза, я стал медленно тянуть его вверх, верёвка подёргивалась, как будто Ит придерживал висевший на ней груз. Первым, прикладом вперёд, появился предмет, который напоминал оружие. Я нетерпеливо схватил его и сразу же почувствовал себя в

большей безопасности. Приклад был неудобным — это устройство явно не предназначалось для человека. В отличие от станнера или лазера, оно приводилось в действие не с помощью кнопки, а небольшим рычажком, до которого я с трудом доставал пальцем. Я установил минимальную дальность, нацелил его на сломанную ветку и нажал рычажок.

Возникла слабая вспышка, как будто мигнул свет, и больше ничего. Очевидно, это оружие потеряло убойную силу. Мы могли использовать его лишь в качестве причудливой дубинки. Я сообщил об этом Иту.

Ничем не выразив своего разочарования, он снова скрылся в корабле, а я бросил ему верёвку. Вскоре у нас набралась целая груда разнообразного оборудования, в том числе ещё одна канистра с жидкостью, затем острое, как бритва, орудие длиной примерно в фут; им, по крайней мере, по-прежнему можно было пользоваться, в этом я убедился, срезав им для пробы несколько шипов. Последним мы достали рулон ткани; в сложенном виде она занимала очень мало места, а разворачиваясь, превращалась в широкое полотнище, которое, судя по всему, не пропускало воду.

На сломанных ветках я нашёл ещё немного стручков, вылушил из них семена и наполнил ими пустую канистру.

Не имело смысла терять время возле разбитого корабля. Будь это современная спасательная шлюпка, мы могли бы подать сигнал бедствия и, оставаясь поблизости, ждать помощи, правда, даже в этом случае у нас имелось бы весьма мало шансов на спасение, скорее всего, нас всё равно бы не нашли. Но мы не питали иллюзий относительно нашего будущего.

— Куда пойдём? — спросил я, свернув ткань так, чтобы её можно было привязать к поясу, а про себя добавил: «зачем?»

Ит снова вскарабкался на груду обломков. Он вертел головой, раздувал ноздри, словно пытался уловить какой-нибудь запах, который указал бы ему направление движе-

ния. Что касается меня, то я не нашёл бы дорогу в этой дикой глуши. Мы могли бы всю жизнь блуждать во мраке под деревьями без всякой надежды выбраться из леса.

— Вода, — уловил я его мысль, — река или озеро. Если бы нам удалось найти что-нибудь в этом роде.

Река, она поведёт нас, но вопрос в том, куда? И где искать реку?

Внезапно меня осенило:

— Звериная тропа!

Животные, способные оставить такой след в слое перегной, конечно же, нуждаются в воде. Проторенная тропа неизбежно выведет нас к реке.

Ит побежал назад к разбитой хвостовой части шлюпки.

— Хорошо придумано, — прыгнув, он приземлился мне на плечи, едва не сбив меня с ног. — Налево, нет ещё левее, — он указывал дорогу передней лапкой. Тропинка, на которую мы вышли, круто забирала влево.

Когда просвет остался позади, я обернулся. Ит своим телом загораживал тропу, но всё же я заметил, что за мной тянется отчётливый след. Достаточно было иметь глаза, чтобы выследить нас. А как насчёт охотника с дубинкой? Мы станем для него лёгкой добычей, если привлечённый любопытством он придёт взглянуть на пролом в лесном шатре.

— Всего не предусмотрить. Нам остаётся только быть начеку, — ответил Ит.

И он действительно был начеку, вертелся во все стороны, чем сильно затруднял моё продвижение вперёд. Он был весьма тяжёлым, и я боялся оступиться. С помощью длинного ножа, найденного на спасательной шлюпке, я прорубал дорогу в окружавших пожарище зарослях, затем мы снова оказались в сумрачном лесу.

Мы петляли из стороны в сторону, обходя переплетения лиан. Я бы сразу заблудился, но Ит, похоже, знал, куда идти. Временами он принюхивался, потом задавал мне направление, и так до тех пор, пока я не наткнулся на чёткие следы, обозначающие звериную тропу. Ею пользо-

вались так часто, что поверхность тропы лежала на ладонь ниже окружающей её почвы. На ней были видны отпечатки не то лап, не то копыт, и другие, более чем странные следы, перекрывавшие друг друга.

Вскоре мы вышли на прогалину, образовавшуюся при падении дерева. Рухнув на землю несколько месяцев тому назад, оно увлекло за собой молодую поросль, предоставив место кустарнику, который рос теперь настолько буйно, что покрывал всю прогалину густым ковром. Среди кустов виднелись похожие на цветы растения с широкими лепестками и глубоким зевом. Я заметил, как длинный усик, протянувшийся от этого разверстого зева, вцепился в маленькое крылатое существо, присевшее на лепесток, и утащил свою оказывающую сопротивление жертву в полость между лепестками. Лепестки были ярко-жёлтого цвета с ядовито-зелёными полосками, а всё растение издавало такой тошнотворный запах, что мне пришлось отвернуться.

Тропинка не пересекала прогалину, а огибала её по периметру, описывая почти полный круг, так что мы снова углубились в лес неподалёку от того места, где вышли из него. Как раз перед тем, как снова войти под сумрачный шатёр, я приготовился срубить мешавшую мне лиану, но замер, увидев оставленный рядом с тропинкой след, подтверждавший моё предположение о том, что мы были не единственными, кто по ней шёл.

Я заметил кустик, состоявший из нескольких голых прутьев. На верхушке каждого из них торчал пучок крошечных тёмно-красных перистых листьев. Два полых стебля были повреждены так недавно, что из них до сих пор ещё сочился водянистый сок. Я наклонился, чтобы разглядеть их получше, и у меня не осталось никаких сомнений. Они были не сломаны, а срезаны. Желая подтвердить свою догадку, я сам срезал ещё один. Упругий гладкий стебель легко гнулся в руках, из нижней его части брызнула жидкость.

— Идёт удить рыбу.

— Что?.. — начал было я.

— Молчи! — Ит стал просто невыносим. — Да, идёт удить рыбу... Будь осторожен. Я с трудом читаю его мысли. Он находится на очень низкой ступени развития, думает в основном об еде, и его мыслительный процесс весьма примитивен. Он идёт к воде, где надеется заняться рыбной ловлей.

— Это тот, с дубинкой?

— Скорее всего, да, — согласился Ит, — если только здесь не развилось два примитивных вида. Правда, вряд ли тот же самый туземец. Мне кажется, они часто ходят в этом направлении. Он шагает по тропе с уверенностью существа, идущего по знакомой дороге, на которой ему нечего бояться.

Я не разделял уверенности туземца. Неподальёку раздался громopodobный удар. С Итом на плечах я бросился к ближайшему дереву, прижался к нему спиной и выставил вперёд перепачканный соком нож. Обзор был слишком ограничен. Как я ни старался разглядеть хоть что-нибудь, я почти ничего не видел за стволами деревьев и переплетениями лиан.

Всё было спокойно. Судя по звуку, рухнуло одно из гигантских деревьев, чьи корни, казалось, достигали ядра планеты. Рухнуло? Рано или поздно все деревья умирают. А мёртвое, начавшее гнить дерево неизбежно падает под тяжестью покрывающих его лиан и растений-паразитов. Ведь упало же дерево, что образовало прогалину в лесу. А вдруг следующим будет как раз то, к которому я прижимаюсь спиной? Сперва я устремился к нему в поисках укрытия, а теперь так же быстро убежал прочь.

Не знаю, может ли мысль выражать насмешку, но именно такая мысль исходила от Ита. Я решил, что он становится совершенно несносным.

Как назло, я тут же зацепился ботинком за корни лиан и рухнул навзничь, словно мёртвое дерево. Я пришёл в ярость. Реакция Ита была мгновенной — он спрыгнул на землю и уселся неподалёку, обнажив клыки, всем своим видом выражая крайнее недовольство.

— Если ты не можешь ходить нормально, — выпалил

он, — то по крайней мере, смотри под ноги. Зачем ты таскаешь на себе эту тяжелую и никому не нужную шкуру?

А действительно, зачем? Я так вспотел под скафандром, что комбинезон уже прилипал к телу. Кожа зудела, особенно там, где я не мог почесаться; было очевидно, что мне придётся не один день мокнуть в ванне, чтобы избавиться от преследовавшего меня собственного запаха. И всё же я цеплялся за скафандр, как тарк цепляется за свой панцирь, защищающий его от неизвестности.

Для космоса он больше не годился. Осмотрев ткань, я обнаружил, что порвал её при спуске с дерева. Тяжёлые ботинки камнем висели на ногах и тонули в перегное. Пояс, в кармашках которого лежали все наши нехитрые пожитки, можно приспособить поверх комбинезона, а сам скафандр... Ит прав. Он только мешает. И всё же я еле двигал пальцами, растёгивая многочисленные застёжки и пряжки, мне ни за что не хотелось расставаться со своим панцирем.

Однако, сбросив его и почувствовав прохладу, я вздохнул с облегчением. Когда мы двинулись дальше, у меня оставался лишь маленький свёрток за спиной, руки же освободились, и я мог теперь легко орудовать ножом. Идти стало намного легче. Прочные трикотажные вкладыши, которые я вытащил из космических ботинок, не только предохраняли ноги от соприкосновения с почвой, но и обладали тем преимуществом, что не скользили по перегною. Найти бы теперь пруд или ручей, окунуть в него своё распаренное тело и вымыться по-настоящему, правда, в незнакомом мире подобное мероприятие было бы совершеннейшим безрассудством, разве только я сначала убедился бы в том, что в воде нет никаких обитателей, которые могли бы оказать сопротивление при моём вторжении.

— Вода, — объявил Ит. Его голова покачивалась из стороны в сторону. — Вода, много воды, неизвестные животные.

В воздухе витали разнообразные, незнакомые мне запа-

хи. Я поверил Иту и пошёл медленнее. Почва под ногами стала влажной, на ней оставались более глубокие и чёткие следы. Я выделил один, отпечатавшийся поверх других. Клиновидный, с зубцами, чётко выделявшимся там, где он выступал за края тропы, он был намного больше тех, что оставлял я сам.

Я не следопыт и никогда не охотился на животных. Правда, я бывал в колониях переселенцев и на первобытных планетах, но не видел там ничего, кроме деревень и факторий. Я не имел никаких навыков жизни среди дикой природы.

Но всё же я понял, что существо, оставившее такие чёткие и глубокие следы, было большим и тяжёлым, и, скорее всего, передвигалось нерешительно.

— Вода, — повторил Ит.

Я уже и сам догадался об этом. На залитой жидкой грязью тропе больше не оставалось чётких отпечатков следов. Кое-где земля оставалась более твёрдой, и я прыгал с кочки на кочку. Очень скоро тропа скрылась под тонким слоем воды, из которой поднимались деревья и кусты. Попадались кучи мусора, застрявшие в переплетениях лиан на высоте моего роста. Создавалось впечатление, что здесь недавно произошло наводнение, и теперь земля медленно просыхала.

Между деревьями в ямах показались лужи, пахнувшие гнилью и окружённые полосами жёлтого ила. Мы прошли мимо груды костей, застрявших среди лиан; узкий череп скалил на нас свои зубы.

Лужи превратились в небольшие озёра; озёра, соединяясь вместе, образовывали огромные пространства, покрытые стоячей водой. Подмытые деревья угрожающе клонились в разные стороны. Те, что поменьше, иногда были вырваны с корнем и торчали комлём вверх.

— Осторожно!

И снова предупреждение Ита запоздало. Возможно, из-за зловония его обоняние утратило свою остроту, но он унюхал туземца лишь после того, как я его заметил.

На склонившемся над прудом стволе дерева притаилось существо, хорошо видимое при дневном свете. Это был гуманоид, однако жёсткие волосы росли у него не только щетинистой копной на голове, но и двумя густыми полосами вдоль наружной стороны рук и ног, а также тремя круглыми мохнатыми пятнами на груди и животе.

Вокруг его чресел болталась коротенькая бахромчатая юбочка, а с толстой шеи свисал ремешок с нанизанными на него тускло-зелёными шариками вперемешку с красными цилиндрами. Тяжёлая дубинка лежала на суку, а её владелец с головой ушёл в работу.

Прут — я узнал в нём тонкий стебель, срезанный с того куста, мимо которого мы проходили — был согнут в кольцо, один из концов образовывал ручку. Туземец крепко зажал его в огромных когтях ног. В руках же он держал раздвоенную палку, на которую была насажена извивающаяся чёрная тварь, она так яростно билась и дёргалась, что я не мог её разглядеть.

Борьба была совершенно напрасной, туземец водил палкой через обруч, сначала из стороны в сторону, а затем сверху вниз. Нить, тянувшаяся из извивающегося тела, зацеплялась за края обруча и, соединяясь с соседними, образовывала сеть. Ещё раз пропустив своего пленника через обруч, туземец остался доволен результатом. Резко взмахнув рукой, он бросил палку с насаженным на неё существом в пруд. На месте падения образовался водоворот, в котором исчезли и тварь, и палка, и больше уже не появлялись на поверхности.

Туземец поднялся на ноги, держа сеть в руке. Он был на голову выше меня. Несмотря на тонкие руки и ноги, его бочкообразное тело казалось очень сильным. Лицо было не похоже на человеческое и напоминало скорее маски демонов с Танфа.

Глаза прятались под нелепыми кустистыми бровями, и оставалось только догадываться, где они находятся. Нос представлял собой мясистую трубку, которая постоянно двигалась из стороны в сторону. Под этим отростком располагался рот, из которого торчали два клыка, подбо-

родка не было, кожа свисала свободными складками прямо от нижнего ряда зубов к горлу. Путешествуя по звёздным трассам, со временем привыкаешь к странному виду местных жителей. Закатане похожи на ящериц, предки тристиан — птицы, есть и другие расы, происходящие от лягушек, собак и прочих животных. Но с моей точки зрения, это ужасное лицо было настолько отталкивающим, что я сразу же почувствовал к туземцу отвращение.

Он осторожно пробирался по стволу раскачивающегося под его тяжестью дерева, нащупывал ногой опору и лишь затем переносил на неё вес своего тела. Затем, не сводя глаз с грязной воды, он растянулся во всю длину, зажав оплетённый сетью обруч в левой руке.

Я замер в нерешительности. Если я пойду вокруг озера, то попадусь на глаза рыбаку, а мне этого не хотелось. Ит молчал, внимательно разглядывая туземца. Пока я колебался, рыболов взмахнул рукой, захватив обручем покрывшую чешуёй тварь длиной с моё предплечье.

Он выхватил её из сети и резко ударил о ствол дерева, затем привязал обвисшее тело к узлу на своей юбочке.

— Иди направо, — уловил я мысль Ита.

Рыболов был левшой, и его внимание было направлено влево. Значит, мне надо идти направо. Я медленно двинулся вперёд, стараясь прятаться за кустами. Но даже когда мне это удавалось, я не чувствовал себя в безопасности, я боялся увязнуть в топкой почве и оказаться беспомощным перед вооружённым дубинкой существом. У меня был острый нож, но дистанция удара у туземца была больше, кроме того, он хорошо знал это болото. Мне казалось безрассудным блуждать по этой трясине, постоянно рискуя заблудиться, и я сказал об этом Иту.

— Это не настоящее болото, — заметил он. — Всё говорит о том, что здесь недавно произошло наводнение. А наводнение может быть вызвано разливом реки.

— Имеет ли смысл стремиться к ней?

— Вдоль берега двигаться легче, чем по звериной тропе. Кроме того, цивилизации обычно зарождаются именно в

долинах рек. Ты считаешь себя торговцем и не знаешь этого. Если эта планета может похвастаться существованием цивилизации или если её посещали торговцы из иных миров, то свидетельство этому ты найдёшь в долинах крупных рек. Особенно там, где они впадают в море.

— Всё-то ты знаешь, — заметил я, — и уж, конечно, эти знания ты получил не от Валькирии.

Я снова почувствовал его недовольство.

— Выучись, если жизнь заставит. Кладёзь премудрости никогда не оскудевает. А на таком корабле, как «Вестрис», можно узнать всё о торговцах и их секретах. Его команда рождена для торговли, они имеют богатый профессиональный опыт.

— Ты, должно быть, потратил немало времени на чтение их мыслей, — прервал я его. — Между прочим, может ты знаешь, почему они увезли меня с Танфа? — Я, в общем-то, не рассчитывал на ответ, но он тут же сказал:

— Им заплатили за это. Всё было заранее продумано. Я не знаю подробностей, потому что и они их не знали. Но план сорвался, и тогда потребовалась их помощь, им заплатили за то, чтобы они вывезли тебя с планеты и доставили на Вейстар.

— Вейстар! Но ведь это всего лишь легенда!

Если бы Ит мог фыркнуть, он бы, вероятно, издал именно этот звук.

— Эта легенда имеет достаточно материальное обоснование. Они везли тебя туда. Только они настояли на том, чтобы сначала отправиться по своему привычному маршруту. А когда ты подхватил лиловую лихорадку, они решили, что осторожность прежде всего. В страхе перед инфекцией они решили избавиться от тебя. Отпадала необходимость заходить на Вейстар, достаточно было отправить туда сообщение о твоей гибели.

— Ит, ты настоящее сокровище. А что за всем этим стояло, кому я понадобился?

— Они знали только агента. Его зовут Ордик, он не с Танфа. Им не сказали, зачем ты нужен на Вейстаре.

— Действительно, зачем?

— Им нужен камень из космического кольца.

— Точно! — я потянулся к мешочку, в котором он лежал.
— Они знали о нём?

— Не думаю. Они хотели получить то, что ты или Вондар Астл постоянно носили с собой. Этот предмет представляет собой огромную ценность. Они давно его ищут. Ты ведь уже убедился в том, что у тебя нет ничего более ценного, чем кольцо?

Я сжал мешочек в руках.

— Да!

Затем я испуганно взглянул на камень. Он был горячим и дёргался в моих руках. Мы выбрались на открытое место, и всё вокруг было залито дневным светом, но я мог различить исходящее от него сияние.

— Он снова оживает!

— Тогда пусть он ведёт нас к своей цели! — потребовал Ит.

Я с трудом расстегнул мешочек и надел кольцо на палец. Ободок был таким большим, что оно свалилось бы, если бы я не зажал пальцы в кулак. Рука помимо моей воли поднялась в сторону, казалось, что камень снова использует моё тело в качестве индикатора. Я повернулся, чтобы идти в том направлении, куда он указывал.

Глава 9

— Нас преследуют, — сообщил мне Ит.

— Рыболов?

— Он сам или его соплеменник, — эта информация меня отнюдь не обрадовала. — Но он соблюдает осторожность, он боится.

— Чего? — резко спросил я. — Этот нож годится только для рукопашного боя. Я же не гладиатор с Корноуза, у меня нет ни малейшего желания драться с ним, я мирный торговец драгоценностями, а не воин.

Ит оставил мои бурные протесты без внимания.

— Он боится смерти-приходящей-издалека. Он видел её или слышал о ней.

Смерть-приходящая-издалека? Под этим может подра-

зумеяться всё что угодно: от копыя или пущенного из рогатки камня до лазерного луча и любые промежуточные ступени развития «цивилизации».

— Ты прав, — Ит уловил мои мысли. — Но... — казалось, он замер в недоумении. — Я больше ничего не понимаю. Чувствую только, что он боится и осторожно обнюхивает нас.

Мы спрятались в куче мусора, застрявшего между упавшими деревьями, и съели по горсти семян из нашего запаса, а также напились из корабельной фляги. Семена, возможно, были достаточно питательными, но я бы с удовольствием отведал чего-нибудь менее пресного. Кроме того, с тех пор как мы углубились в эту болотистую местность, они мне больше не попадались, поэтому я аккуратно распределил то, что у нас было. Пережёвывая свою долю, я смотрел в ту сторону, откуда мы пришли, стараясь обнаружить следившего за нами туземца.

Наконец я заметил его. Он стоял, опустившись на одно колено, почти касаясь земли головой, его подвижный трубчатый нос дрожал и дёргался, обнюхивая мои следы. Это был рыболов или другой туземец, как две капли воды похожий на него.

Тщательно обнюхав следы, он присел на корточки, поднял голову и начал медленно поворачивать ею, при этом его трубчатый нос задрался почти вертикально вверх. Я не сомневался в том, что он направит его прямо на нас, и в отчаянии приготовил нож.

Но он этого не сделал: то ли ему не удалось определить, где мы находимся, то ли он был настолько хитёр, что решил не выдавать своего открытия из страха насторожить нас ещё больше. Я напряжённо следил за ним: или он встанет и бросится на нас, или, скрывшись в зарослях, попытается обойти сзади.

— Он в растерянности, всё ещё ищет, — сообщил Ит.

— Но если он обнаружил наш след, то почему же сейчас не чувствует запаха?

— Не знаю. Знаю только, что он всё ещё ищет. Кроме того, он боится. Ему не нравится...

— Что? — спросил я, когда Ит замолчал.

— Это слишком сложно. Я не могу прочесть. Он чувствует больше, чем думает. Можно прочитать мысли и явно выраженные эмоции. Но я раньше не сталкивался с подобными существами. То, что мне удаётся разобрать, всего лишь поверхностные впечатления.

По крайней мере, нюхач не пытался приблизиться к нам, хотя сидел на корточках как раз возле того места, где остались мои следы. Я не знал, удастся ли нам незаметно выбраться из нашего укрытия.

Два дерева, не самых высоких, но достаточно толстых, упав, легли так, что их покрытые ветками кроны соприкасались, а стволы расположились под прямым углом друг к другу. Мы тайлись в образованном ветками углу; между нами и туземцем возвышалась куча принесённого водой мусора.

На поблекших и туго сплетённых ветках совсем не было листьев. Камень тянул меня так, словно хотел протащить сквозь эту преграду. Я склонился перед завалом и попытался перепилить ветки. Ит был уже там и разгребал сучки передними лапами, а я с помощью ножа подкапывал засыпанные землёй крупные ветви. Работа продвигалась очень медленно. Мы всё время останавливались и оглядывались на нюхача. К моему удивлению, он не обращал на нас никакого внимания, хотя мы, несмотря на все наши усилия, работали далеко не бесшумно. Ит доложил мне, что он даже не сдвинулся с места.

Внезапно я с ужасом понял, чего он ждёт — он был не один и нападёт на нас только после того, как придёт подкрепление.

— Ты прав, — Ит не собирался меня утешать. — Ещё один, а может и двое идут следом за ним.

— Почему ты не сказал мне этого раньше?

— Сказал бы, если бы в этом возникла необходимость. Мы должны сохранять спокойствие, поэтому не нужно нагнетать обстановку. Они ещё довольно далеко. К сожалению, день подходит к концу. А ночью они, как мне кажется, чувствуют себя гораздо увереннее.

Я не стал оформлять свои мысли в слова. Иту и так не составляло труда их прочесть.

— Там, куда мы идём, они тоже есть? — Я стремился не поддаваться панике.

— Нет, по крайней мере на том расстоянии, на котором я могу их почувствовать. Они не любят сюда ходить. Этот ждёт, пока подойдут другие, но не потому, что боится нас, а потому, что ему страшно идти туда, куда мы направляемся. И чем дольше он ждёт, тем больше боится.

— Тогда пошли вперёд, — я перестал соблюдать осторожность и быстрыми ударами ножа кромсал ветки, прокладывая дорогу сквозь завал.

— Отлично, — согласился Ит. — Однако, как бы мы не попали из огня да в полымя.

Я ничего не ответил, понадеявшись на то, что Ит прочтёт мои мысли и сам всё поймёт. За завалом оказалось ещё больше луж, окаймлённых кучами мусора, а также рухнувших деревьев. Нам не оставалось ничего другого, как пробираться по их стволам. Единственное оружие рыболова, дубинка, не могла причинить нам вреда на таком расстоянии. Он знал, что мы убегали, и на данный момент было важно двигаться как можно быстрее.

Ит сидел на моих плечах, держась лапами-ручками за верёвки, которыми был связан узел, висевший у меня за спиной. Я вскочил на ближайшее дерево и побежал зигзагами, перепрыгивая с одного ствола на другой и стараясь придерживать того направления, в котором меня тянул камень. Я рассчитывал, что он приведёт меня к какому-нибудь сооружению, кораблю или даже поселению тех, кому принадлежало кольцо, так же, как в космосе оно привело нас к брошенному кораблю. Однако огромный возраст корабля не оставлял надежды на то, что я найду в этом поселении жителей.

Мы вышли на свет. Вода проложила просеку среди крупных деревьев и подмыла скудный подлесок. Наконец-то я увидел небо над головой.

Тяжёлые тучи скрывали солнце, но по-прежнему было так жарко, что малейшее усилие вызывало одышку. В воздухе вились насекомые, время от времени я махал

руками, чтобы разогнать их. Однако они не кусались. Возможно, я слишком сильно отличался от их привычного источника пищи.

Создавалось впечатление, что нам удалось оторваться от погони. С тех пор как мы пустились бежать, Ит не отвечал на мои вопросы, но он, безусловно, поднял бы тревогу, если бы в этом возникла необходимость. Очевидно, я был ему нужен, хотя меня начинало беспокоить его нежелание разговаривать со мной на эту тему.

Лужи стали больше, и мне приходилось отклоняться всё дальше в сторону от направления, куда указывал камень. У меня не было ни малейшего желания шлёпать по опасному, покрытому грязной пеной мелководью. Кто знает, какие существа таились в этих мутных водах. Правда, насекомые сочли меня невкусным, но это ещё не говорило о том, что остальные представители местной фауны будут столь же привередливы.

Я не имел ни малейшего представления о том, сколько на этой планете длится день, но склонялся к мысли, что он подходил к концу и именно это, а не плотная пелена туч над головой, послужило причиной сгустившейся темноты. Мы должны были до наступления ночи найти себе укрытие. Если наше предположение верно, и туземцы ведут ночной образ жизни, то при внезапном нападении преимущество будет на их стороне.

Поток уводил меня вправо, а камень тянул влево, прямо на середину озера. Он тащил меня с такой силой, что в конце концов мне пришлось снять его с пальца и убрать обратно в мешочек, иначе я бы свалился в яму, которую в тот момент обходил.

Судя по всему, озеро в недалёком прошлом было гораздо больше, и вода теперь уходила как раз туда, куда стремилось кольцо. Я с трудом продвигался вперёд, время от времени спрашивая Ита, нет ли за нами погони. Он всякий раз рассеивал моё беспокойство.

Стемнело, а я всё ещё не нашёл подходящего места для ночлега. В грязи виднелись отпечатки следов, оставленные

многочисленными крупными животными, значит, они часто ползали здесь из пруда в озеро и обратно. Размеры некоторых из этих следов были таковы, что стоило не один раз подумать, прежде чем расположиться на ночь в непосредственной близости от проложенной ими тропы.

Первый из возвышавшихся над поверхностью земли валунов был настолько покрыт засохшей тиной и мхом, что я прошёл мимо, даже не заметив его. Лишь забравшись на один из них, чтобы получше разглядеть дорогу, я обратил внимание на то, что они были расположены по прямой линии, а не валялись в естественном беспорядке.

Моя нога скользнула по поверхности валуна, я покатился вниз и, стараясь задержать падение, воткнул в него кончик ножа. Но камень был слишком твёрдым, и клинок отскочил от него с каким-то металлическим звуком, сковырнув огромный пласт грязи.

То, что предстало моему взгляду, оказалось не шершавым выступом скальной породы, а искусственно обработанной поверхностью, даже на ощупь не напоминавшей камень. Создавалось впечатление, что скала когда-то была оплавлена и на ней образовалось глянцевое стекловидное покрытие, правда, теперь покрытое наростами и местами выщербленное. Оно было тускло-зелёного цвета, испещрённое коричневато-жёлтыми полосами. Однако валуны не могли быть частью стены, потому что камни не соединялись впритык, а располагались на расстоянии нескольких шагов друг от друга. Вероятно, раньше они скреплялись при помощи какого-то другого материала, не сохранившегося до наших дней.

Валуны тянулись в том же направлении, в котором меня тащил камень, они спускались вниз к озеру, некоторые торчали из воды неподалёку от берега и волны перекачивались через них, те же, что стояли на более глубоком месте, были полностью скрыты под водой.

Я шёл по берегу озера, внимательно осматривая окрестности, и внезапно наткнулся на второй ряд валунов, идущий параллельно первому. Я пошёл вдоль него. Без

всякого сомнения, это были остатки какого-то огромного сооружения, по виду очень древнего. У нас появился шанс выйти к зданию, или хотя бы развалинам, в которых мы могли найти укрытие.

— Правильно, — согласился Ит. — Но я бы на твоём месте поторапливался. Тучи такие, что скоро совсем стемнеет, и, по-моему, пахнет грозой. Если в это озеро добавить ещё воды...

У него не было необходимости продолжать. Я прыгал с одного покрытого грязью валуна на другой, прислушиваясь, не прозвучит ли предупредительный удар грома (правда, неизвестно, сопровождаются ли грозы на этой планете громом), и в страхе ожидая первых капель дождя. Ветер усиливался, и до нас донеслось какое-то гулкое завывание, услышав которое, я замер на месте, однако Ит успокоил меня.

— Это не голос живого существа, просто звук, — он принюхивался так же старательно, как и трубконосый туземец.

Блоки теперь стояли впритык друг к другу, образуя стену, и я спрыгнул вниз, чтобы идти рядом с ней. Вскоре она уже поднималась выше моей головы. В её тени было слишком темно, и я постепенно вышел на открытое пространство.

Через некоторое время я попытался снова взобраться на стену, чтобы оглядеть окрестности, но верхняя часть блоков больше не была горизонтальной. Её покрывали торчащие под разными углами выступы, о первоначальной форме которых оставалось только догадываться, настолько они выветрились и стёрлись.

С этой стороны стены не было видно никаких признаков наводнения, только кое-где волны перехлёстывали через гребень, да валялось несколько вывернутых водой огромных блоков.

Лес кончился. Мы двигались через пустошь, поросшую невысоким кустарником. Там, где долетавшие до нас брызги увлажняли почву, виднелась скрытая под ней

мостовая, такая же оплавленная, как и поверхность стены.

Если я шёл по дороге или двору, то вторая стена отсутствовала. Тучи сгущались и чернели, упали первые капли дождя. Стена от него не защищала, а другого укрытия в этой поросшей редкой растительностью местности не было. Я побежал, но каждый шаг давался мне с трудом, Ит и свёрток давили на плечи.

Вдруг стена, вдоль которой я бежал, круто свернула влево и закончилась огороженным с трёх сторон тупиком. Крыша над ним провалилась, но эти три стены всё же представляли собой неплохое укрытие по сравнению с тем, что нам попадалось до сих пор. Если бы нам удалось сделать навес, закрепив его на обломках стены, мы могли бы не бояться грозы. Кроме того, мне не хотелось продолжать путь в темноте. Поэтому я тотчас устремился в тупик и опустился на корточки в том углу, который, как мне показалось, мог послужить лучшей защитой при нападении. Мы прижались друг к другу, я с головой накрылся полотнищем ткани, а Ит устроился на моих коленях; ночь и буря опустились на нас.

Но темнота вокруг нас почему-то редела. Устраиваясь поудобней, я заметил тусклое свечение, исходившее от мешочка, в котором лежал камень. Заглянув в щёлочку, я увидел пробивавшийся изнутри тоненький лучик света. Как и в первый раз, он снова регистрировал присутствие энергии. Возможно, он стремился к этим валунам. Если я прав, то не привела ли нас спасательная шлюпка прямо на свою родную планету, откуда древний корабль стартовал вечность тому назад? Такое предположение нельзя было отбросить как совершенно фантастическое. На спасательной шлюпке могло сохраниться устройство, способное находить путь к дому, а дрейфующий корабль, вполне вероятно, потерпел катастрофу вскоре после взлёта. Вдруг мы, сами того не зная, замкнули круг, вернув кольцо на ту планету, где оно было изготовлено? Но возраст каменных глыб за моей спиной не оставлял сомнений: те, кто некогда

жили здесь, давным-давно сгинули. Скорее всего я наткнулся на следы, оставленные одной из цивилизаций предтеч, о которых мы знаем так мало, что даже закатане могут только строить предположения.

Не могу сказать, чтобы я всю жизнь мечтал провести ночь, переживая бурю среди развалин сооружений, выстроенных неисчислимое количество лет тому назад неизвестным народом. В поисках драгоценных камней я не раз попадал во враждебные человеку миры, но тогда всем руководил Вондар, мне же оставалось только полагаться на его опыт и знания. Ещё раньше, в трудные минуты я обращался к отцу, и он не только защищал меня, но и делился со мной записями, которые могли пригодиться мне в жизни.

Я, съёжившись, сидел на земле, и дождь барабанил по тонкой ткани, которая одна укрывала меня от грозы. Моё сознание отказывалось воспринимать ночь, чужие стены, нельзя постоянно быть настороже. Я мысленно вернулся в прошлое, в тот день, когда отец впервые показал мне кольцо с Камнем Предтеч (так он однажды назвал его), бросившим вызов его любопытству и профессиональным знаниям.

Его нашли на дрейфующем в космосе теле одетого в скафандр существа. Возможно, он был одним из членов экипажа покинутого корабля. Человек, убивший отца, перерыл потом всю контору, пытаясь найти Камень Предтеч.

Потом мы с Вондаром Астлом попали в ловушку в трактире на Танфе. Безусловно, дело было не в случайно указавшей на нас стрелке волчка. Всё было заранее продумано. Очевидно, они рассчитывали, что мы окажем сопротивление священнослужителям, и нас обоих убьёт разъярённая толпа. Они не могли предусмотреть того, что мне удастся вырваться из трактира и добежать до святилища.

Я возмутился при мысли о том, как меня обманул Остренд. А торговец во мне пожалел о драгоценностях, которыми я расплатился за проезд, организованный дру-

гими людьми. Итак, меня должны были доставить на Вейстар и выдать тем, кто заплатил за моё спасение. Но с какой целью? Только потому, что я был сыном своего отца, во всяком случае, считался его сыном, и мог указать, где находится предмет, который теперь тускло блестел у меня на груди?

Как же мне удалось спастись? Лихорадка; я подцепил её на Танфе или в том безымянном мире, жители которого таинственно исчезли. Болезнь началась совершенно внезапно, но как раз вовремя — очень странно!

— Ты прав, — ответил мне Ит. Он часто употреблял именно эти слова для выражения согласия. — Ты прав. Из всей команды заболел ты один, почему же только сейчас это показалось тебе удивительным?

— Не знаю. Валькирия выбрала мою каюту, чтобы родить, но это было чистой случайностью.

— Ты уверен в этом?

— Ты же не мог?.. — а что, если он мог? Когда я нашёл Ита и Валькирию в своей каюте, его тело выглядело совершенно беспомощным, но говорит ли это о том, что его ум?..

— Ты начинаешь соображать, — заметил Ит одобрительно. — Между нами уже тогда установилась присущая нам близость. Члены экипажа жили замкнутым кланом. Мне требовалось найти кого-то, не связанного с ними, того, кто мог бы предоставить мне то, в чём я тогда больше всего нуждался: защиту, возможность спастись бегством, пока я был ещё очень слаб. Позже я бы и сам мог противостоять любой опасности. А тогда я нуждался в друге.

— Поэтому ты сделал так, чтобы я заболел!

— Я лишь слегка изменил состав определённых жидкостей тела. Это не могло тебе повредить, — его ответ прозвучал так самодовольно, что у меня на мгновение возникло желание вышвырнуть Ита в темноту навстречу неизвестности.

— Ты этого не сделаешь, — ответил он на мою не до конца сформулированную мысль. — Я выбрал именно тебя

не только из соображений целесообразности. Между нами существует связь, основанная на гораздо большем, чем временная необходимость. Я говорил уже о присущей нам близости. Ты знаешь, что тело, которое я сейчас ношу, не совсем соответствует данной конкретной фазе моего существования. Я, как мог, усовершенствовал его. Возможно, в будущем, при наличии времени и средств, мне удастся ещё изменить его. Но мои органы чувств нужны тебе, так же как мне твоя мощь и сила. Мне кажется, ты уже понял, какие преимущества сулит наше сотрудничество. Мы ещё далеко не в безопасности. Нам не обойтись без взаимопомощи. В дальнейшем мы получим возможность выбора и расстанемся, если захотим.

Это звучало разумно, хотя мне и не хотелось признавать, что в крошечном пушистом тельце, которое я мог раздавить одной рукой, заключена личность, способная заставить меня принять навязанные мне условия соглашения. В прошлом я вёл довольно замкнутый образ жизни. Мои отношения с Хайвелом Джорном не выходили за рамки отношений между учеником и учителем, младшим офицером и командующим. У Вондара Астла был лёгкий характер, и он никогда не замыкался в себе, как мой отец, но поступив к нему на службу, я снова оказался в положении подчинённого. Кроме них я не был связан ни с одним другим человеком или существом. А теперь я во всём повиновался Иту, и мне показалось, что для заключения нашего соглашения моего согласия вовсе не требовалось; подобно Хайвелу и Вондару, Ит заключил его по собственному желанию. Однако на этот раз я разозлился — ему я не собирался подчиняться.

— Они идут! — возглас Ита мгновенно вывел меня из состояния задумчивости.

Мы так долго не видели туземцев, что я перестал ждать их появления. Если они нападут на нас, то наше укрытие окажется западнёй.

— Сколько и где? — Ит прав: в подобной ситуации лучше полагаться на его органы чувств.

— Трое, — ответил Ит через некоторое время. — Они

продвигаются очень нерешительно. По-моему, это место представляется им опасным. С другой стороны, они хотят есть.

Какое-то мгновение смысл сказанного не доходил до меня. Потом я оцепенел.

— Ты хочешь сказать?!

— Мы, вернее ты, представляем собой мясо. Мне трудно вступать в контакт с таким примитивным разумом. Но я улавливаю голод, сдерживаемый страхом. Они хранят воспоминание об опасности, подстерегающей их в этом месте.

— Но, тропа, которую мы видели — здесь же множество дичи, — я вспомнил свежие следы, свидетельствовавшие о многочисленных живых существах, а также то, с какой лёгкостью рыболов выудил свою добычу.

— Ты прав. Не понимаю, почему мы привлекаем их сильнее, чем более лёгкая добыча, — Ит действительно казался озадаченным. — Я не знаю причины. Их разум слишком чужд, слишком примитивен, чтобы я мог с лёгкостью читать в нём. Но они возбуждены и перестали соблюдать осторожность. Они особенно опасны в темноте.

Я нащупал фонарик на поясе. Если эти существа охотятся в основном по ночам, то луч, направленный им в глаза, вероятно, остановит их на мгновение. Но моя собственная глупость, заставившая меня выбрать в качестве убежища эту нору с нависающими над нами стенами, может сыграть решающую роль и обернуться против нас.

— Всё не так уж плохо, — вмешался Ит. — Попробуем залезть на стену.

— Я не могу. Но если тебе это удастся, лезь! — приказал я.

Я почувствовал, как край натянутого поверх нас полотна резко дёрнулся.

— Пусти, — потребовал Ит. — Я залезу наверх, и, возможно, мои когти спасут нас обоих, — он спрыгнул на землю и потащил полотнище за собой, хотя его голова клонилась набок под тяжестью ткани.

— Подними меня, как можно выше, — скомандовал он, — и придержи эту штуку!

Я подчинился его приказу. Других предложений у меня не было, кроме того, за время нашего общения я успел оценить Ита по достоинству. Я поднял его над головой и держал так, пока не почувствовал, что он зацепился за стену и подтянулся наверх. Затем я передал ему конец полотнища и придерживал его на весу, чтобы оно не стащило Ита обратно. Внезапно полотнище перестало дёргаться.

— Привяжи к нему нож и отпусти, — приказал Ит.

Выпустить из рук моё единственное оружие? Это просто безумие! Однако, хотя всё во мне противилось этому распоряжению, руки уже привязывали нож к концу свешивающегося полотнища. Даже сквозь бурю мне было слышно, как он звенел и стучал о камни, пока Ит тащил его наверх.

Я повернулся лицом к выходу из укрытия. Ит не предупреждал меня о необходимости быть настороже, но я не сомневался в том, что туземцы не мешкая приближаются к нам под покровом ночи. Я нажал на кнопку фонарика и осветил проход.

Они действительно уже стояли у выхода с дубинками наготове. Но когда луч света выхватил их из темноты, они заморгали и, открыв маленькие рты, закричали высокими трубными голосами. Тот, что стоял посередине, упал на колени и поднял руку, пытаясь заслонить своё ужасное лицо от света.

— Сзади, сверху! — мысленный окрик Ита прозвучал так же громко, как если бы раздался у меня в ушах. Что-то коснулось моего плеча, я поднял руку и наткнулся на конец полотнища. Ухватившись за него, я потянул. Оно не упало — Ит закрепил его наверху, и по нему, как по канату, можно было выбраться в безопасное место.

Но как повернуться спиной к тем троим, ослеплённым светом? Сколько времени мне удастся сдерживать их натиск? Придётся рискнуть.

Только бы эта импровизированная верёвка выдержала мой вес! Снова риск. Я подпрыгнул и обеими руками

схватился за раскачивающуюся ткань, откинулся немного назад, упёрся ногами в стену и полез, или, вернее сказать, пошёл вверх по стене, держась за полотнище.

Глава 10

Но от аборигенов было не так-то просто отделаться. Они завизжали, заглушив шум бури. Тяжёлый предмет с глухим стуком ударился о стену всего в нескольких дюймах от меня и, отскочив, упал на землю. Я не успел выключить фонарик, и луч света метался из стороны в сторону, пока я лез вверх по стене, спасаясь от туземцев. Возможно, их сбил с толку этот прыгающий луч света, или они не слишком хорошо владели дубинками, но лишь одна из них задела на лету мою ногу. Я едва не выпустил из рук полотнище.

Страх придал мне новые силы, и я полез вверх к неровному гребню стены. Нога онемела, на неё было страшно ступать, я полз, как раненое животное. Мне вспомнились когти туземцев, с их помощью им будет нетрудно забраться на стену.

Наверху дул сильный ветер, лил дождь. Я даже не думал, что стена служила таким надёжным укрытием. Хватаясь за обломки зубцов, я карабкался вверх, только один раз остановившись для того, чтобы выключить фонарик: он мог выдать им наше местонахождение.

— Вперёд, теперь направо и прямо, — командовал Ит.

Полотнище кончилось, я дополз до того места, где оно крепилось при помощи ножа, воткнутого в щель между выветрившимися каменными зубцами; я с трудом вытащил его и сунул себе за пояс.

Направо и прямо? Буря бушевала с такой силой, что я не сразу сообразил, где право, а где лево. Если я последую указаниям Ита, то мне придётся перелезть через стену, однако спуск вниз явно не входил в его планы.

Волоча за собой больную ногу, я пополз в указанном направлении и обнаружил, что в этом месте от нашей

стены под прямым углом отходит другая, которая ведёт как раз в туда, куда меня звал Ит. Я с трудом продвигался вперёд: гребень стены был сильно выщерблен и усеян обломками зубцов. Правда, если бы не они, меня бы давно уже снесло ветром.

Ничего не было видно. Приходилось двигаться на ощупь и полагаться на указания Ита. Я всё время с ужасом ждал, что вот-вот услышу визг преследующих нас вооружённых дубинками туземцев.

Онемевшая нога постепенно приобретала чувствительность, но теперь начала ныть; если я задевал ею за выступы, то выл от боли. Я даже не пытался встать. По такой неровной поверхности передвигаться лучше было ползком.

Оставив укрытие, я устремился вперёд, в темноту и неизвестность. Послышался глухой рёв, перекрывающий шум бури. Я двигался прямо в том направлении, откуда он раздавался.

Мне стало страшно. Укрывшись от ветра за большой глыбой, я зажёл фонарик и осветил себе путь. Луч скользнул по гребню стены и упал в пустоту.

Я посветил лучом вниз, справа от стены. Вода, ревушая вода, пробивающая себе дорогу среди нагромождения скал. Направив луч влево, я заметил какое-то сооружение и полностью осветил его.

Небольшая возвышенность или холм? Нет. Правда, оно поросло растениями, вспыхивавшими под лучом и продолжавшими светиться даже после того, как луч уходил в сторону. Округлое сооружение, возвышавшееся над стеной и простиравшееся в темноту так далеко, что луч не доставал до его края.

Вода, бившаяся о наружный край стены, с одной стороны подмыла её, но, очевидно, кладка была настолько прочной, что устояла во время наводнения. Я шарил лучом по участку холма рядом со стеной, пытаюсь выяснить, удастся ли мне туда перебраться. Но его поверхность, хоть и была покрыта растениями, всё же казалась слишком

скользкой. Кроме того, приходилось учитывать, что у меня нет пространства для разбега.

— Ну, — обратился я к Иту, — куда дальше? В воду? Или отразим крылья и взлетим в небо?

Он ничего не ответил, и я внезапно испугался, что он бросил меня одного. Возможно, Ит, зная о своей способности пробираться там, где я только мешал, решил двигаться дальше самостоятельно. Затем до меня донёсся его ответ, хотя я и не смог определить откуда.

— Вниз и налево. Вода сюда не доходит. А в корабле можно укрыться.

— В корабле? — я снова осмотрел холм, осветив его лучом фонарика. Возможно, это действительно был корабль, хотя и не совсем привычной формы.

— Ты думаешь, все корабли похожи друг на друга? Даже твой народ строит корабли разных типов.

Конечно же, он был прав. Изящные корабли вольных торговцев предназначаются для того, чтобы рассекать атмосферу планет, а корабли переселенцев настолько велики, что вообще не могут войти в атмосферу; при погрузке приходится переправлять пассажиров и припасы на специальных судах.

Я подполз к краю стены. Огромное, вросшее в землю сооружение находилось недалеко от меня. На нём сидел Ит, его жёсткий, похожий на проволоку мех топорщился несмотря на дождь, булабочные головки глаз сверкали в свете фонарика. Я взмахнул руками и прыгнул, в надежде, что смогу удачно приземлиться.

Если бы на мне были ботинки с магнитными подошвами, я, возможно, удержался бы на ногах. Но случилось то, чего я опасался: я соскользнул вниз и попытался замедлить падение, цепляясь руками и ногами за хрупкие стебли, с корнем вырывая целые пласты влажных растений. Упав на землю, я ударился так сильно, что у меня даже перехватило дыхание. Ушибленную ногу пронзила резкая боль, и я на миг потерял сознание. Меня привели в чувство падавшие на лицо капли дождя.

Корабль, если это действительно был именно он, лишь наполовину закрывал меня от бури, вторая половина моего тела лежала под дождём. Бессильно царапая пальцами грязь, я с трудом, но залез в укрытие.

Там я сжался в оцепенении, почти ничего не соображая. У меня не было ни сил, ни желания двигаться дальше. Фонарик погас, и меня окружила стена темноты, непроницаемая, как монолитные блоки, по которым я только что полз.

— Здесь есть отверстие, — слова Ита звучали в моём сознании, но не вызывали у меня ничего, кроме раздражения. Я закрыл глаза руками и покачал головой, словно таким образом можно было прервать с ним связь. Он призывал меня к действию, а я не собирался подчиняться ему.

— Сюда, здесь есть отверстие, — властно повторил Ит.

Я с трудом огляделся, пытаюсь понять, где я нахожусь. Нога невыносимо болела, с тех пор как мы приземлились в этом негостеприимном мире от меня постоянно требовались такие усилия, что я совершенно выдохся.

И я был даже рад этому. В самом деле, шевельнулось в моей голове, у меня не было ни минуты покоя с тех пор, как я перестал маяться от безделья на «Вестрисе».

Меня терзал голод. В контейнере, подвешенном поверх узелка, перекачивались несколько горошин, но они вызывали у меня отвращение. Это была не еда. Еда — это горячий ворштекс величиной с тарелку, целая гора вкуснейшего латтрисового пюре, воздушного, сдобренного отановым маслом и пряностями, омлет из траракских яиц, слегка подслащённый сиропом из почек барочника, это...

— Голодающего сейчас сожрут нюхачи, — отрывисто бросил Ит. — Они больше не нюхают под стеной — они нашли путь в обход.

Секунду тому назад я не мог даже пошевелиться, но слова Ита, хотел он того или нет, вызвали в моём воображении картину, которая подействовала на меня, как удар бича на ленивое вячущее животное. Я, правда, всё равно

не смог встать, но со всей возможной скоростью пополз на четвереньках под корабль, туда, где меня ждал Ит.

Я снова попытался зажечь фонарик, но у меня ничего не вышло. Должно быть, он сломался при падении. Но где-то неподалёку сидел Ит и указывал мне, в каком направлении двигаться. Он нашёл не люк, а отверстие в обшивке корабля. Я полез наверх, подтянулся за край пролома и растянулся на наклонном полу тускло освещённого коридора.

Вокруг слабо светились растения, подобные тем, что я уже видел в лесу. Оболочка корабля была сделана из сплава, способного противостоять разрушительной силе времени. Но внутренние элементы, сгнив, послужили почвой для растений, которые сначала росли и цвели прямо на них, потом на останках своих предшественников, и, наконец, продукты, накопившиеся в результате круговорота жизни и смерти, разложения и снова жизни заполнили почти весь проём. Они обваливались огромными дурнопахнущими глыбами и осыпали меня пылью, пока я неуклюже пробирался вперёд.

Я полз по поверхности, которая раньше, вероятно, была полом или стеной коридора. Она вся заросла растениями, но по мере того как я продвигался вглубь, их становилось меньше. Я прислонился к стене и оглянулся назад. Мне потребовалось приложить определённые усилия, чтобы залезть внутрь, а нюхачи отличались гораздо более мощным телосложением. Даже по одному им будет нелегко пролезть в проделанный мной проём. С ножом в руках я сумею защитить вход в своё убежище. Мы спрятались от ветра, и до нас доносился лишь приглушённый шум бури.

Внезапно я подумал, не сюда ли стремился камень? Что если обследовав этот разваливающийся остов древнего корабля, я наткнулся на ещё одно брошенное машинное отделение с ящиком, полным мёртвых камней?

Я посмотрел вниз на мешочек, в котором лежал мой странный проводник. Но тусклое свечение, появившееся, когда мы шли по болоту, теперь пропало. Я вынул камень,

но он был таким же тусклым и безжизненным, как и до нашего приключения в космосе.

— Они нюхают вокруг.

Одно из светящихся растений, закрывавших вход в проём, дрогнуло, и я заметил отбрасываемую Итом тень; он, съездившись, сидел около входа, вытянув шею под совершенно невозможным углом, и всматривался в темноту.

— Они нюхают, но им страшно. Они боятся этого места.

— Может быть, они уйдут, — предположил я. Меня снова, как несколько мгновений тому назад, охватила апатия. Я не был уверен, что смогу поднять нож, даже если один из аборигенов попытается силой проложить себе дорогу.

— Двое уходят, — ответил Ит. — Один остаётся. Он притаился внизу, неподалёку от входа. Мне кажется, они попытаются осадить нас.

— Ну и пусть, — у меня закрывались глаза. Никогда раньше я не испытывал такой невероятной усталости. Я, вероятно, был одурманен наркотиками и не смог бы сопротивляться, даже если бы знал, что надо мной уже занесена дубинка убийцы. Силы оставили меня.

Возможно, Ит пытался меня поднять, но у него ничего не вышло. Однако я не спал. Скорее всего, пыльца растений или их раздавленные листья выделяли наркотическое вещество, подействовавшее на меня таким образом. И только луч солнца, упавший на глаза, разбудил меня, и я заморгал, ослеплённый светом. По крайней мере, меня не убили во сне, вяло подумал я.

Вокруг меня валялись кучи грязи, обрушившиеся вниз в тот момент, когда я залезал в пролом. Вырванные с корнем растения начали гнить и издавали сильный запах. Их тусклое мерцание погасло, наступил день. Стараясь избавиться от ужасного запаха гнили, я прополз вперёд к свету. Растения, окружавшие зазубренные края проёма, зашевелились, и мне навстречу выскочил Ит, настроенный так решительно, словно он собирался заслонить меня от опасности своим крошечным тельцем.

— Их много, они ждут, — предупредил он.

— Нюхачи?

— Да. Их много и они всё время на чеку.

Тогда я, пятясь, отполз подальше от отверстия. Здесь растений было мало, и вскоре я добрался до того места, где они вообще не росли.

— А другие люки или проломы?

— Их всего два, — быстро ответил Ит. — Один внизу, но ты в него не пролезешь. Его нельзя углубить, потому что он закрыт каменной плитой. Там раньше, наверное, был люк. Второй — на противоположной стороне корабля, но за ним следят нюхачи. Они гораздо разумнее, чем мне казалось раньше.

— Нельзя недооценивать противника, — это были не мои слова. Когда-то их любил повторять Хайвел Джорн. Правда, как теперь выяснилось, я не слишком часто следовал его советам.

— Не понимаю, что ими движет, — раздражённо сказал Ит. У него пропала вся его самоуверенность, так выводившая меня из себя. — Они ведь боятся этого места. Это чувство выражено у них очень сильно. И всё же они сидят и терпеливо ждут, пока мы не вылезем.

— Очевидно, им доводилось загонять жертву в нору и дожидаться того момента, когда она выберется оттуда. Ты сказал, что в их понимании я представляю собой изрядное количество мяса. Однако на земле полно следов других животных.

— Среди некоторых народов, стоящих на низших ступенях развития, существует поверье, — Ит снова начал меня поучать, — что съесть тело существа, вызывающего суеверный ужас или благоговение, значит усвоить его необычные качества. Они считают тебя именно таким существом.

— Но в этом случае, они уже видели людей или, по крайней мере, гуманоидов, — у меня появилась робкая надежда. — Они, конечно же, не могли сохранить воспоминания о тех людях, которые построили стену и корабль. Для этого руины слишком древние. А они настолько

примитивны, что, скорее всего, способны сохранять память о происходящих событиях исключительно в виде туманных легенд, да и то лишь в течении нескольких месяцев.

— Послушайся своего собственного совета. Не суди обо всех дикарях одинаково. Их память может оказаться более крепкой, чем у представителей иных рас. Кроме того, знания иногда передают при помощи института специально обученных «запоминавателей».

Ит был прав. Звероподобные, вооружённые дубинками нюхачи, вполне вероятно, передавали из поколения в поколение легенды о расе, некогда строившей на этой планете огромные сооружения; не исключено, что их предки когда-то были обращены в рабство или подвергались дурному обращению и, в конечном итоге, уничтожили представителей древней расы. И теперь они вообразили, будто имеют дело с одним из своих бывших хозяев, и стремятся поймать меня с тем, чтобы восстановить свою внутреннюю энергию.

— С другой стороны, — продолжал Ит, — возможно, здесь приземлялись корабли с других миров, и ты был прав, предположив, что представители иных рас становились добычей нюхачей, а их «дух» переходил в тела убийц.

— Это всё очень интересно, но с помощью подобных рассуждений нам отсюда не выбраться. Пока нюхачи держат нас в осаде, мы не можем раздобыть ни пищи, ни питья, ни других средств для поддержания жизни.

Сказав это, я достал оба контейнера. Тот, в котором были семена, лишь слабо шуршал содержимым. Но второй, к моему удивлению, заметно потяжелел и ободрающе булькал.

Ит остался доволен.

— Дождь — это вода, — заметил он. — Вчера её было достаточно для того, чтобы наполнить поставленную в нужном месте бутылку.

Опять он меня посрамил. Я попробовал содержимое. Вода имела тот же острый привкус, что и жидкость с корабля, только здесь он был значительно слабее. Я

потихоньку потягивал её, в то время как мне хотелось пить огромными глотками, потом я протянул канистру Иту, но он отказался.

— Прошлой ночью я имел возможность напиться, а моему телу не надо много влаги. В этом одно из его преимуществ. Но с пищей дела обстоят не так блестяще, если только... — его шея вытянулась во всю длину. Он пристально разглядывал двигавшееся в проёме существо. Я затрудняюсь определить, к какому виду оно принадлежало, кроме того, у меня не было времени разглядеть его хорошенько, прежде чем Ит прыгнул.

Так же стремительно атаковали свою жертву его кошачьи предки. Он пригнулся, пустил в ход зубы и вернулся ко мне, волоча за собой свисавшее из его пасти тело.

Оно было длинным и тонким и с каждой стороны имело по три ноги. Сверху донизу его покрывали роговые пластинки, а голова представляла собой круглый шарик с четырьмя перистыми антеннами. Ит перевернул его сверху светлым, разделённым на сегменты животом.

— Мясо, — заметил он.

В желудке у меня всё перевернулось. Я не разделял его вкусы и отрицательно мотнул головой.

— Мясо есть мясо, — Ит был недоволен моей привередливостью. — Оно питается растениями. Конечно, оно непохоже на известных тебе животных, но его мясо ничем не отличается от того, которое мы оба употребляем в пищу и благодаря которому живем.

— Вот ты его и ешь, — торопливо ответил я. Чем дольше я рассматривал состоящее из отдельных сегментов, похожее на насекомое существо, тем меньше мне хотелось разговаривать на эту тему. — Я лучше буду есть семена.

— Но их мало и надолго не хватит, — заметил Ит с убийственной логикой.

— Даже если их надолго и не хватит, пока они есть, я ограничусь ими.

Я отвёл глаза и отполз немного в сторону. Ит ел очень красиво. Это качество он тоже унаследовал от своей

матери. Но как ни изящно он ел, у меня не было желания при этом присутствовать.

Я заполз в отсек древнего коридора и почувствовал под собой какие-то выступы. Ощупав поверхность, я решил, что корабль лежит на боку, а это — дверь. Надо попытаться открыть замок, если только это действительно замок. Всегда имеется шанс, что маленькое отверстие приведёт к большому. Возможно, нам даже удастся пройти мимо наших сторожей.

Наконец я почувствовал, как плита стала потихоньку поддаваться, и вдруг она со звоном отскочила. Я едва не упал, еле успев схватиться за край квадратного отверстия. Но я не мог обследовать находившееся внизу помещение в полной темноте. Я снова пощёлкал фонариком, но безрезультатно, и с надеждой взглянул на лучи солнца, падавшие вдали через пролом. Сюда они не доставали. Но тут я заметил уцелевшие на потолке растения. Они тускло светились — всё же это было лучше, чем ничего.

Я прополз мимо поглощённого едой Ита. Проход в этом месте был настолько завален мусором, что я не мог встать во весь рост. Ушибленная нога затрудняла передвижение. Но мне удалось выдернуть из земли два крупных растения. Держа в каждой руке по цветку, я вернулся назад к двери.

Фосфоресцирующий свет и в самом деле был слишком слабым, но чем дольше я сидел, повернувшись спиной к солнцу и держа их над чёрным провалом, тем больше мои глаза привыкали к темноте, и вскоре мне удалось кое-что разглядеть.

В конце концов я связал длинные корни растений и, пользуясь ими как верёвкой, спустил шаровидные цветы в темноту. Открывшееся мне помещение весьма напоминало каюту на покинутом корабле, если, конечно, сделать скидку на разрушения, которым оно подверглось. Здесь не было ничего, что могло бы нам пригодиться, ни в качестве оружия, ни в качестве орудия. Но подняв наверх светящиеся шары растений, я понял, что с такой лампой можно забраться внутрь корабля. Чем темнее было там, где они находились, тем ярче они начинали светиться.

Взяв растения в обе руки, я отправился на разведку. Ит сообщил, что нашёл только два выхода. Но сумел ли он полностью обследовать корабль? А вдруг здесь есть ещё один люк, через который мы сможем выбраться из корабля?

Оставив свой импровизированный фонарь в открытых дверях каюты, я полез обратно к пролому с тем, чтобы осмотреть остальные растения. Они, если судить по их стеблям и листьям, были различных видов. Одно из них с длинными тонкими перистыми листьями имело похожую на луковицу сердцевину, которая особенно хорошо светилась. Я нашёл четыре таких растения. У них были тонкие ломкие стебли. Я связал их вместе за листья и понёс так, как обычно носят букет из хрупких нежных цветов.

Ит уже покончил с едой, и я нашёл его около фонаря. Он вытирал усы и мордочку рукой-лапкой, по-кошачьи вылизывая себя.

— Коридор внизу раздваивается. В каком направлении пойдём? — спросил он, очевидно, собираясь принять участие в экспедиции.

— Возможно, там есть ещё один люк.

— В каждом корабле есть несколько люков, — безапелляционно заявил он, — так направо или прямо?

— Прямо, — ответил я, сделав мгновенный выбор. Я не имел ни малейшего представления, сколько времени будет светить мой фонарь, и мне вовсе не хотелось блуждать по лабиринту коридора.

Но едва мы дошли до развилки, о которой упоминал Ит, как он внезапно зашипел, зафыркал, его хлыстообразный хвост вытянулся вверх, спина выгнулась, и он превратился в своеобразную карикатуру на кошку.

На стене появился светящийся след. Он проходил возле моей лодыжки, потом поднимался всё выше, пока не протянулся полосой на уровне плеча. Я его не трогал. В нём было что-то невероятно отталкивающее. Казалось, взяли слизь, окружавшую умирающее озеро или лужу, и провели след, причём сделали это специально, чтобы отпугнуть нас.

— Что это? — я настолько привык полагаться на Ита, что задал вопрос совершенно автоматически.

— Не знаю, но лучше его не трогать. Он живёт в темноте, — таким испуганным я его никогда не видел.

— Ты, по-видимому, уже был здесь, иначе откуда бы ты знал о боковом проходе. Ты видел этот след раньше?

— Нет, — резко ответил Ит. — И он мне не нравится.

Мне он тоже не нравился. И чем дольше я изучал липкий, вызывающий омерзение след, и то, как он поднимался вверх по стене, тем больше он мне не нравился. Оставившее его существо теперь, очевидно, висело над нашими головами, чего-то выжидая. Моё воображение заработало. Я понял, что только попав в совершенно безвыходное положение, я отважусь продолжить путь в темноте, в которой скрываются подобные ужасы.

Я повернул назад, и мне было всё равно, прочитает ли Ит мои мысли и поймёт, какой страх двигал мной, или нет. Но, похоже, его это не интересовало. Охваченный ужасом, он помчался за мной следом.

Глава 11

Наше поспешное бегство само по себе было так противоестественно, что очутившись у пролома, я обескураженно остановился. Я не понимал, как один лишь след может полностью вывести человека из равновесия. Ит перехватил мою мысль и ответил:

— Возможно, тот, кто оставил эти следы, использует страх в качестве оружия. Или он настолько чужд нам, что вызывает ужас. Во многих мирах встречаются твари, которые не могут контактировать с другими видами, как бы доброжелательно те не были настроены. Однако я не хотел бы очутиться там, где он рыскает.

Лёжа на животе, я подполз к краю пролома, толкая перед собой, несмотря на испытываемое при этом отвращение, маленький щит из гниющих растений. Воздух был пронизан солнечным светом. Я с тоской выглянул наружу. Представители моего вида ведут дневной образ жизни и не

переносят тёмные норы и ночной мрак. Бросив быстрый взгляд вниз, я понял, что мы находимся невысоко над землёй, покрытой лохматыми пятнами жёлтой травы. В просветах между ними виднелась стекловидная поверхность, которая, вероятно, осталась на выжженных сопла-ми ракет участках; судя по всему, здесь раньше располагался космопорт.

Я едва не воспрял духом: мне показалось, что мы свободны, стражей нигде не было видно. Но затем я услышал пронзительные звуки, наподобие тех, что они издавали накануне ночью. Только теперь они были намного громче, ведь раньше их заглушала буря. Они раздавались совсем рядом со мной, и я, испугавшись, отскочил от пролома.

До меня дошло сообщение Ита:

— Они внизу, рядом с корпусом корабля. Они ждут, пока голод или, может быть, то, что таится в глубинах корабля, заставит нас выбраться из укрытия.

— Может быть, им надоест ждать, — на это не стоило рассчитывать, но я знал, что умение концентрироваться находится в большой зависимости от умственных способностей. Терпение присуще только тем, кто умеет ставить перед собой осознанную цель.

— Мне кажется, они уже не в первый раз играют в эту игру или слышали о том, что другие в подобной ситуации сумели добиться успеха, — Ит не стал тешить меня ложными надеждами. — Мы слишком многого не знаем. Например...

— Например, чего? — спросил я, когда он запнулся.

— Сюда тебя привёл камень. Но разве сейчас он жив?

Я вытащил Камень Предтеч и поднёс его к свету. Камень был мёртвым и тусклым. Я поворачивал его так и эдак, надеясь увидеть хоть малейший отблеск. Он отнюдь не звал нас внутрь разбитого корабля. Но когда я повёл рукой в направлении потока воды, протекавшего с противоположной стороны корабля, его вид внезапно изменился. Он не вспыхнул ослепительным светом, его блеска было недостаточно для того, чтобы затмить росшие в

коридоре растения, но внутри его промелькнула крошечная искорка. Между нами и той целью, к которой он стремился, лежал остов корабля.

— Есть один способ, — Ит положил руки-лапки на моё колено и стоял, почти касаясь носом камня, как будто тот издавал едва уловимый запах. — Я могу вылезти через нижний люк и вместе с камнем перебраться на другую сторону корабля. Возможно, мне удалось бы выяснить, куда он стремится.

Ит был прав. Маленький и осторожный, он без труда переберётся через остов корабля, прячась в густой растительности. Но что нам это даст?

— Знания всегда приносят пользу, — возразил он.

Я грустно рассмеялся.

— Я тут сижу и жду, что меня вот-вот засунут в какой-нибудь местный горшок, а ты рассуждаешь о пользе знаний! Зачем они мертвецу?

Очевидно, я показал себя не с лучшей стороны, но ловушка, в которую я попал, не являлась таковой для Ита. Он мог уйти в любой момент, у него были все шансы обрести свободу. И в самом деле, непонятно, почему, он не ушёл до сих пор. Но Камень Предтеч — что-то мешало мне отдать его другому, даже на время. Я не стремился обладать им, как многие стремятся к обладанию прекрасным драгоценным камнем. Мне трудно выразить это словами, но, скорее, между нами существовала прочная связь, возникшая в тот самый момент, когда отец впервые показал мне его, и ставшая ещё более прочной с тех пор, как я достал его из тайника, в котором он хранился.

Отдать его Иту — значит разорвать с ним связь, а на это я не мог согласиться. Я крутил кольцо, то надевая его на палец, то снимая, мысли путались в голове, но больше всего меня беспокоило то, что я не хотел оставаться один.

Ит ничего не говорил. Я даже не чувствовал еле заметного соприкосновения с его сознанием, которое ощущал почти всё последнее время. Казалось, он специально прервал контакт, чтобы дать мне возможность самостоятельно принять очень важное для нас обоих решение.

— Кроме того, нам надо чем-то питаться, — Ит наконец прервал затянувшееся молчание.

Я по-прежнему вертел кольцо в руках и смотрел на него невидящими глазами.

— Ты думаешь, оно раздобудет нам еду? — я едва не усмехнулся.

— Конечно нет, — ответил Ит. — Но я не собираюсь сидеть здесь и голодать.

Верно, подумал я, он доказал, что вполне может сам позаботиться о себе. Было что-то горькое в осознании этого факта.

— На, возьми! — я выдернул из кучи гниющих растений длинный стебель, продел его через кольцо, связал концы и повесил на шею Иту. Сидя на задних лапках, он закрыл глаза и на мгновение сжал его в своих руках. У меня создалось впечатление, что он ждал помощи, хотя не знаю, откуда и какой.

— Ты сделал правильный выбор, — он опустил на все четыре лапы и пополз к пролому. — Ты даже не знаешь, насколько правильный.

Не сказав больше ни слова, он исчез, протиснувшись через рваную занавесь растений, окаймляющих пролом.

— Они всё ещё здесь, — доложил он. — Не только под кораблём, но и вдоль стены. Они держатся в тени, наверное, плохо переносят солнечный свет. О, река! И ещё одна стена. Когда-то она служила дамбой, но теперь прорвана в двух местах. То, что ищет камень, лежит за рекой.

Ит благополучно добрался до противоположной стороны корабля. Вряд ли мне удалось бы сделать то же самое. Я дотронулся до ушибленной ноги и поморщился от боли. Она занемела и совсем не сгибалась. Ит двигался с необыкновенной лёгкостью, а мне пришлось бы ползти. Было сомнительно, чтобы я смог пересечь скользкую поверхность корабля и не привлечь при этом внимания наших стражей.

— Что находится за рекой?

— Утёс с пещерами и полуразрушенные стены, — ответил Ит. — Сейчас...

И тут связь с ним прервалась. Моё сознание уловило резкий, похожий на запах, всплеск ярости.

— Ит! — я попытался встать, но только обрушил на себя густую массу растительности, поперхнулся, закашлялся, забился, пытаюсь отвести в сторону мусор и вдохнуть чистого воздуха.

— Ит! — в тревоге я снова мысленно позвал его, но не получил никакого ответа.

Я полез к пролому. Может быть, его сбила пущенная нюхачами дубинка.

— Ит! — тишина звенела в моём сознании, но не в ушах. Я слышал шум ветра, плеск воды, биение жизни. И ещё один звук.

Тот, кто хоть раз слышал рёв входящего в атмосферу, опускающегося на тормозных двигателях корабля, ни с чем его не спутает. Грохот, вой. Развалины задрожали и завибрировали в ответ. Недалеко отсюда шёл на посадку управляемый корабль. Я отскочил подальше от пролома. Рёв был слишком громким, он звучал так, словно древний корабль попал в струю ракетного пламени. Стены коридора тряслись, я скользил вниз, стараясь схватиться за что-нибудь руками и задержать падение. Сверху градом сыпалась висевшая в проломе дрянь, заставляя меня кашлять и закрывать глаза. Раздался взрыв, и даже сквозь стены я почувствовал волну жара. Всё, что попадёт в струю огня, мгновенно... Я подумал о нюхачах. Теперь у меня появился шанс на спасение.

Но кто, кто это мог быть? Один из кораблей топографической службы, направленный на разведку недавно открытого мира? Или здесь и раньше неведомо зачем приземлялись корабли? Как бы то ни было, на посадку шёл корабль, судя по звуку маленький, не больше корабля вольных торговцев, сконструированный специально для подобных целей. Я отгрёб мусор в сторону и на четвереньках пополз обратно к пролому. Удушающе пахло гарью. Ит! Если он всё ещё был жив, когда корабль...

— Ит! — мой мысленный призыв по силе равнялся крику. Никакого ответа.

Снаружи, полностью скрывая от меня окружающую местность, поднимались клубы густого пара. Жар снова заставил меня отступить. Никто не сможет выйти, пока он не спадёт. Очевидно, струя ракетного пламени попала в реку, и вода вскипела. Я нетерпеливо ворочался, мне хотелось выйти и увидеть корабль. Сбылись мои мечты, я на это даже не надеялся, нам не придётся скитаться в этом необитаемом мире до конца своих дней. Нам? Скорее всего, я остался один. Если Ит не погиб в том всплеске ярости, то, конечно, сторел при посадке корабля.

Пока земля остывала, а пар рассеивался, время тянулось так же долго, как и во время моего заключения в святилище на Танфе. Я стремился к пролому, выйти и попросить помощи у моих соплеменников. Один из самых древних существующих на звёздных трассах законов даёт любому путнику, заброшенному в необитаемый мир, право просить, чтобы его без всяких расспросов взяли на первый же обнаруживший его корабль.

В конце концов, несмотря на то, что жар был сильнее, чем в пустынях Арзора посередине лета, я вылез через пролом и упал на обугленную землю, из последних сил оберегая ушибленную ногу. Неподальёку лежало скрюченное тело — один из нюхачей, попавший в струю ракетного пламени. Я похромал в противоположном направлении.

Я думал, что прилетевший корабль опустился совсем недалеко от развалин, но оказалось, что это не так. Всё же струи огня очистили древний корабль от покрывавшей его растительности. Он был меньше встретившегося нам в космосе корабля, но больше, чем суда вольных торговцев. Вероятно, раньше он стоял на стабилизаторе, подобно находившемуся на довольно значительном расстоянии недавно приземлившемуся кораблю, но затем опрокинулся во время стихийного бедствия. Я медленно подошёл к изъеденному коррозией стабилизатору, чтобы взглянуть через выжженное огнём пространство на прилетевший корабль. Он был размером с «Вестрис», но на его борту отсутствовала эмблема торговцев. Не было на нём также

огней топографической службы или Патруля. Однако с какой стати частному судну понадобится приземляться на подобной планете? Встречаются богатые любители охоты, которые идут на нарушения законов и разыскивают неизвестные миры, где они могут себе позволить удовлетворить жажду крови, не опасаясь Патруля. Враждебность нюхачей тоже можно объяснить тем, что такие охотники появлялись здесь и раньше. Но — я снова спрятался в тени стабилизатора — мне это сулит новые неприятности. Люди, оказавшиеся свидетелями противозаконных операций, довольно часто становятся жертвами несчастных случаев, а меня никто не будет искать.

И на звёздной яхте всё равно должны быть номерные знаки. Правда, существуют корабли, которые старательно скрывают свою принадлежность. Я до этого никогда их не видел, но наслушался о них разных историй в портах. У связанных с Вондаром людей был повод для сплетен. Воровская Гильдия владеет множеством кораблей, некоторые из них совершают торговые сделки, пользуясь подложными документами, и лишь изредка в открытую нарушают закон. Я подозреваю, что «Вестрис» как раз и принадлежал к числу таких кораблей. Но существуют и быстроходные крейсера, зачастую они оснащены новейшим оборудованием, украденным или купленным до получения им широкого распространения.

Эти совершают набеги. Грабить в космосе, подобно пиратам, слишком ненадёжное дело, и они идут на это только в том случае, если груз имеет такую ценность, что ради него стоит многим рискнуть. В основном же, они грабят планеты. Их легендарной базой считается Вейстар, спутник или маленькая планета, укреплённая, неизвестная никому, кроме тех, кто сумел убедить её правителей в том, что они не связаны с Патрулём или другими представителями закона. Рассказывают множество разных историй, невероятных сказок о Вейстаре и обосновавшемся на нём хищном флоте, но в них уже почти никто не верит. Однако Ит утверждал, что если бы он не помог мне бежать с «Вестриса», я попал бы именно на Вейстар.

На рейдере ставят только те опознавательные знаки, которые можно легко поменять. Но что привело сюда рейдер Гильдии? Безусловно не поиски спасательной шлюпки. Я так запутал следы, что они скорее всего считают меня мёртвым и уж во всяком случае не подозревают, где мне удалось приземлиться.

У них, очевидно, какое-то задание. И мне не стоит вступать в контакт с членами экипажа или пассажирами на борту корабля, пока я не узнаю о них побольше. Люки были закрыты, но меня могли увидеть на смотровом экране. Я попятился назад, прячась за остовом корабля, отступая с такой же стремительностью, с которой до сих пор рвался вперёд.

Внезапно раздался резкий щелчок и люк открылся, оттуда по направлению к дымящейся земле, выискивая нетронутое место, высунулся язык посадочного трапа. Он протянулся в сторону от остова корабля; из этого я сделал вывод, что те, кто спустил его, не успели меня заметить.

Я отступал всё дальше и дальше, мне хотелось бежать прочь от остова, который мог привлечь любопытство исследователей. Заросли кустов устояли перед огнём, но там могли прятаться нюхачи.

На спустившихся по трапу людях не было защитной одежды, значит они уже знакомы с природой этого мира, готовы выполнять поставленную перед ними задачу. Все имели при себе оружие, и даже с такого расстояния я сумел разглядеть короткие стволы лазеров вместо длинных, более привычных стволов станнеров. Они собирались убивать.

На них была обычная планетарная форма: ботинки и комбинезоны, но странной расцветки и без эмблем на груди и у ворота. Двое из них были людьми или гуманоидами, но за ними двигалось приземистое существо с четырьмя вяло висевшими по сторонам верхними конечностями. Его круглая лысая голова лежала прямо на плечах. Там, где на человеческом черепе располагаются уши, у него торчали высокие перистые отростки, которые

постоянно двигались взад и вперёд, подобно тому как двигалась голова Ита, когда он пытался уловить вокруг себя признаки жизни. Из всех троих его следовало опасаться больше всего. Как говорил Ит, никогда не известно, какими дополнительными способностями может обладать экстрасенс. Появление одного из них в команде, состоящей из людей, свидетельствует о том, что он обладает свойствами, полезными для остальных.

Спрятаться внутри корабля — значило попасть в ловушку. Он представлял собой весьма сомнительную защиту, и я решил попытаться укрыться в кустах или у реки. Река, как мне казалось, была меньшим из двух зол.

Я следил за передвижением вышедшей из корабля тройцы. Они спустились вниз по трапу. Люди с двух сторон прикрывали экстрасенса, который шёл посередине. Его перистые отростки вращались. Теперь их концы были направлены вперёд, и мне удалось разглядеть его лицо. У него был курносый нос, брови отсутствовали, чересчур широко поставленные глаза и очень крупный рот, но он всё же гораздо больше походил на человека, чем нюхачи.

Внезапно он остановился, и в мгновение ока две из его верхних конечностей выхватили двойной набор оружия, висевший у него на поясе. Возникла ослепительная вспышка, и тонкий луч лазера обуглил ветви кустов. Раздался вопль, и в зарослях заматалось существо размером примерно с нюхача. Люди присели с оружием наготове, но не стали стрелять, а, казалось, полностью полагались на военные таланты экстрасенса.

Я пополз назад. Теперь корабль закрывал меня от убийц. Добравшись до реки, я увидел, что блоки разрушенной стены рухнули под напором воды. Судя по всему, одновременно разрушилось и древнее сооружение на другой стороне потока, и составлявшие его каменные глыбы, соединившись с остатками стены на этом берегу, образовали дамбу. Возможно, именно это и явилось причиной наводнения.

Груда камней лежала поперёк реки наподобие полураз-

рушенного моста. На другом берегу на некотором расстоянии от воды высился утёс, усеянный, как и докладывал Ит, тёмными точками отверстий. Между ним и рекой виднелись руины какого-то здания.

С этой стороны корабля сохранилась покрывающая его растительность. Долетавшие от реки брызги сильнее увлажняли почву, и местами она была полностью скрыта длинными, стелющимися плетями растений.

— Ит! — я снова позвал компаньона. Сохранившаяся здесь растительность давала слабую надежду на то, что он сумел уцелеть. Или он погиб от удара дубинки? Я взглянул вниз, на омываемые водой камни, со страхом ожидая, что увижу там его израненное разбитое тело.

— Ит!

Я так и не получил ответа, которого ждал вопреки здравому смыслу. Но зато ощутил странное соприкосновение с чужим разумом. Он не мог, подобно Иту, войти в контакт с моим сознанием, но обратил внимание на мой призыв и насторожился, хотя и не мог выяснить, где я нахожусь.

Экстрасенс! Вдруг он услышал меня? Моя глупость привела к роковому исходу: я замер на краю стены, осматривая мост через реку и не решаясь спрыгнуть вниз из-за больной ноги. На мосту я был бы совершенно беспомощен и уязвим перед лучом лазера.

И всё же я выдал себя; пока я медлил, они подошли сзади, и я услышал окрик:

— Стой на месте!

Эти слова были произнесены на Бэйсике с человеческими интонациями. Опираясь о блок, я медленно повернулся и увидел одного из двоих сошедших с корабля людей. От любого другого человека он отличался лишь тем, что в его руках был лазер, нацеленный мне в грудь.

Только теперь я понял, что потерял своё единственное преимущество. Если бы я, одурев от радости, выскочил встречать прилетевший корабль, как сделал бы на моём месте любой человек, оказавшийся на необитаемой плане-

те, и сочинил правдоподобный рассказ, они бы, скорее всего, поверили мне. Конечно, сохранялась опасность, что они могли попытаться скрыть своё пребывание на этой планете. Но мне удалось бы выиграть время. Вместо этого я своими действиями навёл на себя немалые подозрения. Мне оставалось только прибегнуть к одной маленькой хитрости: подчеркнуть свою хромоту и заставить своих врагов поверить в то, что я гораздо более беспомощен, чем на самом деле.

Поэтому я ждал приближения второго, держась за опору с таким видом, словно сразу же упал бы, если бы отпустил её хоть на мгновение. Я подумал, что моя потрёпанная внешность может сослужить мне хорошую службу. Следовало также обыграть выделявшиеся на моём теле пятна новой кожи и сочинить рассказ о том, что я был брошен на произвол судьбы испугавшимся чумы экипажем, и сумел добраться до этой планеты на спасательной шлюпке. Такие происшествия имели место.

Противник не подходил ко мне слишком близко, хотя обе мои руки лежали на камне и было очевидно, что у меня нет оружия. Его лазер ни разу не сдвинулся с точки в центре моей груди.

— Кто ты? — спросил он на Бэйсике.

Мне хватило нескольких мгновений, чтобы выработать ту единственную линию поведения, которая могла меня спасти. Я отпрянул от него и завопил диким голосом:

— Нет! Нет! Не убивайте меня! Я здоров, клянусь вам! Лихорадка прошла, я здоров!

Он остановился и, прищурившись, принялся внимательно разглядывать моё лицо. Оставалось надеяться на то, что розовые пятна по-прежнему выделялись столь же отчётливо.

— Откуда ты?

Сумел ли я разжалобить его хоть немного? Поверил ли он в то, что я спасся с зачумлённого корабля и боюсь, что меня сожгут на месте, как только узнают об этом.

— Корабль. Не убивайте меня! Уверяю вас, я здоров,

лихорадка прошла! Отпустите меня, я не приближусь к вашему кораблю. Только отпустите меня!

— Не двигайся! — резко приказал он, затем поднёс свободную руку ко рту и проговорил несколько слов в микрофон переговорного устройства. В этот раз он говорил не на Бэйсике, и я понял только, что он, очевидно, докладывал своему начальнику. Я играл в опасную игру: малейшая ошибка могла стоить мне жизни.

— Ты, — он махнул лазером, — иди вперёд.

— Нет, я уйду, я не заразен.

— Иди! — Луч лазера толщиной в палец срезал камень рядом с моей рукой. Меня обдало жаром. Как он и ожидал, я вскрикнул.

— Что, задело? — ухмыльнулся он. — В следующий раз я возьму правее. Говорят тебе, иди! Капитан хочет тебя видеть.

И я пошёл, стараясь как можно сильнее подволакивать ушибленную ногу.

— Ударился? — спросил он меня, нетерпеливо наблюдая за моим медленным продвижением.

— Здесь есть туземцы с дубинками. Они охотились на меня, — промямлил я.

— Да ну? Они любят мясо, а ты для них — хороший кусок. Не очень-то приятно повстречаться с ними, — он, должно быть, знал это на собственном опыте.

Я, пошатываясь, брёл вперёд, стараясь идти как можно медленнее и хромя из всех сил. Обогнув остов корабля, я лицом к лицу столкнулся с экстрасенсом. Он спрятал свои лазеры в кобуру, но обе его перистые антенны были направлены прямо на меня.

Возможно, общение с Итом обострило те паранормальные способности, которыми я обладал, но мне удалось уловить воздействие со стороны чужака, оно было не физическим, а мысленным. Однако если он и пытался проникнуть в мой разум, то это ему не удалось. Между нами не возникло такого контакта, какой был у меня с Итом. Оставалось надеяться, что я смогу полностью бло-

кировать его попытки. Нельзя было, чтобы он догадался, кто я на самом деле.

— Итак, ты нашёл его, — заметил второй. — Что он пытался сделать, взбирался на утёс?

— Нет, посмотри на его ногу. Судя по его лицу, у него были и другие неприятности.

Второй сделал то, о чём его попросили, и внимательно осмотрел меня. Было заметно, что он не в восторге от увиденного. Я подумал о том, какое ужасное впечатление должна производить моя покрытая пятнами, шелушащаяся кожа. На руках пятна уже были не так заметны, хотя, возможно, я просто привык к ним, и даже то, что они слегка побледнели, казалось мне заметным улучшением.

— Пожалуй, от него лучше держаться подальше, — вынес он своё решение. — Доложи о нём капитану.

— Капитан ждёт. Пошли!

Кто-то стоял у открытого люка. Меня подтолкнули стволом лазера, и я заковылял вперёд, надеясь, что действительно представляю собой достаточно жалкое зрелище.

Глава 12

Мы подошли к подножию трапа, и здесь стражники, окружив меня и держа оружие наготове, велели мне остановиться. Человек, ожидавший нас у люка, спустился на несколько шагов вниз и начал изучающе разглядывать меня.

Он был с одной из старых планет. При более внимательном рассмотрении становилось заметно, что его телосложение отличалось некоторыми особенностями, вызванными тем, что первые поколения его предков-переселенцев жили в чуждых для них условиях. Его тело в комбинезоне с капитанской эмблемой — падающей звездой на стойке воротника — было тонким и худощавым, покрытая космическим загаром кожа казалась слишком тёмной, а глаза и волосы сразу выдавали в нём мутанта. Волосы,

которые он по необходимости стриг очень коротко, чтобы они не мешали под шлемом, торчали в разные стороны толстыми короткими иглами и отличались голубым цветом. Его огромные сверкающие сине-зелёные глаза были прикрыты двойными веками: почти прозрачными, сквозь которые просвечивали глазные яблоки, и другими, более тяжёлыми, которые опускались поверх первых. Чтобы взглянуть на меня, он поднял и те и другие, но солнечный свет, очевидно, раздражал его, и он быстро опустил внутренние веки.

Я знал его! Не по имени, но в лицо. Вопрос в том, узнает ли он меня? Я надеялся, что нет. Этот человек бывал в лавке отца и принадлежал к числу тех, кого пускали через чёрный ход и проводили в комнаты. Правда, тогда он не носил китель капитана, и ничто в его облике не выдавало в нём офицера с корабля. Напротив, его длинные волосы спускались до огромных накладных плеч его щегольской блузы — он выглядел как элегантный денди с внутренней планеты.

Теперь я не сомневался в том, что он был членом Гильдии. Но признает ли он во мне сына Джорна? И если да, то сумею ли я извлечь пользу из этого родства?

Я не долго оставался в неведении. Он сделал шаг вперёд, поднёс руку ко рту, сделал пальцами улитку и несколько раз плюнул через её рожки направо и налево.

— Клянусь губами самой Сорел. После случившегося я воскурю ей листья фарна в первом же храме, который встретится на моём пути. То, что было утрачено, найдено. Парни, следите за ним хорошенько, чтобы он снова не сбежал. Мэрдок Джорн, как ты попал сюда? Я поверю любой истории, которую ты сочинишь.

Трое стражей шевельнулись и приблизились поближе, чтобы лишить меня даже малейшей возможности бежать. Мне оставалось только продолжать играть роль недавней жертвы чумы. Придётся рассказать им правду, на случай, если они подвергнут меня сканированию.

Я слегка приоткрыл рот и зашатался, словно держался на ногах только ценой невероятных усилий.

— Не убивайте меня! Лихорадка прошла, я уже здоров.

— Лихорадка?

— Взгляните на него, капитан, — начал один из стражей, — он весь в крапинку, лучше будьте поосторожней.

— Ну-ка, Джорн, подними голову! Дай взглянуть.

Я качался из стороны в сторону. Они боялись подходить ко мне слишком близко. Страх перед чумой лишает мужества даже самых стойких астронавтов.

— Со мной... со мной всё в порядке, — повторял я, — они посадили меня в спасательную шлюпку, но теперь я здоров, клянусь вам.

Капитан взял переговорное устройство и отрывисто произнёс в него несколько слов на неизвестном мне языке. Мы молча ждали. Наконец по трапу сбежал ещё один человек. У него в руках был маленький ящичек, из которого тянулся тонкий кабель с небольшим, похожим на микрофон, диском на конце. Я узнал в нём портативное диагностическое устройство. Корабль был, по-видимому, неплохо оснащён.

Приблизившись ко мне на расстояние вытянутой руки, док поводил поисковым диском, не сводя глаз с индикаторов на ящике.

— Ну? — капитана явно раздражала эта задержка.

— Судя по всему, он не заразен. Однако всегда есть опасность.

— Сколько процентов? — настаивал капитан.

— Примерно одна сотая. Точно не знаю, — док проявлял осторожность, свойственную людям его профессии.

— Придётся довольствоваться этим, — капитан махнул врачу, чтобы тот уходил. — Итак, — обратился он мне, — похоже на то, что ты здоров. Твоя лихорадка, или чем ты там был болен, прошла, и ты больше не заразен. Ты находился на борту корабля, когда она началась?

— На корабле вольных торговцев, на пути с Танфа, — я поднял руки и потёр лоб, словно у меня болела или кружилась голова. — Я плохо помню. Я был на Танфе. Мне

пришлось бежать. Я попал в беду. Отдал свои драгоценные камни и Остренд взял меня на корабль. Мы заходили на одну планету, где почему-то пропали все туземцы. После этого я заболел. Они сказали, что это чума, и посадили меня в спасательную шлюпку. Она приземлилась здесь, но тут туземцы, они охотились за мной.

— Прямо здесь? — капитан улыбнулся. — Как тебе повезло. Спасаясь от них, ты прибежал именно туда, где мог встретить корабль из иного мира.

— Стена. Я шёл вдоль неё, а лесные люди... Они были напуганы. Я спрятался в обломках корабля, и они не полезли за мной.

— Тебе, Джорн, повезло, да и нам тоже! Мы бы тебя всё равно нашли, но так мы сберегли много времени. Видишь ли, ты вызываешь у нас интерес. Мы давно хотели встретиться с тобой.

— Я... я не понимаю.

— Что с ним? — капитан повернулся к доку. — Я считал его достаточно умным малым.

Док пожал плечами.

— Откуда я знаю, что могло случиться с человеком, перенёсшим чуму. Судя по всему, он больше не заразен, но вполне вероятно, вирус вызвал необратимые изменения в его теле.

— Займись им, — капитан перестал улыбаться. — Проведёшь все необходимые исследования и дашь нам знать, кто перед нами, слабоумный или человек, которому можно доверять.

— Пустить его на борт? — док колебался.

— Куда же ещё? Ведь ты сказал, что он не заразен.

— Не исключена возможность, что мы встретились с ранее неизвестным вирусом.

Капитан, как мне показалось, колебался, хотя по нему этого не было видно. Но это продолжалось недолго.

— Какие приборы тебе потребуются? Их можно снять с корабля? — спросил он.

— Да, почти все. Где мы его поместим?

— В шахте. Где же ещё? Сигнал, Онанд, возьмите то, что

может понадобиться доку. А ты, Тазратти, отведи его в западный тоннель.

Я практически перестал существовать как личность. Со мной делали всё, что считали нужным. Чтобы не выходить из роли обессиленного чумой человека, я не противился этому. Экстрасенс погнал меня вниз к берегу реки; я старался двигаться как можно медленнее и хромотал из-за всех сил. У реки уже вовсю работали люди с корабля. Через скалы и бурный поток был перекинут сборный мост. Создавалось впечатление, что они хорошо знали это место, бывали здесь раньше и основательно подготовились к развёртыванию временной базы.

Понукаемый своим стражем, я, шатаюсь, спустился с моста и прошёл мимо развалин. Он вёл меня к отверстию шахты, видневшемуся на поверхности утеса. К другому такому отверстию направлялись люди с корабля. Они несли с собой горные инструменты наподобие тех, которыми обычно пользуются при добыче полезных ископаемых на безжизненных спутниках и астероидах.

— Заходи, — скомандовал экстрасенс. Отверстие, на которое он указал, было крайним слева. Вокруг него валялся мусор, оставшийся от недавних раскопок. Они не нашли здесь то, что искали. Они, очевидно, осматривали по очереди каждую выработку и теперь добрались до шахты, находившейся неподалёку от той, к которой меня привели.

— Я... я голоден, — я остановился, якобы для того, чтобы перевести дыхание, не забыв при этом опереться на скалу. — Я голоден, я хочу есть.

Лицо экстрасенса оставалось безучастным. Ладони верхней пары рук предупреждающе покоились на кнопках двойного комплекта лазеров. Мгновение он смотрел на меня, затем повернулся и окликнул одного из людей, что шли к другому тоннелю.

Тот в ответ отстегнул от пояса пакет и бросил его в наше направление. Он полагался на необычные способности моего стража и не ошибся. Одна из конечностей

экстрасенса вылетела вперёд на расстояние вдвое большее, чем казалось возможным, поймала летящий предмет и, втянувшись обратно, передала его мне.

Я схватил тубу с НЗ, с неподдельной жадностью вцепился зубами в конец, откусил пробку, выплюнул её и начал сосать полужидкое содержимое. Никакая другая еда, которую я вызывал в своём воображении, не могла сравниться по вкусу с той, что наполняла мой рот, а удовлетворение, которое она доставляла мне, огромными глотками вливаясь в меня, было ни с чем не сравнимо. Состав смеси соответствовал потребностям человека, занятого тяжёлой работой, и возвращал силы даже скорее, чем обычная еда.

— Вперёд! — мой страж с силой ударил меня по плечу палкой, которую подобрал с земли одной из своих необычайно подвижных конечностей. Я заметил, что он тоже остерегался дотрагиваться до меня. Очевидно, и экстрасенс опасался чумы.

Посасывая из тубы, я, шатаясь, пошёл дальше. Мне показалось, что силы, которые должна была придать мне еда, уже начали возвращаться.

Чёрный зев тоннеля поглотил нас. Экстрасенс вытащил фонарик. Тоннель имел явно выраженное искусственное происхождение. На некотором расстоянии от входа на камне были видны следы первоначальных работ. Свежие зарубки располагались в горизонтальном и вертикальном направлениях и местами пересекались.

Моё внимание привлекли разбросанные повсюду блестящие кристаллы. Заинтересовавшись ими, я едва не выдал себя, но вовремя вспомнил, что притворяюсь недоумком. Астронавты, по-видимому, искали отнюдь не их. Они сверкали словно целые россыпи драгоценных камней, однако были отброшены за ненадобностью. Это меня удивило: принадлежащие Гильдии корабли славились тем, что не упускали ничего, хотя бы отдалённо предполагавшего прибыль.

Мы добрались до пещеры в конце тоннеля. Вокруг нас возвышались огромные грубо вырубленные арки, каза-

лось, те, кто работал здесь, были настолько уверены в успешном завершении своих поисков, что орудовали инструментами в каком-то неистовстве. Экстрасенс велел мне сесть на груды камней.

Я выполнил его приказ и неловко опустился на камни, продолжая сосать НЗ из тубы. Он положил фонарик неподалёку от выхода из пещеры и переключил его на рассеянный свет, выхватив из темноты пространство вокруг нас, за исключением самых глубоких ниш в стене. Затем он сел между мной и выходом.

В тоннеле не было никаких признаков сырости, однако в наступившей тишине раздавался звон падающих капель воды. Чуть позже я не только слышал шум ведущихся в соседнем тоннеле работ, но и почувствовал через скалу вибрацию.

Что если Камень Предтеч вёл нас именно к этому месту? Отброшенные за ненадобностью кристаллы несколько не напоминали этот тусклый камень, но он столетиями находился в открытом космосе, а до этого служил своим владельцам в качестве источника энергии.

Я наклонился и поднял один из обломков (мой страж опустил руку на кнопку лазера, но не двинулся с места). Больше всего он напоминал кусок кварца, но с уверенностью ничего нельзя было сказать. Никогда не следует делать поспешных заключений о том, что удаётся найти на неизвестных планетах. Вондар обязательно подверг бы такой минерал исследованиям и лишь после этого рискнул бы высказать своё суждение, но, насколько мне известно, и в этом случае он не решился бы окончательно определить его назначение. Он годами носил при себе камни, которые даже после длительного изучения нельзя было квалифицировать ни по одному принципу, потому что они обладали неизвестными науке свойствами. У всех торговцев накапливаются такие камни, и при встрече с коллегой-геологом они первым делом достают их для сравнения.

Итак то, что я держал в руках, могло быть кварцем, а могло быть и совершенно иным минералом.

В тоннеле раздался звук шагов, и в пещере появился док, толкая перед собой ящик на колёсиках. Следом за ним вошли ещё двое с остальным оборудованием. Потом меня подвергли обследованию.

Мне кажется, в начале они пытались найти возбудителей болезни, оставившей на моём теле такие приметные следы. Док вылечил мою ушибленную ногу, подвергнув её действию регенерирующего излучения, и тем самым лишил меня возможности прикрываться хромотой. Я не мог, не осмеливался противиться им даже тогда, когда они надели мне шлем сканера. Сам факт наличия у них подобной аппаратуры говорил о том, что они считали правомерным пользоваться ею, хотя её применение было признано противозаконным.

После того, как к моему лбу и затылку прикрепили специальные прокладки, я мог отвечать только правду или то, что я считал правдой. Перейдя к этой стадии процедуры, они послали за капитаном, и вопросы мне задавал уже он сам.

— Ты некий Мэрдок Джорн, сын Хайвела Джорна?

— Нет.

Он был ошарашен моим ответом и посмотрел на дока, тот наклонился, чтобы проверить показания прибора, затем кивнул своему командиру.

— Ты не Мэрдок Джорн? — начал капитан сначала.

— Я — Мэрдок Джорн.

— Но тогда твоим отцом был Хайвел Джорн.

— Нет.

Капитан снова взглянул на дока и получил очередное подтверждение того, что прибор работает нормально.

— Кто был твоим отцом?

— Не знаю.

— Ты воспитывался в семье Хайвела Джорна?

— Да.

— Ты считал себя его сыном?

— Да.

— Что тебе известно о твоих настоящих родителях?

— Ничего. Мне сказали, что я — приёмный.

Капитан вздохнул с видимым облегчением.

— Ты пользовался доверием Джорна?

— Он учил меня.

— Ремеслу оценщика?

— Да.

— Он отдал тебя в ученики к Астлу?

— Да.

— Почему?

— Очевидно потому, что он хотел обеспечить моё будущее. Лавка после его смерти должна была перейти к его родному сыну.

Я не мог остановить поток слов. Мне казалось, будто я стою рядом и слушаю свои собственные ответы. Несмотря на сопротивление, я ответил и на следующий вопрос.

— Показывал ли он тебе когда-нибудь некое кольцо, достаточно большое для того, чтобы носить его поверх перчатки скафандра?

— Да.

— Говорил он тебе, как оно к нему попало?

— Оно было заложено. Его нашли на дрейфующем в космосе теле.

— Что ещё он тебе рассказывал?

— Ничего. Но он верил, что этот камень скрывает какую-то тайну.

— Он хотел, чтобы ты, путешествуя с Астлом, собирал сведения об этом камне?

— Да.

— И что ты узнал?

— Ничего.

Капитан опустился на складной стул, который ему принёс один из его людей. Он вынул из запечатанного кармана кителя светло-зелёную палочку, сунул её в рот и, задумчиво пожёвывая её, принялся обдумывать новые жизненно важные вопросы.

— Ты видел кольцо после своего отъезда?

— Да.

— Где и когда?

— На Ангкоре после смерти отца.

— Что ты с ним сделал?

— Взял с собой.

— Оно у тебя и сейчас с собой? — он наклонился вперёд, широко раскрыв глаза и подняв обе пары век.

— Нет.

— Где оно?

— Не знаю.

Он раздражённо выругался.

— Скажи, когда и при каких обстоятельствах ты последний раз видел его.

— Я отдал его Иту, и он унёс его.

— Иту? Какому Иту?

— Мутанту, родившемуся от корабельной кошки на «Вестрисе», — мне кажется, он бы не поверил мне, если бы не полагался на непогрешимость сканера. Меньше всего он ожидал подобного ответа.

— Это произошло, — теперь он говорил медленнее, — здесь, на планете, или на «Вестрисе»?

— Здесь.

— Когда?

— Незадолго до того, как приземлился ваш корабль.

— Где Ит сейчас? — он снова подался вперёд, сгорая от нетерпения.

— Скорее всего, он мёртв. Он был на остоле корабля, когда вы сели, и, думаю, сгорел в пламени ваших ракет.

— Тангофилд, — капитан повернул голову, — живо туда. Я хочу, чтобы ты пядь за пядью осмотрел всю поверхность корабля и землю вокруг него. Быстро.

Один из членов экипажа бегом отправился выполнять приказ, а капитан снова повернулся ко мне.

— Почему ты отдал кольцо Иту?

— Кольцо стремилось сюда. Ит хотел узнать, почему.

— Ит хотел узнать... — повторил капитан. — Что ты имеешь в виду? Ты же сказал, что он был мутантом, родившимся от корабельной кошки, а не разумным существом, — он снова взглянул на дока, и тот подтвердил ему, что я говорю правду.

— Не знаю, кто Ит на самом деле, — ответил я, — но он разумен, хотя и выглядит, как животное.

— Почему именно он понёс кольцо к источнику притяжения?

— Нас осаждали туземцы. Ит мог выбраться наружу, а я нет.

— Но почему было так важно, чтобы кольцо добралось до своей цели, пусть даже с помощью Ита.

— Не знаю. Это Ит хотел доставить его туда.

— В каком направлении оно стремилось?

— На другой берег.

— Ну что ж, — он резко встал, — по крайней мере, мы на верном пути. — Он снова взглянул на меня. — Ты знаешь, что представляет собой этот камень?

— Очевидно, источник энергии.

— Неплохо, — он всё ещё смотрел на меня, его внутренние веки были прикрыты, от чего глаза казались тусклыми.

— Капитан, что с ним делать? — спросил один из моих стражей.

— Пока ничего. Пусть сидит здесь. Даже если ему удастся бежать, не думаю, чтобы он ушёл далеко, — он рассмеялся. — В конце концов, мы должны быть ему благодарны. Особенно, если найдём кольцо.

Они развязали меня. Я очень устал и готов был смириться со своей участью. Но я вспомнил о том, что они не спросили меня, как и почему я покинул «Вестрис». Неужели они поверили моей истории с чумой и не будут задавать никаких вопросов? Вероятно, после моего побега они не имели связи с кораблём вольных торговцев. Если они действительно были в числе тех, кто, преследуя свои собственные цели, выкупил меня с Танфа, то в последнее время они не поддерживали непосредственных контактов с остальными членами банды.

На этот раз Ит ничем не мог мне помочь. Мысль о нём причиняла мне невероятные страдания. Оставалось надеяться, что он не мучился, а та вспышка ярости означала его внезапную смерть.

Сумеют ли они найти его тело с висящим на шее кольцом? Зачем оно им нужно? Видимо, они надеются, что оно приведёт их к остальным камням подобно тому, как привело меня через весь космос к мёртвым останкам на покинутом корабле? Нетрудно предположить, что подобные драгоценные камни могут стать совершенно новым источником энергии. Обладать такой силой для Гильдии важнее, чем прибрать к рукам целую планетную систему.

Док и остальные члены экипажа собрали свою аппаратуру и ушли. Но экстрасенс снова уселся у входа в тоннель на оставленном капитаном табурете. И он тоже вытащил зелёную палочку и, прикрыв глаза, начал её медленно жевать, однако его антенны были по-прежнему направлены на меня.

Я заснул, а проснулся от страшного рёва: скала под мной вся дрожала. Ещё один корабль шёл на посадку. Возможно, это был «Вестрис». Если моё предположение верно, то капитан скоро вернётся и продолжит допрос. Я лежал, прислушиваясь и наблюдая за моим стражем.

Он встал и, не сводя с меня антенн, повернулся к выходу из тоннеля. Его верхние конечности в нерешительности застыли на кнопках лазеров.

По реакции экстрасенса стало ясно, что этого корабля не ждали. В таком случае, кто бы это мог быть? Патруль? Прибывший совершенно не вовремя разведывательный корабль или ничего не подозревающие вольные торговцы? Я не сомневался в том, что они попадут в ловушку.

Рёв двигателей стих. Вибрация, вызванная работами в соседнем тоннеле, тоже прекратилась.

— Что это? — спросил я своего стража.

Его антенны дёрнулись, но он не повернул головы. Зато вытащил лазеры, словно готовился отразить нападение.

Мы ждали. Я задал ещё несколько вопросов, но он заставил меня замолчать, направив оружие в мою сторону. Затем в тоннеле послышался топот ног, и чей-то голос окликнул его. Мой страж убрал один лазер в кобуру, но второй по-прежнему держал наготове.

Вошли трое. Они принесли шевелящийся свёрток и с нарочитой грубостью бросили его на пол. Однажды в порту я видел как человека, напившегося вызывающего безумие лортдрипа, умирили при помощи стреляющего путами полицейского ружья. Лежавший на полу пленник был опутан сетями точно таким же образом. Среди колец резиновой верёвки я заметил известный всему космосу чёрный мундир. Итак, они без всякого риска для себя взяли в плен патрульного.

Глава 13

У патрульного хватило ума прекратить сопротивление после того, как его бросили на пол, поэтому его путы не затянулись. По счастью, ни одна из верёвок не попала ни на лицо, ни на горло. Поймавшие его люди были настолько уверены в его беспомощности, что ушли, оставив нас обоих на экстрасенса. Он бесстрастно взглянул на патрульного и снова уселся на табурет.

Глаза патрульного были открыты, и судя по всему, он внимательно осматривал своё новое пристанище и тех, кто в нём находится. Он долго и пристально разглядывал меня. После изматывающей процедуры допроса я чувствовал себя совершенно обессиленным, хотя и успел немного поспать. И не только обессиленным, но и охваченным каким-то странным оцепенением, не способным ни на какие действия. Я не исключал возможности, что в любой момент экстрасенс направит на меня свой лазер, но я этого больше не боялся.

Через некоторое время в пещеру вошёл какой-то человек и бросил в моём направлении ещё одну тубу с НЗ. Хотя при виде её я почувствовал муки голода, мне потребовалось приложить невероятные усилия, чтобы сдвинуться с места и, протянув руку, достать её. Только немного подержав её в руках, я собрался с силами и смог приступить к еде.

Но пища, попавшая мне в рот, пробудила меня от этого

сонного состояния, и я оправился настолько, что понял: всё это было не ночным кошмаром, а горькой и страшной реальностью. Связанный патрульный лежал там, где его бросили, наблюдая за мной. Я высосал примерно половину тубы, прежде чем сообразил, что ему ничего не оставили. Кроме того, он не мог есть сам. Я пополз в его сторону.

— Нет, — этот резкий горловой звук был мало похож на хороший Бэйсик. В руке моего стража появился лазер, и весь его вид говорил о том, что он не замедлит им воспользоваться. Я замер. Он махнул мне, чтобы я полз обратно.

— Сиди на месте.

Я повиновался, но всё же не доел содержимое тубы. Очевидно, наш страж собирался держать вверенных ему заключённых на порядочном расстоянии друг от друга.

Я, в свою очередь, принялся разглядывать патрульного. Плотнo запутавшийся в сетях, он лежал совсем без движения. Кто он? Одинокiй разведчик? Или у него есть спутники, которые будут его разыскивать? В тот момент я бы дорого дал за возможность общаться с ним мысленно, как с Итом.

А вдруг у меня всё же есть скрытые способности к телепатии, и мой дар, пусть и весьма скромный, был развит в общении с Итом? Возможно, мне удастся дать знать моему сокамернику, что я пытаюсь вступить с ним в контакт. Я собрал всю свою энергию в пучок.

Но то, что произошло, настолько меня удивило, что я едва не выдал себя, и был вынужден закрыть лицо руками, симулировав приступ головной боли, хотя не знаю, помогло ли это. Экстрасенс вскочил на ноги, его перистые антенны заматались из стороны в сторону.

Я получил ответ! Но не от человека, который лежал на другом конце пещеры, а от Ита! Это знакомое ощущение исчезло так же быстро, как и возникло — короткая вспышка света в темноте безлунной ночи.

Экстрасенс приблизился к центру выработки, его антенны развевались, словно с их помощью он мог уловить

наш разговор. А патрульный переводил взгляд с меня на экстрасенса, и на его лице явно читалось недоумение.

Больше ничего не произошло, и я понимал, почему Ит так осторожен. Если экстрасенс заметил, что мы вступили в контакт, значит необходимо воздерживаться от мысленного общения. Но узнав, что мутант жив, я обрадовался не меньше, чем если бы вдруг заполучил лазер.

Продолжая играть свою роль, я сгорбился и охватил голову руками. Страж остановился рядом и больно ткнул меня носком подкованного ботинка в голень.

— Что с тобой, — его Бэйсик звучал так гортанно, что я с трудом понимал его.

— Больно, голова болит.

— Ты — телепат, — это было утверждение, а не вопрос.

Я почувствовал приближение неуклюжей, двигающейся на ощупь мысли, она робко толкалась в моём сознании и не имела никакого отношения к Иту. Ей было совсем не трудно противостоять. У экстрасенса оказались некоторые способности к телепатии, но, возможно, они проявлялись в полную силу лишь среди ему подобных. Во всяком случае, от меня он ничего не узнал.

Тогда он приступил к тщательному осмотру пещеры, его антенны находились в постоянном движении. Я не сомневался в том, что это был какой-то особо чувствительный орган, но не знал, мог ли он с его помощью выследить Ита.

По мере того, как беспокойство экстрасенса росло, возрастала и моя уверенность в себе. Если бы ему удалось выследить Ита, он бы начал действовать, а не продолжал поиски.

Но где же Ит? Я не имел ни малейшего представления о том, откуда до меня донёсся ответ Ита, но, главное, он был жив! Теперь оставалось надеяться только на то, что они больше не будут меня допрашивать. Но такая возможность не исключена, если у нашего стража останутся какие-либо подозрения.

Теперь он остановился около патрульного, его антенны ощупывали окружающее пространство. Он медленно по-

вернулся, затем поднял голову и принялся разглядывать тускло освещённый свод пещеры. Может быть, Ит прячется где-то наверху?

Экстрасенс выглядел настолько сосредоточенным, что у меня не осталось никаких сомнений. Очевидно, он обнаружил телепатический канал. Но каким образом? Ведь Ит молчал.

Он поднял лазер кверху и прицелился в точку над своей головой. Наверху было множество пустот, и в одной из них мог прятаться кто угодно. Кроме того, я заметил гроздь кристаллов величиной с голову. Он выстрелил.

Вспышка света ослепила меня. Я закричал и закрыл глаза. Кто-то судорожно вздохнул. Удар, грохот.

На мгновение я ослеп. Я боялся пошевелиться, уверенный в том, что под действием луча на нас вот-вот обрушится свод пещеры и мы будем похоронены заживо. Однако этого не случилось. Я ничего не мог разглядеть в кроваво-красном тумане.

— Ты жив? — услышал я голос, донёсшийся из темноты. Это был не мысленный призыв Ита и не оклик стража, а вопрос на Бэйсике, заданный человеком. Он мог исходить только от патрульного.

— Где вы? — спросил я, шаря рукой вокруг себя.

— Справа от тебя, — быстро ответил он. — Ты, должно быть, смотрел вверх, когда он выстрелил.

— Что случилось? — я не решился встать на ноги, а пополз вперёд на четвереньках, ощупывая дорогу.

— Он выстрелил прямо вверх и свалил себе на голову гроздь кристаллов. Посмотри, он сейчас как раз перед тобой.

Моя рука уже наткнулась на тело экстрасенса. Я заставил себя обыскать его и нашёл один из лазеров. Всё это время меня не покидал страх, что я ослеп.

Я обогнул мёртвое тело и пополз вперёд, пока не наткнулся на патрульного. Чтобы пережечь его путы, нужно было хорошо видеть. Я не мог делать этого вслепую.

— Подожди!

Я присел на корточки, чувство облегчения нахлынуло на меня подобно приливу.

— Ит!

Я так и не понял, откуда он появился. Он коснулся лапкой моей руки, и я передал ему лазер. Мутант быстро освободил патрульного, и всего через мгновение человеческая рука коснулась моего плеча, помогая мне встать на ноги. Я зашатался, словно снова пытался разыграть роль человека, недавно оправившегося от чумы. Ит взобрался на меня, как на дерево, и всей тяжестью опустил мне на плечи. Его усы кольнули меня в щеку.

— Не двигайся. Дай осмотреть твои глаза, — раздался голос патрульного. Я непроизвольно вздрогнул от его прикосновения, затем подчинился. Он поднял мои веки и капнул немного жгучей жидкости на глазные яблоки.

— Закрой глаза и не открывай их некоторое время, — велел он, — это из моей аптечки, должно помочь.

— Они услышат и придут, — я дотронулся рукой до жёсткого меха Ита.

— Не сразу, — быстро ответил Ит. — Сейчас ночь и они выставили часовых, но довольно далеко от тоннелей. У нас есть возможность обрести свободу. Кроме этого стража, никто из них не обладает повышенной чувствительностью.

Патрульный крепко взял меня за руку и потащил вперёд. Ит направлял мои шаги среди обломков мусора. Мы, по всей видимости, шли по тоннелю, направляясь к выходу.

— Кто ты? — спросил патрульный. — Заложник?

Я рассказал ему историю, которую придумал для членов Гильдии.

— Я подхватил неизвестное заболевание, и меня выбросили в космос на спасательной шлюпке. Она совершила посадку на этой планете, но за мной начали охотиться туземцы. Я спрятался в обломках разбитого корабля. Затем приземлились эти. Они взяли меня под стражу после того, как док заявил, что я больше не заразен.

— Тебе повезло, ведь они могли тебя просто сжечь, — ответил он. — Странно, почему они этого не сделали.

Мне пришлось выдумать более-менее правдоподобный ответ.

— Они решили, будто я понимаю толк в том, что они здесь ищут. Я ученик гемолога.

— Драгоценные камни! — он помолчал и добавил. — Ты прав, они действительно производят здесь горные работы.

— Вы следили за ними? Где ваш корабль? — спросил я его в свою очередь.

— Я — разведчик, — трудно было представить себе менее обнадеживающий ответ. — Они взяли меня сразу после посадки, когда я вышел из корабля. Но корабль закрыт на замок с часовым механизмом. Они не смогут в него проникнуть. Если нам удастся до него добраться... Но кто твой друг?

— Я — Ит, — ответил Ит сам. — Мы с этим человеком заключили оборонительный союз, чем помогли и тебе, патрульный. Чтобы освободить его, мне пришлось спасти и тебя.

— Значит, падение скалы подстроил ты? — заметил я. Ит поправил меня:

— Нет, то существо само свалило её на себя. Я только мысленно направил его, сбил с толку, заставил подумать, что там притаилась опасность. Он был телепатом, но в тех случаях, когда он общался не со своими соплеменниками, его способности были крайне ограниченными. Он растерялся, выстрелил в тень, которая ему померещилась, и обрушил на себя скалу.

Моя рука скользнула по телу Ита; он стерпел моё прикосновение. Я не нащупал на его шее сплетённых корней, не было также никаких других признаков того, что он сумел сохранить кольцо. Но при патрульном я не хотел его спрашивать об этом. Чем меньше тот знал, тем лучше. Патруль всегда склоняется к тому, что благо большинства важнее блага отдельной личности.

Ит явно был полностью согласен со мной по этому вопросу. Кольцо, очевидно, находилось в безопасном месте. Но я слегка беспокоился, какое другое место,

кроме моего собственного кармана, не казалось мне достаточно надёжным.

— Открой глаза, — велел патрульный.

Я почувствовал, что мы вышли из тоннеля, нас обдувал прохладный ветер, нёсший разнообразные запахи. Я поднял веки и часто заморгал. Красная пелена спала, хотя перед глазами по-прежнему мелькали тёмные пятна. Я осмотрелся вокруг.

Неподалёку от нас возвышалась будка часового, выстроенная из камней, добытых при рытье тоннеля, и из найденных в руинах блоков. На её неровной стене был установлен прожектор, и время от времени луч света падал на развалины, касаясь полуразрушенных стен, которые некогда перегораживали реку.

— Они опасаются атаки туземцев, — объяснил Ит.

— С дубинками против лазеров? — фыркнул я.

— Ночью, когда ничего толком не видно, дубинки не такое уж плохое оружие, как тебе кажется.

— Почему они просто не спрячутся в своём корабле? — спросил я.

— В тоннелях у них остаётся оборудование. Как-то раз они попытались укрыться на корабле с наступлением темноты. Туземцы разбили все инструменты, так что их невозможно было починить, пришлось лететь за ними в другие миры.

— Ты слишком много о них знаешь! — вмешался патрульный.

— Тебя, — ответил Ит самым несносным голосом, — зовут Сельф Хоури, служишь уже десять лет, родился на Лоуки, в семье было ещё трое сыновей, двое из них погибли. Тебя сюда послали с определённой целью. Ходят слухи, что Гильдия совершила открытие, которое принесёт ей господство в космосе. Тебе необходимо выяснить, насколько обоснованы эти слухи. Ты получил приказ действовать скрытно, не выдавая своего присутствия Гильдии, но не выполнил его, потому что на твоём корабле был совершён диверсионный акт, а ты заметил это, только когда вышел на орбиту планеты. Это правда?

Я услышал, как патрульный присвистнул.

— Ты читаешь мысли... — В устах Хоури это прозвучало почти как обвинение.

— Я просто следую своим инстинктам, а ты, Хоури, следуешь своим. Радуйся, что я умею читать мысли, иначе ты бы сидел в плену до тех пор, пока капитан Нактитль не отдал бы приказ сжечь тебя. Он уже час тому назад настаивал на этом. Я считаю целесообразным бежать отсюда как можно скорее. Эти рудокопы ещё не нашли того, что ищут, но они уже недалеко от цели.

— А ты нашёл? — вмешался я. К этому времени я научился понимать не только речь Ита, но и его эмоции. Сейчас он вёл себя необычайно самодовольно, давая понять, что он снова превзошёл тех, кто был не только больше его, но и сильнее физически.

— Они ищут не там, где надо. Однако, рано или поздно они это поймут. Нактитль отнюдь не глуп, его не следует недооценивать. Он пока ничего не нашёл только потому, что у него нет надёжного индикатора.

Индикатор! Кольцо, которое Ит взял с собой, должно быть, привело его к источнику. Мне так хотелось спросить его об этом. Слова буквально душили меня, звенело в голове. Но если он ответит, то Хоури тоже всё узнает.

— Что они ищут? — вмешался патрульный, и я понял, что он хочет получить ответ на свой вопрос. Теперь всё зависело от того, насколько хорошо он разбирается в драгоценных камнях. Если я ошибся, и он имеет определённые познания в этой области, то моя тайна в опасности. Но Ит снова взял руководство на себя, проинструктировав меня, как отвечать:

— Источник дохода, а значит и власти, — в такие минуты легко забывалось, что он всего лишь крошечное покрытое шерстью существо. Он общался не как равный с равным, а начинал вещать покровительственным тоном.

— Мы не знаем, сколько лет этим шахтам. Я предполагаю, что эти работы велись одной из цивилизаций предтеч. К несчастью для теперешних кладоискателей, они полностью выработаны.

— Но ты же сказал, что Нактитль ищет не там, где надо.

— Он ищет в старых разработках, а если бы он поискал среди развалин, то нашёл бы ключ к загадке. К сожалению, мы не можем остаться здесь и начать собственные раскопки. Я думаю, нам лучше найти твой корабль, — обратился он к Хоури, — и как можно быстрее взлететь. В этой местности небезопасно. Повсюду бродят нюхачи.

— Нюхачи?

— Туземцы. Они отслеживают добычу по запаху. Деятельность Гильдии привлекает их сюда, и они окружили посадочную площадку плотным кольцом. Они пока ещё не готовы к атаке, но очень эффективно ограничивают деятельность иномирян. Даже добраться до твоего корабля будет не так-то просто, и с каждым моментом это становится всё труднее. Но капитан Нактитль не изменит своего решения из-за...

Я почувствовал, как Ит насторожился, вытянув вперёд шею.

— Что случилось?

— У нас меньше времени, чем я думал! — уловил я его послание. — С вашим стражем попытались связаться через переговорное устройство. Он не ответил, и тогда объявили общую тревогу.

У нас было всего несколько мгновений чтобы спрятаться. Установленный на будке часового прожектор подняли вверх, и он описывал теперь более широкие крути. Его луч ярко освещал окрестности, но не проникал в щели и глубокие ямы, образовавшиеся среди развалин. А мы как раз затаились в одной из них.

— Направо, — скомандовал Ит, — будем двигаться, когда луч прожектора отойдёт в сторону от нас.

— Налево, — Хоури был столь же настойчив. — Мой корабль...

— Всё не так просто, — фыркнул Ит. — Чтобы попасть налево, мы должны идти направо, а потом выйти на открытое пространство.

— Нам придётся пересечь реку? — при переправе мы, безусловно, будем наиболее уязвимы. Я не представлял себе, как нам удастся перебраться через реку под огнём поднятого по тревоге лагеря.

— К счастью, нет. Можешь поблагодарить за это тех богов, которых вы признаёте, — ответил Ит. — Нам повезло, что этот представитель закона приземлился на нашем берегу. Но нам необходимо обойти их пост и разойтись с отрядом, который послан с корабля на помощь здешней охране. Теперь налево.

Я следил за лучом прожектора и, когда он коснулся самой дальней от нас точки, я без всякого принуждения со стороны Ита рванулся к темневшей неподалёку яме, которую ещё раньше заметил как достаточно надёжное укрытие. Хоури замешкался, но, по-видимому, мои действия побудили его последовать за мной, потому что он нырнул в ту же яму.

К сожалению, укрытия располагались так, что уводили нас всё дальше и дальше от цели. Теперь нам стали слышны звуки, доносившиеся из-за реки, и виден свет фонариков, обозначающий продвижение вышедшей с корабля поисковой партии. Один из прожекторов был установлен так, чтобы освещать не только мост, но и большую часть берега с нашей стороны. Я не представлял себе, как нам удастся миновать это залитое светом пространство.

— Теперь пойдём не поверху, а понизу, ныряя в дыру, — когти Ита судорожно вцепились в моё тело, и я подобрался, приготовившись к броску.

Он, должно быть, имел в виду следующую тёмную яму, но что значило понизу, а не поверху, я не понял, пока не провалился в неё. Это была не просто щель между камнями, а настоящий подземный ход.

Я вытянул руки и коснулся пальцами скалы. Сверху на меня спрыгнул Хоури, и я отлетел в сторону. Не встретив перед собой никакого препятствия, я еле удержался на ногах, ступни, завёрнутые во вкладыши, скользили по гладкой каменной поверхности. Я снова пошарил руками вокруг себя. Сзади и по бокам возвышались стены, но впереди простиралась пустота. Я услышал, как Хоури с шумом пробирается вслед за мной.

— Вперёд, — потребовал Ит.

— Откуда ты знаешь, куда идти? — поинтересовался я.

— Знаю, — он говорил вполне уверенно.

Я ошупью двинулся вперёд. Мы попали в настоящее подземелье. Трудно сказать, был ли это настоящий потайной ход, вырытый ещё древними строителями, или он образовался в результате обвала. Проход шёл под уклон, и я попал ногой в лужу. В воздухе стоял запах сырости, усилившийся по мере того, как мы удалялись от входа.

— Где мы? Под рекой? — спросил я.

— Нет, хотя, возможно, сюда и просачивается речная вода. Посмотри направо.

Впереди что-то слабо мерцало, свет становился ярче по мере того, как я, скользя, приближался к его источнику. Мне вспомнились покрытые слизью следы, которые мы видели внутри разбитого корабля. А вдруг они нам здесь тоже встретятся? Остаётся надеяться на то, что Ит предупредит нас заранее.

Я подошёл к источнику света. Справа в стене зияло квадратное отверстие, образованное вывалившимся блоком. Через это импровизированное окно я заглянул в небольшое помещение. Посередине тянулся стол, сложенный из того же камня, что и стены, правда, он не подвергся воздействию эрозии. На нём стояли ящики, сделанные из металла; одни были изъедены ржавчиной, а некоторые уже рассыпались в пыль, и только их очертания виднелись на столе. Но один, возле окна, выглядел абсолютно неповреждённым, и в нём находились камни, подававшие слабые признаки жизни. Но сияние, которое привлекло моё внимание, исходило не от них, а от лежавшего рядом с ящиком предмета. Ит соскочил с моего плеча и одним прыжком перемахнул через окно на стол. Пробежав по нему, он добрался до кольца и, продев в него свою лапу, нацепил его себе на предплечье как тяжёлый браслет.

Он вспрыгнул на каменный карниз окна, затем мне на плечи и сунул кольцо под китель; оно оказалось настолько горячим, что прикосновение к нему причиняло немалую боль.

— Где вы? — к моему удивлению, голос Хоури раздался далеко за моей спиной. — Почему вы остановились?

— Мы нашли окно, — спокойно ответил Ит, — нам от него нет никакой пользы, но путь вперёд свободен.

Я недоумевал. Хоури всё время следовал за мной по пятам, и я не сомневался в том, что он видел и комнату, и стоявшие на столе ящики. Но я не стал расспрашивать Ита.

Пол снова стал наклонным, но теперь уклон шёл вверх. Тоннель вёл нас в нужном направлении. Мы двигались очень осторожно. Я постоянно прислушивался и знал, что остальные следуют моему примеру.

— Впереди груда камней, — сообщил нам Ит. — Будьте крайне внимательны. Мы уже недалеко от цели, но теперь нам придётся остерегаться нюхачей.

Мы вынырнули на поверхность среди куч наваленных как попало булыжников. Зрение восстановилось, и я предположил, что это отвалы горной породы. Мы с большой опаской двигались среди камней. К счастью, высокие отвалы закрывали нас от света прожектора. На утёсе возле реки и в руинах рядом с тоннелем царило невероятное оживление, прожектора превращали ночь в день.

Удача сопутствовала нам и пока мы ползли от края отвала к кустам. Кусты были густыми и колючими, они надёжно скрывали нас.

— Они будут ждать нас у патрульного корабля, — сказал я Иту.

— Естественно. Они попытаются использовать его в качестве приманки в ловушке, которую они расставили для нас. Возможно, они уже направились туда.

— Что? — Хоури замер. — Они всё равно не смогут пробраться в корабль. Он закрыт на кодовый замок с часовым механизмом.

— Такие пустяки Гильдию не остановят, — ответил Ит. — Но Нактитль не мог предусмотреть моего присутствия и ряда других мелких препятствий. Держитесь. Если мы сумеем добраться до корабля, нам не придётся беспокоиться о том, как выбраться из этого мира.

Зная Ита, я вполне поверил ему, но Хоури вряд ли. Он

следовал за нами только потому, что у него не было иного выбора. Что ему ещё оставалось: прятаться в развалинах или вступить в самоубийственную схватку с Гильдией?

Глава 14

— Нюхачи!

При этих словах Ита я резко остановился. Услышав поднявшийся за нашей спиной шум и увидев мельтешение огней, туземцы, без всякого сомнения, поняли, что люди вышли из лагеря на охоту.

— Где? — Хоури не собирался следовать советам Ита, но доверял его органам чувств.

— Слева на дереве.

Это дерево было гораздо ниже, чем лесные гиганты, но всё же довольно высоким. Его листва образовывала такой непроницаемо тёмный шатёр, что мы никак не могли увидеть притаившегося там нюхача.

— Он собирается прыгнуть на нас, когда мы будем проходить под деревом, — сообщил нам Ит. — Отойдите подальше в сторону, и тогда он не допрыгнет до нас.

Мы успели вооружиться. Хоури взял один из лазеров экстрасенса, а я другой. Однако стрелять куда попало, даже не видя цели, было бы глупо. Держа оружие наготове, я пустился в обход дерева.

Внезапно что-то словно ударило меня, проникло глубоко в голову, затем боль сосредоточилась в ушах. Я зашатался и услышал крик Хоури, испытывавшего такие же мучения.

Ит заёрзал у меня на плечах и выпустил когти, стараясь удержаться. Я забыл об угрозе со стороны туземцев. Единственное, чего мне теперь хотелось — это избавиться от ужасной боли в голове.

— ...руку, возьми Хоури за руку, держи...

Мысленный приказ Ита прозвучал приглушённо. Его руки-лапки коснулись моих ушей, сжали их, и я почувствовал, как в довершение ко всем страданиям его тело навалилось на мою бедную голову.

— Возьми Хоури за руку! — Ит подкрепил свой приказ рывком за уши. Я попытался поднять руку и стащить с себя своего мучителя, но обнаружил, что тело более не повинуется мне, вместо этого мускулы сжались и пальцы по собственной прихоти, несмотря на моё яростное сопротивление, вцепились в патрульного. Тот, застав, попытался высвободиться, но безрезультатно.

— Теперь вперёд! — Ит снова дёрнул меня за уши. Шатаясь от боли в голове и часто спотыкаясь, я побрёл в указанном направлении, почти что волоча Хоури за собой.

С дерева послышался визг, и что-то тёмное не прыгнуло, а просто свалилось вниз и стало кататься по земле. Сквозь звон в ушах мы слышали и другие звуки, шорох в кустах; существа, притаившиеся там, двигались мимо нас, направляясь к скале.

Ит крепко держал меня за уши и постоянно дёргал за них, заставляя меня идти вперёд. У меня создалось впечатление, будто я двигался навстречу сильному течению, которое несло меня обратно к развалинам, к кораблю Гильдии, а я из последних сил старался преодолеть это течение.

Вокруг было совсем темно, но Ит ехал на мне верхом и направлял мои шаги. Мне оставалось только подчиняться ему и тащить за собой Хоури, судорожно сжимая его руку.

Казалось, это зигзагообразное движение длилось целую вечность. Затем я уловил запах обуглившихся растений, и мы добрались до того места, где растительность либо съёжилась в пламени ракет, либо полностью сгорела. Перед нами, опираясь на стабилизатор, стоял разведывательный корабль патрульной службы.

Гладкий чёрный силуэт, ни трапа, ни открытого люка. Я вспомнил, что Хоури говорил о замке с часовым механизмом. Если он не сможет справиться с силами и открыть его, мы не попадём внутрь, хотя и достигли всё-таки своей цели.

Ещё один рывок. Голова по-прежнему болела, но то ли боль стала слабее, то ли я привык к ней, однако мои

мучения слегка уменьшились. Ит крепко держал меня за уши, но когда я остановился перед кораблём, он не стал требовать, чтобы я двигался дальше.

Вместо этого он занялся Хоури, правда мой мозг тоже воспринимал его настойчивый приказ:

— Хоури, замок! Ты можешь открыть замок?

Патрульный качался из стороны в сторону, дёргая меня за руку и пытаясь повернуться в сторону руин.

— Хоури! — на этот раз призыв Ита оказался таким же болезненным, как и зов, тянувший нас назад.

— Что?.. — не слово, а скорее, стон. Свободной рукой патрульный обхватил голову. Лазер исчез, должно быть, он потерял его во время падения.

— Замок на корабле... — слова Ита вонзались, как пули древних, когда они проникали в плоть. — Отомкни замок, ну же!

Хоури повернул голову. Я видел его сквозь пелену, застилавшую мне глаза. Свободной рукой он теребил ворот мундира. Все его движения были совершенно нескоординированы, я не верил, что он способен выполнить какое-либо действие. Но он достал микрофон.

— Код! — Ит не оставлял его в покое ни на минуту. — Назови код!

Хоури поднял руку, но не сразу, а так, будто он был не уверен, где находится его рот. Он что-то промямлил. Я не расслышал ни единого звука. Сумел ли он выполнить приказ Ита, несмотря на туман, окутавший его сознание? Его рука упала вниз и бессильно повисла. Казалось, что он потерпел неудачу.

Сверху раздался какой-то шум. Крышка люка открылась, узкий язык трапа высунулся вперёд и коснулся земли всего в нескольких футах от нас.

— Внутрь! — приказ Ита прозвучал так же пронзительно, как вопли нюхачей.

Я потащил Хоури вперёд. Трап был очень узким и крутым, и мне, чтобы втащить патрульного, пришлось идти по самому краю. Но шаг за шагом мы понимались всё выше к люку.

Мы словно вошли в звуконепроницаемую камеру и захлопнули за собой дверь. Шум в моей голове мгновенно прекратился. Я прислонился к стене возле люка и почувствовал, как пот градом течёт у меня по подбородку. Облегчение было так велико, что я задрожал от слабости.

Люк сам собой закрылся, и при вспыхнувшем свете я увидел, что Хоури чувствует себя не лучше. Его лицо казалось бледно-зелёным даже под слоем космического загара и блестело от пота. Он прокусил губу, и капли крови пузырились на ней, тоненькой струйкой стекая по подбородку.

— Они пытались подчинить нас своей воле с помощью компеллера, — каждое слово срывалось с его изуродованных губ так, будто произнести его было невероятно трудной задачей. — Они...

Ит отпустил мои уши и снова улёгся у меня на плечах.

— Надо немедленно взлететь, — если компеллер и подействовал на мутанта, то он не подавал виду. Самое лучшее — последовать его совету и не предпринимать никаких действий по собственной инициативе.

Мне кажется, Хоури чувствовал себя так же, как и я. Он, пошатываясь, отошёл от стены и пролез во внутренний люк. Когда мы двинулись вслед за ним, я услышал два щелчка: трап был убран, и автоматический замок закрылся за нашей спиной. Я снова вздохнул с облегчением.

Теперь, чтобы вытащить нас отсюда, им придётся применить супердистракт. А корабль Гильдии, как бы хорошо он ни был оснащён, не мог иметь его на борту — размеры не позволяли.

Хоури начал взбираться по ступеням центральной лестницы корабля. За ним вверх полез Ит, причём с такой скоростью, что оставил нас обоих далеко позади. Прежде чем добраться до рубки управления, мы миновали две нижние палубы. Патрульный упал в кресло пилота и принялся застёгивать пряжки ремня. Он двигался как во сне, и я не уверен, что он осознавал моё присутствие, хотя, должно быть, помнил о присутствии Ита.

Разведывательные корабли патрульных рассчитаны на одного человека, но в экстренных ситуациях иногда делаются исключения. Поэтому в глубине рубки находилось ещё одно противоперегрузочное кресло. Я забрался в него и принялся застёгивать ремни. В этот момент Хоури наклонился вперёд и нажал кнопку курсора.

Ит спрыгнул откуда-то сверху и во всю длину растянулся на моей груди.

На приборной доске вспыхнули огни, корабль завибрировал. Затем на нас обрушились обычные при взлёте перегрузки. Мне приходилось летать на кораблях вольных торговцев и небольших грузовых кораблях, на которых перегрузки ощущались гораздо сильнее, чем при взлёте лайнера. Но теперь нас словно вдавила в темноту какая-то огромная рука.

Когда пелена рассеялась, лампочки на приборной доске уже не переливались сверкающим узором, а горели ровно, не мигая. Хоури лежал в своём кресле, опустив голову на грудь. Ит пошевелился. Затем его голова медленно поднялась, и он взглянул на меня своими глазками-бусинками.

— Мы взлетели.

— Он установил плёнку, — сказал я, — и взял курс или на ближайшую базу Патруля, или на космический корабль-носитель.

— Ещё вопрос, удастся ли ему туда добраться, — заметил Ит. — Возможно, мы просто выиграли время.

— Что ты имеешь в виду?

— Нактитль не может себе позволить упустить нас. Гильдия поставила на карту всё, они играют в такую игру впервые за многие человеческие столетия и не допустят, чтобы один разведывательный корабль Патруля расстроил их планы.

— У них не может быть дистракта, их корабль слишком мал.

— Но у них есть другие приспособления, которыми они успешно пользуются. К тому же, разве ты хочешь, чтобы тебя доставили на базу Патруля?

— Что ты имеешь в виду? — я взглянул на Хоури. Если он не спал, то, вероятно, мог «услышать» слова Ита.

— Он ещё спит, — заверил меня мутант. — Ты прав, у нас мало времени, я не знаю, может ли находящийся в бессознательном состоянии мозг воспринимать и хранить информацию. Нактитль пока не нашёл того, что ищет. Камни, лежащие в комнате рядом с подземным ходом, были добыты не на этой планете, хотя Нактитль и Патруль до сих пор в это не верят.

— Откуда ты знаешь? А тоннели в скале?

— Эти старики добывали там что-то другое. В тайнике под развалинами они хранили запас топлива. Но Нактитль и все остальные подумают, что эти камни были найдены в шахтах. Тому, кто обнаружит источник этих камней, очень повезёт, особенно, если он будет благоразумен и осторожен. Кроме того, ведь те камни казались мёртвыми?

— Совершенно мёртвыми.

— Камень из твоего кольца частично активизировал их. Точно так же он может активизировать любое другое топливо в ваших кораблях. В твоих руках настоящее сокровище, но ты должен пользоваться им с умом. Найдутся люди, которые с лёгкостью убьют тебя из-за этого кольца. Тебе нужно бояться не только Гильдии.

Его голова повернулась на необыкновенно подвижной шее, и он многозначительно взглянул на патрульного.

— У меня не хватит сил на борьбу с Патрулём, — ответил я. Противозаконность подобных действий меня мало беспокоила. Кольцо досталось мне по наследству, и тот факт, что косный закон, созданный людьми, о которых я никогда не слышал, может быть применён для того, чтобы силой вырвать у меня моё состояние, не вызвал у меня ничего, кроме гнева. Я добавил:

— Но добровольно я не выпущу его из рук.

— Отлично, — в словах Ита прозвучало удовлетворение.

— Ты выиграешь, даже если будет казаться, что ты уступаешь. Твоя сила в слабости.

— Выиграть? Что? Состояние? В то время как все

охотятся за моей тайной и ждут только случая, чтобы уничтожить меня. Мне этого не надо.

Вероятно, в этом проявилось влияние Хайвела Джорна, который мог бы разбогатеть, но тем не менее, предпочёл покой богатству и закончил бы свои дни вполне мирно, если бы не оказался чересчур любознательным человеком. Или потребность быть свободным, которая заставляла Вондара Астла переезжать с места на место, возникла теперь у его ученика.

— Ты можешь купить свободу, — Ит с лёгкостью следовал за моими мыслями. — Что у тебя осталось после смерти Вондара? Ничего. Когда представится возможность, попробуй поторговаться, как он учил тебя. Ты к тому времени будешь знать, что тебе нужно больше всего.

— Вернее, что нужно тебе, — отпарировал я.

Он повернулся и взглянул на меня:

— Ты прав, что нужно мне. Мы с тобой неразделимы, я уже говорил тебе об этом. Каждый из нас в отдельности слаб, вместе мы сильны и сможем многого достичь, если только у тебя хватит мужества.

— Ит, кто ты?

— Живое существо, — ответил он, — с определёнными способностями, которые я неоднократно применял, и не без пользы для тебя. — Он прочитал мою мысль и добавил:

— Конечно, ты тоже помогал мне, но и я помогал тебе. Иначе ты бы уже давно погиб. А для представителей твоего вида смерть тела — это конец, или ты в это не веришь?

— Некоторые не верят.

— Всё может быть, — его ответ прозвучал довольно двусмысленно, — но во всяком случае, в этой жизни мы связаны друг с другом, и оба только выиграем, если наш союз окажется прочным.

Мне нечего было противопоставить его доводам, хотя в глубине души я всё же подозревал, что Ит вынашивает свои собственные планы и, очевидно, пытается втянуть меня в их выполнение.

— Он просыпается, — Ит взглянул на Хоури, — скажи ему, чтобы он проверил скорость.

Я не был пилотом, но заметил, что на приборной доске вспыхнула красная лампочка. Меня это встревожило. Хоури фыркнул и сел, его плетёное кресло закачалось. Он протёр глаза руками и, наклонившись вперёд, взглянул на приборную доску, на его лице появилось выражение беспокойства.

— Ит хочет, чтобы ты проверил скорость, — сказал я.

Резким движением он нажал на кнопку, расположенную под красной лампочкой. Огонек исчез, на его месте вспыхнул жёлтый, продержался некоторое время и снова стал красным. Хоури опять нажал кнопку. На этот раз цвет не изменился. Пальцы Хоури забегали по кнопкам и рычагам, но сигнал упрямо светился красным.

— Что случилось? — спросил я.

— Тракционный луч, — Хоури выпалил объяснение, как будто это было ругательство. — Они взлетели вслед за нами и навели на нас тракционный луч. Но как такой маленький корабль может быть настолько хорошо оснащён? — он продолжал нажимать на кнопки. На мгновение лампочка потускнела, но только на одно мгновение.

— Они заставят нас вернуться?

— Они постараются это сделать, но посадить нас им не удастся, по крайней мере, пока. Зато они не дадут нам уйти в гиперпространство. И, вероятно, попытаются взять нас на бордаж. В этом случае их ждёт маленький сюрприз. Но они могут держать нас возле планеты.

— И ждать подкрепления? Почему бы тебе не сделать то же самое? Попроси помощи.

— Они выпустили волновую завесу. Раз они ждут подкрепления, значит оно уже близко. Мне доводилось слышать о базовых кораблях Гильдии, очевидно, один из них находится неподалёку отсюда.

— Что же нам делать? Ничего?

— Это было бы непростительной глупостью, — вмешался Ит. — Они дождутся подкрепления и тогда легко справятся с нашим кораблём. Твоя ошибка, Хоури, в том, что ты не сразу понял, какое значение Гильдия придаёт

этой операции. Они готовы бросить в бой все свои скрытые резервы. Или ты уже подозревал это, когда летел сюда?

— Мне кажется, у тебя есть какие-то предложения? — съязвил Хоури. — Я могу усилить защитное поле, но не могу оторваться от их корабля. Это полностью истощило бы мои запасы энергии. Они набросятся на нас раньше, чем я успею выстрелить.

Ит уже принял решение:

— Мэрдок, космическое кольцо.

— И что? — я лично испытал могущество кольца, силу его притяжения в просторах космоса и на планете. Но каким образом оно может помочь нам избавиться от тракционного луча, который держит на привязи такой могучий корабль.

Но он знал гораздо больше меня, и я не переставал удивляться, откуда он получил эти сведения. Он с лёгкостью читал мысли, но кто научил его пользоваться этим загадочным камнем? Вероятно, эти знания составляли часть его таинственного прошлого, когда он, по его собственному выражению, ещё не обладал тем телом, которое служит ему теперь. Что, если Ит — связующее звено между нами и теми, кто некогда пользовался камнем в качестве источника энергии? Сколько времени Ит оставался семенем или камнем, короче говоря, той штукой, которую проглотила Валькирия?

С этими мыслями я начал расстёгивать пряжки, готовясь встать с кресла. Раз Ит говорит, что кольцо нас может спасти, значит стоит попробовать — в этом я не сомневался.

— Что вы собираетесь сделать? — резко спросил Хоури.

— Увеличить твой запас энергии, — ответил Ит. — Я не уверен, что нам это удастся, но мы попытаемся.

С его стороны было очень любезно сказать «мы». Я, как всегда, лишь претворял в жизнь зародившийся в его маленькой головке план.

Мы спустились по лестнице на нижнюю палубу и прошли в то помещение, где был установлен реактор. Ит

шевелил носом и ворочал головой, словно снова искал путь в лесу. Затем, резко дёрнув шеей, он ткнул носом в запечатанный ящик.

— Здесь, поторапливайся. Возьми газовый резак.

С видом забавляющегося сумасшедшего Хоури открыл в стене маленькую дверцу и достал оттуда инструмент, который просил Ит. Я медленно вынул кольцо. Я всё ещё не был уверен в том, что мы сумеем воспользоваться его помощью. Мне страшно не хотелось показывать его Хоури. Когда дело касалось кольца, я не доверял никому. Оно и так уже оставило за собой кровавый след сразу в нескольких солнечных системах, пролив кровь самых близких мне людей.

Сначала мне показалось, что Ит ошибся. Камень не подавал никаких признаков жизни, он был мёртв, как и в тот день, когда я впервые его увидел. Преодолевая внутреннее сопротивление, я положил его на крышку ящика, как велел Ит.

И тут медленно, словно нехотя, он начал оживать и вскоре заблестел, правда, не так ярко, как в космосе или в подземелье, когда находился среди себе подобных. Теперь кольцо испускало тусклый жёлтый, а не белоголубой свет. Хоури устался на него, его удивление было настолько велико, что он не сделал даже попытки воспользоваться резаком.

— Привари его, быстро, — закричал Ит. Его похожий на хлыст хвост бил меня по спине, словно он пытался таким образом заставить меня выполнить его требование. Я потянулся за резаком и дотронулся его концом до лежащего на ящике кольца, накрепко приварив его к крышке.

— Осторожно! — Ит не успел закончить фразу. Хоури взмахнул прутom резака. По милости той силы, которая правит вселенной, светящийся конец этого импровизированного оружия не задел Ита, но прут смахнул его с моего плеча и бросил на пол с такой силой, что он остался лежать неподвижно.

Я был совершенно ошеломлён этой внезапной атакой и,

растерявшись, потерял несколько драгоценных мгновений. Когда я рванулся к Хоури, он уже поднял прут, и раскалённый конец оказался в опасной близости от моих глаз. На его лице была написана решимость воспользоваться им в случае, если я прыгну на него.

Я отступал под его нажимом и не мог добраться до Ита; стоило мне попытаться подойти к нему, как Хоури начал угрожать мне прутом. Помещение, в котором мы находились, было маленьким, и скоро я оказался припёртым к стене.

— Но в чём дело? — спросил я. Хоури заставил меня прижаться к стене и поднять руки на высоту плеч ладонями наружу, светящийся конец резака угрожающе плясал прямо перед моими глазами.

Хоури, держа прут в одной руке, другой полез в кармашек на кителе. Оттуда он достал усовершенствованный вариант тех же пут, которыми он был связан, когда сидел в плену у Гильдии. Они вылетели из трубки, но не превратили всё моё тело в беспомощный кокон, а обхватили плотным кольцом одни только запястья.

— В чём дело? — повторил он. — Теперь я знаю, кто ты такой. Ты выдал себя, или это твоё животное тебя выдало, когда заставило достать кольцо. Что там у вас произошло? Ты не поладил с Гильдией? Ты — Мэрдок Джорн; мы уже несколько месяцев идём по твоему следу.

— Но почему? Ведь я же не состою в Гильдии.

— Значит, ты играешь один против всех, а это тоже говорит не в твою пользу. Или ты так высоко ценишь это животное, что рассчитываешь на его поддержку? Ведь без него ты практически беспомощен? — Хоури пнул Ита ногой, и тот перевернулся. Я в отчаянии попытался мысленно докричаться до него, но безуспешно. Раньше я один раз уже считал его мёртвым, теперь это случилось снова.

— Ты ставишь мне в вину то, что я будто бы играю в какую-то игру, — я постарался обуздать свою ярость, в гнев человек может совершить непоправимую ошибку. Возможно, я так и не научился полностью подавлять свои

эмоции, хотя мой отец считал это совершенно необходимым для каждого незаурядного человека, но я прошёл хорошую школу и попытался применить свои умения на практике. — Что ты имеешь в виду?

— Ты — Мэрдок Джорн, и твой отец был всем известен как член Гильдии, — Хоури размахивал светящимся резак-ом так, словно я был ребёнком, а он — учителем, и собирался указать мне какой-то важный пункт в спроецированном на экране кадре учебной плёнки.

— Если ты и не член Гильдии, то сохранил его связи. Его убили из-за того, что он обладал сведениями, очевидно, вот об этом кольце, — Хоури указал на кольцо концом прута. — Ты был на Ангкоре, когда это произошло. Затем ты улетел оттуда, порвав со своей семьёй. Ты был на Танфе, когда погиб твой хозяин, Вондар Астл, причём при таких обстоятельствах, которые наводят на мысль, что это убийство было организовано заранее. Объясни-ка мне это, Джорн! Или Астл обнаружил, что ты возишь с собой, и собирался доложить об этом властям? Как бы то ни было, дело, кажется, приняло не тот оборот, на который ты рассчитывал. Тебе не удалось прибрать к рукам личную коллекцию драгоценностей твоего хозяина. Но тебе всё же удалось покинуть планету. Корабль, на котором ты улетел, находится на подозрении из-за связей с Гильдией. Они-то и доставили тебя сюда. Зачем же ты поссорился с главарями? Ты должен был заранее знать, что не сможешь противостоять Гильдии. Или ты надеялся, что благодаря твоему животному это тебе удастся? Мы заставим тебя говорить с помощью сканирующего шлема.

— Ещё неизвестно, сумеешь ли ты доставить меня на базу!

— Надеюсь, что теперь у тебя не будет шансов бежать. Ты сам всё так любезно устроил. Но я забыл, ты же не разбираешься в кораблях. Ты их не чувствуешь. Мы оторвались от корабля Гильдии и легли на прежний курс. Теперь, — по-прежнему угрожая мне раскалённым прут-ом, Хоури наклонился и поднял длинное покрытое шер-стью тельце Ита за задние лапы, — это отправится в

морозилку. В лаборатории захотят взглянуть на него. А ты посидишь в складском отсеке до тех пор, пока не понадобишься.

Не отводя далеко раскалённый прут, он вывел меня из машинного отделения и повёл к лестнице, которая вела на верхние палубы. Я медленно пятился, надеясь обернуть в свою пользу любую оплошность Хоури. Но если бы даже я и решился напасть на него, ему не так трудно было бы заставить меня повиноваться, стоило только одним движением пальца раскалить прут до предела и коснуться им моего лица.

Ит, как маятник, раскачивался в руке Хоури, вызывая во мне острую жалость. Я посмотрел на его тельце, и жгучая ненависть, которую я испытывал к Хоури, стала ясной, холодной и смертоносной. Но, взглянув на Ита, я понял, что ещё не всё потеряно. Ит ожил и, изогнувшись, вонзил острые, как иголки зубы, в схватившую его руку. И когда Хоури взвыл от боли и удивления, я бросился на него.

Глава 15

Мои руки были связаны, не то я сумел бы найти им достойное применение: отец обучил меня всем приёмам рукопашного боя, которые могут пригодиться космическому бродяге. Я изо всех сил ударил Хоури головой под ложечку, так что тот отлетел к стене. У него перехватило дыхание, но мне не удалось воспользоваться полученным преимуществом. Всё, что я мог, это собраться с силами и, навалившись на него всем телом, удерживать его от дальнейших действий. Я не видел никакого выхода из создавшегося положения.

Ит сыграл решающую роль, начав эту атаку, но большего я от него не ожидал. Однако, как выяснилось, не стоило сбрасывать его со счетов. Тоненькое тело взметнулось в воздух. Пролетая мимо, Ит стегнул меня хвостом по щеке. Приземлившись на опущенную голову Хоури, он вонзил в него свои когти и обхватил патрульного за уши, точно так

же он держал меня, когда пытался увести прочь от скалы.

Хоури закричал и хотел было поднять руки, но я, изогнувшись, навалился на него ещё сильнее, стараясь прижать его к стене и дать Иту возможность одержать эту маленькую победу. Затем, откинувшись назад, я снова ударил его, на этот раз плечом в горло. Если бы мне удалось нанести такой удар со всего размаха, я бы убил его.

Хоури издал булькающий звук, и как только я отодвинулся от него, поднёс руки к горлу. Но у него подкосились ноги, и он стал медленно наклоняться вперёд. Он упал бы с лестницы, если бы я не поддержал его коленом.

Ит оставил в покое его уши, покрытые кровавыми царапинами, прыгнув ему на грудь, лапами разорвал китель и достал танглер. Он нацелил его на Хоури с таким видом, словно пользовался им уже не в первый раз. Через мгновение Хоури снова был связан не менее аккуратно, чем когда его принесли в тоннель.

Присев на задние лапы и тяжело дыша, мутант держал танглер в лапках-руках и внимательно наблюдал за патрульным. Хоури судорожно глотнул, его лицо посерело. Я испугался, что сломал ему какую-нибудь кость и причинил больше вреда, чем хотел. Теперь, когда у меня появилась возможность обдумать всё спокойно и ярость больше не застилала глаза, у меня пропало желание убить его, хотя я помнил о том, на какую участь он обрёл нас с Итом. Мне приходилось убивать, но только в целях самозащиты, как это случилось на Танфе. Но я никогда не убивал просто ради того, чтобы убивать; мало кто так делает. Кроме того, гораздо труднее убить человека в рукопашном бою. Хоури выполнял приказ, закон был на его стороне, хотя в некоторых случаях справедливость и закон далеко не одно и то же. Я относился к Патрулю с почтением. Однако это вовсе не говорит о том, что я боялся его и был готов примириться с несправедливостью. На полуосвоенных планетах законы по необходимости должны быть более гибкими, чем в старых, давно обжитых мирах. Из сказан-

ного Хоури, я сделал вывод, что меня осудили и приговорили, даже не дав возможности оправдаться.

— Руки! — Ит резко перепрыгнул на лестницу и поднялся до уровня моей груди.

Я протянул ему связанные руки, и он мгновенно перегрыз стягивающие меня путы своими зубками. Освободившись, я опустился на колени, прислонил Хоури к стене и нажимал ему на грудную клетку до тех пор, пока его дыхание не выравнилось, а лицо не порозовело.

— Ты не сможешь. Я задал курс, — прошептал он. — Мы всё равно вернёмся на базу.

Он не скрывал своего торжества и радовался недаром. Если плёнка с курсом уже заложена в автопилот, то мы не сможем ничего изменить и останемся на свободе ровно столько времени, сколько нам потребуется для того, чтобы долететь до места назначения. Похоже, Хоури всё же одержал над нами победу, хотя и находился пока в нашей власти.

Он улыбнулся, возможно, догадался по изменившемуся выражению моего лица, что я понял это. Помимо всего прочего, я не умел управлять кораблём, и если даже были какие-то способы изменить записанный на плёнку курс, то я их не знал. Как, впрочем, и Ит.

— Подними его, — Ит указал на Хоури и на лестницу.

— Ничем не могу вам помочь, — сказал Хоури. — Раз плёнка уже в автопилоте, ничего нельзя сделать.

— Да ну? — Ит качнул головой, глядя Хоури прямо в глаза, в то время как я помогал встать ему на ноги. — Посмотрим.

Уверенность мутанта, видимо, не нарушила спокойствия Хоури. И он не сопротивлялся, когда я подталкивал его вверх по лестнице. Он вполне мог сделать подъём практически невозможным, вместо этого он довольно охотно вскарабкался вверх, или мне так только показалось, разрешая поддерживать себя в тех случаях, когда он не мог ухватиться руками за поручни. Слабая гравитация корабля способствовала успеху, и мне удалось поднять его в рубку.

Очевидно, Хоури собирался насладиться нашим смятением, когда мы убедимся в его правоте и поймём, что остановить корабль или изменить его курс никак нельзя.

Приборная доска мне ни о чём не говорила. Но Ит торопливо пересёк рубку, прыгнул в кресло Хоури, а с него на край панели, его голова снова начала тыкаться из стороны в сторону, он явно что-то искал, но не находил. Внезапно он спрыгнул обратно в кресло, съёжился и втянул шею, пристально глядя перед собой. Его сознание было плотно закрыто. Он думал.

Хоури рассмеялся:

— Твой суперзверь несколько озадачен. Говорю тебе, Джорн, ты должен покориться и...

— Довериться Патрулю? — спросил я. Вероятно, я слишком уж надеялся на чудеса, которые творил Ит. Видимо, Хоури прав, и пленники мы, а не он.

— Если ты согласишься с нами сотрудничать, мы попытаемся смягчить приговор, — ответил он.

— Меня ещё не судили и не приговорили, — парировал я. — А те обвинения, которые вы мне предъявляете, весьма туманны. Я унаследовал кольцо от своего отца. На Танфе я защищал себя, иначе меня бы убили, и я оплатил проезд с этой уродливой планеты. И вы сами видели, что я не сотрудничаю с Гильдией. Так в чём же конкретно моя вина? Скорее наоборот, я сотрудничал с Патрулём в вашем лице. Ведь это Ит вывел нас из тоннеля, а моё кольцо помогло сбросить тракционный луч.

Хоури по-прежнему улыбался, но в его улыбке не было ничего дружеского.

— Когда ты, Джорн, был на Танфе, ты, возможно, слышал поговорку: «Тот, кто оказывает услугу демону, становится слугой демона». То, что заключено в кольце, если верить слухам, не должно находиться в руках одного человека. Мы получили приказ уничтожить кольцо, а в случае необходимости и его владельца.

— И нарушить таким образом закон?

— В отдельных случаях, когда того требуют интересы расы или вида.

— Это — опасная концепция, — прозвенел в наших головах голос Ита. — Либо закон существует, либо нет. По мнению Мэрдока, защищая справедливость, иногда можно пренебречь законом или попытаться обойти его. А ты, Хоури, который давал клятву следовать букве закона, теперь утверждаешь, что его можно нарушать в тех случаях, когда это выгодно. Кажется, представители вашего вида не слишком-то почитают законы.

— Что ты... — Хоури направил на Ита такой заряд ненависти, что даже я его почувствовал. Я быстро встал между ним и пушистым тельцем, сидевшим в кресле пилота.

— Что я, животное, понимаю в человеческих делах? — закончил Ит за него. — Только то, что я узнал из твоих мыслей. Ведь ты, Хоури, продолжаешь считать меня животным. Интересно, почему ты придерживаешься этой точки зрения, хотя давно уже осознал её ошибочность? Или ты пытаешься скрыть от самого себя свои заблуждения? По-моему, ты, — Ит замолчал, разглядывая патрульного, — придаёшь своим действиям непомерно большое значение.

Лицо Хоури вспыхнуло, он плотно сжал губы. В это мгновение я пожалел, что не могу читать его мысли, подобно Иту. Несомненно, в них была скрыта угроза, но Ит ничего не сказал по этому поводу, а перешёл к другой теме:

— Для того чтобы выжил мой вид, а я нахожу это необходимым, нужно немедленно предпринять определённые шаги. Вероятно, ты, Хоури, прав, и этот корабль действительно нельзя свернуть с заданного курса. Но ты уверен в том, что его нельзя повернуть обратно?

Лицо Хоури приняло озадаченный вид. Ит, должно быть, с лёгкостью читал его мысли.

— Спасибо, — в ответе Ита явно послышалось удовлетворение. — Значит, вот как это делается! — Он снова прыгнул на край приборной доски и положил руки-лапки на её поверхность, как делают многие люди, прежде чем

проделать с помощью сложного оборудования тонкие, требующие внимания манипуляции.

— Нет! — Хоури бросился к нему, но наткнулся на меня и не добрался до доски. Я ударил его ребром ладони, как меня учили. Он сразу же упал и потерял сознание.

Я оттащил его к пассажирскому сидению, бросил в кресло и пристегнул ремнями. Затем повернулся к Иту, который по-прежнему рассматривал приборную доску, тыкая носом из стороны в сторону, его лапы были занесены над кнопками и рычагами, но пока ещё не касались их.

— Сложная проблема, — заметил он. — Дополнительная энергия, полученная от камня, тоже повлияет на результат. Корабль вполне можно развернуть. Эта мысль мелькнула у него в голове, когда я своим предположением застал его врасплох. Подобный шок часто открывает доступ к необходимой информации. Но с нашей теперешней скоростью мы вряд ли приземлимся неподалёку от того места, с которого взлетели.

— Но чего мы добъёмся, вернувшись назад? — спросил я, и тут же ответил на свой собственный вопрос, — Мы не сможем изменить курс, пока не совершим посадку. Но я не умею управлять кораблём, нам не взлететь с планеты, даже если мне удастся задать другой курс.

— У нас будет время решить эту проблему, — ответил Ит. — Или ты предпочитаешь продолжать полёт по старому курсу?

— А как же корабль Гильдии? Если мы вернёмся, они нас выследят.

— Давай обратимся к фактам: будут ли они ждать нашего возвращения? Не думаю, чтобы кто-нибудь, даже такой дальновидный человек, как капитан Нактитль, мог бы это предусмотреть. А если нам удастся приземлиться на некотором расстоянии от их лагеря, то мы выиграем время. Время — это наше главное оружие.

Ит, как всегда, оказался прав; мне вовсе не хотелось продолжать полёт по маршруту, заложенному Хоури. Даже если бы до сих пор против меня не было выдвинуто

никаких обвинений, захватив корабль, я поставил себя в такую зависимость от расположения Патруля, что вряд ли сумел бы защитить себя.

— Так, так и так, — закончив изучение приборной доски, Ит с быстротой молнии нажал несколько кнопок. Я не настолько хорошо разбирался в кораблях, чтобы понять, те ли кнопки он выбрал. Лампочки замигали, одни потускнели, другие зажглись. Оставалось только надеяться на Ита.

— Чем займемся теперь? — спросил я, когда он перебрался с края приборной доски обратно в кресло пилота.

— Мы можем только ждать, поэтому я бы предложил поесть и напиться.

Он был прав. Стоило Иту упомянуть о еде, как я почувствовал, что паёк, который я съел в тоннеле, уже давно прекратил своё действие, и в моём желудке не осталось ничего, кроме ноющей пустоты. Я осмотрел верёвки, которыми был связан Хоури. Он всё ещё был без сознания, но дышал ровно. Затем в сопровождении Ита, передвигавшегося по лестнице гораздо быстрее меня, я спустился вниз. Мы нашли маленький камбуз с огромным запасом пайков и устроили пир; в тот момент мне показалось, что он по роскоши не уступал лаллационову. Я смаковал каждый глоток.

Ит разделил со мной трапезу, хотя и предпочёл бы какую-нибудь дичь тюбику с пайком. Когда мы оба насытились, я опять задумался о нашем будущем.

— Я не сумею вывести корабль на орбиту, — вновь сказал я. — Не исключено, что мы останемся на планете, которая отнюдь не принадлежит к числу тех, которые мне хотелось бы освоить. Если корабль Гильдии последует за нами, они обнаружат место нашей посадки и нападут на нас. А я ещё не изучил достаточно этот корабль и не смогу использовать имеющееся на борту оружие. Если возникнет угроза его разрушения, нам придётся довериться Хоури и поручить ему управление всеми средствами защиты.

— Кроме того, я читаю все его мысли, и ему не удастся

застать нас врасплох, если он попытается обернуть это оружие против нас. — Ит аккуратно вылизал тёмно-красным язычком старательно растопыренные пальцы. — Они не будут нас ждать, а о том, как взлететь с планеты, подумаем в своё время. Не ищи в будущем одни лишь чёрные тучи, возможно, солнце завтрашнего дня рассеет их. Теперь я бы предпочёл поспать. Это приносит облегчение телу и отдых мозгу, после сна встаёшь лучше подготовленным к встрече с неизбежным.

Он соскочил с вращающегося кресла и трусцой побежал к двери.

— Сюда, там койка, — он указал носом на дверь, находившуюся с другой стороны лестницы. — Не беспокойся, когда мы войдём в атмосферу, тебя поднимет сигнал тревоги.

Я распахнул дверь. Там была койка, и я упал на неё, внезапно почувствовав себя страшно усталым. Ит прыгнул мне под бок и свернулся клубочком, положив голову на моё плечо. Но его сознание было непроницаемо, а глаза закрыты, и ничего не оставалось, как подчиниться требованиям измученного тела и заснуть вслед за Итом.

Раздавшийся прямо над моим ухом резкий звонок вырвал меня из этого блаженного состояния. Окинув каюту мутным взглядом, я увидел, что Ит уже сидит, расчёсывая пальцами свои усики.

— Тревога. Мы вошли в атмосферу, — сообщил он мне.

— Ты уверен? — я сел на койке и, последовав примеру Ита, провёл рукой по волосам, но не добился при этом таких блестящих результатов. Прошло слишком много времени с тех пор, как я в последний раз менял одежду, принимал ванну и выглядел действительно чистым. На руках и лице виднелись бледные пятна новой кожи. Пройдёт ещё несколько дней, моя пегая окраска исчезнет, и на мне не останется никаких следов заболевания, благодаря которому я выбрался с «Вестриса».

— Мы вернулись на ту же планету, с которой взлетели, — безапелляционно заявил Ит. Я не разделял его убеждён-

ности. Мне хотелось выглянуть наружу и самому в этом убедиться. — С тем же успехом можно пристегнуться перед посадкой прямо здесь.

— А корабль?

— Он на автопилоте. Да и в любом случае, что ты сделаешь?

Ит был прав, но я бы чувствовал себя увереннее, если бы Хоури сидел в кресле пилота. Автопилоты действительно настолько совершенны, что в некоторых случаях они надёжнее людей. Но всегда могут возникнуть непредвиденные обстоятельства, и человеческая реакция способна спасти положение, если машина вдруг откажет. Двигатели космического корабля работают в автоматическом режиме, но всё же ни один корабль никогда не взлетает без пилота, инженера и остальных членов экипажа, в чьи обязанности некогда входило непосредственное управление кораблём.

— Вы боитесь собственных машин?

Я снова пристегнулся к койке, а Ит растянулся рядом со мной. Он явно собирался продолжать разговор, а я в этот момент был вовсе не расположен вести пустопорожние беседы.

— Да, мне кажется, некоторые из нас боятся. Но я не имею склонности к технике. Для меня машины — это загадка. Жаль, что меня не учили управлять кораблём.

Но мои мысли и ответ Ита оказались стёрты перегрузками, возникшими при выходе на орбиту. Я ещё не испытывал таких неприятных ощущений. Моё уважение к Хоури возросло. Если ему постоянно приходилось переносить подобное, он был крепким человеком. Перед самой посадкой меня снова охватил страх. Что если автоматике не удастся выбрать подходящее место, и мы провалимся в озеро или сядем на откос? А я ничего не могу сделать, чтобы предотвратить возможную катастрофу.

Я открыл глаза, в которых пульсировала огненная боль, почувствовал притяжение планеты и понял, что нам удалось совершить посадку в подходящем месте.

Ит выполз из-под ремня, проходившего поперёк моей груди и его тела. Меня раздражала его способность мгновенно приходить в себя после перегрузок, которые надолго выбивали меня из колеи. Получив ужасный удар газовым резаком, он казался мёртвым, но в тот момент, когда он изогнулся, чтобы укусить державшую его руку, на нём не оказалось ни одного кровоподтёка.

— Посмотрим, где мы, — мутант уже выходил из двери каюты. В тишине корабля слышно было цокание его когтей по лестнице. Я медленно последовал за ним, остановившись по пути, чтобы взять на полке в галерее тубик с тонирующим средством. Оно понадобится Хоури, а Хоури нужен нам, по крайней мере до тех пор, пока мы не узнаем получше, где мы находимся, и что нас ждёт.

Глаза патрульного были открыты, и он смотрел на Ита таким взглядом, что не оставалось никаких сомнений: меньше всего ему хотелось видеть мутанта. Ит сидел на законном месте Хоури, в кресле пилота. Впервые с тех пор, как я с ним познакомился, мой спутник выглядел не на шутку озадаченным.

Приборная доска была оснащена внешним видеоэкраном. Но кнопка, включавшая его, находилась вне пределов досягаемости Ита. Она располагалась так, что человек, сидя во вращающемся кресле, легко доставал до неё рукой.

Ит пытался вскарабкаться как можно выше, его шея вытягивалась на немыслимую длину. Но нос по-прежнему не доставал до кнопки. Я пересёк рубку и нажал на неё.

На экране появилось изображение. Мы, очевидно, стояли лицом к скале, в опасной близости от неё. Насколько я мог судить, она была того же желтовато-серого оттенка, что и тот утёс, в котором древние горняки проложили свои тоннели. Но здесь поверхность скалы казалась сплошной.

Хоури заговорил:

— Включи вращение, вон тот рычаг, — он был связан, и ему пришлось указать подбородком. Я послушно нажал на кнопку. Поверхность скалы начала медленно проходить

перед нами. Затем мы увидели то, что лежало слева от нас: открытое небо и верхушки зелёных растений.

— Нажми, нажми на кнопку, — злобно проговорил Хоури. — Нам нужно спуститься до уровня земли.

Поле зрения быстро снизилось, что создало впечатление падения. Верхушки растений превратились в вершины больших кустов. Как всегда после посадки, с полосы выжженной земли между кораблём и трепещущей стеной зелени поднимался дым. Но таких высоких деревьев, как те, на которые свалилась спасательная шлюпка, нигде не было видно.

Не было видно также ни руин, ни обломков древнего корабля, ни того, чего я боялся больше всего — иглы принадлежащего Гильдии корабля. По мере того, как экран продолжал показывать местность вокруг нашего корабля, я пришёл к выводу, что мы находимся в совершенно диком месте. Неизвестно, как далеко от лагеря рудокопов мы оказались.

— Не очень далеко, — Ит взобрался на спинку кресла и стал разглядывать панораму окрестностей. — Есть множество способов обнаружить местоположение корабля, особенно на планете, на которой нет помех, создаваемых радиовещанием. Он уже подумал об этом, — мутант указал на Хоури.

Я повернулся к патрульному:

— Это правда? Мы вернулись на ту же планету, я узнаю растительность. Вы сможете помочь нам обнаружить корабль или лагерь Гильдии?

— С какой стати? — он даже не пытался сбросить путы, лежал расслабившись, словно его ничего не касалось. — С какой стати? Я вовсе не стремлюсь попасть в руки твоих друзей. У тебя, Джорн, возникли затруднения? Если ты взлетишь по курсу, заложенному в автопилот, то попадёшь на нашу базу. Оставайся здесь, и, рано или поздно, твои друзья придут за тобой. Постарайся на этот раз заключить сделку. Можешь сделать меня предметом торговли.

— Вы не оставили мне никакого выбора, — возразил я,

— но они вовсе не мои друзья, и я не намерен торговаться с ними. — У меня появилось искушение убедить его в том, что я действительно собираюсь заключить подобную сделку. Но стоило ли играть в такие игры, ведь, вероятно, в будущем мне потребуется его помощь. Корабль может взлететь и на автопилоте. Но я не успел выяснить, есть ли на борту запас нужных для этого плёнок, смогу ли я вставить её в автопилот, кроме того, я не был уверен, что новая плёнка не приведёт нас на другую базу Патруля. А времени на тренировки, скорее всего, не осталось. Нас, должно быть, уже засекли с корабля Гильдии.

Нам нужен был Хоури, однако не следовало этого показывать, чтобы он не попытался воспользоваться создавшимся положением. Мне требовалось убедить его в том, что мы должны заключить перемирие, хотя бы на короткий срок.

— Вы знаете, что они здесь искали? — попробовал я другой подход.

— Судя по всему, они искали место, где добывались эти камни.

— Они, — проговорил я медленно, — не нашли этого места, но Ит сумел его обнаружить.

Я боялся, что Ит станет это отрицать, но он не принял участия в разговоре. Мутант по-прежнему, не отрываясь, смотрел на экран. Я продвигался на ощупь, однако меня приободрило, что он не стал открыто протестовать и опровергать моё заявление.

— Где же это?

Хоури, конечно же, знал, что я не дам ему ответа на этот вопрос. На экране теперь появилось свободное от растительности пространство. Рядом с тем местом, где после нашего приземления образовалось выжженное пятно, располагался жёлтый песчаный откос; такого насыщенного цвета я ещё не видел в этом сумеречном мире. Он спускался к берегу озера. Это озеро не имело никакого отношения к недавнему наводнению. Вода казалась чистой и не скрывала ужасы под своей поверхностью. Она

выглядела настолько же ярко-зелёной, насколько песок был ярко-жёлтым, и то, и другое были так ярко окрашены, что походили на драгоценные камни, оправленные в тусклый металл.

— Особенностью этих камней, — тут я прочёл целую лекцию, маскируя крупницы истины пустопорожними рассуждениями, — является то, что они отыскивают друг друга. Один камень приводит к остальным. Для этого нужно лишь подчиниться притяжению имеющегося камня. Ит взял кольцо незадолго до того, как приземлился корабль Гильдии. Мы шли туда, куда он нас тянул, а потом Ит один продолжил поиски. Он нашёл источник притяжения.

Ит не подавал виду, что слышит мои слова. Он смотрел на экран и был полностью поглощён этим занятием. Внезапно он издал один из немногих звуков, которые я слышал от него. Его губы раздвинулись, обнажив свирепые острые зубы, и он зашипел. Вздрогнув, я посмотрел на изображение на экране.

Глава 16

Видоискатель продолжал поворачиваться. То, что сейчас появилось на экране, очевидно, находилось с противоположной стороны корабля. И если раньше пейзаж был лишён всяких признаков разумной деятельности, то здесь всё выглядело иначе.

Рукав озера образовывал небольшой залив. Посреди него стояла сложенная из крупных каменных блоков платформа. Её окаймлял низкий парапет, на котором стояли каменные колонны, высеченные в форме голов. Каждая из них отличалась от соседней настолько, что становилось ясно: они изображают не вымышленных богов, а представителей разных рас. Но самым странным казалось не это, а то, что из голов, расположенных по углам платформы, поднимались клубы зеленоватого дыма, которые по цвету почти не отличались от омывающей платфор-

му воды. Вероятно, головы были полыми, и внутри них горел огонь.

Но если не считать дыма, каменная поверхность платформы выглядела совершенно безжизненной. Она почти вся просматривалась, и спрятаться можно было только лёжа на животе за низким парашютом. Ит продолжал шипеть, его спина выгнулась дугой от загибка до основания хвоста.

Я разглядывал головы, пытаясь обнаружить среди них хоть одну, отдалённо напоминающую те, которые я видел во время своих странствий по иным мирам. Я узнал четвертую от ближайшей из курившихся голов.

— Динал! — я произнёс это слово вслух, вспомнив музей на Айоне, куда Вондар был приглашён на показ частной коллекции сокровищ из дальнего космоса. Среди экспонатов находился массивный браслет, слишком большой для человеческой руки, с горельефом подобного лица. Древний браслет относился к одной из космических цивилизаций предтеч, а изображённое на нём существо, если верить легенде, рассказанной закатанами, и было диналом. Мы почти ничего не знаем о них.

Однако — я пересчитал головы — из двенадцати статуй мне удалось опознать лишь одну. И каждая без всякого сомнения изображала представителя другой расы. Было ли это памятником давным-давно исчезнувшей конфедерации или империи, в состав которой входили многие народы?

У нас тоже есть нечеловеческие партнёры и союзники (мы считаемся людьми). Это — закатане, рептилии; происходящие от птиц тристиане; непонятного происхождения вайверны; другие, множество других. Одна или две расы так чужды нам, что мы лишь изредка вступаем с ними в контакт. Среди тех союзников, которые относятся к гуманоидам, тоже много разных ветвей и мутаций. За целую жизнь, проведённую в странствиях, не успеешь даже услышать обо всех.

Но реакция Ита на это место показалась мне настолько

удивительной — он продолжал враждебно шилеть, — что я спросил:

— Там кто-то есть?

Ит ещё немного пошипел. Затем тряхнул головой, как будто очнулся.

— Сторрфф.

Это прозвучало, как совершенно незнакомый мне звук. Затем он быстро поправился, испугавшись, что нечаянно рассказал слишком много.

— Неважно. Это древнее место, оно давно потеряло своё значение, — возможно, он пытался убедить в этом не столько нас, сколько себя.

— Дым, — напомнил я ему об этом немаловажном обстоятельстве.

— Ньюахи. Они вложили своё содержание в непонятную им форму и создали культ новых богов. — Он казался совершенно уверенным в этом. — Они, вероятно, убежали, когда мы приземлились.

— Сторрфф, — Хоури произнёс слово, которое Ит заронил в наше сознание. — Что это или кто это?

Но Ит уже полностью овладел собой.

— Ничего, что имело бы хоть какое-нибудь значение на протяжении многих тысяч ваших планетарных лет. Это место давно забыто и мертво.

«Но не для тебя», — подумал я. Ит не отвечал на вопросы и отказался разговаривать на эту тему. Так к его тайне добавилась ещё одна загадка. Он не объяснил, всё ли это место называется сторрффом или только одна из голов. Но я понял, что он узнал его или часть его, и это воспоминание было ему неприятно.

На экране снова показалась высокая скала. Ит спрыгнул с кресла.

— Кольцо! — он направился к лестнице.

— Зачем?

Но на эту тему он также не собирался распространяться. Я повернулся к Хоури. Сломав колпачок ампулы с тонирующим средством, я поднёс её к его губам и держал так,

пока он не высосал содержимое. Можем ли мы освободить его? Очевидно, пока нет. Когда он закончил, я оставил его связанным в кресле и последовал за Итом.

Но на крышке ящика кольца не было. На том месте, где оно ранее находилось, виднелось пятно необработанного металла. Ит стоял у стены в другом конце каюты, опираясь на неё передними лапами и уставившись в точку, находившуюся высоко над его головой.

Там висело кольцо. Оно с такой силой прилипло к стене, что казалось приваренным. Но к металлической поверхности был обращён не ободок, а сам камень. Мне потребовалось приложить невероятные усилия, чтобы оторвать его. Он сиял белым светом.

— Платформа в заливе, — я высказал свои мысли вслух.

— Ты прав, — Ит вскарабкался на меня. — Надо разобраться на месте.

Я остановился перед люком у полки, на которой лежало оружие. Кольцо было зажато в ладони, и рука, больно выгибаясь, поднималась. Взяв лазер, я почувствовал себя хоть немного увереннее.

Трап, резко щёлкнув, выдвинулся вперёд, и мы вышли на яркое солнце. Руку тянуло в сторону. Дымившаяся земля обжигала ступни через лёгкую обувь, и я запрыгал вперёд. У подножия холма я свернул по направлению к заливу, предоставив кольцу тащить меня.

— В скале нет тоннелей, — я всё ещё не исключал такой возможности.

— Камень не из этого мира, — Ит был совершенно в этом уверен. — Но там, — он указал на платформу, — находится то, что притягивает его больше, чем тайник под развалинами. Посмотри на кольцо.

Даже при свете солнца его блеск казался ослепительным. Оно сильно нагрелось и обжигало руку, причиняя мне боль, но я боялся разжать ладонь. Вдруг оно улетит, и мы его больше не найдём.

Я шёл, по щиколотку проваливаясь в глубокий песок, который был настолько тонок, что скорее походил на

пудру. Я всё время боялся провалиться ещё глубже. Наконец я добрался до края воды. Несмотря на изумрудно-зелёный цвет, она не была прозрачной, и я не мог понять, глубоко ли здесь. Кольцо тащило меня вперёд, а я изо всех сил сопротивлялся, опасаясь входить в воду. Я не представлял себе, как мы заберёмся на платформу, она возвышалась над водой больше, чем на человеческий рост, а образующие её стены были совершенно монолитными.

Если бы я не боролся с притяжением, а подчинился ему, я бы попал в одну из ловушек, расставленных этой планетой. Однако ловушка оказалась нетерпеливой и попыталась сама схватить меня. Над изумрудной поверхностью воды взлетел огромный фонтан, и показалась голова, которая на три четверти состояла из пасти, раскрыв её, она обнаружила ряд ужасных клыков и явный голод.

Отступив назад в глубокий песок, я нажал на кнопку лазера. Луч попал прямо в эту раскрытую пасть, и существо забилося в судорогах, хотя и не издало ни звука. Оно было покрыто толстой чешуёй, и мне кажется, я по счастливой случайности попал в наиболее уязвимое место. Оно билось так, что вода вокруг него превратилась в зелёную пену. Всё ещё извиваясь, оно начало тонуть и, наполовину погрузившись в воду, медленно поплыло прочь по направлению к платформе.

Через несколько секунд тело начало дёргаться из стороны в сторону, и я заметил тварей, которые рвали его на части, поедая в свою очередь этого хищника. Вовремя узнав о грозившей мне опасности, я отказался от попытки перейти узкий залив вброд.

— Нюхачи, — я вспомнил сообщение Ита. — Если они используют платформу как храм, то должны же как-то попадать туда. — Мне не верилось, что они не боятся таящихся в воде существ.

— Мы ещё не осмотрели другую сторону платформы, — ответил Ит. — По-моему, нам не мешает это сделать.

Преодолевая притяжение кольца, я шёл по берегу. Когда мы дошли до конца бухты и увидели противоположный берег, выяснилось, что Ит, как всегда, оказался прав.

На песке лежало несколько шестов и молодых деревьев, связанных вместе плетёными верёвками. Поставленное на место, это сооружение заполняло пространство между платформой и берегом, хотя и располагалось почти отвесно.

Кольцо тянуло меня вперёд, и мне показалось, что его подёргивания стали сильнее, словно оно теряло терпение и начинало подгонять меня. Я едва не бежал, проваливаясь в песок и с трудом сохраняя равновесие. Пальцы вытянутой вперёд левой руки так крепко сжимали кольцо, что их сводило судорогой.

Добравшись до моста, я оказался перед выбором: отпустить кольцо или спрятать лазер в кобуру. И то, и другое могло привести к неприятным последствиям. Кроме того, не известно, смогу ли я сдвинуть мост одной рукой. Составляющие его деревянные шесты поблекли от времени и, возможно, были не очень тяжёлыми, но всё же...

Вспотев от напряжения, как после драки с Хоури, я подтянул кольцо к груди, расстегнул карман комбинезона и опустил в него кольцо. Оно дёргалось внутри, но грубая ткань должна была выдержать.

Заткнув лазер за пояс, я поспешил к мосту. С ним оказалось не так-то легко справиться, но зато оправдались мои надежды на то, что он сделан из лёгкого материала. Я поднял его вверх и раскачал, затем опустил другой конец на гребень стены. Не успел я его установить, как карман расстегнулся. Ткань выдержала, но застёжка поддалась напору кольца.

Я попытался поймать его, но промахнулся. Оно полетело к платформе, торжествуя блеснув камнем. Теперь мне следовало отправиться вслед за ним.

Я проделал весь путь на четвереньках. Ит тёмной полоской бежал впереди. Поднимаясь наверх, я чувствовал себя особенно уязвимым. Мост угрожающе раскачивался

под моей тяжестью и в любой момент мог соскользнуть со стены, сбросив меня в воду.

К тому же существовала опасность, что нюхачи вернутся. А мне вовсе не улыбалось вести бой на этом ненадёжном мостике.

Наконец мне удалось вытянуть руку, ухватиться за прочную каменную поверхность стены, подтянуться вверх и спрыгнуть на платформу.

Дым из ближайшей головы окутал меня и я чихнул. В течении секунды или двух мне казалось, что посередине платформы горит пятый костёр, но он не дымился. Ит осторожно пустился в обход этого светящегося пятна, которое оказалось не костром, а камнем предтеч. Он выделял невиданное доселе количество энергии.

— Держись от него подальше, — предупреждение Ита остановило меня. — Ты не можешь взять его в руки, он слишком горячий. Он стремится к тому, что зовёт его, и либо уничтожит себя, либо достигнет цели. Он вышел из-под контроля.

Чтобы лучше видеть камень, я опустился на одно колено. «Вышел из-под нашего контроля». Мы никогда не могли им управлять. Мы воспользовались его возможностями на корабле, но с какой лёгкостью кольцо оторвалось от крышки ящика. А всё остальное время я подчинялся камню, а не он мне.

Ит оказался прав. От кольца исходил жар, как от раскалённой печи. Оно слепило глаза, я отодвигался дальше и дальше, пока не прижался к стене возле одной из курившихся голов.

Мутант, возможно, не ошибся, и этот невероятный всплеск энергии пытался разрушить кольцо, сжечь его, превратить в пепел. Но если оно действительно искало смерти, то явно собиралось погибнуть в блеске славы.

Мне пришлось закрыть от этого яростного света не только глаза, но и лицо. Оставалось надеяться, что Ит в безопасности на другом конце этой преисподней.

— Всё в порядке, — подал он голос. — Оно всё ещё пытается пробиться внутрь.

Я отказался от попытки проследить за этой борьбой. Невероятно яркий свет ослепил бы меня. Несмотря на то, что я закрыл глаза, заслонил их руками и отвернулся лицом к стене, я продолжал ощущать обжигающий жар. Сколько ещё я смогу его терпеть? Если он усилится, я получу серьёзные ожоги или окажусь перед необходимостью спрыгнуть в озеро. Одно другого не лучше. И вдруг этот страшный жар спал. Камень был снова мёртв.

Опёршись на стену, я встал на ноги. Сначала я даже не решался оторвать руки от лица и открыть глаза, затем посмотрел в сторону, опасаясь взглянуть на то, что лежало передо мной.

Я ожидал увидеть кучку пепла, но вместо этого обнаружил отверстие в форме правильного квадрата — камень, очевидно, прожёл себе дверь. Снизу виднелся свет, но он потускнел и пульсировал уже не так резко.

Ит подобрался к отверстию. Я увидел, как он, качнув головой, вытянул шею во всю длину и заглянул в образовавшийся проём. Но я шёл осторожно, ощупывая каждый камень, прежде чем ступить на него. Отверстие было очень похоже на ловушку, и мне вовсе не хотелось попасть в неё.

Поверхность выглядела достаточно прочной, и, сделав несколько неуверенных шагов, я присоединился к своему компаньону и заглянул внутрь. Камень, сияя, лежал на ящике, напоминавшем тот, что мы видели на брошенном корабле. Но находившиеся в нём камни были живыми, гораздо более живыми, чем те, что мы нашли в тайнике под развалинами, их свет, пробиваясь через щели, заливал всё вокруг.

Внутри платформы оказалось обширное помещение, возможно, склад, наподобие того, что мы нашли под развалинами. Вдоль стен ровными рядами стояли многочисленные ящики, совершенно не тронутые временем. Все они были плотно закрыты.

Внимательно разглядев их, я почувствовал неловкость. Их размеры и форма: длинные, узкие, не слишком глубокие. Что же это было?

— Ты так и не понял? — спросил Ит. — Они не предавали своих мертвецов огню, они прятали их в ящики, словно могли спасти их от земли и времени. — Он был полон холодного презрения.

— Но эти камни! Если это гробница, то тогда зачем они их здесь оставили?

— У многих народов существует обычай хоронить сокровища вместе с мертвецами, чтобы те, кто ушёл в Вечную Тьму, могли унести с собой то, что они больше всего ценили при жизни.

— Так поступают дикари, — согласился я, — но вряд ли представители расы, вышедшей в космос, поступали таким образом. — Я заметил кое-что ещё. Многие ящики действительно напоминали гробы, и предположение Ита нельзя было отместить как совершенно лишённое оснований, но среди них лежали ящики других размеров.

Ит прервал мои размышления:

— Оглянись вокруг, — его шея вытянулась вперёд и голова стала поворачиваться из стороны в сторону, нос указывал на ряды голов. — Разные расы, вероятно, и тела у них были различной формы. Это общая гробница, в ней покоятся представители нескольких рас.

— И все они похоронены по одному обряду? — возразил я. — Даже у одного народа существуют разные способы воздавать почести мёртвым и прощаться с ними. Я не верю, что можно найти место, в котором оказалось бы такое совместное захоронение.

— Это могло случиться, — ответил Ит. — Предположим, что гарнизон, состоящий из представителей разных рас, возможно, экипаж одного корабля высадился на необитаемой планете, и у них не осталось надежды на возвращение домой. Однако они рассчитывали, что в будущем те, кто сюда прилетит, смогут отыскать место их последнего успокоения.

Моя фантазия заработала.

— А камни они оставили в качестве платы за возвращение в родные миры или за то, чтобы их похоронили так, как требует обычай.

— Ты прав, это — плата за похороны.

Как давно они жили? Существуют ли ещё миры, которые дали им жизнь? Или их мёртвые планеты кружатся вокруг угасающих солнц на другом конце Галактики? Почему строители этого сооружения остались здесь? Может быть, их империя внезапно распалась и погибла в разрушительной войне? Или спасательное судно так и не пришло? Или тот развалившийся корабль, с которым они связывали свои последние надежды, погиб у них на глазах от какой-нибудь случайности? А может быть покинутый корабль, найденный нами в космосе, и был тем судном, которое шло им на помощь? Когда оно не прилетело, они, вероятно, смирились с мыслью, что им уже не спастись и построили эту гробницу, чтобы донести свой рассказ до потомков.

Я осмотрел стены гробницы, но не заметил на них никаких надписей. Затем я снова взглянул на стоящие на парапете головы. С такого близкого расстояния стало заметно, что они подверглись значительным разрушениям, но всё же сохранились намного лучше, чем развалины у реки. Отличались ли они портретным сходством с теми, кто покоился внизу, или только представляли тип расы?

Шесть голов определённо принадлежали не людям. Одно из этих существ отдалённо напоминало насекомое, двое походили на рептилий, одно — на лягушку. Остальные были гуманоидами, подобными моей собственной расе. Двое из них отличались от людей не больше, чем современные космические бродяги. Всего я насчитал двенадцать голов, но что привело их всех на эту планету?

Я повернулся к Иту:

— Камни несомненно принадлежат этому миру, и они прилетели сюда, чтобы добыть их.

— И выбрали всё из тоннелей? Наш камень вёл не туда. Мне кажется, ты не прав. Скорее всего, эта планета была станцией на их пути. Или они прилетели сюда с целью, о которой нам теперь всё равно не догадаться. Однако у нас теперь есть запас живых камней. Этого количества, как

сказал бы патрульный, хватит для того, чтобы подорвать экономику любого государства. Тот, кому удастся завладеть ими, и кто сможет удержать их в своих руках, будет править космосом, но лишь до тех пор, пока не утратит их.

Я подошёл к выходу из подземелья.

— Свет начинает меркнуть. Возможно, эти камни тоже. — В склепе определённо стало темнее.

Ит в несколько прыжков пересёк платформу и запрыгнул на парапет. Всего одно мгновение смотрел он на корабль. Весь его вид говорил о том, что возникла какая-то новая опасность, которую я пока не заметил. Затем он быстро вернулся назад.

— Вниз! — он промелькнул мимо, подтолкнув меня своим телом в грудь. — Вниз!

Я присел, спустил ноги в отверстие, повис на руках и с грохотом упал на пол, задев за край ящика, в котором лежали камни. Они теперь едва мерцали, но всё же этого света оказалось достаточно, чтобы я выбрал подходящее место для приземления.

Я взглянул вверх как раз вовремя, чтобы заметить луч, пролетевший через отверстие на высоте парапета. Лазер, причём не ручной! Выстрел был произведён с корабля.

Ит вскарабкался на груды ящиков и притаился на порядочном расстоянии от отверстия, рядом со стеной, напротив которой стоял корабль, прижался головой к каменным блокам, как будто мог через них что-нибудь слышать.

Я положил руку на кольцо. Оно было тёплым, и камень блестел, но мне показалось, что оно уже не представляет угрозы для того, кто возьмёт его в руки. К моему удивлению, оно легко оторвалось от ящика. Для пущей сохранности я положил его в карман комбинезона и несколько раз проверил надёжность застёжки.

Я снова взглянул на Ита. Его было хорошо видно, несмотря на то, что блеск камней уменьшился.

— Хоури? — спросил я.

— Да. Очевидно, мы недооценили его возможности.

Ему как-то удалось освободиться. Он уже попытался убить нас и теперь постарается найти другой, более эффективный способ.

— Он может взлететь или вызвать сюда Патруль.

— Вряд ли. Своими действиями мы затронули его честь. За его появлением здесь стоит нечто большее, чем мы или, вернее, я прочитал в его мыслях. Он, вероятно, обладает внутренней защитой. Кроме того, он полагает, что если оставить нас здесь, то мы, в силу необходимости, объединимся с Гильдией и к тому времени, когда он вернётся, будем вне пределов досягаемости. Нет, прежде чем взлететь, он захочет получить кольцо и нас в придачу.

— Возможно мы и не погибнем, но как нам удастся выбраться отсюда? Подняться на платформу — значит подставить себя под луч Хоури. Ему остаётся только ждать, время работает на него.

— Не совсем, — ответил Ит. — Если Гильдия оставила здесь своих людей, — а мы можем с уверенностью предположить, что оставила, — они должны обнаружить наш корабль и обязательно пошлют узнать, кто совершил посадку. Вспомни, как быстро они нашли Хоури в первый раз. Интересно, почему?

Я не стал слушать рассуждений Ита.

— Не исключено, что мы находимся на другом континенте.

— Но у них обязательно должен быть какой-нибудь небольшой летательный аппарат. Он необходим при тех исследованиях, которые они проводят. Они придут, и мне кажется, мы гораздо ближе к их базе, чем ты думаешь. Развалины были когда-то частью довольно большого поселения. Гробница вряд ли расположена чересчур далеко от них.

— Если это на самом деле гробница. Итак, нам придётся сидеть здесь до тех пор, пока Гильдия не придёт, чтобы разделаться с Хоури. Но что это нам даст?

— Ничего, если мы будем просто ждать, — спокойно ответил Ит.

— Но каким образом мы выберемся отсюда? Загадаем

желание? — спросил я. — Он сожжёт нас, если мы высунемся из отверстия, правда, тебе, возможно, удастся проскочить.

Ит, по-прежнему стоял у стены, прислушиваясь.

— Действительно. Довольно забавное положение.

— Забавное... — я с трудом подавил раздражение. Чтобы обозначить создавшееся положение, я мог бы найти не один термин, но все они были посильнее, чем слово «забавный».

Глава 17

Время от времени я ощупывал кольцо, лежавшее в кармане комбинезона. Из-за него мы попали в беду и, возможно, погибнем. Наши тела упокоятся в достойной компании. Я оглядел склеп. Свет угас, и тени напозлали на ряды зловещих ящиков. За ними виднелась тяжёлая каменная кладка стен. Даже если нам удастся спуститься с платформы с противоположной от корабля стороны, так, чтобы Хоури нас не заметил, нам всё равно не перебраться через озеро.

Кольцо. Оно уже не раз спасало меня и Ита, хотя, вероятно, просто стремилось при этом к себе подобным. Сможет ли оно вызволить нас отсюда? Ведь Хоури хочет его заполнить, очень хочет.

Я взглянул на Ита, который темнел крошечным пятнышком на фоне стены.

— Постарайся прочитать мысли Хоури.

— Попробую, если это необходимо. Вначале мне показалось, что у него очень простой образ мышления, почти как у тебя.

— Ты можешь повлиять на него при контакте?

— Очень незначительно. Такая связь становится эффективной только при взаимодействии обоих партнеров. Патрульный мне не доверяет и не откроет передо мной своё сознание. Мне придётся ломать его активное сопротивление, и я не смогу полностью подчинить его себе.

— Но ты же смог подчинить меня? — я сам не знал, что пытался из него выудить — просто шёл в темноте на ощупь. Если я приму правильное решение, мы спасены, если ошибусь, что ж, хуже, чем сейчас, нам уже не будет.

— Только тогда, когда ты перестал оказывать сопротивление. Но это непривычное для тебя состояние. Представителям твоего вида свойственно упрямство, которое заставляет вас противостоять чужому влиянию. Хочешь ты сотрудничать или нет, в любом случае приходится с тобой бороться.

— Но Хоури этого не знает. Зато ему известно, что ты умеешь читать мысли. Ему также известно, пусть он и отказывается это признать, что ты не животное. Предположим, его удастся убедить в том, что ты полностью контролировал моё поведение, а я был твоими руками и ногами. Я сыграю следующую роль: выберусь отсюда и сообщу ему о твоей гибели, а также о том, что моё единственное желание — это улететь отсюда вместе с ним, и отдам ему кольцо?

— А как ты ему это объяснишь? — спросил Ит. Он отодвинулся от стены, слез с ящиков и сел около меня на задние лапы. Его глаза оказались на одном уровне с моими. — Он сожжёт тебя раньше, чем ты поднимешься на платформу.

— А ты не мог бы симулировать свою смерть у него на глазах? — возразил я.

Он ничего не ответил, но я почувствовал, что он в растерянности.

— Одно дело, когда меня хватают за горло и бьют, — сказал он, подумав. — Но с лазером эта штука не пройдёт. Я в одно мгновение превращусь в клочок паленого меха. Но даже если нам удастся убедить Хоури в моей гибели, что тогда?

— Я вылезу ошеломлённый, запутанный, готовый сдаться в плен.

— А я потом приду и спасу тебя? Мы уже не раз действовали по этому сценарию. Нет, вряд ли Хоури

настолько легковерен. Не стоит его недооценивать. Возможно, он не тот человек, за которого себя выдаёт.

— Что ты имеешь в виду?

— Мне кажется, его сознание заэкранировано, а я читаю только те мысли, которые он и не пытается скрыть. Ты же сам сказал: «Нельзя недооценивать противника». Однако в твоём предложении есть рациональное зерно. Предположим, погибнешь ты.

— Но он тебя ненавидит. Захочет ли он иметь с тобой дело?

— Да, это вопрос. Представители твоей расы убеждены в том, что размеры тела и степень развития мускулатуры имеют решающее значение. Хоури считает меня отклонением от нормы, существом, которое разрушает его веру в собственное превосходство. Вот в чём причина его ненависти. Поэтому ради собственного морального удовлетворения он оставит меня в живых и с торжеством доставит своему начальству. До сих пор нам удавалось обойти его и других врагов. К сожалению, мы слишком мало знаем, — Ит запнулся, — а Хоури далеко не так прост. Он прекрасно понимает, что время работает против него. Он наверняка давно уже сообразил, что сюда полным ходом движется отряд Гильдии. Правда, едва ли удастся заставить его покинуть корабль. Но ему нужно кольцо для активизации топлива, иначе он не сможет взлететь. Ему нужно кольцо, он поверит мне, а ты — просто случайно возникшее обстоятельство.

— Спасибо! — мне было немного не по себе, когда Ит обсуждал проблему совершенно спокойно и во многом был прав. — Итак, я умираю.

— У него на глазах. Я же постараюсь одержать верх над Хоури, пообещав ему солнце, луну, звёзды и всё с помощью кольца. Вероятнее всего, он подстрелит меня из станнера.

— Но...

— О, мне кажется, он ошибается, считая это оружие достаточно эффективным. Хоури перетащит меня на корабль, посадит в клетку и попытается взлететь.

— Бросив меня здесь! Как...

Ит снова не понял меня.

— Я же сказал тебе, что не могу подчинить себе Хоури без его содействия. Но иногда он, сам того не подозревая, будет мне помогать. Если он поверит, что я в его власти, то, скорее всего, ослабит контроль. Ты и сам понимаешь, что это не продлится долго. Я его пленник, оглушённый и покорный, ты мёртв. Он полностью контролирует ситуацию.

— А если станнер действительно подействует на тебя?

— Но не можем же мы сидеть здесь в ожидании смерти?

— возразил Ит. — Никто не знает, когда на его плечи обрушится страшный удар, направленный сильной рукой судьбы. Ты что же, предпочитаешь подождать, пока Гильдия, а, возможно, и сам Хоури, не применит какое-нибудь разрушительное оружие, имеющееся у него на корабле? Он же спалит всё вокруг, скалы расплавятся и будут булькать у наших обгоревших ушей. Я прочитал в ваших мыслях, что у меня есть шанс выполнить намеченное. Паранормальные способности используются не так уж часто, а к механическим устройствам типа клеток всегда можно подобрать ключи.

То ли за время нашего сотрудничества Ит научился заряжать меня своей уверенностью, то ли мне просто хотелось поверить в успех задуманного им предприятия, — ведь всё равно я не мог придумать ничего лучше — но когда он спросил меня, я молча согласился:

— А как мне удастся симулировать смерть от лазерного луча и не обгореть при этом? От лазера не спрячешься, а любое попадание смертельно. Хоури вряд ли станет целиться поверх моей головы, он будет бить наверняка!

В склепе стемнело, и я почти не видел Ита. Если он найдёт приемлемый ответ, я готов согласиться с тем, что из нас двоих ему принадлежит решающее слово.

— Я дам тебе пять, максимум десять ударов сердца, — медленно ответил он.

— Зачем? Чтобы я сделал вид, будто собираюсь прыгнуть в озеро? Но как?

— Я могу до некоторой степени воздействовать на Хоури, затуманив его зрение. Он будет считать, что целится в тебя, но выстрелит мимо.

— Ты уверен? — у меня по телу побежали мурашки. Представители моего вида особенно боятся смерти от огня.

— Я уверен.

— А если он придёт взглянуть на останки?

— Я могу затуманить его зрение, но ненадолго, — помолчав, он заговорил более оживлённо:

— Теперь нам надо обсудить подробности сделки.

— Сделки? — моё воображение всё ещё рисовало картины возможного неблагоприятного исхода.

— Камни находятся здесь. Мне кажется, без кольца их не удастся обнаружить.

— Кольцо. — Я вынул его. — Ты возьмёшь кольцо, оставишь камни в качестве приманки и приведёшь его сюда?

Ит обдумывал этот вариант:

— Нет, если бы у него было больше времени... Дай мне кольцо. Камни... Он не должен их увидеть, когда придёт за мной.

Тут потребовалась уже моя мускулатура, чтобы отодвинуть ящик от отверстия и спрятать его за рядом гробов.

— Итак! — Ит присел на ящик. — Он не выстрелит до тех пор, пока ты не вылезешь из отверстия и не побежишь к парапету. Заряд, возможно, ударит недалеко от тебя, так что ты почувствуешь его жар. Остальное за тобой.

Всё во мне восставало, когда я карабкался вверх, пытаюсь схватиться за края отверстия. Если, если и ещё раз если...

И мост и берег были скрыты парапетом, я не мог поднять голову и взглянуть на них. Неизвестно откуда появились крылатые твари. Они, еле слышно жужжа, летали вокруг, ползали по моему телу. Я не шевелился и не подавал признаков жизни. Мне снова пришлось в голову, что для человека нет ничего тяжелее, чем ждать.

Затем я услышал треск. Кто-то взбирался с берега по мосту, шаткое сооружение скрипело и трещало под его тяжестью. Многоножка проползла по моей щеке, и я поёжился от её прикосновения.

Я лежал, повернув голову в направлении, противоположном тому, откуда должны были появиться ноги Хоури, когда он переберётся через парапет. Я слышал, как металлические пластины на подошвах космических ботинок звенели на камнях.

Что если Хоури решит направить на меня свой ручной лазер? Или иллюзия, которую обещал создать Ит, продержится недостаточно долго? А вдруг Ит действительно оглушён и не в состоянии прикрыть меня?

Эти несколько мгновений были самыми долгими в моей жизни. Мне кажется, я бы ничуть не удивился, если бы обнаружил, что постарел за эти секунды.

Ботинки попали в поле моего зрения. Ползучая тварь, забравшаяся мне на лицо, отдыхала теперь на носу. Я заметил форменный рукав. Рука опустилась, пальцы схватили Ита и подняли вверх. Я ожидал обжигающей вспышки.

Но — я не сразу этому поверил — ботинки повернулись и исчезли. Правда, охранялась опасность, что перед тем как забраться на парапет, Хоури остановится и выстрелит в меня.

Но звон подошв замер вдали, затем раздался скрип моста. Если он уберёт его или сожжёт, я не смогу выбраться с платформы.

Сколько времени прошло, прежде чем я осмелился пошевелиться? Потребность в движении превратилась в настоящее мучение. Я лежал и терпел, сколько хватило сил. В конце концов я услышал звук, который привёл меня в полное отчаяние: щелчок убираемого трапа. Хоури снова вернулся в свою крепость и привёл в действие механизмы, закрывающие корабль. Что если он готовится взлететь?

Я решил не ждать больше, переборол боль в затёкшем теле и перекатился в тень парапета, затем подтянулся и

взобрался на мостик. Он всё ещё был на месте. Хоури не стал его разрушать. По-видимому, он собирался вернуться и осмотреть платформу, после того как поместит кольцо и Ита в надёжное место.

Я улёгся плашмя на хрупкий, связывающий меня с землёй мостик и, скатившись по его наклонной поверхности с такой скоростью, что занозил руки, добрался до песчаного берега. Оказавшись на берегу, я бросился к кустам, ожидая, что меня вот-вот накроет огнём.

Я не знал, что предпримет Хоури; выдержать такую неопределённость было не легче, чем отразить нападение. Приходилось полностью полагаться на Ита, который, скорее всего, сам в этот момент был беспомощным пленником. Ну да ладно, два раза не умирать.

Единственное относительно безопасное место — если только удастся добраться до него — находилось под стабилизатором корабля. Да и то сохранялась возможность, что Хоури в один прекрасный момент нажмёт на кнопку взлёта и сожжёт моё съёжившееся тело в ракетном пламени. Оставив всякую предосторожность, я рванулся прямо к кораблю и сумел-таки добежать до этого укрытия. Бок горел от боли. Луч лазера не попал в меня, в противном случае я бы погиб, но он прошёл совсем рядом со мной, опалив ткань комбинезона и оставив на моих рёбрах красный ожог.

Пока — я жив. Но что дальше? Корабельный люк задраен, Ит в плену, а Хоури — хозяин положения. Готовится ли он ко взлёту? Или склеп пробудил его любопытство, и он захочет вернуться туда? Кольцо! Что если он последует нашему примеру и пойдёт туда, куда оно потащит его. Будет ли он настолько неосторожен...

— Мэрдок! — призыв Ита прозвучал так же резко, как окрик потревоженного часового.

— Да!

— Он сейчас в моей власти, сколько... — связь с Итом прервалась. Я напряжённо ждал. Можно ли сообщить ему, где я нахожусь и то, что мне никак не проникнуть в

задраенный люк корабля? Если ситуация вышла из-под его контроля, то Хоури, вероятно, тоже узнает об этом. Мне было почти ничего не известно об его возможностях.

Затем я заметил укрепленные на стабилизаторе скобы. Они явно служили в качестве лестницы и вели вверх к самому кораблю. Вдруг я доберусь по ним до какого-нибудь люка? Они, должно быть, предназначались для проведения ремонтных работ. Сомнительно, чтобы забравшись по ним, я сумел попасть внутрь, но я всё же полез наверх.

Обожжённый бок болел так, что только сила воли заставляла меня двигаться дальше. Я достиг верхней части стабилизатора. Вопреки моим опасениям лестница здесь не заканчивалась. Скобы стали меньше, и за них было трудно держаться, но рядом с ними обозначился контур люка.

Я решил попытаться:

— Ит! — мой призыв, очевидно, прозвучал так же резко, как и его: я знал, что это мой последний шанс. — Нижний люк, ты можешь открыть его?

Я знал, что прошу невозможного. Но всё же продолжал карабкаться вверх, цепляясь за скобы на борту корабля, пот стекал по лицу и рукам, я еле держался на скользких прутьях.

Щель, окружавшая люк, стала шире. Он поддавался. Я отпустил одну руку и изо всех сил ударил по нему. Не знаю, помогло ли это, но люк открылся.

Помещение, в которое я попал, оказалось даже больше того, что располагалось рядом с верхним люком. Оно было почти полностью занято одноместным флиттером, предназначенным для разведывательных полётов.

Я не только попал внутрь корабля, но и получил возможность бежать в случае необходимости. Прежде чем обогнуть флиттер, я подполз к нему и вытащил из него набор аварийных инструментов; стержнем для определения состава почвы я заклинил люк, чтобы тот не закрылся. Теперь, даже если Хоури попытается взлететь, корабль не

сдвинется с места. Люк придётся закрывать вручную, иначе сработают средства защиты.

На внутреннем люке не было задвижки, и он сразу же открылся. Я вошёл в коридор. В руках у меня был лазер, кроме того я прихватил во флиттере аптечку. Прислонившись к стене, я открыл её, достал тубик пласт-целителя и щедро намазал им свои рёбра. Мгновенно образовавшаяся корка заглушила боль и начала заживлять рану, придав мне новые силы и подвижность.

Затем, чувствуя себя достаточно подготовленным к встрече с тем, что ждало меня наверху, я скользнул к лестнице. Моё знакомство с кораблём было весьма ограниченным, в противном случае я, вероятно, нашёл бы способ незаметно пробраться на верхнюю палубу. Мне же пришлось двигаться к рубке в открытую, я не сомневался, что найду Хоури и мутанта именно там.

Я больше не обращался к Иту. Если мой призыв насторожил патрульного, Хоури догадается, что я в корабле, и постарается устроить мне западню.

Меня спасало лишь то, что я практически сносил вкладыши космических ботинок, в которые был обут. Ткань истёрлась, хотя по-прежнему оставалась довольно жёсткой. Из-за отсутствия ботинок, я двигался абсолютно бесшумно, делая один осторожный шаг за другим и прислушиваясь, не раздастся ли какой-нибудь звук или гул работающих двигателей.

Я добрался до галереи. До сих пор я ничего не слышал и не получал никаких сообщений от Ита. Тишина, которая сопровождала мой подъём, казалась злобедой. Хоури, конечно же, ждал меня. Едва поднявшись из отверстия в полу, я окажусь в его власти как раз в тот момент, когда наконец достигну цели.

Мне оставалось сделать несколько шагов. Я прижался к лестнице и, превратившись в гигантское ухо, слушал, слушал, слушал...

— Я знаю, что ты внизу, — раздался голос Хоури. Но он звучал глухо, сдавленно, с отчаянием, словно его хозяин с

трудом преодолевал нечеловеческое напряжение. Что же довело его до такого состояния?

— Я знаю, что ты здесь! Я жду тебя.

Чтобы подстрелить меня из лазера, решил я. Затем вмешался Ит, но он обращался не ко мне:

— Бесполезно, ты не сможешь убить его.

— Ты, ты... — голос Хоури сорвался. — Я сожгу тебя!

Я услышал потрескивание лазерного луча и в страхе прижался к лестнице. Но затем обнаружил, что лезу вверх. В воздухе стоял запах озона, в жерле колодца сверкали вспышки света.

И снова Ит:

— Ты ещё не понял, что твой страх приведёт тебя к поражению? — Мутант на слух казался очень спокойным. — Почему не взглянуть правде в глаза? Ты же разумный человек и сам видишь, что временное сотрудничество — это единственный приемлемый выход из создавшегося положения. Взгляни на экран, взгляни!

Я услышал, как Хоури издал какое-то невнятное восклицание. Затем Ит обратился ко мне:

— Наверх!

Одним прыжком преодолев последние две ступеньки, сжавшись и держа лазер наготове, я взлетел в рубку. Хоури стоял, повернувшись ко мне спиной, с лазером в опущенной руке. Он пристально смотрел на экран, и я через его плечо увидел то, что привело его в такое отрешённое состояние.

На другом берегу озера, недалеко от платформы-склепа, из кустов выдвинулся куб ослепительно сияющего металла и медленно пополз по песку. Сверху зияла маленькая амбразура. Я впервые видел подобную машину и не знал её предназначения, но понял, что она таит смертельную угрозу.

Как бы хорошо ни был защищён корабль, без всякого сомнения, есть виды оружия, которым он не может противостоять. У нас оставался только один шанс: немедленно взлететь. Но прут, который я оставил в люке, как якорь, удерживал нас на земле.

— Ит, — я не обращал никакого внимания на Хоури. — Я должен вынуть прут, которым заклинил люк, иначе мы не сможем взлететь.

Я буквально свалился в колодец и соскользнул вниз по лестнице, лишь слегка притормаживая падение. Затем с шумом пронёсся по нижнему коридору, обогнув флиттер. Я слишком даже хорошо закрепил крышку люка, в чём убедился, безрезультатно дёргая за прут. Чтобы высвободить его, пришлось применить лазер. Наконец он со звоном упал. Я потянул медленно закрывающуюся крышку, захлопнул её и задраил со всей скоростью, на которую только был способен.

Задышавшись, я пустился вверх по лестнице. Не изменит ли Хоури своё решение? Если нет, мне нужно добраться до противоперегрузочных подушек раньше, чем мы взлетим. Кроме того, что происходит в рубке управления?

Я поднимался вверх гораздо медленнее, чем спускался. Не исключена возможность, что меня встретят лазерной вспышкой или принудят к повиновению.

Но Хоури стоял, положив руки на панель, расположенную рядом с приборной доской. Из корабля вылетел луч. Экран позволил нам проследить его траекторию. Он скользнул над платформой и попал прямо в металлическую стену, медленно выползающую из кустов.

Подобное воздействие на любую известную мне поверхность всегда сопровождается сиянием, однако на этот раз его не возникло. Создалось впечатление, что щит просто поглотил тот луч, который Хоури направил в него.

Я отвернулся от экрана, чтобы взглянуть на Ита. Рядом с пассажирским креслом лежала обгоревшая, оплавленная кучка проводов. Если это сооружение должно было служить мутанту клеткой, то его хватило ненадолго. Ит сидел, вцепившись в раскачивающееся из стороны в сторону кресло пилота, и, как и Хоури, не сводил глаз с экрана.

Через секунду или две корабль зашатался, словно от удара гигантского кулака. На нас напали, но не спереди, а сзади. Мы сосредоточили своё внимание на надвигаю-

шемся щите и потеряли бдительность. Времени на то, чтобы выяснить природу нового врага, не оставалось, достаточно было почувствовать его силу. Схватившись за спинку кресла, я удержался на ногах. Хоури ударился о панель и упал на пол. На пульте управления бешено заплясали огоньки.

Ит прыгнул с кресла на край приборной доски. Корабль накренился настолько, что стало ясно, что он уже не стоит ровно на опорах стабилизатора. Ещё один такой удар, и он перевернётся и останется лежать, как беспомощный обитатель морских глубин, выброшенный на сушу.

— Амортизаторы! — прозвучал у меня в голове возглас Ита. — Взлетаем!

Я схватил Хоури, подтянул его к креслу пилота, и мы оба упали поперёк сетки. Корабль задрожал, пробуждаясь. Я увидел, как лапки Ита забегали по клавиатуре, его длинное тельце распласталось по приборной доске. Затем мы взлетели, и я потерял сознание.

Глава 18

Я ощущал противный привкус крови во рту, сознание было всё ещё затуманено.

— Мэрдок!

Я приподнял голову. Гладкая поверхность, на которой я лежал, вибрировала, усиливая мои страдания. Я докатился до стены, пошарил по ней руками в поисках опоры и, наконец, встал на ноги.

Преодолевая головокружение, я медленно обвёл взглядом рубку. Ит по-прежнему цеплялся за край приборной доски. Хоури тоже пытался встать. Из ссадины на его щеке текла кровь, движения были судорожными и неловкими.

Я повернулся к Иту:

— Мы взлетели?

— Да, но не слишком удачно. — Возникшие при взлёте перегрузки, очевидно, не оказали на него сильного воздействия.

— И снова летим по заданному курсу, — я начал лучше соображать.

Хоури потрянул головой, словно пытаясь избавиться от окутывающей его пелены. Он смотрел на меня невидящим взглядом, как будто не мог вспомнить, кто я такой. Ухватившись за кресло пилота, он подтянулся, забрался в него и расслабился.

— Мы следуем по заданному курсу, — его голос прерывался от слабости. — Вернулись к тому, с чего начали. Следующая остановка — база Патруля. Или вы хотите повторить свою попытку?

Хоури говорил, глядя в сторону. Даже утратив способность к открытому сопротивлению, он сохранил решимость, сквозившую в тоне его набиравшего силу голоса.

— Внизу все преимущества у Гильдии. — Я сам не знал, к чему стремился, разве что избежать внезапной гибели, которая на протяжении долгого времени постоянно мне угрожала. Некоторые люди любят опасности, придающие их жизни особую остроту, но мне это было не по вкусу. Я настолько устал, что не хотел ничего, кроме покоя. Если бы можно было найти какой-нибудь выход, чтобы и Гильдия, и Патруль перестали преследовать меня! Единственным препятствием на пути к этому оставалось то, что ни одна из этих организаций не собиралась отказаться от предмета своих вожелений. В этот момент я проклял тот день, когда впервые увидел камень предтеч. Однако, посмотрев на Ита и увидев надетое на его переднюю лапу кольцо, я не мог отвести от него взгляда. Не думаю, что отдал бы его без сопротивления, если бы оно снова оказалось в моих руках. Мы с ним были словно одной верёвкой связаны.

— Всё напрасно, — вмешался Ит. Я так задумался, что сначала не понял, о чём он говорит. — Смотри!

Его лапки забегали, и экран засветился.

— Это изображение появилось на экране в тот момент, когда мы взлетали, — объяснил Ит, — и осталось на нём.

Я увидел платформу, окаймлённую головами, которая

приближалась так быстро, как если бы мы пролетали над ней. Я вспомнил, что корабль стоял слегка наклонно.

— Выхлопы ракет, — Ит снова заговорил поучающим тоном, — без всякого сомнения, попали прямо на платформу.

Ит замолчал, но я понял, что он имел в виду. Пламя должно было либо завалить, либо, наоборот, расчистить склеп. Если он завален, то запас великолепных камней скрыт от посторонних глаз. А мы — единственные, кто знают об его существовании. Можно попытаться сыграть на этом. Камни, найденные нами в помещении под развалинами, практически истощили свой запас энергии, а те, что остались в склепе, казались переполненными ею. Возможно, они были лучше всех других, которыми владели создатели гробницы. Если Гильдия обнаружит спрятанные в развалинах камни, верх над нею всё равно одержат те, кому достанутся оставшиеся в склепе.

Я знал, что Ит читает мои мысли. Но он молчал, чтобы Хоури ни о чём не догадался. Мутант смотрел на экран до тех пор, пока изображение не исчезло.

— Они не найдут того, что ищут, — сказал он Хоури.

Патрульный в изнеможении лежал в кресле. Кровь на его щеке запеклась, глаза были полузакрыты.

— Вы тоже ничего не добились, — произнёс он, с трудом выговаривая слова.

— Единственное, к чему мы стремились, — ответил я, — это получить свободу.

Затем я ощутил нечто странное, соприкосновение с чужим разумом. Ит? Нет. Впервые за всё время я вступил в телепатический контакт не с Итом, а напрямую с другим человеческим существом.

Я попытался вырваться. Раньше мне было трудно поверить, что Ит может по собственному желанию овладеть моим сознанием. Я сумел выдержать это лишь потому, что он был чужд мне. На этот раз моё восприятие оказалось иным. Я попал в яростный поток, который закружил меня. И по сей день не могу найти слов, чтобы описать свои

ощущения. Я узнал о Хоури всё то, что ни один человек не должен знать о своём собрате. Это было слишком жестоко. Он, очевидно, тоже узнал всё обо мне. Я понял, что он собирается отдать меня под суд, что он презирает меня за сотрудничество с Итом. Я узнавал, узнавал, узнавал... И это навязанное мне состояние длилось без конца. Я познал не только теперешнего Хоури, но и того человека, каким он был раньше на протяжении многих лет, прежде чем окончательно сформировался как личность, то же самое, вероятно, можно сказать и о Хоури.

Я безуспешно боролся с той силой, которая открыла мне всё это. Я боялся полностью раствориться в чужом сознании, боялся, что Хоури превратится в меня, а я в Хоури. И в конце концов не останется ни Хоури, ни Джорна, а возникнет противоестественный, кружащийся клубок, сражающийся сам с собой, попавший в ловушку.

Внезапно я освободился и выплыл из потока чужого сознания, словно какой-то водоворот сначала втянул меня, а затем выбросил на берег. Я лежал на полу, меня тошнило, я снова осознал, что у меня есть тело и собственная индивидуальность. По звукам, доносившимся из кресла пилота, я понял, что Хоури испытывает то же недоумение. Сколько всего мы уже пережили вместе с ним.

Я с трудом встал на четвереньки, дополз до стены и, цепляясь за висающие на ней приборы, подтянулся и встал на ноги. Затем медленно повернулся и посмотрел на Хоури, а он, вздрогнув, взглянул на меня.

Возле него на полу лежало маленькое обмякшее тельце.

Ит!

Держась за стену — без опоры я не мог двигаться — я обошёл вокруг Хоури и остановился возле мутанта. Оторвав руки от стены, я упал на колени, поднял тело Ита и прижал его к себе. Меня переполняли те же чувства, что возникли, когда Хоури попытался убить Ита в машинном отделении. Они придали мне силы, стряхнув остатки оцепенения.

Ит освободил наше сознание друг от друга. Он нарочно

сделал всё это. Я баюкал его дряблое тельце, разглаживал жёсткий мех, пытаюсь обнаружить признаки жизни.

— Ты знаешь, почему... — сказал я Хоури.

— Знаю.— Он говорил медленно, делая длинные паузы между словами. — Он мёртв?

Я хлопал и гладил Ита, пытаюсь уловить едва заметное дыхание, биение сердца, но безуспешно. Всё равно я не мог заставить себя поверить в самое страшное.

Однако я не сделал попытки проникнуть в сознание Ита. Мне теперь было страшно вступать в подобный контакт. Раны, полученные мной, ещё не зажили. Таких ран никогда раньше не наносили представителям моего вида.

— Аптечка, — Хоури дрожа поднял правую руку, ухитрившись всё же указать на ящичек на противоположной стене. — Возбуждающее средство.

Возможно. Но неизвестно, как подействует на Ита лекарство, предназначенное для нашей расы. Я с трудом поднялся на ноги и, прижимая к себе мутанта, начал долгое путешествие вокруг кабины. С трудом открыв замок одной рукой, я с треском распахнул дверцу. Внутри стояла коробка, а в ней лежала капсула. Она была скользкой, и мне пришлось проявить осторожность, вынимая её. Сломать капсулу одной рукой не удалось.

Прихватив её и Ита, я повернул назад к Хоури, держась на ногах лишь благодаря тому, что прижимался плечом к стене. Я протянул капсулу Хоури. Он взял её трясущимися пальцами, а я выпрямил тельце Ита. Хоури, сломав капсулу под заострившимся носом мутанта, выпустил наружу пары летучего газа. Его рука упала обратно на колени, словно даже это незначительное усилие показалось ему чрезмерным.

Ит чихнул, глотнув воздух открытым ртом. Его веки дрогнули, голова шевельнулась, он посмотрел, кто его держит, и не сделал ни малейшей попытки слезть с моих рук.

Я снова крепко прижал Ита к себе, так что его слегка приподнятая голова легла на моё плечо рядом с подбородком.

— Он жив, — прошептал Хоури. — Но он сделал это!

— Да.

— Потому что мы должны были узнать друг друга... — патрульный запнулся, но я напомнил:

— Знания, какой от них прок? У вас свои цели. Но теперь вы поняли, что ошиблись насчёт моих.

— Да, но всё же я обязан выполнить свой долг.

Он уставился на меня так, словно смотрел не на меня, а гораздо дальше, в будущее.

— Мы, — продолжил он, помолчав немного, — не должны знать друг о друге такое. Я теперь не хочу тебя видеть. Меня от тебя тошнит. — Он сглотнул, как будто ему действительно стало нехорошо.

У меня в желудке тоже всё перевернулось. Он был прав. Смотреть на него и вспоминать. Человек, во всяком случае большинство людей, не омерзителен, не порочен и не чудовищен. Но он не создан для того, чтобы вторгаться в сознание другого, как это случилось с нами. Одно дело общаться через Ита, но соединиться напрямую — больше ни за что!

— Он сделал это, чтобы мы поняли. Слова мешают, нам нужен был непосредственный контакт, — сказал я. Вдруг Хоури примется всё отрицать, попытается снова стать таким, каким был раньше, сведёт на нет то, что Ит сделал для нашего спасения? Этого я не мог допустить.

— Да. Ты не то, что мы думали. — Казалось, всё в нём противится подобному заключению. — Но у меня есть приказ.

— Мы можем заключить сделку, — повторил я предложение Ита. — У меня есть кое-что, нетронутый запас камней. Вы прочитали это в моих мыслях? — Лишь одного я боялся. Вдруг в то время, когда моё сознание было открыто ему, он выяснил всё, что я, во имя своего будущего, пытался утаить от него?

— Нет. — Он отвернулся. Ему было тяжело смотреть на меня. — А Гильдия?

— Они не знают о нём. И им его не найти. —

Уверенности в этом у меня не было, одна только надежда. Однако, я думаю, что не слишком погрешил против истины.

— Что ты хочешь взамен?

Почему бы не начать с самого главного, и я сразу высказал свою просьбу:

— Прежде всего — свободу. Кроме того, после смерти Вондара Астла я остался без хозяина, можно сказать, он погиб за меня. Мне нужен корабль.

— Корабль? — Хоури повторил мои слова, словно они были для него полной неожиданностью. — Тебе нужен корабль?

— Вы удивлены, потому что я не пилот? — Я попытался истолковать возникшие у него сомнения. — Это правда, но пилота можно нанять. Мне нужна свобода и кредитки в количестве, достаточном для того, чтобы я мог купить корабль. А я сообщу вам местонахождение тайников. Мне кажется, цена не слишком высока.

— Я не вправе совершать подобные сделки.

— Неужели? — и я произнёс два слова, которые узнал, когда мы были одним целым.

Он с трудом повернул голову и снова взглянул на меня. Его лицо оставалось холодным и неподвижным.

— Ты прав, тебе это тоже известно. — Он ничего не добавил и закрыл глаза.

Я почувствовал лёгкий толчок в подбородок. Ит качнул головой в знак согласия. Мутант всегда с подозрением относился к Хоури. Он говорил о внутренней защите, но знал ли он, что скрывалось в сознании патрульного, который оказался не простым разведчиком, а капитаном ранга двойной звезды, посланным со специальным заданием. Или только подозревал об этом до тех пор, пока не соединил нас напрямую.

Двойная звезда, один из тех, чьё слово — закон для окружающих. Если Хоури согласится на мои условия, мы в безопасности.

Я нащупал кольцо на лапке Ита и крепко сжал его в руке.

Только не это! Но Ит снова толкнул меня головой в подбородок. Он не осмеливался обратиться ко мне мысленно, потому что это стало бы известно Хоури, но он пытался таким образом высказать своё мнение. Я не мог расстаться с кольцом.

В глазах Хоури зажёгся торжествующий огонёк, и я понял, что он решил, будто нашёл моё слабое место, и сумеет таким образом обрести контроль над ситуацией и подчинить нас своей воле. В тот момент у меня хватило сил, чтобы выдержать это последнее сражение.

— Кольцо тоже, как только соглашение будет записано на плёнку.

Хоури рывком встал, дотянулся до приборной доски. Приложив большой палец к замку, он достал правительственный микрофон. Я сразу же узнал белый с золотом футляр. Само наличие его на этом корабле говорило о том высоком положении, которое занимал Хоури.

Он поднёс микрофон к губам, облизал их языком и, помолчав мгновение, принялся диктовать.

— Именем Консула Четырёх Конфедераций, Двенадцати Систем, Внутренних и Внешних Планет, — начал он официальным тоном, как, очевидно, делал уже много раз, судя по легкости, с которой он формулировал свои мысли, — это соглашение вступает в силу согласно планетарным и звёздным законам, — он добавил цифры, которые прозвучали для меня совершенной бессмыслицей, но, вероятно, были его личным кодом, и снова перешёл к словам.

— Мэрдок Джорн, социальное положение — помощник торговца драгоценностями, последний ученик Вондара Астла, ныне покойного, сим освобождается от ответственности по всем пунктам ранее предъявленного ему обвинения.

— Ложного обвинения, — подсказал я, когда он на секунду замолк.

— Ложного, — согласился патрульный, глядя не на меня, а на зажатый в руке микрофон. — Кроме того,

обвинения снимаются с некоего Ита, мутанта иной расы, ныне являющегося компаньоном Джорна.

Итак, отныне было официально признано, что Ит не животное, а разумное существо, и на него распространяется действие соответствующих законов.

— Взамен Мэрдок Джорн согласен передать Патрулю определённую информацию класса... — он снова выпалил серию кодовых обозначений, — которой он ныне владеет. Принято, записано, закодировано, — и он бесстрастно назвал имя, прозвучавшее совершенно иначе, чем Хоури, и, безусловно, не значившееся в списках личного состава разведчиков.

— Вы кое-что забыли, — перебил я его. — Мы говорили ещё и о компенсации.

Мгновение мне казалось, что он всё же откажется от сделки. Наши глаза встретились, и я прочёл в его взгляде холодную ненависть, которую он всегда будет ко мне испытывать. Хоури считал, что он был унижен гораздо больше, чем я, хотя я никак не обнаруживал своего торжества. Слияние было взаимным, и если он ощущал его, как посягательство на свою индивидуальность, то я пострадал не меньше. Я добавил:

— Вам что, было хуже, чем мне?

— Да! — он произнёс это торжественно, как клятву. — Подумай о том, кто я такой.

Вероятно, он имел в виду двойную звезду, образование, тот факт, что по роду своей службы он подчинялся или, наоборот, не подчинялся определённым положениям. Но если Патруль действительно был таким неподкупным, каким его считали, он мог достичь столь высокого положения, лишь обладая определённой широтой ума. Надеюсь, что так оно и было.

Он сказал «да», и его взгляд изменился. В нём по-прежнему горела ненависть, но, возможно, ему удалось преодолеть себя.

— Нет, вероятно, нет, — он был справедлив.

— Мне должна быть выплачена компенсация, — я

настаивал на этом пункте. — В конце концов, признаёте вы это или нет, но мы вместе сражались против общего врага.

— Ты боролся за свою собственную жизнь, — быстро ответил он.

— А вы за свою.

— Хорошо. — Он снова поднял микрофон. — Мэрдок Джорн взамен предоставленной информации должен получить компенсацию в размере от десяти до пятнадцати тысяч кредиток, точная сумма будет установлена через звёздный суд.

— Десять тысяч кредиток — этого достаточно для того, чтобы купить небольшой корабль старой модели. — Голова Ита снова шевельнулась. Мой товарищ находил это решение приемлемым.

— С согласия Мэрдока Джорна, — он протянул мне микрофон, я наклонился над ним и произнёс:

— Я, Мэрдок Джорн, полностью согласен с вышеизложенным.

— И представителя иной расы Ита, — в первый раз с начала церемонии Хоури был в растерянности. Как существо, не владеющее звуковой речью, выразит своё согласие доступным для записи образом?

Ит шевельнулся. Он вытянул голову в сторону микрофона, и с его губ слетел странный звук, напоминающий одновременно и мяуканье кошки и слово «да», произнесённое на Бэйсике.

— Да будет так. — Голос Хоури прозвучал столь торжественно, словно он был планетарным правителем, скрепившим на глазах всего двора отпечатком своего пальца важный договор.

— Теперь, — он достал из того же углубления ещё один микрофон, — твоя очередь.

Я поднёс его к губам.

— Я, Мэрдок Джорн, передаю, — лучше уж начать с самого неприятного, — в руки официального представителя Патруля кольцо с неизвестным драгоценным камнем,

обладающим необычными и до сих пор неисследованными свойствами. Кроме того, я удостоверяю, что на планете, название которой мне неизвестно, находятся два тайника с такими камнями. Их можно найти следующим образом, — тут я пустился в описание тайников, находящихся под развалинами и в склепе.

Хоури, очевидно, было неприятно узнать о том, что он был так близок от обоих тайников и не догадался об этом. Но он ничем не проявил своих чувств. Теперь, когда стало известно, кто он на самом деле, он превратился в другого человека и не реагировал на всё так эмоционально, как разведчик Хоури. Описав подробно оба тайника и их местоположение, я передал ему микрофон. Он взял его из моих рук, стараясь не дотрагиваться до моих пальцев, словно я был нечистым.

— На галерее слева есть пассажирская каюта, — он сказал это безразличным тоном, не отсылая меня туда, но откровенно высказав своё желание. Но мне не хотелось находиться в его обществе, так же как и ему в моём.

Я устало спустился вниз по лестнице. Ит сидел на своём привычном месте у меня на плечах. Но прежде чем мы ушли, мутант стянул с лапки кольцо и оставил его на краю приборной доски. Я не захотел взглянуть на него ещё раз. Вероятно, Хоури запер его вместе с плёнками, но мне уже было всё равно.

Пассажирская каюта оказалась маленькой и голой. Я лёг на койку. Тело изнывало от усталости, но я не мог успокоиться. Я отдал кольцо и рассказал то немногое, что знал о тайниках, а взамен получил свободу и деньги в количестве, достаточном для того, чтобы купить корабль.

Купить корабль? Зачем, зачем я попросил об этом? Я не умею им управлять, он мне совершенно не нужен. И за десять тысяч кредиток можно...

— Купить корабль, — ответил Ит.

— Но я не хочу, мне не нужен корабль, я не знаю, что делать с ним!

— Узнаешь, — последовал его уверенный ответ. — Стал

бы я рисковать жизнью ради чего-то другого. У нас будет корабль.

Я устал спорить.

— Зачем он нам?

— Об этом поговорим в своё время.

— Но кто будет им управлять?

— Не уделяй столько внимания тому, что ты не умеешь делать, лучше подумай о том, что ты умеешь. Кроме того, загляни во внутренний кармашек, тот, в котором ты причешь оставшиеся у тебя драгоценные камни.

Я так давно не вспоминал об этом скудном запасе, шатком фундаменте моего существования, что не сразу понял, о чём он говорит. Я нащупал мешочек с перекатывающимися под пальцами камнями, расстегнул застёжку и высыпал эти жалкие остатки на ладонь. Среди них был камень предтеч, правда, теперь безжизненный. Я схватил его двумя пальцами.

— Но...

Ит прочитал мои мысли.

— Ты не нарушил клятвы. Ты выдал именно то, что обещал: кольцо и местоположение тайников. Если я сумел осуществить сделку на более выгодных для тебя условиях, соглашайся и не спрашивай ни о чём.

Хоури. Может ли он подслушать наш разговор? Узнает ли он, чем я владею?

Ит осознавал эту опасность.

— Он спит. Он очень устал, хотя и не подавал виду. Но не упоминай больше о камне. По крайней мере до тех пор, пока мы не выйдем на свободу.

Я опустил камень в карман вместе с теми, что собрал во время своих странствий. Для непосвященного он покажется не более, если не менее, ценным, чем остальные. Ит, как всегда, оказался на высоте. Затем я тоже сдался и уснул. И проспал большую часть нашего дальнейшего путешествия. Временами мы с Итом разговаривали. Но не о камнях, а об иных мирах, а я рассказывал ему о драгоценностях. У меня не было такой репутации, как у Вондара, но я знал

его методы ведения торговли. И если мы получим корабль, то сможем самостоятельно продолжить дело. Ит поощрял меня к размышлениям с тем, чтобы я обдумал свои возможности. Я был рад освободиться от мысли о прошлом, и, кроме того, мне доставляло удовольствие играть роль знатока и учителя. В этой области Ит был новичком.

Но настало время, когда резкий приказ, раздавшийся из корабельного переговорного устройства, прервал мои размышления. Мы приближались к базе. Нужно было пристегнуться перед приземлением. Хоури также добавил, что я не должен выходить из каюты до тех пор, пока он не выполнит необходимые формальности. Я начал было протестовать, но Ит посоветовал мне проявить благоразумие.

С самого момента приземления мутант постоянно к чему-то прислушивался. На лестнице возле моей каюты раздался звон магнитных подошв. Когда эхо шагов замерло вдали, Ит обратился ко мне.

— Хоури покинул корабль. Он выполнит свои обязательства. Как я и надеялся, он взял кольцо с собой, чтобы спрятать его в надёжном месте. Теперь оно не выдаст тебя, если ты пройдёшь рядом с ним, имея при себе другой камень.

— Но почему оно не выдало меня раньше, в рубке?

— Оно засветилось, но ты в этот момент был слишком занят, чтобы заметить это. Постарайся как можно скорее освободиться от Патруля. Затем займёмся делом.

— А именно?

Ит удивился.

— Поиском драгоценных камней — чем же ещё? Я уже говорил тебе, что камни были добыты на другой планете. Гильдия и Патруль не сразу поймут это. Они будут искать, будут копать, но не найдут того, что ищут. Мы обнаружили уже остывший след. Но у нас есть камень, и он поведёт нас вперёд.

— Значит ты хочешь продолжить поиски камней предтеч? Но как? Космос очень велик, в нём множество миров.

— Тем более стоит попытаться. Пойми, это наше предназначение.

— Ит, кто ты? Вы... ты принадлежишь к тому народу, который владел камнями?

— Я — Ит, — ответил он так же высокомерно, как и раньше. — Только это что-то да значит в жизни. Но если тебе необходимо знать: нет, я не из тех, кто пользовался камнями.

— Но ты так много знаешь о них...

Он прервал меня:

— Патрульный возвращается, а с ним другие. Они злятся, но готовы выполнить условия сделки. Однако будь осторожен. Они обрадуются, если смогут унижить тебя.

Дверь открылась, и я повернулся к ней лицом. Там стоял Хоури, а с ним ещё один человек, на обоих была форма со знаками отличия высокого ранга. Оба смотрели на меня холодно и недоверчиво, с нескрываемой враждебностью. Ит был прав. Больше всего они хотели бы поймать меня на каком-нибудь нарушении. Мне следует действовать осторожно, как если бы я шёл по зыбкому болоту.

— Ты пойдёшь с нами. Условия сделки будут выполнены, — пришедший с Хоури офицер говорил так, словно это причиняло ему боль. — Но ради твоей же безопасности будешь находиться на территории базы.

Глаза Хоури блеснули.

— Мы обеспечим твою безопасность. У Гильдии длинные руки, и она может проникнуть куда угодно, но не на базу Патруля.

Итак, он открыл мне свои мысли. У меня два врага. Даже если я довольно успешно разделался с одним, всё равно остаётся второй. Моя рука потянулась к драгоценным камням во внутреннем кармане. Вдруг камень предтеч поведёт меня навстречу новым опасностям? Я вспоминал отца, и Вондара, и легендарную силу Гильдии.

Время течёт у нас между пальцами, как вода, кто может схватить его и удержать в руках? Я не игрок и уже говорил об этом. Однако судьбе было угодно сделать из меня

игрока. Ит, тёплый и тяжёлый, лежал у меня на плечах, когда я вышел из кабины и пустился в путь навстречу неясному и полному опасностей будущему.

Возможно, теперь я был лучше вооружён, чем раньше: каждый день приносит новые знания, опыт — это одновременно и щит, и меч. Сегодня мы с Итом, свободные и счастливые, идём одной дорогой под звёздами, а дальше будь, что будет. Человек не может предугадать, что его ждёт.

Я радовался каждому дню, часу, мгновению, как награде за победу над превратностями судьбы. Наверное, я действительно мог считать себя настоящим сыном Хайвела Джорна, если не по крови, то по духу. Камень предтеч по-прежнему лежал в моём кармане. Дверь каюты была открыта. Дверь в жизнь тоже, и я ещё не прошёл свой путь до самого конца.

**ЗВЁЗДЫ,
НЕ
НАНЕСЁННЫЕ
НА КАРТЫ**

I

Это был вполне заурядный постоянный двор рядом с космопортом — без апартаментов для важных персон и инопланетных чиновников, но, пожалуй, слишком дорогой для того скудного количества кредиток, что было в моём поясе. Каждый раз, когда я вспоминал о том, каким плоским стал этот пояс за последнее время, у меня холодело внутри, а пальцы начинали слегка дрожать. Но существует такая вещь, как поддержание престижа, или сохранение лица, называйте это как вам угодно, и именно этим я вынужден был заниматься теперь, чтобы не потерпеть окончательного поражения.

Угнетённое настроение и ноющая боль в ступне подсказывали мне, что я уже достиг того состояния, когда человек теряет надежду и лишь ждёт неизбежного и сокрушительного последнего удара. Этот удар мог обрушиться на меня только с одной стороны: я мог потерять то, что выиграл в самой крупной игре своей жизни — мой корабль, стоящий сейчас на хвостовых стабилизаторах посреди взлётно-посадочного поля. Я мог бы увидеть его из этого отеля, если бы, конечно, я был большой шишкой и мог позволить себе одну из комнат с настоящими окнами на верхних этажах.

Если тебе повезёт, ты можешь купить корабль. Но вот потом он стоит на приколе, пожирая всё больше и больше кредиток в виде платы за стоянку и обслуживание, куда больше, чем я наивно полагал возможным всего лишь одним планетарным месяцем раньше. И никак невозможно улететь из этого мира, пока за пультом управления не будет сидеть квалифицированный пилот, которым я сам не был и найти которого не мог.

Поначалу всё казалось так просто! Рассудок мой, безусловно, помрачился, когда я влез в это дело. Нет — когда меня в него втянуло! И теперь я сосредоточил внимание на двери, ведущей в помещение, которое я мог временно называть «домом». А голова моя была полна недобрых, ужасных мыслей о моём партнере, ожидавшем меня за ней.

Прошедший год определённо не пощадил мои нервы и

не дал повода даже заподозрить судьбу в благосклонности. Правда, начался он как обычно. Я, Мэрдок Джорн, путешествовал по своим делам, как и положено помощнику бродячего скупщика драгоценных камней. Не сказал бы, что в моей жизни, или в жизни моего хозяина, Вондара Астла, было мало волнующих событий. Но на Танфе поворот дьявольской «священной» стрелки разнёс всё вдребезги и, словно лазерным лучём, отсек меня не только от Вондара, но и вообще от всего разумного и живого.

Когда жертвенная стрелка зеленорясых жрецов, повернувшись, остановилась между Вондаром и мной, мы не испугались. Иномиряне не годились в жертву их демоническому хозяину. Но толпа местных жителей в таверне, вероятно, не в меру довольных тем, что выбор остановился не на ком-то из них, внезапно напала на нас. Вондар погиб от удара ножом, а меня долго преследовали в закоулках этого мрачного города, пока я не укрылся во владениях другого их мерзкого божка. И уже оттуда мне удалось за немалую плату бежать на борту корабля вольных торговцев.

Но то, что казалось мне спасением, стало лишь шагом из огня да в полымя. С того момента, как я поднялся в космос, началась серия приключений настолько диких, что Расскажи мне о них кто другой, я решил бы, что это плод его больной фантазии, или что он пересказывает мне услышанные где-то сказки.

Достаточно сказать, что в моём космическом дрейфе меня сопровождал компаньон, чьё появление в наше время и в нашей вселенной было столь же сверхъестественным, сколь невероятным был его внешний вид. Родился он совершенно обыкновенным образом от корабельной кошки, вот только отцом его был чёрный камень, по крайней мере, к такому выводу пришлось несколько человек, хотя и звучит это довольно странно.

Этим существом по имени Ит и мной управлял Камень Предтеч. Камень Предтеч! Вот источник всего беспорядка!

Впервые я увидел Камень в руках моего отца - унылый и безжизненный, вделанный в большое кольцо, которое

можно было носить поверх перчатки космического скафандра. Его нашли на мёртвом теле чужака на безымянном астероиде. Остаётся только гадать, как давно был мёртв его владелец — может быть миллион лет средней планеты, а может быть и больше. Отец знал, что Камень хранит тайну; очарование Камня владело им. И в самом деле, он даже погиб для того, чтобы передать мне это жуткое наследство.

Именно Камень Предтеч, надетый на мою руку поверх перчатки, привёл меня и Ита сквозь космическую пустоту к давно покинутому кораблю, который, возможно, был когда-то знаком его погибшему владельцу (а возможно, и нет). А оттуда спасательная шлюпка перенесла нас в мир лесов и руин, где нам, чтобы сберечь наши жизни и нашу тайну, пришлось сражаться против Воровской Гильдии (из которой вышел мой отец, хотя он и был когда-то уважаемым членом её высших кругов) и против Патруля.

Ит обнаружил один из тайников с Камнями Предтеч. Второй тайник мы нашли случайно. И эта находка была достаточно загадочной, чтобы запомнить её до конца своих дней. Ибо Камни были спрятаны в гробнице с телами чужаков, принадлежащих к нескольким различным расам, как будто они должны были вернуть их домой, на их далёкие неизвестные родные планеты. Мы узнали только малую часть тайн Камней. Мы знали, что они могли усиливать любую энергию, с которой соприкасались, и они могли бы вернуть чужаков домой, оживив их одного за другим. Но то, что планета, на которую мы случайно приземлились, была родной планетой Камней, Ит категорически отрицал.

То, что мы нашли эти тайники, помогло нам заключить сделку — не с Гильдией, но с Патрулём. В результате мы выбрались из этой переделки, получив деньги на покупку собственного корабля и полную свободу идти туда, куда нам вздумается. Кроме того, с нас, хотя и очень неохотно, сняли все обвинения.

Приобретение корабля было затеей Ита. Это существо, которое я мог запросто придавить одной рукой (иногда мне казалось, что именно такое решение было бы для меня

наилучшим), обладало даром незримого присутствия, что давало ему власть большую, чем у любой важной персоны.

Внешне Ит был отчасти похож на свою мамашу-кошку, хотя временами я ловил себя на подозрении, что его наружность продолжает неуловимо меняться. Уши у него были маленькими и прижатыми к голове, а тело — длинным и гибким. Он был покрыт мехом, хотя на хвосте мех рос узкой продольной полоской, а на лапках его не было вовсе. Причём его передние конечности куда больше напоминали мои собственные ладони, чем кошачьи лапы.

Но главным, конечно, было не тело, которое, как он заявил, было «сделано» для него, а его разум. Мало того, что Ит был телепатом. Знания, которые он хранил в своей памяти, и крохами которых изредка делился со мной, вполне могли поспорить с теми, что были собраны за многие тысячи веков в прославленных библиотеках Зака-тана.

Кем — или чем — был Ит на самом деле, он не говорил никогда. Но я сильно сомневаюсь в том, что когда-нибудь смогу освободиться от него. Меня всегда возмущала бесцеремонность, с которой он указывал мне, что делать. Но в нём было и какое-то очарование (я иногда подумывал, что он намеренно пользуется им, чтобы ещё больше увеличить власть надо мной, но если это и было так, то делал он это весьма искусно). И это обаяние удерживало меня в роли его компаньона. Ит много раз говорил мне, что наш союз необходим, и что вместе мы составляем целое, куда более могущественное, чем каждый из нас по отдельности. И я готов согласиться с тем, что именно благодаря ему мы смогли выйти из схватки с Гильдией и Патрулём не только живыми, но и сохранив у себя Камень Предтеч.

Ит выдвинул идею, которую во время приступов оптимизма разделял и я. Он предложил разыскать место, откуда произошли Камни Предтеч. Некоторые мелочи, которые я подметил на неизвестной планете тайников, заставили меня поверить, что Ит знает о загадочной цивилизации (или содружестве цивилизаций), пользовавшейся когда-то Камнями, намного больше, чем старается показать.

Ит был прав, когда говорил, что человек, знающий планету — родину Камней, сможет получить за эту информацию всё, что пожелает, если, конечно, успеет продать свой товар раньше, чем его зарежут, или сожгут, или уничтожат ещё каким-нибудь гнусным способом.

Корабль, который он нашёл, стоял на площадке для списанной техники. Площадка принадлежала саларикийцу, умевшему торговаться лучше, чем мой покойный хозяин, хотя до этого я считал его не знающим равных в таком деле. Без Ита я не продержался бы против такого искусства и десяти минут, и так и ушёл бы восвояси, став владельцем самой потрёпанной из принадлежавших этому чужаку развалюх, какой-нибудь косо стоявшей на проржавевших рулях рухляди. Но то ли помогло, что саларикийцы происходят от кошачих, то ли мама-киска наградила Ита способностью проникать в чужую душу, но в итоге мы разжились вполне приличным кораблём.

Корабль, конечно, был далеко не новым, он успел сменить множество владельцев, но, по утверждению Ита, был вполне надёжен. И он был достаточно мал, как раз для той планеты, куда мы надеялись попасть. Кроме того, его цена, после того как Ит кончил торговаться, находилась в пределах той скромной суммы, которую мы могли заплатить. В неё даже вошли транспортировка в порт и предстартовая подготовка.

Но вот как раз там, в порту, корабль и стоял слишком долго из-за отсутствия пилота. Возможно, если бы тело Ита было больше похоже на человеческое, он и сам сумел бы справиться с управлением. Я никогда даже представить не мог, насколько обширны познания моего спутника. Даже когда он избегал прямых ответов, его безграничная самоуверенность наводила меня на мысль, что на самом-то деле он все ответы знает.

Итак, внешне проблема была совсем простой: у нас был корабль, но не было пилота. Мы оплачивали бесконечные счета за стоянку и не могли взлететь. И деньги, оставшиеся у нас после покупки корабля, заканчивались. Те драгоценные камни, что ещё сохранились в моём поясе, вряд ли

годились на большее, чем плата за ещё несколько дней пребывания в отеле. И это в том случае, если я сумею найти покупателя, что само по себе было проблемой, как раз и занимавшей меня сейчас. Как помощник и ученик Вондара, я был знаком со многими известными скупщиками драгоценностей, живущими на различных планетах. Но одно дело Астл, перед которым были открыты все двери, которому вполне доверяли. Когда же я попытался вести дела самостоятельно, то обнаружил, что перспективы мои весьма плачевны. Оставалось разве что обратиться на чёрный рынок, где торгуют ворованными и имеющими сомнительное прошлое камнями. Но там мне грозило лицом к лицу столкнуться с Гильдией, а такая возможность беспокоила меня куда больше, чем желание поддержать свою репутацию.

Я так и не нашёл пилота. И теперь я должен был бороться со всеми неприятностями сразу. Получалось так, что нам нужен был пилот, но ни одно агентство по найму не могло найти человека, который за предложенную нами плату согласился бы принять участие в деле, слишком похожем на отчаянную авантюру, тем более, что я никак не мог гарантировать безопасности полета. Это означало, что в нашем распоряжении оставались только изгои, занесённые в чёрные списки, выброшенные из досье всех агентств за ошибки или преступления.

Но чтобы найти даже такого, мне нужно было покинуть порт и отправиться на Задворки, в ту часть города, где правит Гильдия и куда даже офицеры Патруля и местные полицейские рискуют показываться лишь группами, да и то пока их милостливо терпят. Привлечь там к себе внимание означает нарваться на неприятности вроде похищения, сканирования мозга и других незаконных методов извлечения информации. У Гильдии долгая и цепкая память!

Существовал и третий вариант действий. Я мог бы бросить всё, повернуться спиной к этой двери, которую я собирался открыть, нажав пальцем на определитель личности, найти работу в каком-нибудь ювелирном магазине

и забыть навсегда безумную мечту Ита. И, чтобы избавиться от последнего искушения, выбросить лежащий сейчас в моём поясе Камень в ближайшую помойку. Короче говоря, стать в меру сил тихим и законопослушным гражданином.

Соблазн был велик. Но я не был бы Джорном, если бы поддался ему. Вместо этого я нажал пальцем на дверь, послав одновременно мысленный сигнал Иту. Насколько мне известно, замки в гостиницах настраиваются на индивидуальный отпечаток пальца, и обмануть их нельзя. Но с другой стороны, всё может однажды случиться. Кроме того, Гильдия славится тем, что не жалеет сил и денег для освоения новых методов, и достигает порой таких высот, какие даже Патруль не в состоянии вообразить. Если нас выследили, то за дверью меня может торжественно встретить целая делегация.

Ответ, который я получил, заставил меня остолбенеть, с пальцем, прижатым к дверной панели; я был охвачен недоумением и тревогой. Ит определённо находился внутри. Мы довольно давно находились в мысленном контакте, и даже мои грубые человеческие чувства улавливали самый слабый телепатический сигнал. Он был на чём то сосредоточен, и все мои настойчивые попытки установить контакт потерпели неудачу. Однако эта его замкнутость явно не была вызвана опасностью и не являлась предупреждением об угрозе.

Я нажал на панель и, пока дверь откатывалась в стену, всё пытался представить себе, что я увижу за ней.

Комната была небольшой, конечно, не каморка для тех, кто путешествует в замороженном виде, но и отнюдь не апартаменты для высокопоставленных особ. Все предметы обстановки убирались в стены, и теперь комната была абсолютно пуста, видимо Ит убрал все стулья, а также стол, бюро и кровать, оставив совершенно свободным покрытый ковром пол, который освещала единственная лампа, низко висевшая на кронштейне.

Эта лампа ослепительно сияла (я сразу заметил, что она была включена на предельную мощность и произвольно

прикинул, какую сумму за перерасход энергии могут приплюсовать к нашему счёту). И только привыкнув к яркому свету, я разглядел то, что находилось под лампой, и был совершенно изумлён.

Как и все постоянные дворы при космических портах, наш отель предназначался в основном для туристов и людей, приехавших по делам. В холле находился поражающий воображение астрономическими ценами магазин, где можно было приобрести сувенир для тех, к кому едешь в гости, или, скажем, для кого-нибудь из своих домашних. В основном это были многочисленные творения местных умельцев, должные удостоверить, что купивший их действительно побывал на Фебе, а также всякая дребедень с разных планет для покупателей попроще.

Как водится в таких магазинах, там продавались копии, в основном миниатюрные, разных представителей местной фауны. Иногда это были статуэтки, но чаще — изготовленные из меха или ткани игрушки, очень похожие на оригинал, подчас в натуральную величину, изображающие всяческих мелких зверушек, птичек или кого там ещё.

Так вот, то, что стояло на полу под лампой, было игрушечной пуухой. Пууха — это местный, фебский зверёк. Сегодня утром, несмотря на все свои заботы, я не устоял и заглянул в зоомагазин, где надолго задержался, чтобы полюбоваться на трёх живых пуух. И я вполне понимаю, почему их считают привлекательными. Даже в виде набивной игрушки они выглядят совершенно великолепно.

Пууха не намного крупнее Ита, если он сожмёт своё тонкое длинное тело, но совершенно другой формы. Она упитанная и пухлая, на человеческий взгляд просто прелестная. Её бархатистый мех светлый, зеленовато-серый, в незаметную крапинку, которая придаёт ему сходство с влажной астуридийской парчой. Ступни передних лапок похожи на мягкие круглые подушечки. Когтей нет, хотя есть хорошие зубы, которыми настоящие пуухи пережёвывают свою пищу — тайчевые листья. Голова у зверька круглая, уши незаметны, а там, где им положно быть,

растёт пышный жёсткий хохолок, который выглядит очень забавно. Глаза очень большие, зелёного цвета, немного темнее шерсти. Игрушка была в натуральную величину, очень красивая и очень, очень дорогая. Каким образом она попала сюда, я не имел ни малейшего представления.

Я сделал было шаг, чтобы рассмотреть её поближе, но Ит резким мысленным ударом заставил меня остановиться. Это не было каким-то конкретным посланием, а лишь предупреждением, чтобы я не мешал.

Чему не мешал? Я перевёл взгляд с игрушки на своего соседа по комнате. Хотя мы и побывали с ним в самых разных переделках, хоть я и думал, что научился не удивляться тем фокусам, которые вытворял мой инопланетный спутник, но на сей раз ему всё же удалось меня потрясти. Он сидел, сжавшись в комочек, на краю круга света, исходяемого лампой, и с таким напряжённым вниманием глядел на игрушку, словно наблюдал за приближением врага. Вот только был он уже не совсем Итом. Его длинное и гибкое тело не только сжалось, но и сделалось, как будто, более округлым и коротким, гротескно повторяя внешний облик пуухи, а его тёмный мех стал светлее и приобрёл зеленоватый оттенок. Совершенно обескураженный, я зачарованно следил, не веря собственным глазам, как Ит превращается в пууху, меняя форму лап, головы, цвет меха и всё остальное. Затем он перебрался в круг света и, сев рядом с игрушкой, уставился на меня

— Ну?

— Ты — это он, — я указал пальцем, хотя был не очень то в этом уверен.

— Закрой глаза! — приказал он так резко, что я невольно подчинился. Спустя секунду, слегка раздражённый его бесцеремонностью, я снова их открыл, и вновь увидел двух пуух. Ит, вероятно, предлагал мне ещё раз выбрать, кто из них кто. Но даже после внимательного осмотра я не смог обнаружить ни малейшей разницы между игрушкой и безжизненно застывшим Итом. Взяв в руки одну из пуух, я обнаружил, что держу модель. И я почувствовал, что Ит доволен и весел.

— С чего это ты вдруг? — спросил я.

— Я уникален. — Как и обычно, это прозвучало весьма самодовольно. — Меня легко заметить и узнать. Поэтому мне нужно изменить свою внешность.

— Но как ты это сделал?

Он снова сел на задние лапы. Я опустился рядом на колени, чтобы рассмотреть его поближе, опять поставил игрушку рядом с ним и долго рассматривал обоих, безуспешно пытаюсь найти отличие.

— Всё дело в силе сознания, — Ит казался слегка раздражённым, — Ты так мало знаешь. Представители твоего вида замкнулись в узком кругу своих ограниченных понятий. И я не вижу усилий с твоей стороны, чтобы разорвать этот круг.

Это, пожалуй, не могло послужить ясным ответом на мой вопрос. Я всё ещё не был готов поверить в то, что Ит, вдобавок ко всему, может усилием мысли превратиться в пууху.

Он с лёгкостью уловил ход моих рассуждений, и поправил меня в своей обычной, на мой взгляд, довольно наглой манере: «Превратиться в галлюцинацию пуухи.»

Галлюцинация. В это я поверить мог. Сам я никогда не видел, чтобы кто-то это делал, да ещё с такой точностью и искусством, но я знал, что существуют чужаки, весьма преуспевшие в создании подобного рода иллюзий, и слышал множество весьма правдоподобных рассказов о них. И я вполне мог представить, что это возможно, и что тот, кто подвергся такому воздействию, может увидеть всё, что угодно. Но было ли то, что я увидел, результатом того, что я так долго общался с Итом и временами находился под его властью, а потому он легко мог обмануть меня? Или иллюзия распространяется и на других?

— На кого угодно, и насколько угодно. — бросил Ит в ответ на мой безмолвный вопрос. — И на ошупь тоже. На, потрогай!

Он протянул мне пушистую лапу, и я дотронулся до неё. Она отличалась от игрушечной только тем, что была живой, а не просто мех поверх опилок.

— Да... — я сел на пол, окончательно во всём убедив-

шись. Ит, как обычно, был прав. Он вообще слишком часто бывал прав, что не могло не бесить менее логичное существо, например меня. Сам по себе, Ит, конечно, выглядел достаточно странно, чтобы обращать на себя внимание даже в космическом порту, где постоянно мелькают чужаки и экзотические животные. А Гильдию и её систему шпионажа недооценивать не стоило.

Но если у них имелись сведения об Ите, то куда более вероятно, что я тоже был запечатлён на их поисковых видеозаписях. Я стал объектом их охоты задолго до того, как встретил Ита, вероятно сразу же после убийства моего отца, — когда кто-то из них догадался, что я забрал из его разгромленного кабинета Камень Предтеч, который не сумели найти их люди. Они подстроили ловушку, погубившую Вондара Астла, но не меня. Тогда они расставили другую западню на корабле вольных торговцев, которую раскрыл Ит, а я сам узнал о ней лишь потом. На планете развалин они держали меня в плену, пока Ит снова не освободил меня. Таким образом, они имели множество возможностей заснять меня. И об этом было страшно даже думать.

«Ты тоже придумашь себе маску», — ворвался в мои невесёлые мысли хладнокровный приказ Ита.

— Ничего не выйдет. Я же принадлежу к ограниченному виду, — парировал я с тупой злостью, которая поднялась во мне, когда я осознал своё положение.

— У тебя есть лишь те границы, которые ты установил себе сам, — невозмутимо возразил Ит. — Ты только вообрази...

Он проковылял неуклюжей походкой пуухи в противоположный конец комнаты, и, неожиданно опять превратившись в Ита, вытянул своё обычное тело по стене на такую высоту, которая показалась мне немыслимой даже для его эластичных мышц и суставов. Одной из своих не то лап, не то рук он дотянулся до кнопки, и на стене возникла поверхность зеркала. В зеркале я увидел себя.

Мою внешность необычной не назовёшь. Как и у

большинства мужчин, родившихся на Земле, у меня тёмно-коричневые волосы. Лицо, широкое в скулах, сужается к подбородку, не слишком красивое, но и не особенно уродливое. Глаза серовато-карие, брови и ресницы чёрные. Как принято у торговцев, много путешествующих по космосу, я всю жизнь брею бороду, которая причиняет много неудобств, если на тебе космический шлем, по этой же причине я коротко стригусь. Рост примерно средний для человека моей расы, а число конечностей и органов у меня вполне соответствует положенному для представителя моего биологического вида.

Меня можно было бы перепутать с кем угодно, если бы система сыска, которую использует Гильдия, не была такой совершенной, а её соглядатаи ограничивались лишь тем, что бегло оглядывали проходящих мимо незнакомцев.

Ит, как обычно, двигаясь стремительно, словно струйка жидкости, промчался через комнату, и совершив один из своих привычно-лёгких прыжков, очутился у меня на плече, после чего уселся позади моей шеи, положив голову мне на макушку и плотно обхватив своими руками-лапами мою голову чуть ниже ушей.

— А теперь, — скомандовал он, — представь себе чужое лицо, всё равно, чьё.

Я попытался выполнить этот приказ и сразу обнаружил, что не могу этого сделать. Я смотрел в зеркало, и видел там только собственное отражение. Я ощущал нетерпение Ита, и оно ещё больше мешало мне сосредоточиться. Потом это нетерпение исчезло — я почувствовал, что Ит подавил его.

— Отвлекись, — теперь тон его был скорее ласковым, чем требовательным, — если нужно, закрой глаза.

Я опустил веки, и попытался вызвать в своём воображении чьё-нибудь лицо. Я не могу сказать, почему я вспомнил Фаскила, но тем не менее противная физиономия моего молочного братца возникла перед моим мысленным взором. Сперва она была туманной, но я напряг память и очертил контур длинного узкого носа, уныло нависающего

над редкой растительностью на верхней губе. Фаскил Джорн был настоящим сыном моего отца, а я — лишь приёмным, но по духу истинным сыном Хайвела Джорна был именно я, а Фаскил казался совершенно чужим. Я добавил на лбу Фаскила багровый шрам у кромки волос и завершил картину губами, изогнутыми в брезгливой гримасе, которая в последние годы всегда появлялась на его лице, когда он видел меня.

— Смотри!

Я послушно открыл глаза и посмотрел в зеркало. Несколько секунд я в полном недоумении разглядывал там непонятно кого. Это, конечно, был не я, но и не Фаскил тоже, скорее странная, даже причудливая комбинация черт обоих. Зрелище было не из приятных. Ит по-прежнему сжимал мою голову, не давая мне отвернуться. Но постепенно смутный образ Фаскила растаял, и я вновь стал самим собой.

— Ты видишь — это возможно. — прокомментировал Ит, соскользнув с моего плеча на пол.

— Но это сделал ты.

— Лишь отчасти. Я только помог тебе совершить этот прорыв. Представители вашего вида используют лишь малую часть возможностей своего разума. Нужно стыдиться подобной расточительности. Тренировка тебе поможет. А с новым лицом ты можешь спокойно пойти туда, где можно найти пилота.

— Если его вообще можно найти. — Я нажал на кнопку, и со вздохом опустился на откинувшийся из стены стул. — Если мы кого-то и найдём, то обязательно какого-нибудь типа из чёрного списка.

«Тссссс...» — это был не звук, а лишь образ звука в моём сознании. Ит метнулся к двери, и прижался к ней в позе, которая выражала напряжённейшее внимание. Казалось, что он прислушивался не только ушами, но и всем телом.

Сам я, конечно, не мог услышать ничего. Комнаты были полностью звукоизолированы и экранированы. Если бы я захотел проверить это, я мог бы воспользоваться устрой-

ством для поиска «жучков». Портовые гостиницы были одними из немногих мест, где можно быть более или менее уверенным, что за тобой не подглядывают, не подслушивают и вообще не следят.

Но вся эта защита была бессильна против способностей, которыми обладал Ит. По его напряжённой позе я понял, что его не только беспокоило, но и пугало то, что происходит снаружи. Потом он обернулся, и я, уловив его мысль, распахнул небольшой шкафчик для багажа. Он спрятался там, неподвижно замерев, но его мысли не замолкли:

«Сюда идёт человек из Патруля,» — этого тревожного сигнала было достаточно, чтобы я подготовился.

II

Пока не вспыхнул сигнал, сообщающий о приходе посетителя, я, двигаясь может быть, не так стремительно, как Ит, но всё же достаточно быстро, вернул всю мебель на место, так, чтобы вид комнаты не внушал подозрений даже внимательному взгляду опытного патрульного. Патруль в течении столетий не знал себе равных в галактике в деле охраны порядка. И его руководители, ревностно оберегающие авторитет своей организации, не забыли и не простили того, что нам с Итом удалось доказать ошибочность их чересчур поспешных обвинений. Мы бросили им вызов, заставив их вступить в сделку, и жестоко уязвили тем самым их гордость. Мы спасли жизнь и корабль одного из их офицеров, вырвав его из лап Воровской Гильдии. Но даже сам этот офицер упорно не желал заключать с нами соглашение, да ещё на тех условиях, которые предлагали мы. Даже сейчас при воспоминании об этой сделке мне становится дурно: ведь Ит самым беспощадным образом слил моё сознание с сознанием Патрульного. И это взаимное вторжение дорого стоило нам обоим.

Я где-то слышал, будто доказано, что каждое существо воспринимает мир лишь настолько, насколько позволяют его органы чувств, или, иначе говоря, его понятия о

вселенной соответствуют возможностям восприятия. Таким образом, мир, каким его видит человек, может быть похож на мир зверя, птицы или инопланетянина, но различия обязательно имеются. И существуют благоразумно установленные барьеры, ограничивающие наши понятия рамками приемлемого для нашего разума. (А в необходимости таких барьеров я убедился, когда увидел, что происходит, если они рушатся.) Слияние сознаний двух людей — это потрясение, которое трудно перенести. И Патрульный, и я узнали друг о друге достаточно — более чем достаточно для того, чтобы понять, что соглашение может быть заключено и выполнено. Но мне кажется, я скорее выйду без оружия против лазера, чем соглашусь подвергнуться подобному ещё раз.

Формально патрульные ничего против нас не имели, кроме, может быть, подозрений, и обиды за брошенный нами вызов. Я думаю, они были даже довольны, что в то время, как они заключили с нами перемирие, Гильдия продолжает держать нас на прицеле. Быть может, когда мы улетали с базы Патруля, они в нас видели хорошую приманку для будущей ловушки, в которую может попасться кто-нибудь из главарей Гильдии.

Вспыхнул предупредительный сигнал. Я в последний раз поспешно оглядел комнату и подошёл к дверному глазку. Моему взору предстало запястье с надетым на него чёрным с серебром браслетом патрульного. Я отворил дверь.

— Да? — я позволил раздражению прозвучать в моём голосе.

Патрульный был не в униформе, а в роскошной облегающей тело тунике, какие носят богатые туристы из внутренних миров. Так как патрульным полагалось поддерживать спортивную форму, то на моём госте это одеяние смотрелось куда лучше, чем на тех толстых и дряблых типах, каких немало слонялось по гостинице. Но всё равно, на мой вкус костюмчик был слишком вычурным и крикливым.

— Благородный Джорн, человек. — Он не задавал

вопрос, а называл моё имя, в то время, как его глаза скорее стремились осмотреть комнату за моей спиной, чем моё лицо.

— Он самый. Что вам угодно?

— Поговорить с вами. Неофициально.

Он шагнул вперёд, и я невольно пропустил его, прежде чем сообразил, что он не имел права входить. Моя мягкость явно была вызвана воздействием авторитета браслета Патруля на его руке. Таким образом он завоевал первое небольшое преимущество, и сделал это как нельзя лучше — он был уже внутри, и дверь закрылась за ним раньше, чем я успел подготовиться к обороне.

— Мы одни. Говорите, — я не предложил ему сесть и никак не проявил гостеприимства.

— Вы испытываете трудности с наймом пилота, — теперь он попеременно то осматривал комнату, то поглядывал на меня.

— Испытываю, — не было смысла отрицать очевидную истину.

— Мы можем это устроить.

Тут он меня удивил. Мы с Итом покидали базу Патруля в полной уверенности, что они с радостью бросят нас на растерзание Гильдии. Скорее всего, они быстро обнаружили, что переданная нами информация о Камнях Предтеч касается только местоположения тайников, и заподозрили, что мы держим в тайне настоящий источник. На самом же деле мы знали ничуть не больше, чем сообщили им.

— Что именно устроить? — парировал я и отверг мысленное прикосновение Ита, хотя мне и хотелось знать, как он относится к этому предложению. Никто не знает, каким секретным оборудованием пользуется Патруль. Не исключено, что зная о телепатических способностях Ита, они применяют какой-нибудь изощрённый метод перехвата наших переговоров.

— Рано или поздно, — задумчиво произнёс патрульный, как будто это его сильно волновало, — Гильдия доберётся до вас.

Но я был готов к такому ходу, давным-давно обдумав ответ:

— То есть я — приманка в какой-то вашей ловушке.

Он ничуть не смутился:

— Можно сказать и так.

— Значит так и есть. И что вы хотите? Посадить к нам на корабль своего человека?

— Для вашей же безопасности, и, конечно, чтобы предупредить нас, если что-то будет вам угрожать.

— Очень альтруистично. Но мой ответ будет отрицательным, — самоуверенность, с которой патрульный разыгрывал дебют, наводила на мысль, что соглашаться с ним не следует.

— Вы не сумеете найти пилота.

— Мне становится любопытно, — а мне действительно было интересно, — насколько мы обязаны влиянию вашей организации своими нынешними трудностями?

Он проигнорировал этот вопрос. Но я понял, что попал в точку. Как пилота заносят в чёрный список, так в такой список занесли и наш корабль, причём даже раньше, чем у нас появился шанс отправиться в первое путешествие. Ни один пилот, желающий сохранить свою полётную лицензию, не подпишет наши судовые документы. Таким образом, чтобы найти хоть кого-то, я должен буду опуститься в мрачные глубины преступного мира. Но я решил, что скорее увижу, как мой корабль рассыплется от ржавчины, чем полечу со ставленником Патруля за пультом управления.

— Если вы станете искать пилота, исключённого из списков, Гильдия с тем же успехом может подсунуть вам своего человека, только вы не будете об этом знать.

Это, в принципе, было верно. Но только в том случае, если я не буду брать на поиски Ита. Даже если будущему пилоту устроят промывание мозгов и сотрут ему память, чтобы скрыть, кто он такой на самом деле, мой компаньон сможет это обнаружить. Но я надеялся, что мой посетитель и те, кто его прислал об этом не знали. Скрыть телепати-

ческие способности Ита мы уже не могли, оставалось спрятать его самого.

— Я буду делать свои ошибки сам, — я позволил себе огрызнуться.

— И погибнете из-за них, — ответил патрульный безразличным тоном. Он бросил последний взгляд на комнату и неожиданно улыбнулся:

— Игрушки сейчас — интересно, зачем? — он, словно коршун, схватил игрушку и повернулся ко мне, держа её за хохолок: — Дорогая вещь, Джорн, слишком уж дорогая. А вам следовало бы ограничивать расходы, если, конечно вы не нашли речку, в которой вместо воды текут кредитки. Скажите, зачем вам понадобилась игрушечная пууха?

Я ухмыльнулся в ответ: «Всем моим гостям положено по маленькой тайне. Попробуйте угадать. Можете взять её с собой, и убедиться, что там нет контрабанды. А могла бы быть, вы ведь знаете. Я же скупщик драгоценностей — а где удобнее вывозить с планеты камни, как не внутри игрушечной пуухи?»

Не знаю уж, показалось ли ему это объяснение столь же неубедительным, как и мне самому, но он швырнул игрушку на ближайший стул, и, по пути к двери, обронил через плечо: «Свяжитесь по номеру 1-0, Джорн, когда устанете биться лбом об стену, и мы дадим вам человека с гарантией, что он не продаст вас Гильдии».

— Конечно нет — только Патрулю, — возразил я. — Когда я буду готов сделаться наживкой, я вам сообщу.

Он не стал прощаться, просто встал и вышел.

Я резко захлопнул за ним дверь и со всех ног бросился через комнату, чтобы выпустить Ита. Мой инопланетный спутник сидел на задних лапах и с рассеянным видом вылизывал шерсть на животе.

— Они думают, что заполучили нас, — попытался я привлечь его внимание, хотя он наверняка уже уловил всё, что надо, прочитав мысли патрульного, если, конечно, тот не использовал какую-нибудь защиту.

— Использовал, использовал... — подтвердил моё подо-

зрение Ит. — Но не вполне соответствующую. Ту, что существа вашего вида применяют против механических устройств для слежки сквозь стены. Но она бессильна, — продолжил он самодовольно, — против способностей, которыми обладаю я. Но вообще-то ты прав, они полагают, что мы сидим у них на ладони, — он вытянул вперёд свою лапу, — и нужно только согнуть пальцы. — Тут он сжал кулак. — Какое невежество! Тем не менее, нам следует поторопиться. Мы уже знаем, что нам может грозить.

— Знаем ли? — утрюмо спросил я, хватая свою дорожную сумку и начиная торопливо её упаковывать. То, что оставаться здесь, где за нами следят копы, было бы по меньшей мере неразумно, я хорошо понимал. Но куда мы пойдём дальше?

— В «Летучую Пиявку», — ответил Ит так, будто ответ был очевиден, и явно был доволен, увидев моё замешательство.

На некоторое время я и в самом деле совершенно растерялся. Название мне совершенно ничего не говорило, хотя, скорее всего, принадлежало одному из тех мерзких притонов, которых было так много в мрачных подвалах Задворок, той части города, куда нормальному человеку меньше всего следует ходить, особенно, если он не хочет иметь дело с уже идущей по его следу Гильдией.

Но в данный момент я более всего был озабочен тем, как выйти из этого здания без патрульных на хвосте. Я развернул свою последнюю чистую рубашку и достал из неё три кредитных диска. В номерах для транзитных путешественников сумма счёта за постой ежедневно высвечивается на небольшом табло. Никто не может прорваться через запирающее дверь силовое поле, пока не сотрёт эти цифры, оплатив счёт, если сканер, расположенный под табло, сообщит об его отбытии. Во всём остальном комнаты обеспечивали уединение, но это были меры предосторожности, которые хозяевам позволялось принимать. Я опустил кредитки в щель рядом с табло, и цифры

погасли, подтверждая, что я могу выйти. Осталось решить, как это сделать. Когда я оглянулся, то увидел, что Ит снова стал пуухой. Несколько секунд я колебался, пытаюсь сообразить, которое из пушистых созданий является моим компаньоном, пока Ит не направился ко мне, чтобы я взял его на руки.

С Итом под мышкой и с дорожной сумкой в руке, я вышел в коридор, предварительно убедившись, что там никого нет. Когда я повернулся в сторону гравитационной шахты, Ит скомандовал:

— Налево и назад.

Я повиновался. Его указания привели меня на территорию, которой я не знал, к другой шахте, для роботов, обслуживающих комнаты. Здесь тоже должны были быть сканеры, и хотя я и оплатил счёт, этот выход был предназначен исключительно для машин, одна из которых с грохотом приближалась сейчас к нам.

Это был робот-разносчик, доставляющий пищу в номера, ящик на колёсах с множеством кнопок для заказа блюд на верхней панели. Чтобы пропустить его, я был вынужден прижаться к стене — этот проход не был рассчитан на присутствие людей.

— На него! — приказал Ит.

Я совершенно не понимал, что он задумал, но уже достаточно часто попадал в трудные ситуации, и знал, что у него в голове чаще всего имеется какой-нибудь план спасения. Я забросил на крышку разносчика Ита и сумку, а затем запрыгнул и сам, стараясь при этом не нажать на кнопки.

Механизм, казалось, даже не заметил моего веса, ни на секунду не замедлив своего движения дальше по коридору. Зато я просто одеревенел от напряжения, стараясь сохранить равновесие на гладкой поверхности ящика, где абсолютно не за что было ухватиться.

А когда он, даже не затормозя, оторвался от пола и завис в пустоте гравитационной шахты, я едва удержался, чтобы не закричать. Но силовое поле скомпенсировало его вес,

и он стал плавно опускаться подо мной, словно платформа лифта, везущего пассажиров и багаж с борта лайнера в здание космопорта. На следующем уровне к нам присоединился робот-уборщик, но, видимо, машины были снабжены направляющими лучами, предохранявшими их от столкновений. Вверху и внизу в стволе шахты были видны и другие обслуживающие роботы, плавно опускающиеся вниз — наступало время их утренней работы.

Мы спускались всё ниже, этаж за этажом, я считал их по мере движения, и каждый немного отличался от того, который мы покинули. И я знал, что мы приближаемся к нашей цели. Но когда мы достигли нижнего уровня, и моя опора прекратила спуск, мы увидели лишь широкую пустую поверхность.

Мы оказались несколько ниже поверхности земли, я полагал, этажа на три. А разносчик вместе с нами уже катился в непроглядной тьме, наполненной леденящим душу лязгом движущихся машин. Ит никак не реагировал на происходящее.

Я собрался с духом, вынул фонарик и осветил вокруг, но увидел лишь зловещие силуэты механизмов, метавшиеся туда и сюда по широкому пространству пола.

Теперь я боялся свалиться с везущей меня машины, не зная, среагируют ли на меня направляющие лучи деловито снующих многочисленных роботов, и не попаду ли я под один из них. До этого часа я воспринимал механическую прислугу как что-то само собой разумеющееся, и никогда не подозревал о существовании такого грандиозного хозяйства.

Было очевидно, что разносчик знает, куда ему ехать. Он целенаправленно катился во мраке, пока не достиг стены, в которой я заметил узкие щели. Машина вплотную подкатилась к одной из них, и я сообразил, что объедки и одноразовая посуда выбрасываются в какую-то мусороуборочную систему. Здесь же находился и робот-уборщик, также сбрасывавший своё содержимое.

Свет моего фонарика позволил разглядеть, что эта стена

не доходила до потолка, а значит, должен был существовать проход, который мог увести нас от дороги, по которой внешне беспорядочно носились роботы, хотя, конечно, мог завести и в тупик.

Я осторожно встал на крышку разносчика, а Ит взял фонарик, зажав его между неуклюжими лапками пуухи. Забросить на стену сумку было просто, а вот моего мохнатого спутника — несколько сложнее, так как его новое тело было мало приспособлено к такого рода подвигам. Но, оказавшись наверху, Ит сразу же уселся и взял фонарик в зубы, которыми ему было намного удобнее удерживать его, чем лапами.

Ориентируясь на свет, как на маяк, я подпрыгнул, и ухватился за край стены, хотя и боялся, что мои пальцы могут соскользнуть с гладкой кромки, а затем, совершив усилие, которое, казалось, вот-вот разорвёт мои мышцы, втянул своё тело на неприятно узкую поверхность.

Эта поверхность была не только узкой, но вдобавок еще дрожала и вибрировала под моей тяжестью, и я живо представил себе картину мусоросжигающей печи, или конвейерной ленты, которая сбрасывает мусор в измельчитель.

Надо мной, так низко, что можно было сидеть только пригнувшись, находился потолок помещения. Осторожно посветив фонариком, я обнаружил, что стена, на которой я, скорчившись, сидел, уходит в тёмный проём в другой стене, пересекающейся с ней справа, словно тропинка, ведущая в пещеру.

Ввиду отсутствия вариантов, я начал двигаться по направлению к этой дыре, волоча за собой сумку. К счастью, Ит не нуждался в моей помощи, и шёл за мной, балансируя на широких лапах.

Когда я добрался до отверстия, то обнаружил за ним небольшую каморку. Фонарик осветил ряд привинченных к стене скоб, образующих нечто вроде трапа. Вероятно, это было служебное помещение, время от времени посещаемое кем-нибудь из обслуживающего персонала. Благос-

ловляя своё везение, я приготовился испытать этот трап, так как от лязга и грохота несущихся вниз машин у меня звенело в ушах и кружилась голова. Чем быстрее я выберусь из их утрюмого царства, тем лучше.

Лапы Ита не были приспособлены для лазания, и мне было интересно, не откажется ли он по такому случаю от маскировки. У меня не было ни малейшего желания тащить его на себе, я даже не представлял, как это осуществить.

Но если он и мог убрать маскировку, то предпочёл этого не делать. В конце концов мне пришлось повесить сумку на ремне за спину, и расстегнуть свой китель, чтобы Ит, наполовину забравшись мне за воротник, устроился у меня на плечах. Обе ноши ужасно мешали держать равновесие, когда я начал карабкаться наверх. А так как у меня, к несчастью, отсутствовала третья рука, фонарик пришлось убрать.

Всё, что я хотел в эту минуту, было выбраться из тёмной страны механической прислуги, хотя поднимался я в полную неизвестность. К сожалению, я слишком зависел от предупреждений Ита о приближающихся опасностях. А он не общался со мной с того момента, как мы взобрались на разносчика.

«Ит, что впереди?» — Я постарался придать своему вопросу настойчивость, потому что начал бояться того, что может ждать нас в конце подъёма.

«Пока — ничего,» — но его мысленный сигнал был слабым, как будто его разум был занят какой-то новой сложной проблемой.

Через несколько секунд я обнаружил, что трап закончился: протянув руку в поисках новой опоры, я больно ударился о твёрдую поверхность. Растопыбив пальцы, я ошупал её, и нашёл круглое углубление, которое, скорее всего, означало закрытый люк. Убедившись в этом, я нажал на крышку, сперва осторожно, затем увеличив усилие. Не почувствовав результата, я встревожился. Если люк заперт, нам придётся повернуть назад, а о возвращении в тоннель к роботам не хотелось даже и думать.

Но мой отчаянный последний толчок, должно быть, заставил поддаться тугой запор и крышка приоткрылась, пропуская неяркий свет. Мне хватило хладнокровия задержаться на некоторое время, чтобы получить предупреждения от Ита.

Предупреждений не последовало, и я выбрался в помещение, где все стены были покрыты множеством тумблеров, датчиков, рукояток и так далее. Вероятно, это был компьютерный центр, контролировавший работу механических слуг. Поскольку внутри никого не было, а в противоположной стене я увидел самую обыкновенную дверь, я, облегченно вздохнув, решил привести себя в пристойный вид. Вытащив Ита из-за воротника, я аккуратно расправил и застегнул китель. Внимательно осмотрев свою одежду, я пришёл к выводу, что путешествие по внутренностям постоянного двора не оставило на ней заметных следов, и я могу появиться на улице, не привлекая к себе внимания. Итак, вперёд, если, конечно, дверь напротив действительно ведёт на свободу!

За этой дверью оказался маленький гравитационный подъёмник. Набрав на панели номер этажа, соответствующего уровню улицы, я очутился в коротком коридоре с дверями в обоих торцах. Одна из них вывела меня в небольшой двор, обнесённый забором, в котором были ворота для багажных конвейеров. Промчавшись вприпрыжку вдоль одного из них, я выскочил в переулок, где флиттер из порта разгружал тяжёлые контейнеры.

«Погоди!» — Ит сидел у меня на плече, что в виде пуухи было совсем не так удобно, как в его естественном состоянии. Он перебрался ко мне на шею, и его лапы сжали мою голову, точно так же, как тогда, когда он показывал мне, как можно изменить лицо. — «Давай!»

Я не сразу понял, что он собирается сделать, пока он не потребовал, чтобы я «выдумал» лицо. Прошло некоторое время, Ит сидел не меняя позы. Я знал, что он использует всю силу своего сознания, чтобы снабдить меня маскировкой.

«Это всё... что я... могу...» — его лапы бессильно опустились и я едва успел поймать его, когда он свалился с моих плеч. Он дрожал, словно от страшной усталости, глаза его были закрыты, дышал он тяжело и прерывисто. Таким обессиленным я видел его раньше лишь однажды: когда он заставил меня слиться разумом с Патрульным.

Держа Ита на руках, словно ребёнка, и повесив на плечо дорожную сумку, я пошёл по переулку. Оглянувшись на здание отеля, я прикинул, куда мне идти. Если бы кто-то за мной следил, и не запутался бы, когда я покидал гостиницу, то уж здесь ему просто негде было укрыться.

Боковая дорожка вывела меня на шумную торговую улицу, по которой двигался основной поток транспорта из порта. В середине её были расположены шесть грузовых транспортных поясов, по бокам к ним примыкали два легковых, и оставалось ещё место для пешеходных дорожек, довольно узких, которые тянулись вдоль зданий. На них было достаточно много народу, в основном — люди, работавшие в порту на обслуживании кораблей, так что я не слишком бросался в глаза. Я поставил сумку между ног и позволил дорожке нести меня, не увеличивая скорости движения ходьбой.

Ит говорил о каком-то таинственном Кабатчике Локворме, но я совершенно не собирался идти на Задворки до наступления темноты. Дневные посетители, если не считать толп туристов,двигающихся по тщательно контролируемым маршрутам, там очень заметны. Так что мне нужно было куда-то приткнуться. Лучшим решением был бы другой отель. Вдохновение подсказало мне направиться в тот, что находился как раз напротив «Семи Планет», откуда я только что вышел таким необычным способом.

Этот отель, вполне соответствующий моим скромным финансам, был расположен совсем рядом с «Семью Планетами». Меня особенно порадовало, что за стойкой вместо живого портё, неизбежного в респектабельной гостинице, здесь стоял робот. Правда, моё лицо будет зафиксировано в его памяти, и я не знал, насколько поможет созданная усилиями Ита маскировка.

Я получил пластинку для замка с определителем личности, при помощи гравитационного лифта поднялся на второй этаж, где располагались самые дешёвые номера, вставил пластинку в замок, настроил его на отпечаток своего пальца и, оказавшись внутри, наконец расслабился.

Потом я положил Ита на кровать и подошёл к висящему на стене зеркалу, чтобы посмотреть, что же он со мной сделал. То, что я увидел в зеркале, не было новым лицом, это было какое-то неясное пятно, смотреть на которое было почему-то очень неприятно. Рассматривать его внимательно было тяжело, эта личина была так бесформенна, что вызывала отвращение. Тем не менее, я сел на стул возле зеркала и по мере того, как я продолжал, совершая над собой немалое усилие, вглядываться в отражение, странное чувство дезориентации ослабевало, и мои собственные черты лица проглядывали всё яснее и отчётливее, пока, наконец, не приняли свой обычный вид.

Я очень сомневался, что когда будет нужно уходить, Ит снова сумеет произвести подобную трансформацию. Такое напряжение может быть слишком велико для него, тем более, что потребуются приложить все его способности. Но в этом случае, мне придётся без маскировки предстать перед теми, кто теперь охотится за мной.

А не могу ли я достигнуть того же эффекта собственными силами? Мою попытку с лицом Фаскила удачной назвать было трудно, к тому же, мне потребовалась помощь Ита, чтобы достигнуть даже такого результата.

А если предположить, что такая радикальная маскировка и не нужна? В последний раз Ит дал мне не другое лицо, а просто какую-то непонятную завесу, сквозь которую на меня было трудно смотреть. Может быть, нужно изменить не всё лицо, а лишь какую-нибудь его часть? Я ухватился за эту идею и стал мысленно обыгрывать ее. Ит никак не комментировал мои рассуждения, хотя и мог бы. Я взглянул на кровать. Судя по всему, он спал.

А если ничего не отнимать, лишь добавить к лицу деталь, которая будет отвлекать внимание? Совсем недав-

но моя кожа была пегой от подделанных Итом отметин чумы. Я хорошо помнил эти отвратительные багровые пятна. Нет уж, только не это. Мне вовсе не хотелось, чтобы меня снова считали жертвой чумы. А вот, скажем, шрам...

Я мысленно перенёсся в те годы, когда я жил на своей родной планете, и мой отец держал магазинчик в порту, где принимал в заклад разные вещи. Многие космолётчики заглядывали в его внутреннюю комнату, чтобы продать находки, происхождением которых не стоило слишком сильно интересоваться. И некоторые из них были изуродованы отметинами и шрамами.

Да — шрам. Но где и какой? Залеченная ножевая рана, лазерный ожог, странный рубец от какого-то неизвестного ранения? Я остановился на лазерном ожоге, их я немало видел, и он будет вполне естественно смотреться на Задворках. Я вообразил его как можно чётче, и пристально стал вглядываться в зеркало, стараясь смять и обесцветить кожу вдоль левой челюсти и щеки.

III

Эта попытка полностью противоречила всему человеческому опыту. Если бы я не видел, как это делает Ит, не наблюдал своего превращения с его помощью, я ни за что не поверил бы, что такое возможно. А смогу ли я повторить то же сам, без Ита — это другой вопрос, на который я страстно хотел найти ответ. Меня тяготила зависимость от мутанта, стремившегося играть главную роль в нашем союзе.

Кто-то сказал: если закрыть двери перед всеми ошибками, истина тоже останется снаружи. И вот я начал битву со множеством ошибок, надеясь, что та малая толика истины, которую я ишу, поможет мне победить. С того дня, как я познакомился с Итом, я упорно старался развивать все свои паранормальные способности. Я не мог смириться с тем, что существо, похожее на животное, по своим способностям может превосходить человека (а лю-

дям вообще тяжело смириться с подобным). Хотя в галактике под словом «человек» понимают скорее определённый уровень интеллекта, чем гуманоидную форму. Это сперва тоже было сложно понять отягчённым предрассудками представителям моего вида, и нам пришлось долго учиться, чтобы усвоить этот урок.

Я как мог, отгородил своё сознание от всего внешнего: от забот о поисках пилота, об иссякающих кредитках, даже о том, что я в любую секунду могу пасть жертвой безжалостной охоты, которую чувствую, но не вижу и не слышу. Шрам — вот что важнее всего, вот что заполняет мой разум. Я сосредоточился на своём отражении в зеркале и на том, что хотел там увидеть.

Возможно Ит был прав: мы, земляне, не пользуемся всеми способностями, которые у нас есть. Но под влиянием Ита, я, сам того не замечая, вырос, изменился в совершенно необычном для моего вида направлении. И вот произошло нечто поразительное. Как будто в том секторе мозга, что пытался достигнуть тех же возможностей, которыми обладал Ит, незримый палец плавно нажал на кнопку, и я сразу же почувствовал, как задрожало в ответ моё тело, а затем — меня охватила уверенность в том, что я смогу это сделать, пьянящее чувство, за которым остальная часть моего сознания следила с тревогой и страхом.

Но лицо в зеркале изменилось! На нём возник уродливый рубец, не свежий и воспалённый, а тёмный и сморщенный, как после не очень удачной пластической операции, вполне соответствующий образу попавшего в переделку космолётчика или ветерана вооружённого рейда против какой-нибудь планеты.

Значит, возможно. Я неуверенно поднял руку, не решаясь прикоснуться к этой грубой, изрезанной складками коже. Иллюзии, созданные Итом, на ощупь были также правдоподобны, как и на вид. Ну а мои? Нет, до Ита мне было ещё далеко, если вообще когда-нибудь мне удастся с ним сравниться. Мои пальцы не чувствовали шрама, который я видел в зеркале. Но внешне рубец выглядел

вполне натурально, и это было лучшее, что я мог сделать.

«Начало, многообещающее начало.»

Моя голова дёрнулась, словно меня неожиданно разбудили. Ит сидел на кровати и немигающими глазами пуухи смотрел на меня. Испугавшись, что моя сосредоточенность нарушена, я вновь глянул в зеркало. Вопреки этим страхам, шрам был на месте. Более того, я понял, что моё решение было верным: он отвлекал внимание, лицо было словно перечёркнуто полосой изрубцованной кожи. Это было не хуже, чем маска.

«Как долго он продержится?» — Я собирался покинуть эту комнату и отправиться на Задворки, а там мне некогда будет искать укрытие, где можно сконцентрироваться и подновить своё украшение.

Ит слегка склонил набок свою круглую голову и с критическим видом осмотрел результат моей мысленной работы.

«Эта иллюзия не из сложных. С моей помощью, я полагаю, она продержится всю ночь. Больше и не нужно. А вот мне придётся измениться.»

«Тебе? Зачем?»

«Ну почему ты всё времяставляешь напоказ свою беспечность?» — жёсткий хохолок на его голове уже начал исчезать. — «Только подумай — явиться на Задворки с пуухой?»

Ит снова, как и всегда, был прав. Живая пууха стоила совершенно немыслимую сумму и пойти с ней на Задворки означало напороться в лучшем случае на луч станнера, а в худшем — на лазер. А Ита засунут в мешок и продадут какому-нибудь спекулянту. Я очень разозлился, что продемонстрировал такую бестолковость, хотя, конечно, причиной ей была сосредоточенность, необходимая для изготовления шрама.

«Тебе придётся поддерживать его, но не всей силой сознания,» — передал Ит. — «Очень многому ещё следует научиться.»

Я промолчал. На моих глазах Ит изменился. Пууха

исчезла, растаяла и к нему вернулся его первоначальный облик, не менее, впрочем приметный для чужого взгляда.

«Ну и пусть,» — согласился Ит. — «Только никто не станет на меня смотреть. Я не буду меняться, я просто сделаю так, чтобы на меня не обращали внимания.»

«Как на моё лицо по пути сюда?»

«Именно так. И темнота поможет. А теперь нам нужно идти напрямиком в «Летучую Пиявку».»

«Зачем?»

Мой сородич в подобном случае вероятно громко вздохнул бы с досады. Мысленный импульс, посланный Итом, был беззвучен, но смысл его был тот же.

«Затем, что «Летучая Пиявка» — это место, где мы можем встретить пилота вроде того, что нам нужен. И не трать время на пустые вопросы о том, как я об этом узнал. Это так.»

Я не знаю, да, в общем-то, и не хочу знать, сколько информации может извлечь этот чужак из мозгов окружающих. Но его уверенность убедила меня, что он имеет какой-то конкретный план. А так как взамен мне предложить было нечего, спорить я не стал.

Неожиданно он вскочил ко мне на плечо, устроился в своей излюбленной позиции наездника и обвился вокруг моей шеи, словно безжизненная полоска меха. Я в последний раз взглянул в зеркало, дабы удостовериться, что моё творение выглядит так же хорошо, как и прежде, и познал радость триумфа, убедившись, что всё в полном порядке.

Подготовившись таким образом, мы вышли наружу и, встав на самодвижущуюся дорожку, отправились в направлении порта, готовые за первым же углом свернуть в переулок, ведущий на Задворки.

Смеркалось. Облака, будто полосы дыма пересекали тёмно-зелёное небо, на котором словно драгоценный камень блистала первая из фебских лун.

Но на Задворках, куда мы вышли по боковой улице, кипела жизнь. Сияющие знаки неизвестно на чьём языке (хотя основным здесь был Бэйсик), складывались в симво-

лы, понятные космолётчикам с разных планет, и прельщали необычными товарами и причудливыми удовольствиями, скрывающимися внутри. Многие из вывесок представляли собой дикую смесь цветowych пятен, привлекающую внимание представителей негуманоидных рас и болезненную для человеческого зрения.

Так что вверх смотреть не рекомендовалось. А хаос оглушительных звуков и тяжёлых запахов заставлял возмечтать о космическом скафандре, внутри которого можно укрыться от нестерпимого шума и подышать чистым, отфильтрованным воздухом. Человек, попавший в этот лабиринт, мог подумать, будто он оказался на другой планете, негостеприимной и опасной. Как найти в этом море неразберихи пресловутую «Летучую Пиявку», я совершенно не представлял. А бродить наугад по этим улицам и переулкам, оглушённому и полузадохнувшемуся, означало напрашиваться на неприятности. За поясом у меня не было никакого оружия, а в руках я нёс дорожную сумку, а это значило, что за мной следили десятки глаз, наметивших меня в качестве возможной жертвы ограбления.

«Здесь направо», — приказ Ита вонзился в сумятицу моих мыслей, как силовая бритва.

Я свернул с главной улицы в узкий, совсем крошечный проулок, где шум был чуть тише, свет — не так ослепителен, и даже имелось два или три глотка настоящего воздуха. Я не имел ни малейшего представления, куда идти дальше, зато Ит, похоже, это знал. Мы вновь повернули направо, потом налево. Наконец мы приблизились к месту отдыха доблестных космолётчиков. Вывеска «Летучей Пиявки» представляла собой не надпись, а изображение этого малоприятного существа, составленное из светящихся трубок, причём она была сделана таким образом, что посетители входили непосредственно в рот пиявки. Это, возможно, являлось аллегорическим описанием тех «радостей», что ожидали неосторожных внутри. Царящее повсюду зловоние дополнялось там букетом ароматов

дешёвого пойла и нескольких сортов наркотического дыма. Но темно не было. Большая Пиявка снаружи имела родственников внутри помещения — они извивались на стенах, мерцая зелёным светом, и выглядели при этом весьма правдоподобно. И хотя некоторые из этих светильников сломались и нуждались в замене, освещение было достаточным, чтобы разглядеть лица посетителей.

В отличие от мест, где можно поесть и выпить, расположенных в более цивилизованной (если это слово вообще применимо к Задворкам) части порта, в «Летучей Пиявке» не было ни настольных панелей для заказа блюд, ни суесящихся роботов-официантов. Подносы с напитками и закуской разносили люди и чужаки, причём их физиономии, мягко говоря, приятностью не отличались. Некоторые из них были, очевидно, женского пола, насчёт остальных сказать трудно. Прийди мне вдруг в голову выпить здешней отравы, я честно говоря, не рискнул бы заказать вторую порцию, если бы первую мне швырнуло на стол ящерицеобразное существо с двумя парами рук.

Ящерицеобразный обслуживал три столика вдоль стены и делал это весьма ловко — все четыре руки шли в ход. За первым столиком пьянствовала целая компания ригелианцев, за вторым засело нечто большое, серое и пупырчатое. А вот за третьим, ссутулившись и подперев голову рукой, сидел землянин, одетый во что-то, напоминавшее давно не чищенную форму офицера космического флота. На воротнике его кителя ещё сохранился значок, висящий на паре ниточек, но на груди не было ни эмблемы корабля, ни знака компании, а только лишь тёмное пятно на месте этого символа утраченной ныне респектабельности.

Нанимать человека из этого вертепа, означало, конечно, рыться по помойкам. С другой стороны, для получения разрешения на взлёт нам было нужно только одно — наличие пилота на борту, хотя я не сомневался, что мы с Итом можем преспокойно взлететь на автопилоте. А нашим единственным шансом было нанять человека из чёрного списка (надеясь, разумеется, что тот не стукач).

«Он пилот, и он курит фэш», — Ит передал информацию, которую я отчасти пропустил мимо ушей.

Курение фэша не приводит к наркомании, но вызывает почти непрерывное изменение личности. Человек, который им увлекается, не может быть надёжным пилотом. Если этот доходяга только что накурился фэша, то он не лучший, а худший кандидат. Единственным плюсом было то, что фэш — штука дорогая, и его любитель вряд ли может себе позволить каждый вечер посещать «Летучую Пиявку».

«Сейчас он не курит, — сообщил Ит, — по-моему, он пьёт вивер.»

Вивер — самое дешёвое пойло, которое только можно купить, способное привести человека в весьма прискорбное состояние. В нём этот бездельник и пребывал. Его самочувствие, судя по всему, вполне гармонизировало с мёртвенно-зелёным светом, источаемым пиявками на стенах. Неожиданно он выпрямился, пододвинул стакан, и, повернув голову, поймал губами соломинку. Когда мы подошли к его столику, он продолжал тянуть своё пойло.

Более чем вероятно, что он не был лучшим кандидатом, но значок на воротнике свидетельствовал, что пилотом он всё же был, а других я здесь не заметил. Кроме того, он был единственным гуманоидом в этом заведении, чьё лицо внушало хоть какое-то доверие. Кажется Ит обратил внимание именно на него.

Он даже не поднял глаз, когда я уселся на скамейку напротив, зато откуда-то немедленно выскользнул ящерообразный официант. Я поднял палец, а затем указал на моего соседа, приказывая принести ему ещё одну порцию.

Последний, наконец, посмотрел на меня, не выпуская соломинки изо рта, затем невнятно пробурчал:

— Отвали! Что ты там ни продаёшь — покупать не буду.

— Вы — пилот, — ответил я. Ящероподобный тем временем плюхнул на стол новый стакан. Я бросил десятипунктовую кредитку, и одна из его многочисленных рук так ловко схватила её на лету, что я даже не заметил, как она исчезла.

— Ты опоздал, — мой пьяный собеседничек отставил пустой стакан и принялся за следующий, — я был пилотом.

— Разрешение на внутрисистемные полёты, или дальний космос?

Он застыл, держа соломинку возле губ.

— Дальний космос. Хочешь убедиться? — прохрипел он с усмешкой, — а вообще-то, тебе какое дело?

Курение фэша меняет поведение человека: во время воздействия наркотика он становится очень агрессивен, а в промежутках способен самое большее на вялое раздражение.

— Может быть, большое. Работа нужна?

Он рассмеялся, кажется, ему действительно было весело.

— Ты опять опоздал. Я теперь планетарная крыса.

— Вы предлагали посмотреть вашу карточку. Её не конфисковали? — настаивал я.

— Нет. Просто об этом забыли. На самом деле я не летал уже два местных года. Что-то я разболтался, а? Они, наверное, в это поило подмешали какой-то дряни, от которой язык развязывается. — Он с вялым интересом уставился в свой стакан, словно хотел выяснить, не плавает ли что-нибудь на поверхности мутной жидкости. Потом сжал губами соломинку, оттянул потёртый лацкан своего кителя, извлёк трясушей рукой потёртый бумажник, и, вместо того чтобы протянуть мне, с безразличным видом бросил его на стол. Я поднял его, и как только настенный светильник в очередной раз вспыхнул, рассмотрел лежащее внутри удостоверение.

Оно было выдано на имя Кано Ризка, и подтверждало, что он является пилотом галактической службы. Дата выдачи была примерно десятилетней давности, а возраст указан как неопределённый, так как он родился в космосе. Но по-настоящему меня удивил небольшой значок, выгравированный под именем. Этот значок указывал, что Ризк был вольным торговцем.

Начав когда-то, как люди, желавшие на свой страх и риск торговать в стороне от регулярных линий, контроли-

ровавшихся крупными картелями, вольные торговцы, одиночки и исследователи по духу, всё больше превращались в отдельную расу. Они считали родиной свои корабли, не задерживаясь подолгу ни на одной планете, и торговали там, где рисковали появиться только разведчики и первопроеходцы, как и они. В первые годы они существовали на голодном пайке, получая лишь крохи со стола, за которым приовали гигантские корпорации.

Будучи не в состоянии побеждать на аукционах, где разыгрывались права монопольной торговли с новооткрытыми мирами, вольные торговцы были вынуждены искать новые планеты, идти на операции с низкими прибылями и высоким риском, надеясь на подарок судьбы, который принесёт большой куш. И такое время от времени случалось, не слишком часто, но достаточно, чтобы удержать их в космосе.

Но так как привязаны они были лишь к своим кораблям, то их жизнь была очень замкнутой и клановой. Они вступали в браки только между собой, если вообще вступали. Теперь у них были собственные космические порты на оборудованных астероидах, где и проходила их квазисемейная жизнь. И встретить такого, как Ризк, застрявшего в порту, было достаточно необычно.

— Подлинное... — Он не поднимал глаз от своего стакана. Ризк, похоже, не впервые сталкивался с подобным удивлением и успел уже от него устать. — Я не грабил какого-нибудь звездолётчика, чтобы получить эту карточку.

В этом я не сомневался. Такие карточки всегда носили близко к телу и они были настроены на биотоки владельца. Если она попадала к кому-то другому, то спустя короткое время вся информация с неё исчезала.

Не стоило спрашивать, что оторвало вольного торговца от корабля и забросило в «Летучую Пиявку». Это могло настроить его враждебно, и с ним трудно будет договориться. Но сам факт, что он вольный торговец, говорил в его пользу. Человек, уволенный корпорацией, был бы

менее склонен принять участие в задуманном нами путешествии.

— У меня есть корабль, — я решил пойти напролом, — и мне нужен пилот.

— Поищи в Регистре, — пробормотал он и вытянул руку. Я закрыл бумажник и положил его на протянутую ладонь. Интересно, поможет ли, если я скажу чистую правду.

— Мне нужен человек вне списков.

Это заставило Ризка взглянуть на меня. Зрачки его были расширенными и очень тёмными. Он не находился под действием фэша, но сознание его было чем-то затуманено.

— Ты — не контрабандист. — произнёс он спустя некоторое время.

— Нет, — контрабанда была выгодным делом, но Гильдия контролировала её настолько плотно, что заняться ею мог только полный идиот.

— Ну и кто ты тогда? — спросил он хмуро.

— Кто-то, кому нужен пилот... — начал отвечать я, но тут меня кольнуло мысленное обращение Ита.

— Мы пробывали здесь слишком долго. Приготовься проводить его.

Вокруг повисла тишина. Я даже не закончил фразы. Ризк уставился на меня, но глаза его явно не фокусировались, и он, казалось, не видел меня. Потом он хрюкнул и отодвинул в сторону недопитый стакан.

— Спать... — пробормотал он, — Пошли отсюда...

— Да, — согласился я, — идём ко мне.

Я встал слева от него и взял его под руку, помогая держаться на нетвёрдых ногах и направляя его движение. К счастью, он ещё мог заставить себя передвигаться. Я не смог бы тащить его на себе — хотя он и был на несколько дюймов ниже меня, но за то время, пока торчал на планете, пилот изрядно оброс жиром.

Ящер-официант шагнул вперёд, как будто намереваясь преградить нам путь, и я почувствовал, как Ит зашевелился. Я не знаю, наверное, он внушил ему, как и Ризку,

какое-то приказание, так как официант резко повернулся к соседнему столику, освободив нам путь к двери, и мы выбрались из этой вонючей дыры без всяких осложнений.

Пробираясь тёмными закоулками Задворок, я попытался ускорить шаг, но обнаружил, что Ризк хоть и двигается, но торопиться явно не желает. А оказывать на него давление я не хотел, опасаясь, что внушение перестанет действовать. Меня ни на секунду не покидало чувство, что за нами следят. Я не мог понять, то ли мы обратили на себя внимание своим внешним видом, то ли просто местные грабители, затаившись во мраке, оценивали нас в качестве жертвы. Опасно было и то, и другое.

Но вот, наконец, яркие огни космопорта озарили ночь, заглушая сияние всех трёх фебских лун, плывущих над нами одна за другой во всём своём призрачном великолепии.

Теперь главной проблемой было пройти через ворота и пересечь поле, чтобы добраться до корабля. Если, как я полагал, Патруль, а, возможно, и Гильдия, следят за нами, то, даже если они отстали от нас в городе, корабль всё равно находится под наблюдением. А мой шрам, если он сохранился, не сможет обмануть определитель личности на последнем пункте контроля. Шансы на спасение зависели от скорости, а Ризк ею не обладал.

На контрольном пункте я задержался не дольше, чем было нужно, чтобы предъявить свою и Ризка идентификационные карточки. Он кое-как сумел извлечь её из кармана — видимо часть его затуманенного мозга ещё подчинялась приказам Ита. Тут я заметил возможность ускорить движение. Слева от нас стоял багажный транспортёр. Раньше я, со своей единственной сумкой, счёл бы его роскошью, на которую не следует тратить кредитку. Но теперь он пригодится. Я кое-как взгромоздил на него Ризка. Транспортёр вообще-то не разрешалось использовать в качестве пассажирского транспорта, но в данный момент такие мелочные запреты меня не волновали. Я уложил пилота горизонтально, прикрыл его для маскиров-

ки плащом и поставил сверху свою сумку, чтобы создать впечатление, что перевозится исключительно багаж. Затем я набрал номер площадки своего корабля, сунул в щель кредитку и отправил всё это сооружение к месту назначения. Если Ризк не свалится по дороге, то, скорее всего, благополучно доберётся до трапа моего корабля.

Тем временем мы с Итом должны были достигнуть той же точки менее заметным и более быстрым способом. Я огляделся в поисках возможных путей решения этой задачи и заметил внутрисистемную ракету туристского класса, возле трапа которой столпилось множество пассажиров, а другие, задержавшиеся, двигались в том же направлении. Многих путешественников провожали родственники и шумные компании друзей. К одной из них я и пристроился, стараясь держаться в конце процессии. Эта компания провожала группу людей, одетых в форму Гвардии и направляющихся на Мемфорис, следующую по порядку планету этой системы, имеющую репутацию далеко не приятного местечка.

Так как большинство в толпе составляли мужчины, притом довольно крепкие, я не особенно выделялся. Однако, мне всё равно нужно было отделиться от них и добраться до своего корабля. И как раз на этом последнем участке я буду замечен больше всего. Я обогнул толпу провожающих, стараясь, чтобы между мною и темнотой было как можно больше народу, и следя за тем, не привлекаю ли я чьё-то внимание. Но пока что я словно опять был прикрыт защитным облаком Ита.

Мне хотелось бежать или прикрыться чем-нибудь, но и то, и другое было невозможно. Более того, я боялся даже просто оглядываться — беспокойство само по себе могло меня выдать.

Впереди я увидел багажный транспортёр, уверенно ползущий к кораблю. Моя сумка по-прежнему стояла наверху, это означало, как я надеялся, что Ризк не двигался. Транспортёр подъехал к основанию трапа и замер, ожидая, пока его освободят от груза.

«Справа наблюдатель. Патруль», — ожил Ит.

Я даже не посмотрел в этом направлении.

«Идёт на корабль?»

«Нет. Он вынул из чехла видеокамеру. У него нет приказа препятствовать взлёту, он должен просто убедиться, что ты идёшь.»

«То есть, теперь они знают, что наживка готова, и пора расставлять ловушку. Очень мило», — заметил я. Но отступать было некуда. К тому же, Патруля я боялся куда меньше, чем Гильдии. В конце концов, для Патрульных я представлял некоторую ценность, ту которую имеет наживка, пока ей не пожертвовали. И я был уверен, что если мы покинем планету, им будет вовсе не так просто использовать меня, как они самонадеянно полагали. У меня было то, о чём они даже не подозревали — Камень Предтеч.

Итак, я не подал вида, что заметил его. За мной наблюдали, в то время как я стащил Ризка с транспортёра, провёл его вверх по трапу, поднял трап и загерметизировал корабль. Я погрузил сей ценный груз в одну из кают на нижней палубе, пристегнул его, взял его пилотскую карточку и поднялся вместе с Итом в рубку. Там я вставил карточку в контрольное устройство, чтобы получить разрешение и приготовился к старту. Ит объяснил мне, как запускать автопилот. Но у нас не было плёнки с курсом, а это означало, что когда-нибудь в космосе Ризк должен будет сыграть свою роль, иначе шансы на возвращение в какой-нибудь порт будут ничтожно малы.

IV

Из-за отсутствия маршрутной ленты мы не могли выйти в гиперпространство до тех пор, пока Ризк не задаст координаты для скачка. Так что, взлетев с планеты мы могли передвигаться только внутри системы, а это лишь увеличивало грозившую нам опасность. Если в гиперпространстве перехватить корабль нельзя, то внутри системы

сделать это очень просто. Поэтому, едва придя в себя после гравитационного шока, я немедленно отправился к своему пилоту.

Наша доблестная посудина, «Вендвинд», была чуть больше разведывательного корабля, но поменьше, чем обычное судно вольных торговцев класса «Д». Скорее всего, она в своё время была яхтой какого-нибудь босса. Хотя все роскошные побрякушки были давным-давно сняты, закрашенные следы на стенах подтверждали моё предположение. Позднее «Вендвинд» использовался как обычный внутрисистемный транспортный корабль, а последним событием в его судьбе была конфискация Патрулём за контрабанду, после чего его выкупил спекулянт-саларикиец.

Кроме помещений для членов экипажа на корабле имелись ещё четыре каюты, причём три из них были объединены для перевозки грузов. Там я нашёл отличный сейф, вещь небесполезную для торговца драгоценностями.

Судя по крепёжным отверстиям и отметинам на стенах и палубе, когда-то на «Вендвинде» были установлены, явно нелегально, лазерные пушки, но сейчас их, конечно, уже не было.

Ризка я поместил в последней сохранившейся пассажирской каюте. Когда я вошёл туда, он боролся с противоперегрузочными ремнями, дико озираясь по сторонам.

— Что случилось? Где я?

— В космосе. На корабле, — выдал я ему без долгих объяснений. — Мы всё ещё внутри системы и вполне готовы выйти в гипер, как только ты сможешь задать координаты.

Он закрыл глаза, и — странно — дряблые черты его лица стали вдруг жёстче, словно сквозь слой осевшей на планете грязи стал виден человек, каким пилот был когда-то. Он вытянул руку и положил ладонь на стену, словно желал на ощупь убедиться в правоте моих слов.

— Что за корабль? — Его голос утратил невнятность, подобно тому, как изменилось его лицо.

— Мой.

— А ты кто? — Он взглянул на меня, слегка прищурившись.

— Мэрдок Джорн. Торговец драгоценными камнями.

Ит, как всегда неожиданно, прыгнул с палубы на край койки и уселся там на корточках.

Ризк перевёл взгляд с меня на Ита и обратно.

— Хорошо. Рано или поздно я проснусь.

— Нет, — я перехватил приказ Ита, предназначенный Ризку, — не проснёшься, пока не установишь курс.

Пилот вздрогнул, и принялся тереть ладонями лоб, словно надеялся стереть то, что услышал не ушами, а внутри своего мозга.

— Курс куда? — спросил он так, словно разговаривал с галлюцинацией.

— В квадрант 7-10-500. — За последние недели, когда я боялся, что мы никогда уже не взлетим в космос, у меня была уйма времени, чтобы всё спланировать. Чем раньше мы отправимся в путь, тем лучше. И чутьё, привитое мне Вондаром, подсказывало, что начинается всё неплохо.

— Я не устанавливал курс... — отозвался пилот. Его голос дрожал. — Это... это корабль. Он мне не снится.

— Это корабль. Ты можешь сейчас же отправить нас в гипер? — я позволил себе проявить нетерпение.

Он поднялся с койки и пошёл, правда, сперва нетвёрдо. Но, возможно, чувство, что он находится на корабле, подействовало на него тонизирующе, и к тому времени, когда он добрался до лестницы, ведущей в рубку управления, его шаг стал увереннее и он легко поднялся по ней. Не дожидаясь, пока ему покажут, где находится пилотское кресло, он быстро сел в него и опытным взглядом окинул приборную панель.

— Квадрант 7-10-500, — это был не вопрос, а повторение, этой фразой он словно ключом открывал свои старые знания. — Сектор Фатфара.

Похоже, подобрав застрявшего на планете вольного торговца, я получил больше, чем ожидал. Пилот обычных линий скорее всего мог не знать тех дальних окраин, где должны были пройти мои охотничьи тропы.

Ризк нажимал на клавиши, сперва медленно, затем всё быстрее и увереннее, пока на небольшом экране слева от него не зажглось несколько столбиков цифр. Он изучил их, нажал ещё на несколько клавиш, внося изменения, и произнёс обычное предупреждение: «Гипер.»

Убедившись, что он знает, что делает, я устроился в соседнем кресле, а Ит свернулся в клубок у меня на коленях, приготовившись к изнурительной тряске, сопровождающей выход в гиперпространство.

Корабль погрузился в тишину, давящую тишину, означавшую переход в чуждое нам измерение. Ризк отвернулся от приборной панели, и сидел, разминая пальцы.

— Я тебя помню, ты был в «Летучей Пиявке», — он вдруг нахмурился. — Ты... У тебя было другое лицо.

Я совсем забыл про шрам — он наверное исчез.

— Бежишь от кого-то? — спросил меня Ризк.

Возможно, мне стоило рассказать ему побольше, ведь он попал на корабль, который в случае неудачи вполне мог стать мишенью.

— Может быть.

Я не собирался распространяться о прошлом, о тайне моего пояса с камнями, о настоящей причине, по которой мы отправились на поиски в неисследованные области космоса, разыскивая звёзды, не нанесённые на карты. Впрочем, «может быть» — тоже не ответ.

— У меня неприятности с Гильдией, — я выложил ему самое худшее. В конце концов, не может же он выпрыгнуть из корабля, пока мы не приземлимся где-нибудь.

Он уставился на меня: «Хочешь проскочить сквозь туманность? Да ты большой оптимист!»

Но если моё признание его и напугало, то он никак этого не показал. «Значит, когда мы прилетим в сектор Фатфара и приземлимся на какую-нибудь планету, нас может ожидать тёплый приём с участием лазеров?»

— Мы высадимся на Лоргале. Ты знаешь это место?

— Лоргал? Ты решил спрятаться на этой кучке песка и камушков под палящим солнцем? Зачем? Я могу предложить тебе целый список куда более симпатичных мест.

Было ясно, что он знает наш первый пункт назначения. Вряд ли я мог заподозрить, что он шпик, кроме того, я никому не говорил о своём выборе первого места для торговли. Лоргал был утрюмой планетой с адскими ураганами и полным комплектом других прелестей такого рода. Но у местных жителей можно было приобрести зораны. А мне было известно место, где за несколько зоранов можно было получить сумму, способную покрыть половину годовых расходов на путешествие.

— Я не собираюсь там прятаться. Меня интересуют зораны.

Он пожал плечами с таким видом, будто он мне не верит, но хочет, чтобы я продолжал, причём ему всё равно, как оно там на самом деле. Вместо этого я вывел на экран текст контракта и поставил перед ним сенсорную панель, чтобы он отпечатком большого пальца заверил документ.

Ризк прочитал запись. «Годовой контракт? А если я его не подпишу и использую своё право покинуть корабль в первом же порту? В конце концов я не припоминаю, чтобы мы о чём-нибудь договаривались прежде, чем я проснулся на борту твоей развалюхи.»

— И долго ты будешь ждать корабля, чтобы выбраться с Лоргала?

— А как ты узнаешь, что я посажу корабль именно там? Лоргал — самое поганое место во всём секторе. Я могу выбрать любой курс, какой пожелаю.

«Ты так думаешь?» — внезапно спросил Ит.

Второй раз Ризк не смог совладать с собой. Он уставился на мутанта, и лицо его выражало всё что угодно, кроме радости.

— Телепат! — Он произнёс это слово, как ругательство.

— Кроме того, — поспешил добавить я, — Ит знает способ, при помощи которого можно наверняка сделать то, что мы хотим.

— Сперва ты говоришь, что за вами гонится Гильдия и хочешь, чтобы я подписался на год. Потом этот...

— Мой партнёр, — подсказал я, так как мне показалось, что он ищет подходящее слово.

— Потом этот твой партнёр заявляет, что может заставить меня сделать всё, что он захочет.

— Советую поверить ему на слово.

— И что я получу за всё это? Обычную плату пилота?

Это был не самый серьёзный протест. Здесь я был готов уступить.

— Возьми долю с Торговли.

Он замер. Его рука задрожала, а пальцы сжались в кулак, готовый обрушиться на меня, потеряй он самообладание. Ему совсем не понравилось, что я знаю о его прошлом и использовал термин вольных торговцев, предложив ему часть конечной прибыли. Но он молча кивнул, затем нажал пальцем на панель и продиктовал для записи своё имя и номер лицензии, формально принимая на себя обязанности пилота на один планетарный год, рассчитанный для планеты, с которой мы только что взлетели и равный четырёмстам дням.

Когда корабль, особенно торговый или разведывательный, находится в гиперпространстве, заняться на борту в общем-то нечем, и это неприятно, так как безделье до добра не доводит. Обычно, чтобы хоть как-то занять руки и голову, члены экипажа придумывают себе всяческие хобби или осваивают различные ремёсла. Но если Ризк в прошлом и увлекался чем-то подобным, то сейчас он об этом не вспоминал. Зато он, как впрочем и я, регулярно пользовался тренажёрной кабиной, чтобы во время полёта в условиях слабой гравитации мышцы не стали дряблыми. Со временем он похудел и приобрёл куда более приличный вид, чем когда мы извлекли его из кабака на Задворках.

Кроме тренировок, я много работал с записями Вондара Астла, которые при неохотном содействии Патруля сумел таки получить из нескольких пунктов хранения. С некоторыми из них я был знаком, но с другими, особенно кодированными, было сложнее. Вондар был не только торговцем драгоценностями, но и путешественником. Он мог достигнуть большого успеха в жизни, если бы осел на любой из внутренних планет и стал владельцем ювелирно-

го магазина. Но Астла тянуло к странствиям, его душу томила жажда первооткрывательства.

Его мастерство ювелира было для меня недостижимым, о камнях я знал хорошо если десятую часть его знаний, да и то, если я не переоценивал успехов, достигнутых за годы моего ученичества. Но записи, которые я получил как официальный ученик, были моим законным наследством, я мог построить на них своё будущее. Поиск источника Камней Предтеч было рискованным предприятием и пускаться в него без серьёзного запаса кредиток было невозможно.

Я просматривал записи, останавливаясь на том, что не успел усвоить, когда учился у Вондара. Моё собственное невежество повергало меня в уныние и мне оставалось лишь гадать, не двигает ли Ит мною, словно фишкой, как двигают фигурки в модной азартной игре «Звёзды и Кометы».

Но так ли это на самом деле, я не знал, и полагал, что для моего рассудка было бы лучше не пускаться в подобные рассуждения. Первой моей задачей было составить маршрут, что я и делал с многочисленными повторами, изъятиями и дополнениями.

Лоргал был первым пунктом назначения из-за простоты практикуемого там обмена. В моей первой самостоятельной сделке нужна была именно простота. Снаряжая «Вендвинд», я очень экономил, но всё же выделил часть наших очень скудных средств на товары для торговли. Теперь они занимали меньше трети нашего импровизированного трюма и большая их часть была отобрана для торговли на Лоргале.

Кочевники-лоргалыцы, путешествующие по планете, где дуют ураганные ветры, а кратеры извергают дым и пепел, где земля состоит лишь из вулканических скал и песка, а чахлая растительность ютится на дне глубоких оврагов, нуждались в основном в пище для своих слишком часто пустых желудков и в воде, нередко исчезающей с поверхности.

Я побывал там однажды с Вондаром, и мы немедленно

достигли отличных результатов, продав небольшой конвертер на солнечных батареях. В него закладывались колючие листья местных растений, а конечный продукт представлял собой небольшие брикеты высококалорийной пищи, каждого из которых человеку хватало на пять тамошних пыльных и ветренных дней, а их вьючным животным — на три. Машина была простой и не имела частей, которые эти незнакомые со сложной техникой люди могли бы вывести из строя. Единственной трудностью было то, что она была довольно громоздкой, и её нужно было перевозить при помощи двух их животных. Это впрочем, не уменьшило благодарность вождя племени, вероятно принявшего машину за дар какого-нибудь из местных духов.

Уже много позже, бродя по товарным складам, где продавались части списанных разведывательных и исследовательских кораблей, я нашёл подобную машину, но вдвое меньшего размера, и, хотя я и смог купить только две штуки, очень надеялся, что они помогут не только окупить поездку.

Я разбирался в зоранах и знал их рынок. Это были особые камни, скорее органического, чем минерального происхождения. Когда-то на Лоргале был очень влажный климат, способствовавший возникновению пышной растительности. Затем произошла серия крупнейших извержений и растения погибли, уничтоженные каким-то газом. Их остатки, засыпанные в трещинах, подверглись воздействию огромных давлений. В сочетании с поглощённым газом они и превратились в зораны.

В естественном состоянии зораны до сих пор часто находят в виде кусочков листьев и затвердевших веточек, а если очень повезёт, то даже с застывшими внутри насекомыми. После огранки и полировки они становятся пурпурно-сине-зелёными, с блестящими золотыми и серебряными прожилками, или, очевидно в зависимости от вида растения или убившего его газа, прозрачными, жёлтого цвета с бронзовыми блёстками.

Пласты и жилы породы регулярно раскапываются кочевниками, которые до прибытия инопланетных путешественников использовали зораны в качестве наконечников для копий. Эти наконечники затачивались до остроты иглы и, попав в тело, обламывались и вызывали заражение, так что даже небольшая рана могла оказаться смертельной.

Поэтому при первичной обработке зоранов нужно пользоваться перчатками, так как порез осколками верхнего слоя может быть чрезвычайно опасен. Когда же этот слой удалён, камни можно легко обрабатывать, причём лучше нагревом, чем режущими инструментами. Затем они охлаждаются до очень низкой температуры и после этого уже не должны подвергаться обработке. Таким образом, их огранка — довольно сложный процесс, но в результате они становятся восхитительно красивыми и продаются по очень высоким ценам.

Добыв на Лоргале зораны, мы отправимся на Ракипур, где их можно продать жрецам Мангсфера и купить жемчужины лоннекских крабов. Оттуда, возможно, перелетим, на Роган за каберонскими сапфирами или... Но не имело смысла строить такие далёкие планы. Я давно уже понял, что торговля — это азартная игра и лучше всего думать о ближайшем будущем.

Пока я просматривал плёнки с записями, Ит прогуливался по каюте, иногда он садился на стол и с заинтересованным видом изучал какую-нибудь из них, а иногда сворачивался в клубок, чтобы поспать.

Однажды мои занятия прервал Ризк, который заявился ко мне в каюту и сообщил, что после жёлтого светового сигнала таймера мы выходим из гиперпространства.

— Где ты хочешь сесть на Лоргале, — спросил он, — на Западном континенте, или Восточном?

— На Восточном. И как можно ближе к руслу Чёрной Реки. Ты наверное знаешь, что там нет настоящего порта.

— С тех пор, как я там был, много воды утекло. Всё могло измениться, даже порт могли построить. Район Чёрной Реки... — он посмотрел на стену за моей спиной,

как будто там был экран с картой. — Ладно, мы приземлимся в Большой Котёл, если его снова не залило лавой.

Большой Котёл был известным местом на Лоргале — гигантский кратер, поверхность которого была относительно ровной и использовалась как импровизированный космодром. Хотя во время моего первого путешествия на Лоргал мы там не садились, я достаточно много слышал о нём и понял, что Ризк выбрал лучшее место для посадки на Восточном континенте.

Хотя Большой Котёл находился несколько в стороне от основных путей кочевников, проходивших вдоль цепочки заполненных водой ям, в которые превратилась пересохшая Чёрная Река, у нас в кормовом отсеке был одноместный флиттер. На нём можно было разыскать ближайшее кочевье, избежав невозможного для любого иномирянина путешествия по поверхности этой ужасной разрушенной планеты.

Я взглянул на датчик таймера. Он был равномерно синего цвета, это означало, что ждать жёлтого сигнала остаётся недолго. Ризк поднялся с кресла и потянулся.

— После того, как мы выйдем из гипера, нам потребуется три смены цвета, чтобы выйти на орбиту, а потом ещё одна, чтобы сесть — это если повезёт. Сколько мы пробудем на планете?

— Не могу сказать. Всё зависит от того, как скоро мы найдём племя и зажжём костёр переговоров. Пять дней, десять, несколько недель...

Пилот поморщился: «Для Лоргала это многовато. Хотя ты хозяин, твои деньги. Надеюсь, ты сможешь поторопиться».

И он отправился в рубку управления. Я полностью разделял его надежды. Лоргал был не тем миром на котором хотелось задерживаться, кроме того, путешествие туда было лишь средством для достижения конечной цели, лежащей далеко за горизонтом.

Следом за Ризком я поднялся в пилотскую кабину, занял второе кресло, чтобы посмотреть, как мы подлетаем

к планете. Это было моё первое серьёзное предприятие и от его успеха или неудачи зависело очень многое. Ит, похоже, тоже чувствовал себя неуверенно — хотя он, как обычно, лежал, свернувшись, у меня на груди, его разум был наглухо закрыт для меня,

Мы вынырнули из гипера, и я понял, что Ризк более чем оправдывает мои надежды, потому что жёлтый шар на экране безусловно был Лоргалом. Ризк не стал включать автопилот, а скользя пальцами по клавиатуре, сам вывел корабль на орбиту.

Когда мы вошли в атмосферу, контуры планеты под нами стали просматриваться чётче. Мы увидели огромные шрамы пересохших морей, превратившихся в небольшие озёра на дне глубоких впадин, заполненных горькой солёной водой. Бывшие континенты образовали гигантские плоскогорья, возвышавшиеся над поверхностью исчезнувших океанов. Вскоре мы смогли различить рваную цепь вулканических гор, речную долину, залитую лавой, равнину между ними. Потом мы увидели огромную выбоину Большого Котла. Но когда мы развернули наши тормозные сопла в его направлении, я заметил там странный отблеск чего-то постороннего.

Мы приземлились, подождали некоторое время, чтобы убедиться, что корабль надёжно стоит на всех трёх стабилизаторах, а затем Ризк включил смотровой экран и настроил его на круговой обзор ближайших окрестностей. Через секунду я понял, что мы в Большом Котле не одни. Неподалёку стоял ещё один корабль, судя по всему, торговый. Это означало серьёзную конкуренцию, поскольку на Лоргале был лишь один интересный для иномирян товар — зораны, а годовая добыча одного племени, в любом случае, слишком мала, чтобы удовлетворить двух торговцев камнями. Я мог только гадать, кто из старых соперников Вондара сидит сейчас у костра переговоров и что он может предложить. Единственным моим шансом могло стать отсутствие у него компактных конвертеров. Тогда я смогу обойти его.

— Компания, — заметил Ризк. — У тебя трудности? —

Этим вопросом он как бы отделил себя от любой моей неудачи. Он был наёмным пилотом и знал, что если я прогорю, он получит свои деньги из стоимости корабля.

— Посмотрим, — это было лучшее, что я смог сказать ему, направляясь на корму, чтобы проверить флиттер и пуститься на поиски лагеря кочевников.

V

Ещё одно моё преимущество заключалось в том, что я уже бывал на Лоргале раньше, хотя тогда вся ответственность лежала на Вондаре, а я был просто наблюдателем. Теперь наш успех или неудача зависели от того, насколько хорошо я запомнил увиденное. Кочевники были гуманоидами, но не земного происхождения и, чтобы общаться с ними, требовался речевой транслятор. Дело осложнялось ещё и тем, что даже земляне и потомки земных колонистов зачастую не могли договориться, например, о моральных нормах, обычаях или семантических проблемах, а при контактах с чужаками путаница увеличивалась многократно.

Маленький конвертер, выбранный в качестве моего лучшего экспоната, был размещён в багажном отсеке в хвосте флиттера. Я установил в кабине флиттера транслятор и проверил наличие походных пайков и запасов воды. Ит уже ждал меня внутри, свернувшись клубочком.

— Удачи, — Ризк стоял, готовый отпереть люк, — проверь, не забыл ли ты лучевой передатчик.

— Уж его-то я не забуду, — пообещал я.

За исключением корабля, на котором мы прилетели, нас мало что связывало, но мы были представителями одного вида на чужой планете, в ситуации, которая способствовала появлению пусть временной, но прочной взаимной зависимости. Ризк будет следить за мной всё время, пока флиттер находится вдали от корабля. И я знал, что если с одним из нас случится беда, другой сделает всё возможное, чтобы помочь. Это был закон, не записанный ни на одну

плёнку, но существующий с тех пор, как человек вышел в космос.

Воспоминания о прошлом визите на Лоргал подсказали мне место, где можно встретить кочевников — глубокий пруд в русле пересохшей реки, который они время от времени расчищают, чтобы на дне его постоянно сохранялась влага. Я направился в этом направлении, ориентируясь на два вулканических конуса. Проплывавшая под мной развороченная земля являла собой хаос изломанных кряжей, острых, как иглы, пиков и глубоких пропастей. Мне не верилось, что даже кочевники могут пересечь эту местность, не говоря уже о том, чтобы бродить здесь, вдалеке от редких следов воды в древних руслах рек.

Если в окрестностях Большого Котла скалы были красно-бурого оттенка, то здесь они стали серыми, а на изломах — чёрными, и сверкали, как стекло. Мы приземлились рано утром и теперь восходящее солнце отражалось в этих блестящих поверхностях ослепительными фонтанами света, которых становилось всё больше, по мере того как флиттер приближался к Чёрной реке. В её русле даже песок был тёмно-серого цвета. На его фоне вырытые кочевниками и немногочисленными местными зверьями ямы с водой выделялись благодаря горкам красноватого донного грунта по берегам. На внутренних сторонах этих горок пробивалась жалкая растительность — результат робких попыток местных жителей к земледелию. Они хранили семена растений, как люди на более уютных планетах хранят драгоценные камни, сажая их по одному по краям свежерытых ям. Спустя некоторое время они возвращались и в случае удачи собирали скудный урожай.

Судя по высоте кустарника вокруг первых двух замеченных мною ям, лоргалыцы сюда ещё не дошли, а значит, чтобы найти их лагерь, мне надо было лететь дальше на восток. Около того, второго корабля, я не заметил никаких признаков жизни, равно как и по пути моего следования. Но я обратил внимание, что люк для флиттера на нём был открыт, а значит, торговец уже отправился в путь, и время работало против меня,

Дальше Чёрная Река делала изгиб, и невдалеке я заметил пятна шатров. Возле них происходило какое-то движение, а когда я сбросил скорость для захода на посадку, то понял, что действительно опоздал.

Фигуры одетых в плащи с капюшонами аборигенов двигались на равных расстояниях друг за другом по периметру лагеря. Они сжимали в руках длинные бичи и стегали пустоту рядом с собой, пустоту, наполненную по их повериям демонами, которых, при помощи таких предосторожностей следует изгнать, прежде чем состоится церемония торговли.

Рядом с лагерем стоял флиттер. На нём не было эмблемы компании, а значит мне не придётся конкурировать с человеком картеля. Маловероятно, чтобы здесь можно было встретить одного из них — предполагаемые доходы были слишком малы. Скорее тот, кто сейчас собирался торговать с кочевьем, был вольным стрелком, вроде меня.

Я приземлился в отдалении от чужой машины. Теперь я слышал пронзительные, переходящие в визг звуки песни, которой аборигены отгоняли демонов. С Итом, сидящем на моём плече, я окунулся в сухой, колющий воздух и в сияние солнца, от которого даже тёмные очки помогали лишь частично. Воздух царапал кожу, словно был наполнен мириадами невидимых песчинок. Я хорошо понимал, почему местные жители носят длинные плащи с капюшонами и защитные маски.

Когда я приблизился к кольцу бичевателей, два кнута, взметнувшись, рассекли воздух по сторонам от меня. Я не остановился, зная этот обычай, — стоило мне выказать испуг или удивление, как я выдал бы, что я — замаскированный демон. И на меня обрушился бы град дротиков с зорановыми иглами на концах.

Туземцы, мимо которых я прошёл, не проявили ко мне ни какого интереса, целиком сосредоточенные на своей миссии по защите лагеря. Пробравшись между двумя рядами шатров, я увидел то собрание, которое охраняли биченосцы.

Это была толпа кочевников, разумеется, только мужчин, так плотно укутанных в свои плащи, что лишь по глазам, блестевшим сквозь щели масок, можно было догадаться, что это не просто тюки грязной одежды из шерсти лакисов. Сами лакисы — неуклюжие животные с грузными туловищами — сидели, согнув тонкие ноги с большими плоскими ступнями, приспособленными для ходьбы по пустыне, вокруг своих хозяев, защищая их от ветра. Глаза животных были закрыты, как будто они крепко спали.

Напротив толпы лоргальцев стоял представитель моей собственной расы, одетый в скафандр и шлем. У его ног лежало несколько закрытых коробок. Он совершал Четыре Приветственных Жеста, и, судя по непринуждённости его движений, он уже бывал в этих местах, или, по крайней мере, тщательно изучал видеозаписи. Вождя племени можно было узнать в толпе только по огромному животу, обмотанному бесчисленными слоями ткани, — своеобразному символу его общественного положения. Тучность здесь была признаком богатства и удачи. А человек, сумевший отрастить действительно заметное брюхо, пользовался авторитетом и занимал видное место в обществе.

Я всё ещё не был уверен, что это то самое племя, с которым торговал Вондар. Но даже если это были другие, то они должны были слышать о чудесной машине и, тем более, желать самим получить такую же.

Присоединившись к собранию, я встал позади торговца. Кочевники никак не показали, что заметили меня. Возможно они решили, что я — один из его спутников. Я думаю, он не подозревал о моём присутствии до тех пор, пока я не шагнул вперёд и, встав рядом с ним, не начал собственные Жесты Приветствия, подчёркивая тем самым, что я сам по себе и он за меня не говорит.

Соперник повернул голову и я увидел старого знакомого — Ивора Акки. Он был не ровня Вондару Астлу. Но он был и не из тех, с кем я хотел бы столкнуться в самом начале моей независимой карьеры. Он внимательно пос-

мотрел на меня и усмехнулся. И эта усмешка означала, что он не увидел во мне угрозы. Мы сталкивались с ним во время торговли на Саларике, где он был легко разгромлен Вондаром. Но тогда я сам был лишь зрителем, а до Астла мне было далеко.

Он даже не прервал своих ритуальных жестов, лишь однажды взглянув на противника, оценив и проигнорировав его. Я тоже перестал обращать на него внимание. Мы покачивали открытыми ладонями, указывая на север, юг, восток и запад, на пылающее солнце, на каменистую землю под ногами, очерчивали в воздухе символы трёх демонов, людей-кочевников, лакисов и шатров, удостоверяя тем самым, что мы открытые и честные люди, пришедшие только лишь для торговли.

Так как Акки явился первым, то по праву он должен был первым попытаться счастья. Я ждал, пока он выставит несколько коробок и откроет их. Там оказалось множество обычных мелочей, в основном пластиковых — броская бижутерия, кубки, выглядевшие как прекрасные сокровища, но тоже пластмассовые, несколько фонарей на солнечных батареях. Это были обыкновенные подарки, предназначенные вождю, и увидев их, я воспрянул духом. Судя по этому набору, Акки приехал сюда первый раз. Если он не слышал об удаче Вондара с пищевым конвертером, то я мог его переиграть. Кроме того, я заметил флажок, развевающийся над шатром вождя, — да, это было то самое племя, с которым имели дело мы с Вондаром. И для того чтобы забрать все их зораны, мне достаточно будет показать, что у меня есть такая же машина, но ещё более удобная в перевозке.

Впрочем, через секунду от моей радости не осталось и следа. Акки открыл последнюю коробку и извлёк оттуда очень знакомый предмет. Это был конвертер, только ещё более компактный и удобный чем мой, несомненно, более современная модель. Теперь я мог рассчитывать только на то, что он лишь один, и я смогу отбить часть прибыли, предложив два.

Акки продемонстрировал публике действие конвертера и замер в почтительном ожидании.

Из-под многослойных одежд вождя выскользнула волосатая рука с длинными грязными ногтями и шевельнулась, подавая знак. Один из его подданных проковылял к лежащему рядом лакису и развязал व्यок на его спине. Там лежали необработанные зораны, и лишь большим усилием воли я смог заставить себя устоять на месте. Среди этих камней четыре были кристаллического типа и в каждом виднелось по насекомому. Большой удачи нельзя было и вообразить. Вондару в своё время удалось получить два таких камня и прибыль от их продажи показалась мне фантастической. Продав же четыре, можно было бы целый год летать куда угодно, не беспокоясь о деньгах, или сразу отправляться за Камнями Предтеч.

Вот только предлагали их Акки, и я прекрасно понимал, что ни один из них мне не достанется.

Он задумался, конечно, — это тоже был обычай, потом он принял решение, забрал камни с насекомыми, а также три довольно больших сине-зелёно-пурпурных камня. То, что осталось, выглядело как отбросы.

Потом он поднял голову, посмотрел на меня и снова усмехнулся. Уложив добычу в рюкзак, Акки дважды прикоснулся ладонью к конвертеру и дотронулся до всех остальных своих товаров, формально уступая их.

— Повезло, — сказал мне он Бейсике, — ведь тебе тоже хотелось бы получить их, правда, Джорн? И занять место Астла? — Он покачал головой.

— Удачи, — ответил я, скрывая разочарование, — удачи, хорошего взлёта и выгодной продажи в конце. — Это было традиционное прощание торговцев.

Но он не ушёл. Он сделал плавное движение рукой, каким на Лоргале старший представляет младшего. Я вынужден был стерпеть это, потому что любые споры между нами были уместны лишь за пределами лагеря. Вспышка гнева означала бы, что сюда проник демон и всякая торговля должна быть запрещена, чтобы злой дух не

вселился в какую-нибудь из проданных вещей. Меня подмывало поступить так, просто чтобы увидеть, как проданные Акки товары разобьют вдребезги, и его зораны тоже. Но как ни велико было искушение, я преодолел его. Он выиграл по правилам и было бы низко с моей стороны мстить ему таким способом, не говоря уже о том, что это лишит возможности торговать с Лоргалом не только нас двоих, но и всех иномирян.

Я мог рискнуть, и попытаться отыскать на просторах континента другое племя. Но покинуть лагерь без торговли было бы невежливо, и я не знал, как это сделать. Хотел я или нет, но мне нужно было забрать то, что оставил Акки.

Кочевники ждали и, похоже, начинали проявлять нетерпение. Мои руки замелькали в языке жестов, которому помогало хриплое дребезжание транслятора, переводившего мои слова на их наречие.

— Такой, — я указал на конвертер, — есть и у меня, но большего размера, — в брюхе моего небесного лакиса.

Теперь, когда я сделал предложение, обратного пути не было. Чтобы сохранить хорошие отношения с кочевниками, я должен был торговать. В противном случае моей репутации конец. Я понимал, что этот бой я уже проиграл. Я совершил ошибку, войдя в лагерь после того, как увидел там флиттер. Умнее было бы отправиться на поиски другого племени. Но я пошёл напролом, надеясь, что у соперника нет таких товаров, как у меня, и потерпел поражение.

Снова мелькнула волосатая рука вождя, и два воина поднялись и направились вслед за мной к флиттеру, щёлкая вокруг себя бичами. Я извлёк тяжёлый ящик, и с их помощью — один отгонял демонов, а другой помогал нести, — доставил его в лагерь. Конвертер поставили перед вождем. Случайно или умышленно он оказался рядом с тем, что привёз Акки и разница в габаритах была очевидна. Последовала демонстрация исправности машины и я замел, ожидая решения вождя.

Он подал знак, и один из его подручных поднял и вывел

вперёд лакиса, шумно выражавшего недовольство хриплым хрюканьем. Пинок в переднее колено заставил животное снова опуститься и рядом с ним были поставлены оба конвертера. Затем были предъявлены недостатки моей машины. Конвертер Акки можно было уложить в одну перемётную суму, а во вторую упаковать все остальные его товары, в то время как подняв мою, лакис не мог нести больше ничего.

Вождь щёлкнул пальцами. Был принесён другой вьюк. Я напрягся. Возможно, полагая, что мне предложат камни, отвергнутые Акки, я был чересчур пессимистичен. Но моя надежда жила лишь до тех пор, пока вьюк не раскрыли.

В нём были зораны. Но они не шли ни в какое сравнение не только с теми, что достались Акки, но даже с теми, от которых он отказался. Я должен был брать то, что мне предлагали или вернуться с пустыми руками. Выбор был не велик и я решил взять зораны. Среди них, конечно, не было камней с насекомыми, и только два из них были жёлтыми. Многие синие камни имели изъяны. Осмотрев их на предмет трещин и выбрав, что получше, я пришёл к выводу, что вряд ли смогу даже окупить расходы.

У меня оставался ещё один конвертер, и я мог бы попытаться продать его другому племени. С этой надеждой я заключил сделку и забрал свои камни, которые казались мусором, по сравнению с великолепной добычей Акки.

Когда я уложил зораны в пакет и встал, чтобы сделать прощальные жесты, Ивор по-прежнему смотрел на меня с ухмылкой. Всё это время Ит оставался неподвижен, как будто он был просто полоской меха вокруг моей шеи. Так было и когда я пошёл прочь от лагеря, разгромленный и униженный. Меня удивило, почему он не принял никакого участия в этом деле. Может быть, он хотел таким образом продемонстрировать, что я не способен сам о себе позаботиться. Это подозрение меня не на шутку встревожило. Когда-то я учился у своего отца и чувствовал себя в безопасности под защитой его мудрости и опыта. Потом был Вондар, чьи познания настолько превосходили мои,

что мне оставалось лишь соглашаться со всеми его решениями. После случившегося на Танфе несчастья его место занял Ит. Получалось, будто я — лишь получеловек, нуждающийся в руководстве более сильной воли и разума. Я мог бы смириться с этим, став марионеткой Ита. Но мог и предпочесть совершать собственные ошибки и попытаться установить с ним партнёрство, отличающееся от отношений слуги и хозяина. Не исключено, что Ит подталкивал меня к такому выбору, оставив наедине с моими трудностями.

— Удачи, Джорн, хорошего взлёта. — Акки насмешливо повторил моё прощание. — Теперь, наверное, крабовый жемчуг? Спорим, там я тоже заберу всё лучшее?

Он засмеялся, не дожидаясь моего ответа. Ивор прекрасно понимал, что любой вызов с моей стороны будет лишь пустым хвастовством. Повернувшись ко мне спиной, он направился к своему флиттеру, а я сел в свой.

Я не стал взлетать сразу вслед за ним. Если он тоже собирался искать другое кочевье, то мне не хотелось, чтобы он следовал за мной, хотя, конечно, он мог запросто засечь меня сканнером.

Включив передатчик, я вызвал Ризка: «Возвращаюсь.» Я не стал ничего больше говорить, так как все передатчики, установленные на флиттерах, работают на одной частоте, и Акки мог услышать мои переговоры. Когда же я взлетел, то увидел, что дела мои ещё хуже, чем казалось. Небо приобрело страннй зеленовато-жёлтый оттенок, а по всей поверхности земли поднялись песчаные вихри. Спустя несколько минут небо надо мной словно взорвалось, и мощный порыв ветра, бороться с которым было просто невозможно, подхватил флиттер.

Теперь, когда нас с Итом застигла буря, я испугался настоящего. Флиттер не был рассчитан на полёты на большой высоте. Оставалось лететь возле самой земли, ниже самых сильных воздушных потоков, постоянно рискуя разбиться о какое-нибудь препятствие. Выбора у меня не было, я отчаянно старался удержать машину в равновесии.

Нас сносило на юго-запад, в сторону высохшего моря. Я понимал, что теперь, даже если удастся вернуться к «Вендвинду», шансов найти другое племя нет. Этот ураган загнал кочевников в укрытия, и я мог провести много недель в бесполезных поисках. Шаг за шагом мне с большим трудом удавалось продвигаться в сторону Большого Котла. И когда в конце концов я загнал флиттер в корабельный люк, я был измотан настолько, что упал на приборную панель, и не реагировал ни на что, пока Ризк не сунул мне в руки чашку кофе, и я не сообразил, что нахожусь в кают-компании.

«Эта чёртова дыра взбесилась, — он барабанил пальцами по краю стола, — судя по показаниям приборов, мы сидим на бочке с порохом. Надо взлетать, иначе мы взорвёмся.»

Я не совсем понимал, что он имел в виду, до тех пор, пока, уже после взлёта, он не объяснил мне, что показатели сейсмической активности в Большом Котле неожиданно достигли опасного уровня, и он боялся, что я не успею вернуться, прежде, чем ему придётся взлететь.

Впрочем, эту опасность я не воспринял реально, так как узнал о ней, когда всё уже было позади. Гораздо больше меня огорчала моя торговая неудача. Надо было срочно составить новый план, иначе положение окажется ещё хуже, чем до взлёта с Фебы.

Акки упомянул крабовые жемчужины. Это могло означать, что он выбрал такой же маршрут, как и я, хотя и вовсе не обязательно. Он мог сделать одно из двух: либо хвастливо предупредить меня, куда направляется (Ризк сообщил мне, что его корабль взлетел сразу, как только он вернулся), либо сказал мне это просто, чтобы расстроить мои планы. Я терялся в догадках. Ит мог бы подсказать ответ. Но я не желал зависеть от него.

Где может быть другое подходящее место для продажи? Я напряг память. Сорорис. Об этой планете я узнал даже не из записей Вондара, а от отца. Сорорис был окраинным, очень отдалённым миром, где люди, объявленные вне

закона, если у них кончались деньги и положение было отчаянным, могли найти убежище. С Сорорисом не существовало регулярного сообщения, но каким-то образом беглецам иногда удавалось попасть туда. Отбросы преступного мира со всей галактики обитали в окрестностях полузабытого порта, перебиваясь кто чем может, или умирали с голоду. Они были настолько бесполезны, что даже Гильдия не проявляла к ним интереса.

Важно было другое. На Сорорисе существовала коренная раса. Аборигены жили на севере, где климат был слишком суровым для пришельцев и у них было оружие, достаточно мощное, чтобы обороняться от нападений налётчиков из порта. Самое же главное заключалось в том, что у них был достаточно сложный религиозный культ, важную часть которого составляли жертвоприношения богам. Единственным способом завоевать положение в обществе было приношение в жертву какого-нибудь выдающегося дара. Такие пожертвования давали дарителям свободу от власти своего города на определённое время.

Мой отец иногда рассказывал истории, происшедшие якобы с его знакомым, который был оценщиком Гильдии. Я, впрочем, всегда подозревал, что многие из них описывали его собственные подвиги в молодости. И я решил опереться на них в своей попытке взять реванш за фиаско на Лоргале.

Жителям Сорориса куски зорана, даже если они их раньше никогда не видели, покажутся экзотическими диковинками. Предположим, я пожертвую храму самый большой из камней, а остальные предложу людям, желающим принести такие же дары и тем самым возвыситься среди сограждан. Что можно было взять на Сорорисе взамен, я точно не знал, но герой рассказов моего отца вернулся оттуда с невиданной красоты зелёным бериллом.

Эта игра была настолько рискованной, что решиться на неё можно было только с отчаяния. Но желая исправить положение после лоргальского провала и утвердить свою независимость от Ита, я решился.

Я направился к компьютеру в контрольной рубке и набрал код Сорориса, думая про себя, что если машина не даст ответа, то надежды выбраться из этой пропасти, наверное, не существует.

Пока я вводил данные, Ризк с интересом наблюдал за мной. И когда, несмотря на мои опасения, на экране появился ряд цифр, он прочитал их вслух:

— Сектор 5, вектор 6/11, — во имя Аста-Ивисты, где это? Что это за место?

Я решился.

— Это место, куда мы летим, — мне было интересно, слышал ли он что-нибудь о нём, — Сорорис.

VI

— А где тут у тебя лазерные пушки и защитные экраны? — спросил Ризк таким тоном, каким, по-моему, обычно разговаривают с сумасшедшими. Он даже взглянул на приборную панель, как будто ожидал, что эти вооружения там как-то представлены. Вопрос был задан так выразительно, что я невольно посмотрел туда же. Кстати, судя по следам на обшивке корабля, в своё время этот вопрос не был бы риторическим.

— А если их у тебя нет, — ядовито продолжил пилот, — то удобнее было бы взорвать корабль прямо здесь и не тратить время и энергию на путешествие к Сорорису. Ты, видимо, не знаешь, что ждёт там идиотов, которые рискуют приземлиться. Эта планета — тюрьма, и её обитатели возьмут штурмом любой корабль, лишь бы сбежать оттуда.

— Мы не станем садиться. То есть, корабль не будет, — это я продумал заранее, основываясь на очень подробном рассказе отца, о том, как его «друг» совершал свой единственный визит на поверхность планеты. — У нас есть спасательная шлюпка. Если ей пользуется один человек, то там может быть установлен взлётный механизм.

Ризк озадаченно посмотрел на меня. Он долго молчал и, наконец, ответил уклончиво: «Находиться на орбите тоже опасно. У них может быть перестроенный флиттер и

они могут попытаться захватить корабль. А кто, собственно, спускается и зачем?»

— Я. В Сорнафф, — я попытался, как мог, выговорить название города аборигенов, хотя на самом деле человеческая гортань не в состоянии воспроизвести эту замысловатую смесь гласных и согласных. Как и лоргалыцы, аборигены Сорориса были гуманоидами, но не потомками, пусть даже мутировавшими, земных колонистов.

— Ага, храмовые сокровища! — Ризк сразу понял, что я имел в виду, и это говорило о том, что его знания вольного торговца об этой планете и её обитателях были далеко не поверхностными.

— Это уже делалось, — поспешил я заверить его, впрочем, возможно, чрезмерно полагаясь на рассказ отца.

— Для посадки в Сорнаффе, — произнёс пилот, словно размышляя вслух, — корабль может зависнуть над полярной областью и находиться достаточно далеко от порта. Что же касается шлюпки, то её, в принципе, действительно можно переделать так, чтобы она смогла вернуться на орбиту. Правда, я не слишком часто занимался подобными вещами.

— Но ты можешь это сделать? — спросил я. Сам-то я, говоря по правде, не был техником-механиком и подобная операция была за пределами моих познаний и навыков. Если Ризк тоже не сумеет это осуществить, нам придётся использовать какой-нибудь другой, намного более опасный способ добраться до Сорнаффа.

— Я посмотрю, — неохотно ответил он. Но мне этого было достаточно. По самой сути своей жизни вольные торговцы были сведущи во многих областях знаний, и в отличие от обычных космолётчиков, занимающихся только своими прямыми обязанностями, могли решать посторонние проблемы, если таковые возникали.

Наша спасательная шлюпка была рассчитана на пятерых человек. Такой объём нас очень устраивал. Ризк, с уверенностью опытного специалиста разобравший приборную доску, пробормотал, что переделать её, вероятно, будет проще, чем он ожидал.

Я обратил внимание на то, что как и на Лоргале, Ит не подавал никаких предложений и не комментировал происходящее. Мне пришло в голову, что уловив моё стремление к независимости, он решил позволить мне отправиться в одиночку навстречу трудностям и посмотреть, что из этого выйдет. Не исключено, что в дополнение к прочим своим способностям, он обладал ещё и даром предвидения, и теперь просто ждал, пока я не увижу собственными глазами, насколько я без него беспомощен. Это ещё больше утвердило меня в намерении доказать ему, что всё обстоит совершенно по-другому.

В свою очередь, я был готов использовать всё, чему научился от Ита, хотя меня раздражало, что я ему и этим обязан. Галлюцинационная маскировка была очень удобным инструментом, и я систематически тренировал свою волю и сознание, чтобы научиться создавать и поддерживать временные изменения. Я обнаружил, что уже в состоянии сохранять небольшие иллюзии, вроде шрама, в течении очень долгого времени. Но полные изменения, например, совершенно новое лицо, удавались с большим трудом. Иногда мне казалось, что я никогда не смогу сделать это сам. Впрочем, как любил повторять Ит, практика — основа успехов и я упорно тренировался, сидя в каюте напротив зеркала — беспристрастного арбитра моих успехов и неудач.

Я надеялся, что освоив такую маскировку, я смогу ускользнуть от соглядатаев Гильдии в любом цивилизованном порту. На Сорорисе их скорее всего не было, но если я выиграю и выберусь оттуда с грузом драгоценностей, мне придётся отправиться на одну из внутренних планет, чтобы продать свою добычу. Камни, происхождение которых неизвестно, можно лишь выставить на аукцион с участием крупных торговцев. Если предложить их в другом месте, они могут вызвать подозрения и быть конфискованы по доносу любого информатора, который получит процент от их последующей продажи. При этом не имеет значения, что камни честно добыты на какой-нибудь

малоизвестной планете — если не был заплачен аукционный налог, то они считаются контрабандой.

Таким образом я провёл время путешествия — то неумело помогая Ризку, то таращась в зеркало в надежде увидеть лицо, отличное от того, что видел там всю жизнь.

Точность, с которой мы вышли из гипера в системе Сорориса, вновь подтвердила пилотское мастерство Ризка, и в очередной раз мне оставалось лишь гадать, что за причина заставила его увязнуть в вонючем болоте фебских Задворков.

В системе было три планеты. Две из них представляли собой мёртвые каменные шары, лишённые атмосферы и опалённые яростными лучами тамошнего солнца. Сорорис же, напротив, был замёрзшим миром. Лишь в узкой полосе вдоль экватора климат был, с человеческой точки зрения, более-менее приемлемым. Остальная территория планеты была, за исключением небольших участков, покрыта ледниками. На одном из таких участков в северном полушарии, достаточно далеко от населённого изгнанниками порта, и находился Сорнафф.

Пока Ризк выводил корабль на стационарную орбиту, я загружал в шлюпку то, что по моему мнению, было необходимо для визита в затерянный среди ледников город. Ризк должен был ввести характеристики орбиты и координаты города в память автопилота. От этого устройства полностью зависило моё попадание в более или менее близкие окрестности Сорнаффа и успешное возвращение на корабль, причём вероятность последнего была далеко не стопроцентной. Если подтвердятся опасения Ризка и в порту изгнанников действительно имеется флиттер, способный подняться на большую высоту, и пилот, достаточно умелый или достаточно безрассудный, чтобы попытаться захватить «Вендвинд», то кораблю, во избежание нападения придётся покинуть стационарную орбиту. В этом случае я получу предупреждение и должен буду оставаться внизу, до тех пор, пока корабль не вернётся в точку, где должен встретить шлюпку.

Я с предельным вниманием проверил всё снаряжение. Небольшая упаковка со специальными пайками, на случай, если местная пища окажется несъедобной, передатчик для связи с кораблём и, конечно, камни с Лоргала. Оружия у меня не было, даже станнера. Я не мог пронести его на борт на Фебе, и мне оставалось полагаться на знание приёмов самообороны.

Селектор голосом Ризка продребезжал, что всё готово. Я поставил рюкзак со снаряжением на место и поднялся к себе в каюту.

Ит лежал, вытянувшись на койке, и, похоже, спал, как обычно в последнее время, когда я заходил. Непонятно, был ли он в дурном настроении, или ему в самом деле было всё равно, что я делаю.

— Я ухажу, — сказал я. Это была явная слабость. Позже мне было стыдно, что я позволил себе проявить её.

Ит лениво открыл глаза. «Удачи,» — ответил он и отвернулся, всем своим видом показывая, что вовсе не горит желанием куда-то лететь. Мне оставалось только повернуться и выйти.

Я спустился к шлюпке, задраил люк, уселся в противоперегрузочное кресло и подал Ризку сигнал к старту. Меня швырнуло из корабля с такой силой, что я едва не потерял сознание.

На шлюпке было устройство, способное в случае, если корабль потерпит аварию, отыскать ближайшую планету. Мы задействовали этот блок, и теперь полёт происходил в автоматическом режиме. Мне оставалось лишь сидеть и просчитывать все случайности, какие только могут произойти. Путешествуя без Ита, я внезапно почувствовал себя абсолютно незащищённым. Возможно, я слишком привык к нему, и теперь, несмотря на свои мятежные настроения, остро ощущал утрату.

Но тем не менее, я решился, отбросив все страхи, пуститься в новое, опасное приключение. Часть моего разума продолжала твердить, что это авантюра. Так или иначе, пути назад не было. Шлюпка начала тормозить

перед посадкой и я знал, что скоро окажусь на поверхности планеты перед лицом ситуации, требующей предельного напряжения внимания и сил.

Шлюпка приземлилась в одной из долин, форма которой напоминала вонзившийся в толщу ледника коготь. Судя по всему, покрывающие Сорорис льды отступали и первым признаком этого отступления были подобные долины. Стекающие с ледников стремительные потоки талой воды сливались в реку, которая в том месте, где приземлилась шлюпка, выглядела уже довольно внушительной. Воздух был так холоден, что обжигал немногие открытые участки моего лица. Я опустил щиток шлема, запер шлюпку и вскинул рюкзак на плечо.

Если расчёты Ризка были верны, то мне следовало лишь немного пройти вниз по долине, туда, где она соединяется с похожей по форме на ладонь котловиной, откуда веером расходятся на север такие же ущелья, и я окажусь на расстоянии прямой видимости от стен Сорнаффа. Достигнув этого места, я должен буду целиком положиться на рассказ моего отца. Теперь я понял, что он дал исчерпывающе детальное описание этой местности, словно зачем-то хотел, чтобы оно врезалось в мою память, хотя в то время я об этом даже не задумывался. Я просто увлечённо внимал его историям, в отличие от моих молочных брата и сестры, которым было откровенно скучно.

Между мною и городскими стенами располагалось святилище Зииты — богини льдов. Хотя она и не была главным божеством обитателей Сорориса, у неё было немало приверженцев, и по словам отца она выступала в роли посредника между героем его рассказа и служителями главных храмов в городе. Существовало живое существо — жрица, обитавшая в этом святилище духа льдов, считавшаяся земным воплощением Зииты, к которой относились, как к сверхъестественному существу, даже физически отличающемуся от простых смертных.

Выйдя туда, где «коготь» соединялся с котловиной, я действительно увидел стену города и, неподалёку, храм Зииты.

Я приземлился почти сразу после рассвета, и только теперь лучи почти не греющего солнца коснулись ледяной стены за моей спиной и отразились от неё яркими бликами. Вокруг святилища не было заметно никаких признаков жизни, как если бы Зиита с тех времён, когда здесь побывал мой предшественник, была забыта своими почитателями. Но, подойдя к каменному зданию, облицованному блестящими ледяными плитами, я понял, что это не так. Здание имело форму усечённого конуса, а высотой было, пожалуй, с «Вендвинд». Снаружи его окружали столы, которые представляли собой плиты, вырубленные из льда и покоящиеся на мощных опорах из того же материала. На каждом из них лежали дары, принесённые почитателями богини. Некоторые из них настолько вмёрзли в толщу льда, что превратились в едва заметные тёмные пятна, другие лежали на поверхности, покрытые ледяной коркой.

Здесь были меха, пища, почерневшие от холода стебли растений. Похоже, что Зиита никогда не прикасалась к ним, и они так и лежали, постепенно вмерзая в лёд.

Я прошёл между двумя из этих столов и приблизился к единственному проёму в круглой стене святилища, открытому для ветров и стужи. Я поднял руку и ударил тыльной стороной затянутой в перчатку ладони по прикреплённому к перекладине гонгу — он висел там, в точности подтверждая слова моего отца. Я старался ударить как можно тише, но раздавшийся мелодичный гул, казалось, разнёсся по всей долине и, достигнув ледника, отразился от него громким эхом.

Я укрепил речевой транслятор на воротнике комбинезона, и повторил про себя то, что хотел сейчас сказать. Отец не упоминал ни о каком церемониальном приветствии и надо было импровизировать.

Звук гонга висел в холодном воздухе намного дольше, чем это казалось возможным. Никто не появлялся и я почувствовал сомнение. Многие из лежащих рядом с храмом подношений выглядели вполне свежими, но не

исключено, что я ошибался, и Зиита отсутствовала в своей резиденции.

Я уже хотел уйти, когда в темноте дверного проёма заметил вдруг неясное движение. Секунда — и передо мной предстала фигура, чей вид был, пожалуй, более чем странным.

Она была закутана в не меньшее количество материи, чем лоргалыцы. Но если их одежды были всё же вполне обычными, то это существо было снизу доверху замотано лентами или бинтами и более всего напоминало огромную личинку насекомого. Его странное одеяние было покрыто кристаллами льда, сверкающими, словно алмазы, когда на них падали лучи восходящего солнца. Форма тела угадывалась лишь смутно. У существа было две ноги (руки, если они вообще имелись, были, вероятно, плотно прибинтованы к телу), торс и большой шар на месте головы. На передней части этого шара ледяные кристаллы складывались в подобие огромных фасетчатых глаз, по крайней мере, два блестящих овала находились там, где положено быть глазам, если это существо действительно было гуманоидным. Никаких других различимых черт лица не наблюдалось.

Я сделал то, что по моим предположениям, будет воспринято как жест почтения: склонил голову и поднял руки с открытыми ладонями. Хотя у существа не было видно ушей, я произнёс своё обращение, и транслятор отозвался трелью нарастающих и затихающих нот, таинственно схожих со звучанием храмового гонга.

— Приветствую Зииту, богиню вечного, чистого льда. Я ищу милости Зииты — властительницы страны льдов.

В ответ мне раздалась трель, хоть я и не видел рта издавшего её:

— Ты не ешь плоть, кровь и кость тех, кто ищет покровительства Зииты. Зачем ты тревожишь мой покой, чужестранец?

— Я ищу милости Зииты, придя не с пустыми руками, а как человек, знающий величие Девы Льдов.

Я протянул вперёд правую руку и положил на край ближайшего стола свой дар, выбранный мною после некоторого размышления — тонкую серебрянную цепочку с нанизанными на неё кусочками самоцветов, ярко сверкавших на солнце, подобно кристаллам на одежде Зииты. На внутренних мирах она не имела цены, но ценность вещей относительна на окраинных планетах.

— Ты не похож на моих людей, ты не их крови, — услышал я в ответ. Зиита даже не повернулась, чтобы осмотреть моё приношение, — но ты принёс хороший дар. Что ты попросишь у Зииты? Благополучного перехода через льды? Добрых мыслей, чтобы облегчить твои сны?

— Я прошу Зииту молвить слово на ухо могучему Таргу, чтобы, приближаясь к отцу, иметь благословление дочери.

— Тарг не имеет с дела с людьми твоей расы, чужестранец. Он страж и помощник бога тех, кто не принадлежит к твоему роду.

— Но если я пришёл с даром, разве не могу я поклониться Помощнику Бога?

— Да, наш обычай таков. Но ты — чужой, а Тарг может не захотеть съесть то, что приносят чужие люди.

— Пусть будет так Зиита, но замолви за меня слово перед служителями Тарга, и пусть он рассудит мои мольбы и мои побуждения.

— Просьба скромна и разумна, — ответила она, — это будет сделано.

Она не пошевелилась, но её сверкающие глаза взглянули на гонг. И хотя она ничем не коснулась его поверхности, он вздрогнул, и раздавшийся звук, казалось, затопил окрестности.

— Это сделано, чужестранец.

Она ушла прежде, чем я успел поблагодарить её, исчезла, будто эта сверкающая фигура была лишь призрачной вспышкой пламени, которое погасил внезапный порыв ветра. И хотя она пропала из виду, я, опасаясь быть заподозренным в невежестве, поднял руку и произнёс слова прощания.

Как и в первый раз, звук гонга не замолк, а продолжал плыть в воздухе, превратившись в чуть слышную вибрацию. Представленный таким образом, я направился к городу.

Путь оказался вовсе не таким далёким, как выглядел на первый взгляд, и я подошёл к воротам раньше, чем мои ноги устали скользить по обледеневшей земле. За воротами я встретил людей, чьи костюмы тоже были достаточно необычны, чтобы привлечь внимание.

Одежды из меха известны на многих планетах, где климат достаточно суров. Но таких как здесь, я не видел никогда. Судя по всему, ради этого мохнатого золотистого меха были убиты звери размером примерно с человека, а их шкуры не резались и перешивались, а надевались целиком, сохраняя естественную форму, так что если бы не человеческие лица, смотревшие из-под капюшонов в виде звериных голов, то жителей Сорнаффа можно было бы принять за вставших на задние лапы животных. Цвет их кожи был намного темнее их одежд, а глаза — узкими, словно их в течении многих поколений шурили, чтобы защитить от блеска сияющих на солнце льда и снега.

Охраны у ворот видно не было, но трое людей, вероятно, пришедших на звук гонга, приблизились ко мне и направили в мою сторону короткие стержни из прозрачного камня. Я не знал, было ли это оружие или знаки отличия, но послушно пошёл за ними по центральной улице.

Сорнафф был построен в форме круга и в центре его находился храм, тоже круглый, значительно большего размера, чем святилище Зииты.

Дверь в него была сравнительно узкой и оформлена довольно странно — в виде открытого человеческого рта. Это был дворец Тарга, где моему плану предстояло главное испытание.

Войдя в большую круглую комнату, я не почувствовал никакой разницы в температуре. Если в Сорнаффе и существовали какие-то системы отопления, то в храме

Тарга они не использовались. Но мороз, видимо, не беспокоил моих охранников и жрецов, находившихся внутри. Позади них, в противоположной входу стене было ещё одно изображение Тарга, снова в виде широко раскрытого рта.

— Я принёс дар Таргу, — начал я смело.

— Ты не из людей Тарга, — в этих словах, произнесённых одним из жрецов, не было протеста, а лишь тень предупреждения. Этот жрец поверх своих мехов носил ошейник из красного металла, на котором висели пластинки, украшенные камнями и покрытые узором, настолько плотным, что его было трудно рассмотреть.

— Но всё же я принёс дар во славу Тарга, быть может, такой, каких не видели его дети по крови.

Я достал лучший из зоранов, сине-зелёный камень почти правильной овальной формы, размером с мою ладонь и, повернувшись, протянул его одному из жрецов.

Он склонил голову, словно нюхая камень, затем высунил бледно-розовый язык и его кончиком прикоснулся к поверхности зорана. Осуществив эту странную проверку, жрец взял его у меня из рук и обернулся к огромному рту в стене. Он держал зоран большими и указательными пальцами обеих рук на уровне глаз.

— Вот пища для Тарга, и это хорошая пища, желанный дар, — произнёс он. За моей спиной я услышал тихий шорох и бормотание, будто вслед за мной в храм вошли другие люди.

— Это желанный дар! — отозвались остальные жрецы. Тогда он разжал пальцы и камень, упав в раскрытый рот, скрылся из глаз. Церемония закончилась. Жрец вновь повернулся ко мне.

— Ты чужестранец, но на один день и одну ночь, на два дня и две ночи, на три дня и три ночи ты свободен в городе Тарга и можешь вести свои дела в пределах стен, хранимых Таргом.

— Хвала Таргу! — ответил я и склонил голову. Но когда я оглянулся, то увидел, что у моего жертвоприношения и

в самом деле были зрители. Ими была, как минимум, дюжина закутанных в меха людей, внимательно наблюдавших за мной. И хотя они посторонились, предоставив мне выход на улицу, один из стоявших с краю шагнул вперёд и положил ладонь мне на руку.

— Чужестранец, Принёсший Жертву Таргу, — он произнёс это обращение, как титул, — есть некто, желающий поговорить с тобой.

— Я приветствую его. Но я поистине чужой в стенах вашего города, и нет крыши дома, под которой можно говорить.

— Есть крыша дома, и она находится там, — торопливо произнёс он, оглядываясь, словно боялся, что его перебьют. И в самом деле, ещё несколько человек шло к нам от дверей храма. Он сжал мой локоть и отвёл меня на несколько шагов в сторону.

Поскольку в моём деле важнейшую роль играла быстрота, я вполне был готов пойти с ним.

VII

По одной из боковых улиц незнакомец провёл меня к дому, который представлял собой миниатюрную копию святилища и храма. Двери в нём не было, не было даже закрывающего вход занавеса, но напротив проёма находилась ширма и, чтобы проникнуть внутрь, нужно было пройти между нею и стеной. Единственная комната была разделена меховыми пологам на множество закутков. Большинство из них были полностью закрыты, я слышал какое-то движение внутри, но никого не видел. Мой спутник подвёл меня к одному из этих закутков, откинул занавес и движением руки пригласил войти. Возле стены стояло нечто вроде кровати, также покрытой мехами. Он предложил мне сесть на неё, а затем сам присел на другой её край, на почтительном расстоянии от меня, и не мешкая перешёл к сути дела:

— Ты преподнёс Таргу великий дар.

— Это так, — ответил я, когда он сделал паузу, ожидая моего ответа, и сам перешёл в наступление, — я принёс его из-за небес.

— Ты пришёл из страны, где живут чужие?

Мне показалось, что я заметил подозрительность в его тоне. Мне не очень хотелось, чтобы меня что-то связывало с отщепенцами из инопланетного поселения.

— Нет. Я слышал о Тарге от моего отца много лет назад. Он рассказал мне об этом за небесами. Мой отец почитал Тарга, и я явился с даром, как он мне когда-то велел.

— Я слышал, — задумчиво произнёс мой собеседник, — что некогда приходил другой чужеземец, принесший дар Таргу, и он был великодушным человеком.

— Таргу? — переспросил я.

— Таргу, и другим богам тоже. — Мне показалось, что ему трудно передать словами то многое, что он хотел сказать. — Все люди желают умиловить Тарга прекрасными дарами. Но далеко не каждому выпадает такая удача.

— И ты, вероятно, один из таких людей? — я вновь решил пойти напролом. По-моему, его следовало как-то подтолкнуть, и я не видел другого способа сделать это.

— Возможно, — он уклонился от прямого ответа. — Старая легенда гласит, что чужеземец, который приходил, принёс с собой не одну диковинку со звёзд, а несколько, и раздал их тем, кто его попросил.

— Об этом история, рассказанная моим отцом, говорит другое, — ответил я. — Отец говорил, что чужестранец действительно отдал свои диковинки, но получил кое-что взамен.

Сорорисианец моргнул: «Ах да, в самом деле. Но он взял лишь маленький подарок на память, вещь не имеющую ценности и не нужную Таргу. И это было великодушно с его стороны.»

Я важно кивнул: «Это верно. А какова была природа этой вещи, лишённой ценности?»

— Она была похожа вот на эти камни. — Тут он встал с кровати и, опустившись на колени, нажал на панель в её

основании, как раз под тем местом, где только что сидел. Панель отошла в сторону и он извлёк наружу мешочек, откуда вытряхнул четыре необработанных камня. Едва разглядев их, я лишь большим усилием воли заставил себя промолчать. Хотя раньше я сам и не видел зелёных бериллов, то знал о них достаточно, чтобы понять, что это именно они, неогранённые и неотполированные. Мне хотелось взять их в руки, чтобы убедиться, что в них нет трещин и они годны для продажи.

— Что это такое? — спросил я, стараясь не проявлять видимого интереса.

— Это камни, которые находят у подножья большой ледяной стены, когда та отступает из-за бегущей с неё воды. Я храню их потому, что мой отец тоже рассказывал историю о страннике, который придёт и отдаст за них сокровище.

— И что же, ни у кого в Сорнаффе таких больше нет?

— Может быть. Они ни на что не годны — к чему держать их у себя дома? Когда я был юнцом, все смеялись надо мной из-за того, что я верю в старые сказки и храню у себя эти камни.

— Могу ли я посмотреть на эти камни из старой сказки?

— Да, конечно, — он порывисто схватил два самых больших камня и сунул их мне в руку, — смотри. Говорилось ли о них в твоей легенде?

Самый большой берилл был с трещиной посередине, но он вполне мог быть распилен на один кусок довольно приличного размера и два поменьше. Зато второй был очень хорош и нуждался лишь в небольшой обработке. И было ещё два камня, тоже довольно крупных. Продав их на аукционе, я мог бы получить прибыль большую, чем со всей задуманной мною сложной цепочки операций, начиная с зоранов.

Возможно, где-нибудь в Сорнаффе я мог найти ещё лучшие камни. Я помнил о людях, желавших подойти ко мне, прежде чем мой нынешний собеседник поспешил увести меня с собой. С другой стороны, заключив эту

верную сделку, я смогу скорее покинуть планету. Меня не покидало неприятное ощущение, что отсюда нужно исчезнуть как можно скорее. Признаков того, что уголовники из порта добрались так далеко на север не было, но я не мог быть в этом вполне уверен. А если меня всё же заметят и найдут шлюпку... Нет, всё, что мне сейчас нужно — это срочно закончить торговлю и побыстрее вернуться.

Я достал пакет и показал два небольших, среднего качества зорана.

— Тарг будет благосклонен к тому, кто принесёт ему это.

Сорорисианец подался вперёд, и его рука в меховой перчатке алчно потянулась к зоранам, словно стремясь поскорее схватить это сокровище. Но этого я не боялся. С тех пор как этим утром я принёс жертву Таргу, никто в течении трёх дней не мог тронуть меня, иначе на совершившего такое кошунство обрушится грозная кара божества.

— Принести дар Таргу... — дрожащим голосом произнёс он. — Великое счастье тому, кто сделает это!

— Мы воплотили в жизнь предание былых времён, ты и я, мы поверили в него, хотя другие смеялись над нашей верой, не так ли?

— Это так, чужестранец!

— Так поступим же наперекор насмешкам и превратим в быль старую сказку! Возьми себе это и дай мне взамен твои камни из холодной стены. И пусть станет так, как гласит легенда наших отцов.

— Да, да и да! — он протянул мне мешочек с камнями и схватил зораны.

Беспокойство покинуло меня — я достиг своей цели. «А теперь, как было верно сказано в старой сказке, — заключил я, — мне нужно вернуться за небо.»

Он едва взглянул на меня, не в силах оторваться от лежащих перед ним камней: «Пусть будет так.»

Поскольку он даже не двинулся, чтобы проводить меня к выходу, я положил мешочек с бериллами в карман комбинезона и вышел сам. Я не мог дышать свободно до

возвращения на корабль. Чем скорее я окажусь в безопасности, тем лучше.

На улице стояла толпа аборигенов, но, как ни странно, ни один из них не приблизился ко мне. Вместо этого они смотрели на дом, откуда я только что вышел, как будто я уже сообщил им, что за сделка там состоялась. Ни один из них ничем не помешал мне уйти. Тем не менее, пока я шёл (а не бежал, как мне хотелось бы) к воротам города, я с опаской посматривал по сторонам, не зная, насколько далеко простирается покровительство Тарга.

Когда же я покинул город, то увидел, что через поле, бывшее, когда я прилетел, таким пустынным, движется группа людей. Часть из них была одета в меховые костюмы местных жителей. Но там были двое, одетые в грязные и оборванные остатки инопланетных комбинезонов. Вероятно, они были как-то связаны с портом. В любом случае, отступать было поздно — я был уверен, что они уже заметили меня. Мне оставалось только одно — поскорее добраться до шлюпки и улететь.

Увидев меня, люди в комбинезонах остановились. Они были слишком далеко, чтобы я мог различить их лица под шлемами, и я был уверен, что моего лица они тоже не видят. Но они не могли не заметить мой инопланетный костюм. Он был новым и в хорошем состоянии, так что они могли догадаться, что я не из портовой компании.

Я подозревал, что они могут оставить своих спутников и броситься мне наперерез, и надеялся лишь на то, что они не вооружены. Мой отец обучил меня способам самозащиты, обобщающим опыт нескольких планет, где люди превратили в науку оборону при помощи лишь того оружия, что даровано природой. И я решил, что если вся группа не нападёт на меня одновременно, то шанс, пусть и небольшой, у меня всё же есть.

Но даже если иномиряне и замыслили подобное нападение, то осуществить его им не удалось, так как аборигены сомкнулись вокруг них и повели их к городским воротам. Скорее всего, те были пленниками. Судя по тому,

что я слышал об обитателях порта, они вряд ли пользовались особой симпатией со стороны местных жителей.

Наконец я миновал святилище Зииты и вскоре достиг шлюпки, тяжело дыша, отпер замок и забрался внутрь. Затем я щёлкнул тумблерами, запуская её в режим взлёта, и включил пеленгатор для возвращения на «Вендвинд». Ускорение так резко вдавило меня в кресло, что я отключился, словно от тяжёлого удара.

Когда же я пришёл в себя и вспомнил происшедшее, меня охватило ликование. Моя вера в правдивость старинной истории привела меня к успеху. Камни, лежавшие в кармане комбинезона, могли надолго избавить меня от забот, если, конечно, я смогу довести их до аукциона.

Я благополучно встретился с кораблём, развеяв тем самым последние опасения, и, скинув шлем и комбинезон, поднялся в контрольную рубку. Но прежде чем я успел сообщить свои радостные вести, я заметил, что Ризк чем-то сильно обеспокоен.

— Нас засекли!

— Что? — в любом обычном порту в этом не было бы ничего из ряда вон выходящего. В конце концов, чужой корабль, который вместо того, чтобы открыто приземлиться, висит на орбите в отдалении от посадочной трассы, рано или поздно привлечёт к себе внимание. Но по нашим предположениям на Сорорисе не могло быть необходимого оборудования. Порт не был защищён, так как он не нуждался в защите.

— Из порта? — переспросил я, до сих пор не веря услышанному.

— Вовсе нет, — впервые за много дней подал голос Ит. — Луч был со стороны порта, но его источник находился на корабле.

Это было ещё удивительнее. Насколько мне было известно, аппаратурой слежения оснащались только корабли Патруля, причём корабли не ниже второго класса. Такое оборудование, конечно, имелось и у Гильдии. Но опять же, корабль оснащённый этими приборами, должен принад-

лежать какому-то тамошнему боссу. А что делать важной персоне на Сорорисе, на этой свалке отбросов преступного мира?

— За нами долго следили?

— Не слишком. Вряд ли достаточно, чтобы всё выяснить, — отозвался Ит. — Так мне кажется. Но то, что они узнали недостаточно, интересует их ещё больше. Нам лучше уйти в гиперпространство.

— Какой курс? — быстро спросил Ризк.

— Лайлстэна.

Важно было не только то, что там действовал большой аукцион, где бериллы можно было быстро продать, но также и то, что Лайлстэна была одной из внутренних планет, давно освоенной, цивилизованной, даже слишком, пожалуй, цивилизованной. Конечно, у Гильдии были связи и там, как и везде, где можно извлечь прибыль. Но это был мир, где царили закон и порядок, и ни один корабль Гильдии не посмел бы открыто преследовать нас в её окрестностях.

Поскольку по условиям соглашения с Патрулём за нами не числилось никаких обвинений, мы были вольны лететь куда пожелаем. Ризк набрал на клавиатуре курс и предупредил о выходе в гиперпространство. Казалось, он боялся, что в любую секунду мы можем почувствовать, что нас удерживает луч захвата. Его тревога была так заметна, что даже передалась и мне, вытеснив на время всю радость от только что заключённой сделки.

Но радость вернулась вновь, когда, достав бериллы, я проверил их на трещины, взвесил, измерил и оценил возможную прибыль от их продажи. Если бы я был больше уверен в своих навыках, я мог бы попытаться огранить два меньших камня, но потом решил, что лучше подешевле продать их, чем испортить. Мне приходилось гранить камни, но только низкосортные, для тренировки.

Самый большой кусок нужно было распилить на три части, второй был без трещин, из двух оставшихся могло получиться ещё четыре камня, правда, не первоклассных.

Но зеленые бериллы этого вида настолько редки, что даже камни второго-третьего класса легко найдут хороших покупателей.

Вместе с Вондаром я бывал на аукционах на Балтисе и Амоне, хотя самого знаменитого — на Лайлстэне, не посещал. Только два планетарных года тому назад один из друзей Вондара занял там должность оценщика, и я не сомневался, что он вспомнит меня и поможет соблюсти местные формальности при продаже камней. Он даже мог бы предупредить кое-кого из возможных покупателей о том, какие камни будут выставлены к продаже. Я предавался мечтам и, перебирая пальцами бериллы, ткал канву своих фантазий, полагая, что с лихвой окупил свою глупость, совершённую на Лоргале.

Однако когда мы приземлились на Лайлстэне, и наш корабль зачихнул в дальний конец переполненного порта, я вдруг понял, что когда продажей занимался Вондар, а я был просто наблюдателем, выполняя функции секретаря и телохранителя, это было одно, а теперь, когда я один — совсем другое. Мне хотелось спросить совета у Ита и лишь потребность в самоутверждении удержала меня от такой просьбы.

Но когда я оделся в самое лучшее из того, что имелось в моём гардеробе, помня, что обитатели внутренних планет всех встречают по одежке, мутант сам обратился ко мне.

— Я с тобой. — Ит запрыгнул мне на плечо. Когда я повернул к нему лицо, контуры его тела сделались нечёткими, а затем прояснились вновь, и я увидел уже не Ита, а пууху. Разумно — в этом мире такой любимчик был, безусловно, символом престижа.

Я не мог отказать ему. Мне нужно было то чувство уверенности, которое давал мне Ит, просто сидя у меня на плече. Выйдя из какуты, я встретил в коридоре Ризка.

— Пойдёшь в город? — спросил его я.

Он отрицательно покачал головой.

— Не здесь. Для тех, кто не работает на картель, здесь

слишком дорого. Да и воздух для меня чересчур плотный. Останусь на борту. Ты надолго?

— Я встречу с Кафу, договорюсь об участии в аукционе, и если всё будет в порядке, сразу вернусь.

— Я запру корабль. Когда придёшь, подашь сигнал.

Это замечание меня несколько озадачило. Запирать корабль — значит ожидать неприятностей. Хотя, казалось бы, из всех планет в наибольшей безопасности можно было себя ощущать именно здесь.

На краю поля размещалась стоянка, где находились наёмные флиттеры. Я забрался в крайний из них и бросил в щель одну из своих последних кредитных пластинок, заняв машину до конца дня. Когда я назвал имя и адрес Кафу, флиттер взлетел и на небольшой высоте направился к центру города.

Лайлстэна была заселена так давно, что все четыре её материка в основном представляли собой огромные города. По непонятной причине местные жители не любили строить высотные здания — ни одно из сооружений не поднималось выше двенадцати этажей, хотя вниз они уходили, уровень за уровнем, на очень значительную глубину.

Автоматический флиттер плавно приземлился на крышу здания, зажёл сигнал «занято» и откатился в сектор ожидания. Я пересёк крышу, вновь произнёс имя Кафу в приёмник гравитационного лифта и в ответ услышал указание: «Четвёртый уровень, второй перекрёсток, шестая дверь.»

В лифте было полно людей, одетых в основном в щёгольские наряды, модные на внутренних планетах. Даже те, кто принадлежал к низким рангам, были облачены в камзолы, украшенные вышивкой, буффами и кружевами, на мой взгляд казавшиеся скорее нелепыми, чем элегантными. Зато мой собственный простой китель привлекал косые взгляды, что заставляло меня вспомнить про искусство галлюцинационной маскировки.

Четвёртый уровень вниз от поверхности свидетельство-

вал о том, что Кафу занимает достаточно высокое положение. Не то чтобы он был очень важной персоной — тогда у него была бы комната, или даже несколько, выше уровня земли с настоящими окнами. Но всё же его кабинет находился не на глубине двух или трёх миль.

Я нашёл второй перекрёсток и остановился перед шестой дверью. В неё был встроен селектор, а над ним находилась миниатюрная видеокамера, позволявшая хозяину видеть посетителей. Нажав пальцем на клавишу селектора, я услышал, как включилась камера.

— Мэрдок Джорн, — сказал я, — ассистент Вондара Астла.

Пауза, предшествовавшая ответу, была такой долгой, что я подумал, не отсутствует ли Кафу на месте. Наконец селектор прошелестел:

— Войдите. — Дверь откатилась в сторону, пропуская меня в комнату, интерьер которой являл разительный контраст с тем каменным домом на Сорорисе, где я заключил свою последнюю сделку.

Хотя вокруг здесь люди ходили в пёстрых и вычурных одеждах, эта комната была оформлена в мягких, приглушённых тонах. Мои ботинки утопали в упругом саммеадском мху, бледно-жёлтом живом ковре. Стены были увиты растениями, чьи искусно переплетённые стебли образовывали причудливые узоры.

В комнате находилось несколько скрытых в полу компенсаторов — устройств, которые при контакте с предметом удерживают его в воздухе, заменявших тем самым мебель. Лившийся с потолка свет был похож на мягкое сияние весеннего солнца. Напротив меня растения окружали открытое пространство. Казалось, будто там находится окно, откуда был виден простирающийся на многие мили пейзаж, причём не статичный, а меняющийся время от времени, и похоже, что там сменяли друг друга виды разных планет.

Рядом с этим «окном» в компенсаторе сидел Кафу. Он родился на Фотиане и его рост был ниже среднего для

землян. Его тёмно-коричневая кожа так плотно обтягивала хрупкие кости, что он казался жертвой дистрофии, едва живой от голода. Но его глаза ярко горели в глубоких глазницах, и в их взгляде, обращённом на меня, читалась некая тревога.

Вместо претенциозной лайлстэнской туники, на нём была одежда, принятая на его родной планете — строгий костюм, закрывающий его от шеи до щиколоток, с жёстким воротником и широкими рукавами, скрывающими кисти рук.

Над другим компенсатором висела столешница, где были разложены блестящие камни, которые он не то оценивал, не то раскладывал в виде узора.

Кафу резким движением сгрёб их в кучку, словно хотел очистить стол для дела, и они исчезли в широком кармане. Он коснулся лба пальцами в приветствии принятом у его народа.

— Вижу тебя, Мэрдок Джорн.

— А я — тебя, Кафу, — Фотианцы не терпели выпрених обращений, предпочитая внешнюю простоту, за которой скрывалось огромное чувство собственного достоинства.

— Прошло много лет.

— Пять. — Подбно тому, как на Сорорисе меня вдруг охватило беспокойство, так и в этой, увитой ухоженными растениями комнате, у меня внезапно возникло желание поскорее закончить свои дела и уйти.

Ит шевельнулся у меня на плече, и мне показалось, что в глазах Кафу мелькнуло любопытство.

— У тебя новый компаньон, Джорн?

— Это пууха, — пояснил я, скрывая нетерпение.

— В самом деле? Очень интересно. Но, по-моему, ты пришёл не для того, чтобы обсуждать инопланетные формы жизни и течение лет. Что ты хочешь мне сказать?

Тут я удивился. Кафу нарушил обычай, так быстро перейдя к сути дела. Он даже не предложил мне сесть или выпить чего-нибудь освежающего, проигнорировав эле-

ментарные приличия. Я не знал, было ли это признаком враждебности или же чем-то другим. Очевидно было одно — принимали меня безо всякого радушия.

Я решил, что на такой приём следует ответить не меньшей прямолинейностью:

— У меня есть камни для аукциона.

Кафу поднял руки в жесте, который у его народа означал отказ.

— Тебе нечего продавать, Мэрдок Джорн.

— Нечего? А как насчёт вот этого? — Я положил на ладонь лучший из бериллов и подставил его под луч света. И я заметил, что этот свет обладает особыми свойствами — ни один фальшивый, отреставрированный или треснувший камень под ним не мог скрыть своих изъянов. В том, что мой зелёный берилл пройдёт эту проверку, я не сомневался.

— Тебе нечего продавать, Мэрдок Джорн. Ни здесь, ни на других законных аукционах или в торговых домах.

— Почему? — Его отчуждённость вызывала тревогу. Такой человек, как Кафу, не стал бы лгать, чтобы сбить цену. Если он говорит, что продать камни нельзя, значит так и есть, и любой законный рынок передо мной закрыт. Но оглушённый таким ударом, я ещё не пришёл в себя.

— Власти занесли тебя в список, как не заслуживающего доверия, — сообщил оценщик.

— По чьему требованию? — я в отчаянии ухватился за единственный способ спасения. Если у клеветника есть имя, я могу потребовать открытого разбирательства, конечно, предполагая, что я в состоянии оплатить издержки.

— С другой планеты. Имя — Вондар Астл.

— Но он мёртв! Он был моим хозяином, и он мёртв!

— Именно так, — согласился Кафу. — Но это было сделано от его имени с заверением его личной печатью.

Это означало, что сопротивление бесполезно, по крайней мере сейчас, когда я не в состоянии заплатить колоссальные суммы экспертам, которые будут вести это дело, причём, возможно, в судах нескольких планет.

Если я попал в список, ни один порядочный торговец

не станет вести со мной дел. Кафу утверждает, что меня внесли туда от имени мертвеца. Но кто, и зачем? Патруль, не оставивший надежды втянуть меня в свою игру с поиском источника Камней Предтеч? Гильдия?

Камень Предтеч — и в самом деле, я давным-давно не вспоминал о нём, увлечённый своими торговыми операциями. Похоже, он снова, как яд, просочился в мою жизнь, чтобы разрушить её.

— А жаль, — продолжил Кафу, — камни, кажется, замечательные.

Я сложил бериллы в мешочек и убрал его в карман. Потом я поклонился, стараясь сохранить предельно бесстрастное выражение лица.

— Я прошу Вас великодушно простить меня за беспокойство.

Кафу ответил сдержанным жестом.

— У тебя есть могущественный враг, Мэрдок Джорн. Тебе следует гулять тихонько и внимательно присматриваться к теням.

— Если я вообще пойду гулять, — пробормотал я, ещё раз поклонился и покинул комнату, где мой триумф рассыпался в прах.

Это был конец. Я потеряю корабль, потому что не смогу оплатить стоянку и портовые власти арестуют его. Мало толку от камней, которые невозможно законно продать.

Законно...

— Да, возможно, именно этого они и хотят, — продолжил мою мысль Ит. — Но если осталась только одна дорога, придётся пойти по ней.

VIII

На большинстве планет найти человека, занимающегося нелегальной скупкой драгоценностей было бы намного проще, чем на респектабельной Лайлстэне. Здесь у меня не было никаких связей. И всё же мне не давал покоя какой-то неуловимый намёк, прозвучавший в словах Кафу.

Как он сказал? «Тебе нечего продавать на законных

аукционах и в торговых домах.» Подчеркнул ли он слово «законных»? Не было ли это попыткой подтолкнуть меня к нелегальной сделке, чтобы затем получить долю от стоимости товара, положенную информатору? По отношению к человеку менее порядочному, чем Кафу, такие опасения могли быть оправданными. Но я был уверен, что фотианин не пожертвует своим добрым именем ради такого грязного дела. Вондар всегда относился к Кафу как к человеку, на которого можно положиться, и между ними была старая и крепкая дружба. Не промелькнула ли в его словах доброжелательность ко мне и не попытался ли он незаметно подсказать мне, что делать? А может быть я просто пытаюсь в отчаянии выдумать какой-то вариант спасения, и позволяю своему воображению заглушить здравый смысл?

— Нет, это не так. — Ит вновь прервал ход моих мыслей.

— Ты прав, полагая, что он был настроен к тебе доброжелательно. Но в комнате было что-то, мешавшее показать это открыто.

— Слежка?

— Какое-то подслушивающее устройство. Я не очень хорошо разбираюсь в такого рода механизмах. Поэтому Кафу говорил не только для твоих ушей, думая совсем другое, и он сожалел о том, что ему приходилось делать. Кстати, такое имя как Тэктайль, тебе ничего не говорит?

— Тэктайль? — переспросил я, раздумывая о том, кто и почему установил слежку за Кафу. Единственное, что я смог предположить, это что Патруль до сих пор не отступился от своего, и продолжает оказывать давление, чтобы заставить меня принять схему, которую предложил мне человек, навязывавший выбранного ими пилота.

— Да, да! — нетерпеливо подтвердил Ит. — Но сейчас главное — не прошлое, а будущее. Кто такой Тэктайль?

— Я не знаю. А к чему это?

— Это имя промелькнуло в мыслях Кафу, когда он намекал на нелегальную сделку. И ещё была смутная картина какого-то дома с островерхой крышей. Я не успел

уловить больше ничего, а через мгновение всё исчезло. У Кафу есть зачатки телепатических способностей и он почувствовал мысленное прикосновение. К счастью, он отнёс это на счёт следящего устройства и не заподозрил нас.

Нас? Неужели Ит вдруг решил мне польстить?

— У него был защитный экран, — продолжал мутант, — достаточно надёжный, чтобы пресечь перехват. Но этот Тэктайль — мы должны найти его.

— Если он подпольный скупщик камней, то он может быть просто приманкой в чьей-то ловушке.

— Думаю, что нет. Кафу рассматривал его как вариант разрешения твоих трудностей. Хотя о нём ничего не известно, кроме того, что он находится на этой планете.

— Что утешительно, — заметил я, — но всё равно, я боюсь, что мне может не хватить жизни, если я стану искать его, зная только имя. Это, между прочим, один из самых густонаселённых миров во внутренних системах.

— Правильно. Но если Кафу решил, что Тэктайль может тебе помочь, то и другие скупщики камней должны о нём знать. И я могу предложить...

Но на этот раз я его опередил: «Я обхожу их всех подряд, как будто не знаю, что занесён в список. А ты перехватываешь их мысли. Правильно?»

Это должно было сработать, хотя, конечно, в этой ситуации я буду целиком зависеть от Ита. Кроме того, увидев качество моих камней, какой-нибудь из торговцев рангом пониже мог сам решиться на подпольную сделку. Я решил начать с тех, что попроще.

Уже вечерело, когда мой поход за отрицательными ответами закончился. Внешне результаты были разочаровывающими. Конечно, многие торговцы с сожалением смотрели на предложенные мною камни, но всё же отвечали, что я в списке, и в итоге дело не выгорало. Зато Ит всюду занимался своим мыслечтением, и когда я, страшно уставший, добрался до своей койки на корабле, положение уже не выглядело таким безнадёжным. Мы знали теперь,

кто такой Тэктайль, а также, что он находится совсем недалеко, в припортовых кварталах.

Он занимался тем же, чем когда-то и мой отец — принимал в заклад у космолётчиков, чересчур усердно вкушавших местные удовольствия, их небольшие сокровища в обмен на скромные суммы, которые либо вновь просаживались за игорным столом, либо помогали не помереть с голоду до следующего фрахта.

Держа закладную лавку, он непременно должен был пересекаться с Гильдией, независимо от того, насколько хорошо полиция следила за его заведением. Но присутствовало одно обстоятельство, странное и немаловажное одновременно. Тэктайль был вайверном — мужчиной с Варлока. Покинув по каким-то причинам свой мир, где царил матриархат, и перебравшись на Лайлстэну, он сохранил гражданство своей родной планеты и контакты с ней. А с Варлоком даже Патруль предпочитал не ссориться. Таким образом, заведение Тэктайля являлось, в некотором роде, представительством его планеты. Связь Тэктайля с правящими Варлоком женщинами была неясной, но он выполнял какие-то их поручения, что придавало ему полудипломатический статус, позволявший время от времени преступать некоторые правовые ограничения.

«Тэктайль» не было его настоящим именем, а лишь человеческим приближением к звукам его языка — на Варлоке звуковой речью пользовались только мужчины, женщины же были телепатками.

— Ну? — передо мною появился Ризк. — Как успехи?

Не было смысла скрывать от него худшее. Я думаю, он не стал бы сбегать с корабля прямо сейчас.

— Плохо. Я занесён в чёрный список. Никто не покупает.

— Вот как? Мы улетаем прямо сейчас или утром? — Пилот прислонился к стене каюты. — Мне терять нечего. Всегда можно попытаться сменить профессию. — Его тон был сухим, но в нём сквозило холодное отчаяние выброшенного на планету космолётчика.

— Мы никуда не летим, пока я не нанесу ещё один визит этой ночью.

Время, как обычно, работало против нас. Мы должны были в течении двадцати четырёх часов оплатить стоянку, иначе корабль опечатают и конфискуют.

— Но не как Мэрдок Джорн, — закончил я. У меня возникла ещё одна маленькая идея. Если я внесён в список, то корабль и его команда, в том числе, возможно, даже Ит, могут быть известны и находиться под наблюдением, а значит, мне нужно использовать маскировку. И я уже размышлял о том, что необходимо для этого сделать.

— Дождаться темноты, потом выйти через пассажирский терминал порта... — произнёс я вслух.

Ризк затряс головой: «Ничего не получится. Там перехватят кого угодно, даже посыльного Гильдии. На выход наведены все сканеры в округе. Они засекают всех подозрительных.

— Я всё же попробую. — Но я не сказал ему, как собираюсь это сделать. Мои опыты в этом искусстве всё ещё были секретом.

Мы поужинали и Ризк отправился в свою каюту, я думаю, чтобы предаться мрачным мыслям о надвигающемся будущем. Маловероятно, что он сильно верил в меня. И не исключено, что он был в этом прав.

Я уселся перед зеркалом. Простенькие штучки вроде шрама теперь не годились. Я сменил одежду, сняв свой китель и надев поношенную форму нижнего чина с торгового корабля. Затем я сосредоточился на своём отражении. В качестве образца я взял найденный где-то маленький стереоснимок. Не надеясь создать точную копию, я хотел добиться частичного сходства. Мобилизовав всю свою энергию, до самой последней капли, я дрожал от изнеможения, когда, наконец, увидел перед собой новое лицо. Теперь у меня была чуть зеленоватая кожа уроженца Зорастейна, большие глаза и проступающие под тонкими, почти бесцветными губами клыки. Если иллюзию удастся удержать, никто не признает во мне Мэрдока Джорна.

— Не совершенно. — Комментарий Ита оторвал меня от созерцания своей новой внешности. — Типичное для новичка стремление к эксцентричности. Но в данном случае годится, вполне годится. Это внутренняя планета и здесь полно народу с разных кораблей.

Ит — я обернулся, чтобы взглянуть на него, — больше не был пуухой. Но и Итом тоже. На моей койке лежало нечто, похожее на змею с узкой, стреловидной головой. Несомненно, Ит намеревался отправиться со мной. Я не мог в такой момент зависеть только от своих несовершенных человеческих органов чувств, а результат визита к Тэктайлю был важнее моего самолюбия.

Рептилия обвилась вокруг моей руки словно большой браслет. Мы были готовы к выходу, но не собирались покидать корабль открыто. Вместо этого я пробрался к люку над стабилизатором, и под прикрытием его тени выбрался из корабля по ремонтному трапу.

У меня был с собой идентификационный диск Ризка, но я надеялся, что мне не придётся предъявлять его. К нашему счастью, с одного из межсистемных кораблей спускалась большая группа пассажиров, беспорядочно передвигавшихся затем через поле. Так же, как и на Фебе, я смешался с пассажирами и добрался до толпы у ворот. Предъявив свои документы, я смогу спокойно покинуть порт, а сканеры, будучи лишь машинами, не сообщат, что моя внешность изменилась по сравнению с прошлым разом. По крайней мере, я на это надеялся, продолжая двигаться вместе с космолётчиками, направлявшимися в кварталы развлечений.

Этот район, по крайней мере его центральные улицы, был не таким ярко освещённым и дурнопахнущим как тот, где я нашёл Ризка. Мне не пришлось идти далеко — островерхая крыша дома Тэктайля была хорошо видна от самых ворот. Похоже, что её странная форма была своего рода вывеской.

Крыша была такой крутой, что карнизы нависали над стенами почти вертикально. На фасаде совсем не было

окон, но была входная дверь, такая высокая, что казалась уже, чем на самом деле, легко распахнувшаяся при первом же моём прикосновении.

В закладных лавках для меня не было ничего таинственного. Между двумя стойками тянулся узкий проход. За каждой из стоек вдоль стен располагались полки с заложенными вещами, прикрытые чуть дымчатым силовым полем. Похоже, дело Тэктайля процветало, так как в лавке находилось четверо приказчиков, по двое с каждой стороны. Один из них был земных кровей, другой — тристианином с пёрышками на голове. Расу третьего приказчика, стоявшего ближе всех ко мне, серокожего и покрытого бородавками, я определить не смог, но за ним стоял четвёртый, сам факт присутствия которого в этом месте показался мне по меньшей мере странным.

В галактике существует древнейшая раса, высокоучёная и пользующаяся огромным уважением — закатане, ведущие происхождение от ящериц. Они — историки, археологи, учителя, исследователи. Я никогда не видел, чтобы кто-то из них занимался делом, связанным с наживой. Но ошибиться было невозможно — чужак, в развязной позе стоящий рядом со считывающим устройством и заряжающий туда ленту, был закатанином.

Серое существо сонно хлопнуло глазами, тристианин, казалось, был погружён в свои грустные мысли, а землянин расплылся в заискивающей улыбке и подался вперёд.

— Приветствую Вас, Благородный Человек. Ваше удовольствие — радость для нас. — Он произнёс традиционное приветствие его коллег. — Деньги на руки, никаких промедлений, всё для вашего удобства.

Но я хотел иметь дело непосредственно с хозяином, а это было связано с некоторыми затруднениями, если только у вайверна не было связей с Гильдией. Если таковые были, я мог воспользоваться знанием кодовых фраз, которым научился от отца. Но это было связано с риском. Если Тэктайль честен и захочет защитить свою репутацию, прибегнув к помощи Патруля, то мне могли

грозить серьёзные осложнения. А если он сам принадлежит к Гильдии, то происхождение моих камней станет предметом его пристального внимания.

В любом случае, риск был, а действовать надо было быстро.

Я точно знал цену, отступать ниже которой не собирался, и вовсе не был настроен терять больше денег, чем возможно. Многозначительно посмотрев на землянина, я произнёс фразу, которая, как я надеялся, должна была сработать, если только код не изменился.

— Во имя шести рук и четырёх желудков Сапута, — пробормотал я, — мне нужна помощь.

Приказчик никак не проявил интереса. Он был опытен и осторожен.

— Ты призываешь Сапута, друг. Давно ли ты ушёл от Джангур?

— Не настолько давно, чтобы забыть, что хотел вернуться. Её слезы заставляют меня помнить, слишком многое помнить.

Я произнёс три кодовые фразы Гильдии, в былые дни означавшие необычную добычу, достойную глаз только самого хозяина. Я хорошо запомнил их, когда сам стоял за стойкой в заведении моего отца.

— Да, Сапут редко бывает добр к иномирным. Здесь ты найдёшь лучший приём, друг.

Он положил одну руку на стойку ладонью вниз, а другой поставил передо мной блюдо с леденцами, словно я был покупателем в дорогом магазине. Я взял верхний леденец, положив на его место самый маленький из бериллов, и быстрым движением глаз указал приказчику на него. Он взял блюдо, и убрал его под стойку, где, как я знал, находилось небольшое видеоустройство, передававшее изображение Тэктайлю.

— Что у тебя есть, друг? — продолжил приказчик вкрадчиво. Я выложил перед ним один из зоранов похуже. Приказчик быстро осмотрел его.

— Камень с трещиной. Но так как это первый зоран за

последнее время, мы сделаем всё возможное. Закладываешь или продаёшь?

— Продаю.

— Мы имеем право только принимать в заклад, но не покупать. Для продажи тебе нужно поговорить с хозяином. А он часто бывает не в духе. Лучше заложить. Три кредитки.

Я помотал головой, как туповатый нижний чин, настаивающий на более высокой цене.

— Четыре и окончательная продажа.

— Хорошо, я спрошу хозяина. Но если он скажет «нет», то не будет ничего, даже залога, друг, и ты потеряешь всё.

Он занёс палец над кнопкой вызова и замер, будто ожидая, что я изменю своё решение.

Я отрицательно покачал головой и приказчик со скорбной миной нажал на кнопку.

К чему был весь этот спектакль, я не понял. Кроме меня в лавке никого не было, а остальные клерки, конечно же, прекрасно понимали код. Единственным объяснением было то, что он опасался следящих устройств, по крайней мере, в торговом зале.

Возле кнопки вспыхнул световой сигнал и приказчик указал мне в глубь лавки.

— Не говори потом, что тебя не предупреждали. Хозяина вряд ли заинтересует твой камень и ты потеряешь всё.

— Разберёмся, — пока я шёл мимо остальных приказчиков, никто из них даже не посмотрел в мою сторону. Когда же я дошёл до конца прохода, стенная панель откатилась в сторону и я оказался в кабинете Тэктайля. Я ничуть не удивился, увидев блюдо с леденцами у него на столе. Зелёный берилл лежал рядом, сверкая в потоке света. Вайверн поднял своё гротескное лицо и его глубоко посаженные глаза уставились на меня. Я порадовался, что в отличие от женщин с его планеты, он не может читать мои мысли.

— У тебя ещё есть такие? — спросил он напрямую.

— Да, и даже лучше, — я показал остальные камни.

- Находятся в розыске?
- Нет, добыты обычной торговлей.

Тэктайль беспокойно постучал костяшками пальцев по столу.

- Твои предложения?
- Четыре тысячи немедленно по получении товара.
- Ты не в своём уме, незнакомец. Это цена легальной продажи.

— На аукционе они будут стоить в пять раз дороже, — хозяин не предлагал мне сесть, но я сам уселся с другой стороны стола.

— Если ты желаешь получить двадцать тысяч, так и продавай их на аукционе. Если камни в самом деле чистые, то нет причин этого не делать.

— Причина есть.

— Ладно, годится. Четыре и они уйдут с планеты. Наличные?

Я с облегчением вздохнул про себя. Я выиграл — он принял меня за контрабандиста Гильдии.

— Депозит в порту.

— Хорошо, очень хорошо! — раздались в моей голове слова Ита. — Он слишком испуган, чтобы обманывать нас.

Тэктайль поставил перед собой записывающее устройство.

— Имя?

— Ит, — ответил я, — кредит в порт на четыре тысячи на имя Ита. По двукратному устному запросу, — я назвал номер счёта.

Я прибыл на Лайлстэну с большими надеждами, а покину её, едва сумев оплатить счета за стоянку и пополнение припасов, и успев вступить в контакт, который очень даже мог встревожить моих врагов.

Я выложил бериллы на стол и вайверн быстро схватил их. По тому, как он их осмотрел, я понял, что в камнях он кое-что понимает. Затем он кивнул и продиктовал подтверждающий сделку приказ.

Я вновь пересёк лавку, и теперь уже ни один из

приказчиков не обратил на меня внимания, словно я стал невидимым.

Когда я вышел, Ит сказал:

— Неплохо было бы обмыть удачу в «Пурпурной Звезде».

Это предложение было настолько неожиданным, что я просто остолбенел. Куда умнее было бы поскорее добраться до корабля, подготовиться к старту и покинуть планету прежде, чем мы столкнёмся ещё с какими-нибудь неприятностями. Но как я знал из прошлого опыта, предложения Ита никогда не бывали бессмысленными.

— Тот закатанин, что работает у Тэктайля, — размеренно, словно читая с ленты, сообщил Ит, — охотится за некой информацией. Тэктайль ею владеет. Через час вайверн встречается с кем-то в «Пурпурной Звезде», и это очень важно.

— Но не для нас, — возразил я. Меньше всего мне хотелось влезать в ещё какое-то тёмное дело, тем более связанное с Гильдией.

— Не с Гильдией, — сказал Ит. — Тэктайль — не их человек, хотя и ведёт с ними дела. Это другое, какой-то пиратский рейд.

— Это нас не касается.

— Ты занесён в список. Если это сделал Патруль, то ты сможешь откупиться, передав им ценную информацию.

— Как тогда? Я не уверен, что этот трюк пройдёт во второй раз. Да и информация, наверное, похуже.

— Тэктайль был взволнован, его мучили сомнения. Он представлял себе будущее, — продолжал Ит. — Возьми меня в «Пурпурную Звезду», и я выясню, что его так искушает. Если ты уже попал в список, то куда ты денешься? Давай купим себе свободу. Мы ещё слишком далеки от источника Камней Предтеч.

Источник Камней Предтеч превратился для меня в полузабытую мечту, его заслонили сиюминутные заботы о том, как заработать на жизнь. Чутьё подсказывало мне, что Ит предлагает очертя голову броситься под метеоритный

дождь, но монета имела и другую сторону. Предположим, он сумеет подслушать беседу между вайверном и неизвестной нам персоной. Дело, вероятно, достаточно серьёзное, если закатане решили ради него внедрить в заведение Тэктайля своего агента. Между прочим, выпивка в баре для космолётчиков только укрепит созданный мною образ инопланетного нижнего чина, провернувшего удачную сделку в закладной лавке.

— Четыре дома назад, — продиктовал Ит. Обернувшись, я заметил невдалеке пять пурпурных огоньков.

Это было одно из первоклассных и очень дорогих питейных заведений, и когда я, стараясь держаться как можно увереннее, зашёл внутрь, швейцар посмотрел на меня вопросительно. Мне показалось даже, что он хотел было остановить меня, но потом передумал.

— Сядь за столик справа, под маской Юты, — приказал Ит. Рядом был ещё один, но портьеры вокруг него были задёрнуты, чтобы сидящие оказались в уединении. Я занял место и заказал роботу-официанту самый дешёвый напиток из имевшихся в баре — большего я себе позволить не мог, а пить я в любом случае не собирался.

Освещение было неярким. Среди разнообразных посетителей большинство составляли земляне. Тэктайля я не заметил. Ит шевельнулся у меня на плече, и его узкая голова указала на перегородку между мною и занавешенным столиком.

— Тэктайль прибыл, — объявил мутант. — Он за этой панелью. Его партнёр тоже там. Они пишут друг другу записки на скрайбере.

Я слышал тихие голоса и могло показаться, что сидевшие позади меня люди просто беседуют на отвлечённую тему, хотя их пальцы в это время скользили по панели скрайбера, гарантирующего защиту от любого следящего устройства. Но мысли их были заняты настоящим делом, а потому эта уловка не могла защитить их от Ита.

— Это пиратская операция, — сообщил мой компаньон, — но Тэктайль отказывается от участия в ней. Он слишком осторожен. Жертвы — действительно закатане.

— Вероятно, какая-то археологическая находка.

— Верно. Видимо, очень значительная. Это уже не первая операция такого рода. Тэктайль говорит, что риск слишком велик, но другой утверждает, что всё продумано очень тщательно. На расстоянии многих световых лет нет ни одного корабля Патруля и всё будет очень просто. Вайверн стоит на своём и предлагает попробовать что-нибудь другое. Теперь он встаёт и уходит.

Я поднял стакан, но пить из него не стал.

— Где и когда произойдёт рейд?

— Он думал о координатах, когда вёл беседу. Но когда — неизвестно.

— Тогда — ничего интересного для Патруля, — проговорил я уныло и выплеснул на ковёр большую часть содержимого моего стакана.

— Ничего, — согласился Ит. — Но у нас есть координаты и мы можем предупредить потенциальных жертв.

— Слишком рискованно. Не исключено, что на них уже напали. И чем тогда мы объясним своё присутствие там, если нас поймают.

— Это закатане, — напомнил мне Ит, — от них нельзя скрыть правду, они телепаты.

— Но ты не знаешь, когда случится нападение, может быть, прямо сейчас.

— Вряд ли. С Тэктайлем они потерпели неудачу. Теперь им необходимо найти другого покупателя и уговорить его. На Сорорисе ты выиграл партию. Возможно, это — другая, причём с возможностью большого выигрыша. Заручись поддержкой закатан, и твоё имя уберут из чёрного списка.

Я поднялся и, выйдя на шумную улицу, направился в порт. Похоже, Иту удалось убедить меня — логика и факты были на его стороне. Занесённый в список не может вести торговлю. Но если мне удастся предупредить закатан, то в их лице я найду могущественных покровителей. Кроме того, поскольку они занимаются древностями то и сама их находка, имеющая такую ценность, может оказаться связанной с Камнями Предтеч.

— Вот именно, — в мысли Ита прозвучало самодовольство. — А теперь я советую поскорее убираться с этой планеты.

Я вернулся на корабль, пытаясь отгадать, как Ризк отнесётся к этим новым идеям. Идти против пиратов означало не искать лёгкой жизни. Скорее уж быстрой смерти. Хотя, если в этом деле замешаны закатане, перевес мог оказаться и на нашей стороне.

IX

Под нами расстилалась планета цвета янтаря. Не земного янтаря медового цвета или цвета масла, а янтаря с Сирены, охрающего, с чуть заметным зелёным оттенком. Зелёный цвет обозначал поверхность океанов. Больших массивов суши не было — лишь россыпи островов и архипелагов, из которых только два казались пригодными для посадки.

Ризк был взволнован. Услышав координаты, добытые нами в «Пурпурной Звезде», он сперва запротестовал, заявив, что этот мир находится за пределами всех известных ему карт. Но я думаю, что когда он осознал куда мы полетим, в нём проснулся его инстинкт вольного торговца.

Мы осторожно вышли на орбиту. Планета под нами была пуста — ни городов, ни других признаков присутствия разумной жизни. Тем не менее, мы решили применить ту же тактику, что и на Сорорисе: мы с Итом оставляем корабль на орбите и совершаем вылазку на шлюпке. Казалось логичным, что два самых больших острова могли быть наиболее вероятным местом раскопок, и я остановил свой выбор на северном.

Мы высадились на рассвете. Ризк, повозившись со шлюпкой, к первоначальным изменениям добавил новые, и теперь её можно было переключать с автоматического управления на ручное. Он терпеливо обучал меня до тех пор, пока не убедился, что я смогу им пользоваться. Навыков космического пилота у меня не было, но я с детства умел водить флиттер, а управление шлюпкой было не намного сложнее.

Ит, вновь приняв свой естественный облик, свернулся

в клубочек в соседнем кресле, предоставив мне вести шлюпку. Когда пейзаж на экране стал чётче, я понял, что остров сплошь покрыт лесом, состоящим из деревьев или каких-то напоминающих деревья растений, чьи похожие на кружево листья раскачивались на изящных стволах толщиной всего в два моих кулака и, наверное, метров десяти-двенадцати в высоту. Цвет листвы менялся от ржавого до бледного жёлто-зелёного, а кора имела тёмно-красный оттенок. Между деревьями не было заметно ни одного просвета, где могла бы приземлиться шлюпка. Я перешёл на ручное управление и начал на малой высоте облетать остров, выискивая место для посадки, обнаружив в конце концов полянку, выглядевшую настолько нетронутой, что я было решил, что ошибся островом, и мне следует отправиться на юг.

В этом месте деревья были немного ниже. За ними начиналась полоса красного песка, ярко сверкавшего в лучах восходящего солнца. Его омывали волны моря, зелёного, как безукоризненный изумруд с Земли. Там, на пляже, я заметил первый след чужого присутствия — большое пятно спёкшегося в стекло песка, расплавленно-го тормозными ракетами, — место посадки корабля. Я пролетел ещё немного вдоль опушки леса над самыми макушками деревьев, надеясь обнаружить неподалёку следы археологического лагеря.

Воздух на этой планете был пригодным для дыхания и шлем вполне можно было снять. Помимо обычного снаряжения, я прихватил с собой одну вещь, изготовленную Ризком. У нас не было с собой ни лазеров, ни станнеров, но бывший вольный торговец сумел соорудить самодельное оружие — нечто вроде пружинного ружья, стрелявшего небольшими дротиками, в наконечники которых были, по моему предложению, вставлены зорановые иглы. На них пошли те камни, в которых было слишком много трещин. Эти иглы я изготовил при помощи своего ювелирного инструмента, и они были смертельно опасны.

Мне приходилось пользоваться и лазером, и станнером, но моё теперешнее оружие было на короткой дистанции,

пожалуй, даже более грозным. Я взял его с собой только из страха столкнуться с командой пиратского корабля. За долгое время пребывания в космосе люди поняли, что нельзя поддаваться инстинкту, призывающему атаковать всё, что кажется странным и опасным. В сознании первых колонистов даже устанавливали специальные блоки. Такие меры предосторожности принимались до тех пор, пока люди не привыкли спокойно относиться к кажущейся постоянной враждебности окружающего мира. Но тем не менее, время от времени оружие всё-таки применялось, и чаще всего — против своих же сородичей.

Станнер, воздействие которого на противника было временным, разрешалось носить свободно. Лазер же, как оружие боевое, был недоступен большинству путешественников. У меня было разрешение на ношение обоих видов оружия, но так как я в своё время был на подозрении у Патруля, я не мог в течение года продлевать его. Конечно, теперь я был «прощён», мне великодушно извинили проступок, которого (это обстоятельство почему-то упустили из виду) я никогда не совершал. Впрочем я не испытывал особого желания требовать у них продления разрешения и давать им тем самым лишнюю возможность проконтролировать меня.

И теперь, выбираясь из шлюпки с Итом на плече, я был очень рад, что Ризк снабдил меня таким самострелом. Правда, мир вокруг меня вовсе не казался враждебным. Солнце было ярким и тёплым, но отнюдь не жарким. А ветерок с моря, колеблющий листья деревьев, был напоен таким ароматом, что попади сюда житель Саларика, он упал бы в обморок от удовольствия. Оказавшись на земле, я с восхищением осмотрел гроздь растущих на стволах похожих на папоротники растений чудесных алых цветов с золотыми и бронзовыми каёмками, вокруг которых, басовито жужжа, вились насекомые. Я шёл по пляжу вдоль опушки, пока не добрался до стеклянного пятна, созданного жаром ракет какого-то корабля. И там я увидел то, что не сумел разглядеть сверху — тропинку, ведущую в глубь

леса. Я не разведчик, но элементарная осторожность подсказывала мне, что по этой дороге не следует идти открыто. Однако вскоре стало ясно, что прорубать в зарослях параллельный проход слишком трудно. Задевая по плечам и лицу, соцветия издавали острый пряный запах, хотя и приятный, но чересчур сильный. В конце концов, этот запах, вместе с немилосердно царапающей кожу жёсткой листвой, заставил меня вернуться на тропу.

Хотя папоротники и были вырублены, чтобы освободить путь, но листья соседних растений словно купол смыкались над дорожкой, погружая её в прохладный полумрак. Земля под ногами была испещрена следами роботов-носильщиков. Я даже не мог понять, почему, облетая остров на шлюпке, так и не заметил лагерь, судя по всему обустроенный достаточно основательно.

Неожиданно тропа превратилась в траншею с крутыми краями, полностью укрытую в тени растений. С каждым шагом она становилась всё уже и глубже. К тому же, уже совсем стемнело. Я замедлил движение и тихо крался вперёд, внимательно прислушиваясь, хотя пение ветра в листве заглушало любые звуки.

— Ит! — нуждаясь в большем количестве информации, чем предоставляли мои пять чувств, я обратился к своему компаньону.

— Пока ничего, — подняв голову, он медленно поворачивал ею из стороны в сторону, — это древнее, очень древнее место. И здесь недавно были люди... — Неожиданно он замер, и я почувствовал, как напряглось его маленькое тельце.

— Что это?

— Запах смерти. Впереди — смерть.

— Опасность для нас? — я взял наизготовку своё оружие.

— Сейчас — нет. Но здесь присутствует смерть.

Края траншеи теперь полностью сомкнулись над головой, превратив тропу в тоннель. Впереди была полная темнота. У меня был фонарик, но я не хотел включать его здесь, боясь привлечь к себе чьё-либо внимание.

— Там кто-нибудь есть? — спросил я у Ита, остановившись в нерешительности у входа в тоннель.

— Ушли, — ответил он, — но совсем недавно. Хотя нет, остался какой-то след жизни, очень слабый. Там есть кто-то живой. Чуть живой.

Ответ был довольно туманным, и я по-прежнему не решался продолжить путь.

— Для нас опасности нет. Я вижу боль, но нет ни злобы, ни ожидания нашего прихода. Только боль.

Я наконец решился включить фонарик, который осветил каменные стены, сложенные из огромных блоков, так плотно пригнанных друг к другу, что стыки представляли собой едва заметные линии без всяких следов раствора. Эти стены блестели, словно отполированные или покрытые лаком. Их тускло-красный цвет неприятно напоминал цвет крови.

По мере нашего продвижения тоннель расширялся. Неожиданно стены разошлись в стороны, создав впечатление входа в очень большое помещение. И сразу же луч моего фонарика осветил путаницу искорёженного оборудования, опрокинутого и сожжённого лазерами. Здесь совсем недавно бушевала битва.

И были трупы. Сладкий аромат цветов уступил место тошнотворному запаху горелой плоти. Мне захотелось немедленно выскочить из этого подвала на открытый воздух.

Но тут я услышал стон, скорее даже не стон, а тихий свистящий плач. Я не мог не отозваться на него. Обойдя страшные обломки, я увидел существо, которое ползло ко мне, оставляя на полу след из капель, жутко блестевших в свете моего фонаря.

Это был закатанин, уцелевший во время неожиданной атаки, в отличие от других, чьи тела я заметил среди руин разгромленного лагеря. Тем, что он был ещё жив, закатанин был обязан силе и выносливости, свойственной представителям его вида. Но я очень сомневался, что он сможет прожить ещё хоть немного. Тем не менее, я был обязан сделать для него всё возможное.

В первую очередь я обыскал остатки лагеря, чтобы найти их медицинское оборудование. Любой, кто много путешествует по космосу, должен иметь представление об основах первой помощи. Я использовал все свои познания в этой области, чтобы помочь раненному закатанину, хотя и не представлял себе, как бороться с болезнями чужаков. И прежде чем отправиться осматривать подземелье, я убедился, что сделал для него всё, что было в моих силах, и обеспечил ему максимально возможный комфорт. Для того, чтобы доставить его к шлюпке, необходимо было найти какое-нибудь транспортное средство, а по пути к лагерю я видел следы роботов-носильщиков. Среди обломков я этих машин не заметил, а значит, они могли находиться где-то в темноте.

Одну из них я довольно быстро нашёл. Её передняя часть была разбита, как будто она катилась без управления, пока не врезалась в стену. Но рядом с ней я заметил ещё кое-что: тёмный проем в стене. Вынутые из неё камни были аккуратно сложены рядом.

Любопытство моё было так сильно, что я протиснулся в эту щель и посветил фонариком. Ошибиться было невозможно — это была гробница. В стене напротив я увидел нишу, но не горизонтальную, а вертикальную, словно тот, кто был здесь похоронен, должен был стоять, вытянувшись во весь рост. Рядом находились полки, но теперь они были пусты. Заполнявшие их предметы были, вероятно, взяты в лагерь, а теперь стали добычей пиратов. Я опоздал. Не исключено, что тот, кто вёл переговоры с Тэктайлем, не знал, что нападение уже произошло, или же знал, но предпочёл скрыть это.

Я вернулся к роботу-носильщику. Несмотря на удар о стену, он был в рабочем состоянии. Я включил его на малую скорость и он, жалобно скрипя покорёженным металлом, пополз к закатанину. Поскольку тот был выше и тяжелее чем я, мне пришлось приложить немалое усилие, чтобы погрузить его неподвижное тело на машину. К счастью, он так и не пришёл в себя, вероятно, один из

препаратов, которые я использовал по совету Ита, действовал как болеутоляющее.

Обыскивать обломки смысла не было. Очевидно, что налётчики нашли то, зачем пришли. Я не мог понять только смысла учинённого ими дикого разгрома — разве что они принадлежали к другой породе бандитов, нежели умелые и хладнокровные люди Гильдии.

— Ты сможешь управлять носильщиком? — спросил я Ита. Для этого требовалось просто нажимать на кнопки, что было вполне под силу его передним конечностям. В таком случае я мог идти рядом в качестве охранника. Хотя пираты, скорее всего, уже улетели, причин для беспечности всё же не было.

— Вполне, — ответил он, вскочил на панель управления и включил шумно протестующую машину.

Мы вернулись к шлюпке, не заметив по пути никаких признаков возвращения налётчиков или того, что из экспедиции выжил ещё кто-нибудь. Перенести закатанина в кресло летательного аппарата было изнурительной работой, но в итоге я справился с ней и включил автопилот, который и доставил нас на «Вендвинд».

Там с помощью Ризка я уложил раненого в одной из нижних кают. Пилот, внимательно проверив результаты моей импровизированной медицинской помощи, одобритительно кивнул:

— Это лучшее, что мы можем для него сделать. Эти парни крепкие. Они выживают в таких авариях, где от любого из нас не осталось бы мокрого места. Что там внизу случилось.

Я описал ему то, что увидел — вскрытую гробницу, разгромленный лагерь.

— Они, должно быть, отыскиали что-то серьёзное, что-то побольше, чем все твои камешки. Возможно, это связано с Предтечами, — размышлял вслух Ризк.

Закатане были историками галактики. Являясь необычайно древней, по нашим понятиям, расой, они питали склонность к ведению летописей, сбору различных легенд и их проверке археологическими изысканиями. Они знали

о нескольких межзвёздных империях, возникнувших и исчезнувших задолго до того, как сами закатане вышли в космос. Но были и другие цивилизации, о которых даже они знали ничтожно мало, ибо пыль времени надёжно скрыла все следы.

Когда мы, земляне, впервые вырвались на межзвёздный простор, наш мир был молод по сравнению со многими другими. Мы находили развалины, выродившиеся, близкие к исчезновению расы, следы и вновь следы наших предшественников, достигших высот, которые нам и не снились, а затем исчезнувших, внезапно или постепенно.

Предтечи — так называли их первые исследователи. Но Предтеч было много — это был не один вид, не одна империя. И у них тоже были свои Предтечи, и так далее, и так далее... Сама мысль о такой бесконечной дали веков вызывала головокружение.

Находка предметов, изготовленных Предтечами, могла сделать человека сказочно богатым. Отец показывал мне кое-что: браслеты из тёмного металла, украшавшие некогда руки другой, чем у человека, формы, всякие мелочи. Он хранил их словно сокровища, размышлял над ними, пока весь его интерес не сосредоточился на Камне. Камень Предтеч — я видел руины, скрывавшие тайники с этими камнями. Не было ли их и в той гробнице, что исследовали закатане? Или то была другая ветвь бескрайней истории, никак не связанная с цивилизацией, использовавшей Камни в качестве источника фантастической энергии?

— В любом случае, всё захвачено пиратами, — заметил я. Мы спасли закатанина, который вполне мог умереть прежде, чем мы успеем доставить его на какую-нибудь границу галактической цивилизации. Больше мы ничего не достигли.

— Между прочим, вы не сильно с ними разминулись, — ответил Ризк. — С южного острова недавно стартовал корабль. Я заметил его на экране радара, когда он выходил из атмосферы.

— Ты их заметил. А не могли ли и они, в свою очередь, заметить нас?

— Если обратили внимание. Может быть, они решили, что мы — корабль, везущий припасы для экспедиции, и потому так быстро удрали. В таком случае, если они нашли то, что искали, то больше они сюда не вернуться.

Конечно, ведь они будут слишком озабочены тем, чтобы спрятать свою добычу в надёжном месте. Вооружённые телепатическими способностями закатане — противник не из лёгких, и я полагаю, что бандиты, совершившие этот налёт, были уверены в наличии у них абсолютно надёжного убежища, удалённого от всех портов, иначе бы они не стали ввязываться в это дело.

— Наводит на мысли о Вейстаре, — вставил Ризк, — дельце в стиле тамошних пиратов.

Всего годом раньше я решил бы, что Ризк вспомнил легенду, одну из старых космических сказок. Но правдивость этой легенды подтверждал мой собственный опыт — ведь Ит сообщил мне, что вольные торговцы, якобы спасшие меня на Танфе, собирались доставить меня именно на Вейстар. По крайней мере, команда этого корабля верила в существование такого порта.

— В таком случае он, — я указал на лежащего без сознания закатанина, — может забыть о своей находке.

Попытка восстановить мою репутацию провалилась. Разве что закатанин проживёт достаточно долго, и мы успеем доставить его в ближайший порт. Тогда, возможно, его Династия в знак благодарности поможет мне. Я запросил у Ризка координаты ближайшего порта. Он долго возился с компьютером, пытаясь уточнить наше местоположение, но единственное, что он смог предложить, — это вернуться на Лайлстэну. Система, где мы находились, не была нанесена на карты, а совершать прыжок через гиперпространство без предварительных расчётов было чистым безумием.

Но мы ещё не успели принять решение, когда нашу дискуссию прервал Ит, сообщивший, что закатанин пришёл в себя.

— Тогда выясним у него, — предложил я, — он же

должен знать координаты какой-нибудь планеты, до которой можно добраться отсюда. А если знает, то мы сможем вернуть его на их базу, что было бы лучшим вариантом.

Однако я совсем не был уверен, что этот чужак, получивший столь тяжёлое ранение, сможет указать нам курс. С другой стороны, возвратиться на Лайлстэну означало вновь вступить на путь, ведущий к неприятностям. Ведь если закатанин умрёт, и мы вернёмся туда с его телом на борту, то кто поверит в рассказ о разгромленном лагере? На нас могут взвалить вину за налёт. Чем дольше я об этом думал, тем в больший беспорядок приходили мои мысли. Мне казалось, что с того момента, как я извлёк Камень Предтеч из тайника в комнате моего отца, всё менялось лишь к худшему, и любой шаг, делавшийся с самыми благими намерениями, лишь всё больше погружал нас в трясины бед.

Ит сбежал вниз по лестнице куда быстрее нас, и мы нашли его сидящим в изголовье кровати, которую мы соорудили для раненого чужака. Последний слегка повернул голову и смотрел на мутанта своим единственным здоровым глазом. Было件нятно, что они ведут телепатическую беседу, но волна, на которой они общались, не совпадала с моей, и когда я попытался подслушать их разговор, результат был таким же, как при попытке слышать тихое бормотание в дальнем конце большой комнаты — тихий шум с неуловимым смыслом.

Когда я приблизился, закатанин перенёс взгляд на меня.

— Зилврич благодарит тебя, Мэрдок Джорн, — в его мыслях звучала несколько высокопарная торжественность. — Малыш сообщил мне, что с тобой можно общаться мысленно. Как случилось, что ты пришёл прежде, чем жизнь покинула меня?

Я ответил вслух, так, чтобы Ризк тоже слышал, в нескольких словах рассказав, как мы узнали о готовящемся нападении и прибыли на янтарную планету.

— Мне повезло, что вы прилетели, но, к несчастью для

моих товарищей, вы не смогли сделать этого быстрее, — теперь он тоже говорил на Бэйсике. — Ты совершенно прав, полагая, что целью налёта были сокровища, найденные нами в гробнице. Это была очень ценная находка — остатки неизвестной ранее цивилизации. Это значительно больше, чем просто сумма предметов — это великие знания. Они продадут сокровища коллекционерам, которые похоронят их в своих собраниях. И знание будет утрачено.

— Ты знаешь, куда они увезли их? — спросил Ит.

— На Вейстар. Судя по всему, это не легенда. Там есть кто-то, кто купит их добычу, как случилось уже дважды за последнее время. Мы пытались выяснить, кто разрушает всю нашу работу, но безрезультатно. А куда вы собираетесь отвезти меня? — закатанин неожиданно переменял тему.

— У нас нет координат других планет, кроме Лайлстэны. Мы можем доставить тебя туда.

— Нет! — Его отказ прозвучал очень резко. — Поступить таким образом, значит потерять драгоценное время. Да, моё тело изранено, но оно заживёт, если воля поможет ему. Мы не должны потерять их след.

— Но они ушли в гипер. Мы не можем засечь пиратов, — покачал головой Ризк, — а координаты Вейстара — один из самых тщательно охраняемых секретов в галактике.

— Когда бояться утратить такой секрет, то можно заблокировать сознание. И заблокированной информацией нельзя воспользоваться, — возразил Зилврич. — Но среди этих пожирателей падали был один, пришедший в самом конце, чтобы убедиться, что они ничего не оставили. В его голове было то, что нам нужно — путь к Вейстару.

— О, нет, — я уловил то, что крылось в его мыслях, и сразу решил отказаться от этой идеи. — Возможно, военная эскадра сможет прорваться туда. Но не мы.

— Нам не нужно прорываться, — ответил Зилврич. — А за время, пока мы будем добираться туда, мы успеем всё продумать.

Я встал.

— Дай нам координаты базы, с которой ты прилетел. Мы высадим тебя там и свяжемся с Патрулём. Это работа для них.

— Это работа для кого угодно, кроме Патруля. Они пошлют туда целый флот и разнесут всё вдребезги. Что тогда останется от сокровища. Один, два, три, четыре человека, — закатанин не мог двигаться, но, казалось, поочерёдно указывал на нас, — могут иногда сделать больше, чем армия. Я дам вам только эти координаты.

Я только открыл было рот, чтобы наотрез отказаться, как в голове моей прозвучала команда Ита: «Соглашайся. Это серьёзный довод.»

И внезапно, вопреки собственному желанию, вопреки тому, что не может существовать никаких «серьёзных доводов» в пользу подобной глупости, я понял, что согласился.

Х

Безумство этой затеи навело меня на подозрение, что закатанин для достижения своей цели подверг нас какому-то внушению, хотя это и противоречило всему, что я знал об этике этой расы. Но с того момента, как мы ввязались в это дело, нам ничего не оставалось, кроме как строить планы по его осуществлению. И нам не очень-то хотелось слепо идти навстречу неизвестности.

К моему изумлению, Ризк совершенно спокойно отнёсся к нашей новой аванюре, как будто это путешествие в пасть к дракону было чем-то вполне заурядным.

Я собрал совет, на котором каждый из нас должен был изложить всё, что ему известно о Вейстаре.

Для начала я мрачно заявил, что поскольку источником большей части информации являются всяческие байки и легенды, толку от неё, вероятно, будет мало. Зилврич, однако, придерживался другого мнения.

— Мы, закатане, — собиратели легенд. И мы много раз сталкивались с тем, что в них содержится немалая доля

истины, — первым делом сказал он. — Истории о Вейстаре рассказываются на протяжении жизни двух поколений нашей расы и, соответственно, нескольких десятков — вашей.

— Но это означает, — прервал его Ризк, — что Вейстар существовал до нашего выхода в космос, а значит...

— А почему бы, собственно, и нет? — спросил закатинин. — Нарушители законов были всегда. Неужели ты думаешь, что преступность, грабёж и пиратство изобретены вашим видом? Не оскорбляйте себя и не льстите себе этим. За миллионы лет возникло и рухнуло множество звёздных империй, и всегда находились такие, кто ставил свои желания, прихоти, грехи и пороки выше общего блага. Вполне возможно, что Вейстар издавна являлся убежищем для подобных, а современные преступники просто вновь открыли его и использовали в тех же целях. Ты знаешь его координаты? — спросил он Ризка.

Пилот покачал головой.

— Это вдалеке от всех торговых линий. «Мёртвый» сектор.

— А можно ли придумать лучшее место — сектор, где безжизненные планеты вращаются вокруг потухших звёзд? Место, которого избегают, потому что там нет ничего живого, ничего привлекающего внимание, нет объектов для торговли, нет миров, на которых можно было бы находиться без обременительных защитных приспособлений.

— И один из таких миров — Вейстар, — предположил я наугад.

— Нет. Это в легенде всё так просто. Вейстар — это искусственное космическое тело. Возможно, это космическая станция, построенная в те незапамятные времена, когда мёртвые планеты были ещё полны жизни, и там жили люди, вышедшие в космос. Если это так, то он возник раньше, чем мы начали вести наши летописи, ибо для нас эти миры были мёртвыми всегда.

Он говорил о временах столь давних, что мы даже не

могли вообразить себе подобную древность. Ризк нахмурился.

— Никакая станция, даже атомная, не может функционировать так долго.

— Нельзя быть вполне в этом уверенным, — возразил ему Зилврич. — Некоторые из Предтеч умели строить машины, которые мы не в состоянии даже представить себе. Вы наверняка слышали об Арзорских Пещерах и о Планете Саргассов — Лимбо, где устройство, предназначенное для войны, а затем всеми забытое, в течении многих тысячелетий притягивало к себе корабли, и они терпели крушение на поверхности планеты. Вовсе не исключено, что построенная этими чужаками станция может работать до сих пор. Кроме того, люди, попавшие в безвыходное положение, могли отреставрировать и перестроить её. А завладевшие ею преступники нашли станции лучшее применение, чем просто самим пользоваться ею, предоставляя кое-что на продажу.

— Безопасность, — подхватил я. Хотя Вейстар и не принадлежал Гильдии, у неё, безусловно, имелись там связи.

— Именно, — согласился Ит, — безопасность. И если они считают, что находятся в полной безопасности, то мы можем быть уверены в двух вещах. Во-первых, у них есть средства обороны, способные противостоять нападению, быть может, даже целого флота, так как они не могут надеяться, что координаты их берлоги никогда не будут раскрыты. Во-вторых, чувствуя себя вне опасности так долго, они могут ослабить бдительность.

Но прежде чем Ит закончил, Ризк отрицательно замотал головой.

— Лучше предполагать только первое. Если бы кто-то, не принадлежащий к их компании, проник туда и вернулся обратно, то такая история была бы известна всем. Их оборона действительно работает.

Я призвал на помощь всё своё воображение. Определители личности, возможно, настроенные не просто на

конкретных лиц, а на особое состояние ума, так что пришедший мог проникнуть туда лишь в том случае, если сам был преступником или явился по делу. По слухам, Гильдия скупала, или приобретала иными способами, изобретения, о существовании которых большинство и не подозревало. Затем эти изобретения прятались или использовались с большой осторожностью. Так что такой детектор вполне может существовать.

— Но его можно заглушить, — последовал комментарий Ита.

Ризк, который был в состоянии следить за мыслями Ита, но не за моими, озадаченно посмотрел на нас. Я пояснил. Тогда он спросил Ита:

— А как ты это сделаешь? Ты же не в состоянии подделать биотоки мозга.

— Если только не использовать телепатию, — возразил мутант. — Маскировка может обмануть зрение, аккуратное манипулирование звуковыми волнами — слух, точно так же изменения в мозговых каналах могут оказать воздействие на детектор, который вообразил Мэрдок.

— Это так, — согласился Зилврич. Я не мог спорить с вердиктом двух членов нашей компании, лучше меня знавших возможности таинственного шестого чувства, каким обладали столь немногие представители моего биологического вида.

Ризк сел обратно на свой стул.

— Так как мы двое не обладаем соответствующими способностями, то мы не в счёт. А вы, — он кивнул в сторону Ита и Зилврича, — сами это проделать не сможете.

— К сожалению, твоё утверждение верно, — согласился чужак. — Ограниченный состоянием, в котором находится сейчас моё тело, во время вторжения я буду скорее обузой, нежели подмогой. А если ждать, пока я поправлюсь — тогда мы точно проиграли. Они успеют избавиться от своей добычи. Кроме того, мы находились под контролем Патруля...

Я замер. Выходит, нам действительно крупно повезло,

что мы так быстро прибыли на планету островов, и так же быстро покинули её. Если бы мы заявили туда во время визита Патруля...

— Когда исчез передаваемый экспедицией сигнал, — продолжил закатанин, — они должны были встревожиться. А так как у них имеется список её участников, то они будут обеспокоены моим исчезновением. Кроме того, Патруль тоже располагает сведениями о возможном нападении. Налётчики должны были иметь это в виду, так как они опирались на надёжный источник информации. И они поспешат сбыть награбленное.

Мне показалось, что я заметил в этих рассуждениях одну ошибку.

— Но если они увезли добычу на Вейстар и там могут не опасаться преследования, то они располагают достаточным временем, чтобы дождаться хорошей цены и не особенно спешить с продажей.

— Они, скорее всего, продадут её какому-то конкретному покупателю, ожидающему их там. Ни один пиратский экипаж не сможет усидеть на богатой добыче, — к моему удивлению, к дискуссии присоединился Ризк. — У них, возможно, даже есть заказчик, какой-нибудь босс, который желает нажиться на этом налёте.

— Совершенно верно, — согласился Зилврич, — но мы должны успеть попасть туда прежде, чем коллекция будет разделена на части, или даже, упаси Злудда, — разобрана ради камней и металла. И я скажу вам, что было главным в этой находке: среди всего прочего, там была звёздная карта.

Даже я, погружённый в этот момент в свои дурные предчувствия, понял волнующее значение такого открытия. Звёздная карта, расшифровав которую, можно будет найти следы древних космических путей или даже объекты одной из легендарных империй — такого ещё не было. Эта находка бесценна, а те, кто её похитил, могли не знать этого.

Нужно, чтобы меня не узнали — вот вокруг чего

кружились мои мысли. И тут меня осенила совершенно сумасшедшая идея. Мой отец был известен в Гильдии, как оценщик всяческих древностей. Он не претендовал на высокое положение, опасаясь смерти от руки какого-нибудь честолюбивого соперника. Он уже откупился и ушёл на покой, когда его непосредственный начальник был ликвидирован. Но отец был уже к тому времени так широко известен, что стал своего рода авторитетом, и его часто приглашали в разные места для помощи в оценке. И он считался крупным специалистом по сокровищам Предтеч.

Какой человек мог бы стать оценщиком на Вейстаре? Он должен быть компетентен, надёжен и непременно связан с Гильдией. И вот, предположим, достаточно известный человек обратился на Вейстар, спасаясь от Патруля, что вполне возможно для людей с таким родом занятий. Сперва он будет сидеть тихо, но затем его репутация сделает своё дело и достигнет слуха босса, обладающего сокровищем. Тогда его могут попросить сделать независимый доклад. Хотя эта цепочка включала слишком большое число всяческих «предположим» и «может быть», но тем не менее она была скреплена какой-то, пусть слабой, логикой. Единственная трудность заключалась в том, что тот, кто мог всё это осуществить, был мёртв.

Я так погрузился в свои мысли, что едва заметил, как Ризк начал было что-то говорить, но был сразу же прерван жестом Ита. Теперь все смотрели на меня, а двое умевших следить за моими мыслями, были явно ошеломлены.

Мой отец был мёртв, и то, что он мог сделать при жизни, было невозможно для меня. Я увлёкся совершенно нереальными построениями. Хайвел Джорн был убит три планетарных года тому назад, и об его гибели, за которой несомненно стояла Гильдия, было известно всем.

«Сообщения об его смерти могли быть ошибочными», — это предположение внедрилось в мои мысли прежде, чем я понял, что его высказал Ит.

— Но не в том случае, если это дело рук Гильдии, —

произнёс я, отрываясь от плана, который вполне мог стать реальным, будь на моём месте мой отец.

На моём месте? Когда я был ребёнком, мне так хотелось стать похожим на Хайвела Джорна. Он полностью заполнял мою жизнь, почти не оставляя места для всего остального. Лишь много лет спустя я узнал, что я не питал тёплых чувств к его жене, сыну и дочери потому, что был его «ребёнком по обязанности», одним из тех младенцев, которых присылают в колонии с других планет для усыновления, дабы избежать вырождения поселенцев. Я считал себя сыном Джорна, и продолжал считать себя им даже когда после его смерти моя приёмная мать открыла действительное положение вещей, не без злорадства сообщив мне, что не я, а мой «брат» Фаскил является законным наследником дела Джорна и его лавки.

Хайвел Джорн сделал для меня всё, что было в его силах. Он устроил меня в ученики к скупщику камней, человеку огромных познаний и опыта, и он дал мне Камень Предтеч, а также свои собственные знания. Он смотрел на меня, я был уверен в этом, как на своего сына по духу.

Вероятно, где-то записано, кто мои настоящие родители. Я никогда не пытался выяснить этого. Но во мне горело то же неутомимое любопытство, которое отличало Хайвела Джорна. При других обстоятельствах я, возможно, как и он, вступил бы в Гильдию.

Итак, я хотел быть похожим на Хайвела Джорна. Но возможно ли, чтобы я на время стал им? Риск разоблачения был очень велик. Но с Итом и его паранормальными способностями...

«Мне интересно было бы узнать, — уловил я мысль мутанта, — когда же ты начнёшь смотреть на вещи реально?»

— О чём это вы? — потребовал ответа Ризк, посмотрев на меня чуть ли не с обвинением. — Ты что, придумал как проникнуть на Вейстар?

Но ответил я Иту, хотя и вслух: «Это полная чушь. Джорн мёртв и они уверены в этом.»

— Кто такой Джорн, и что нам до его смерти? — пожелал узнать пилот.

— Хайвел Джорн был главным оценщиком при начальнике одного из секторов Гильдии и моим отцом, — я просто изложил факты. — Они убили его.

— Нарушение контракта? — спросил Ризк. — Если он мёртв, то чем он может помочь нам? Конечно, я могу представить себе, как оценщик с гильдейским рангом может проникнуть на Вейстар. Возможно, — тут он нахмурился, — у тебя есть идея, как ты можешь притвориться своим отцом. Но они должны знать, что он убит. Если он был на контракте, то они должны знать.

А вот в этом я не был особенно уверен. Мой отец отошёл от дел. Его действительно время от времени посещали люди Гильдии. Я получил этому подтверждение, когда узнал одного из посетителей в капитане корабля, допрашивавшем меня на неизвестной планете, где были тайники с Камнями Предтеч. Джорн был убит ради Камня Предтеч, которого убийцы так и не нашли. А что если они покинули тело, сочтя его мёртвым, а мой отец всё же выжил? Были похороны, организованные его семьёй, но такой способ прикрытия для людей, скрывающихся от мести, стар как мир. А на той малонаселённой приграничной планете, куда он сбежал, они не могли получить о нём сведений, не выдав себя.

Значит, Хайвел Джорн воскрес, тайно бежав с планеты. Существует несколько медицинских технологий, позволяющих радикально изменить внешность человека. Но нет, это не годится. Чтобы проникнуть на Вейстар, нужно быть несомненным Хайвелом Джорном. Я вновь прокрутил у себя в голове весь план, соединяя все части между собой. Я должен выглядеть как Хайвел Джорн, и сходство должно быть достаточно убедительным. В таком случае, возможно, будет даже проще получить доступ к тамошнему начальству. Если верны слухи, то между законами Вейстара и центральным руководством Гильдии существует соперничество. Первые вполне могут принять полезного им бегле-

ца, даже если Гильдия охотится за его головой. В конце концов, оказавшись на станции он станет их пленником и они смогут полностью контролировать все его действия.

Итак, Хайвел Джорн спасается от Патруля. В конце концов, из-за Камня Предтеч меня и в самом деле преследовали обе организации. Камень Предтеч... Мои мысли начали кружиться вокруг него. Я носил его с собой и никак не использовал, не ставил, например, экспериментов по увеличению мощности «Вендвинда», возможность чего мы с Итом обнаружили в своё время. Я даже неделями не смотрел на него, просто ощупывая время от времени свой пояс, чтобы убедиться, что он на месте. Я боялся показать, что он всё ещё у меня — даже намёк на это превратил бы меня в мишень для Гильдии и нарушил неустойчивое перемирие с Патрулём (если, конечно, таковое до сих пор существовало).

Нет, Камень нельзя было использовать для проникновения на пиратскую базу. Но вернёмся к Хайвелу Джорну. Смогу ли я быть им в течении того времени, которое может быть необходимым, чтобы найти украденное сокровище?

Маскировку со шрамом я смог поддерживать лишь в течении нескольких часов, а лицо чужака, придуманное на Лайлстэне — и того меньше. А Хайвелом Джорном мне потребуется пробыть, возможно, несколько дней, причём непрерывно, так как за мной наверняка будут вести наблюдение.

— Это сделать невозможно, по крайней мере я этого сделать не смогу, — сказал я Иту. — Ты тоже не в состоянии поддерживать иллюзию так долго.

— Тут ты прав, — согласился он.

— Значит это нереально.

— Я пришёл к выводу, — Ит принял тот поучающий тон, который особенно раздражал меня, — что немногие, очень немногие вещи действительно невозможны, если владеешь всеми фактами и тщательно их изучаешь. Ты преуспел, создав шрам, причём используя только свои природные ограниченные возможности. С лицом чужака-космолёт-

чика получилось ещё лучше. Разве это говорит о том, что ты не можешь?

— Я не в состоянии поддерживать новое лицо так долго, — резко возразил я, пытаюсь положить конец и собственным непонятным сомнениям, и навязчивому давлению со стороны Ита.

— Об этом стоит поразмыслить, — уклончиво ответил мутант. — А сейчас нашему другу необходим отдых.

Только теперь я заметил, что закатанин в самом деле выглядел совершенно обессиленным. Мы с Ризком постарались уложить его поудобнее и разошлись по каютам.

Прийдя к себе, я мешком повалился на койку. Я чувствовал, что не могу вырваться из круга рассуждений о том, как разрешить задачу, не имеющую решения. Хайвел Джорн должен проникнуть на Вейстар. Я могу использовать искусство создавать личины, которому меня научил Ит. Но напряжение, необходимое для поддержания иллюзии, потребует слишком много сил, что ослабит нас обоих и помешает сохранить ясность рассудка, без которой не избежать опасностей, ожидающих нас в оплоте врага.

Если бы только существовал способ увеличить энергию... Как мы увеличивали энергию корабля-разведчика при помощи Камня Предтеч... Камень Предтеч!

Мои пальцы нащупали в поясе эту маленькую бусину. Впервые за много дней я расстегнул кармашек и извлёк оттуда бесцветный, невыразительный кусочек камня.

Камень Предтеч — энергия, дополнительная энергия для увеличения мощности машин. Когда я концентрировал усилия для создания иллюзий, я использовал энергию совсем другого рода. Но тем не менее это тоже была энергия. Просто представители моей расы привыкли применять это слово в основном по отношению ко всяческим механизмам. Я сжал камень в руках с такой силой, что его острые грани больно врезались в мои ладони.

Камень Предтеч в сочетании с работающим двигателем породил энергетический поток огромной силы. Камень Предтеч смог оживить заброшенный корабль, который мы

с Итом отыскиали в космосе. Энергия... Что ж, эта идея была не более дикой, чем другие, посещавшие меня за последнее время.

Нужно было провести небольшой опыт. Но не на себе. Пока нет. Я должен контролировать происходящее. Я быстро оглядел каюту, и увидел Ита, свернувшегося в ногах моей койки. Скорее всего, он спал. Я на секунду заколебался — Ит? В этом была своего рода ирония и кое-что ещё. Будет интересно увидеть, как Ит лишится привычного владения ситуацией.

Я устремил взгляд на Ита, сжимая в руках камень. И я думал.

Холодный камень начал нагреваться. А линии тела Ита утратили чёткость. Я постарался, чтобы ни один проблеск ликования не нарушил моей сосредоточенности. Камень раскалился так, что я уже с большим трудом удерживал его. А Ит исчез. На его месте лежал обычный кот.

Тут я выронил камень — боль стала невыносимой. Ит быстрым кошачьим движением вскочил, посмотрел на своё новое тело и резко повернулся ко мне. Его уши были плотно прижаты к голове, а пасть разинута в злобном шипении.

— Ты видишь! — восторженно закричал я.

Но ответа не последовало. Никакого мысленного прикосновения, вообще ничего. Не то, чтобы я встретил барьер, которым пользовался Ит, чтобы прервать связь, когда хотел остаться наедине со своими мыслями. Нет. Просто ничего.

«Неужели я создал нечто большее, чем иллюзия?» — думал я, глядя на разъяренного кота, изогнувшего спину дугой и готового, казалось, вцепиться зубами мне в плотку. Похоже, я сотворил иллюзию настолько совершенную, что Ит уже не казался, а был котом. Я стремительно схватил камень обожжёнными ладонями и приступил к ликвидации содеянного.

«Не кот, — говорил себе я, — но Ит; мутант, а не разъярённый пучок меха, глядящий на меня с такой

яростью, словно будь он больше, то разорвал бы меня в клочья. Я должен вернуть Ита обратно.»

Камень вновь раскалился, но я держал его, не обращая внимания на боль. Контуры разъярённого кота расплылись, изменились. Теперь напротив меня стоял, выгнув спину Ит. Его ярость ничуть не уменьшилась.

«Идиот!» — это единственное слово пронзило мой мозг, словно луч лазера. Я успокоился. Это был Ит.

Он вскочил на стол передо мною, в бешенстве хлеща по сторонам хвостом. Очень по кошачьи.

— Ребёнок, играющий с огнём! — прошипел он.

Я расхохотался. За последнее время происходило не слишком много приятных событий, и теперь радость от того, что я успешно решил неразрешимую задачу и удовольствия увидеть Ита удивлённым и взбешённым, заставили меня неудержимо хохотать, не взирая на боль в ладонях, пока я бессильно не сполз по стенке каюты.

Ит перестал злобно размахивать хвостом и сел на столе в типично кошачьей позе (мне показалось, что теперь его кошачье происхождение стало заметнее, чем раньше). Он плотно закрыл своё сознание, но меня это не встревожило и не смутило. Я был уверен, что бурная реакция на превращение была временной, и что его живой ум вскоре обратится на вновь открывшиеся возможности.

Я аккуратно уложил камень в пояс и смазал ладони кремом от ожогов. Мутант продолжал сидеть неподвижно как статуэтка, и я больше не пытался вступать с ним в мысленный контакт, ожидая, пока он сам сделает первый шаг.

Открытие новых свойств Камня ободрило меня. Теперь мои возможности казались безграничными. В виде кота Ит был бессловесен, и я был уверен, что он не мог самостоятельно разрушить образ, который я для него выдумал. Это, похоже, означало, что любая иллюзия, созданная при помощи Камня, могла существовать неограниченное время, и исчезнуть только тогда, когда задумаешь её убрать.

— Совершенно верно, — Ит вышел из своего утробного

(или задумчивого?) состояния. Да и гнев его явно поостыл. — Но ты действительно играл с огнём, который мог уничтожить нас обоих.

Я понимал, что он имеет в виду не волдыри на моих ладонях. Тем не менее, я вовсе не сожалел о том, что эксперимент удался. Он был необходим. Хайвел Джорн действительно мог пробраться на Вейстар, и пока с нами будет Камень Предтеч, больших усилий для поддержания иллюзии не понадобится.

— Взять Камень с собой, — заметил Ит, — большой риск. — Его скепсис меня озадачил.

— Ты подозреваешь, что у них есть свой Камень, способный среагировать на появление нашего?

— Мы не знаем, чем пользуется Гильдия для поиска Камней, — ответил мутант. — Если у них что-то и есть, то Вейстар — отличное хранилище. Но я согласен, нам не приходится выбирать. У нас появился шанс, и мы должны использовать его.

XI

— Похоже, прибыли... — Ризк вывел корабль из гиперпространства в очень старой системе, где солнце представляло собой почти угасший красный карлик, а вращающиеся вокруг него планеты были похожи на чёрные куски выгоревшего угля. Он указал на маленький астероид.

— Вокруг него защитное поле. Я не знаю, как можно проникнуть сквозь него. Там должно быть что-то вроде входного кода, и с любым, кто попытается прорваться, не ответив на запрос, будет вот что... — тут он выразительно щёлкнул пальцами.

Зилврич изучал изображение на небольшом экране, установленном у него в каюте. Он выглядел очень слабым, но глаз его ярко горел, и мне показалось, что интерес ко всему необычному, столь свойственный его расе, заставил закатанина забыть про раны.

— Если бы только со мной было моё оборудование! —

он говорил на Бэйсиже со свойственной закатанам шипящей интонацией. — Мне почему-то не верится, что это настоящий астероид.

— Возможно, это действительно космическая станция Предтеч. Но даже если мы это выясним, попасть туда проще не станет, — проскрипел Ризк.

— Всем вместе нам идти нельзя, — сказал я. — Сыграем в ту же игру, что и раньше. Мы с Итом отправимся туда на шлюпке.

— Ага, и будете храбро штурмовать барьер, — заметил Ризк насмешливо. — Должен тебе сообщить, что по данным нашего детектора, мощность этого защитного поля такая же, как у оборонительных заслонов Патруля. Вас раздавит, как мошку.

— А может, можно пристроиться к кораблю, командир которого знает входной код, — предложил я, — шлюпка достаточно мала, чтобы её не заметили.

— И когда же ты рассчитываешь встретить такой корабль? — поинтересовался пилот. — Мы можем проторчать тут много дней.

— Я думаю, что нет, — вмешался Ит. — Если это действительно Вейстар, то здесь должно быть довольно оживлённое движение. Вот ты, пилот, скажи, возможно ли, чтобы шлюпка прошла таким способом вслед за кораблём?

Я втайне подивился тому, что оказывается всё же существуют в мире вещи, которых Ит не знает. Ризк нахмурил лоб, что было традиционным признаком напряжённой работы его мысли.

— Я могу соорудить «глушилку» и небольшое устройство слежения. Проходя сквозь защиту, нужно будет выключить двигатель и двигаться по инерции. Вся эта оборонительная система наверняка настроена на большие объекты. Они там думают, что против них будет действовать целая эскадра, а уж никак не один человек. С другой стороны, они могут тебя заметить, но пропустить. Тогда тебя очень радушно встретит охрана, а это может быть похуже, чем погибнуть на подступах.

Он был, похоже, склонен описывать будущее в самых мрачных тонах. На моей же стороне было лишь то, чему я научился при помощи Камня Предтеч, но этого было довольно, чтобы слова Ризка не могли поколебать моей решимости.

В конце концов Ризк вновь приложил свои знания вольного торговца к переоборудованию шлюпки, и в итоге мы обзавелись глушилкой, позволяющей незаметно приблизиться к тому, что по данным радара было Вейстаром, и затем ждать счастливого случая, чтобы проникнуть в самую охраняемую крепость врага.

Тем временем «Вендвинд» совершил посадку на спутнике ближайшей из мёртвых планет — потрескавшемся каменном шаре, тёмном и тусклом, который вполне мог послужить неплохим укрытием. Координаты этого временного пристанища были введены в компьютер шлюпки, чтобы мы могли без проблем вернуться, если нам всё-таки удастся выбраться с пиратской станции. Ризк, впрочем, был уверен, что этого никогда не произойдёт, о чём прямо и заявил, потребовав, чтобы в записывающее устройство на корабле была внесена поправка к контракту, освобождающая его ото всех обязательств по истечении оговорённого времени. Я это сделал, а Зилврич заверил запись в качестве свидетеля.

И всё это не помешало мне от приступить с большой надеждой на успех к следующей части нашего предприятия. Я прикоснулся к Камню Предтеч, как к некоему талисману против всевозможных бед, долго, слишком долго преследующих нас.

Когда мы приготовились к созданию личин, Ит твёрдо заявил:

— Я сам выберу себе облик.

Мы находились в каюте, так как я не желал делиться тайной Камня с Ризком и закатанином, хотя я не знал, что они могли подумать по поводу нашей маскировки. Я взял тусклый и внешне безжизненный камень и положил его на стол между нами. Я уже продумал своё преобразование. Но на тот случай, если понадобится что-нибудь напомнить

себе, у меня имелся отличный, на редкость чёткий стереоснимок отца. Джорн никогда не разрешал снимать себя, но это был снимок принадлежавший моей приёмной матери. Он был единственной вещью кроме Камня Предтеч, которую я взял из дома, закрывшего передо мною двери после смерти отца. Я не могу сказать, почему я это сделал, разве что где-то в глубине моей души таился дар предвидения. Я не смотрел на этот снимок с того дня, как покинул свою родную планету. Теперь, внимательно разглядывая его, я очень радовался, что он был со мной. Лицо, хранимое моей памятью, было затуманено временем, и многие детали весьма отличались от изображения.

Вспомнив, как неистово раскалился Камень, когда я испытывал его действие на Ите, на сей раз я дотронулся до него с некоторой осторожностью. Всё моё внимание было сосредоточено на стереоснимке. Я лишь краем глаза заметил, как Ит вскочил на стол и его рука-лапа тоже прикоснулась к камню.

Я не мог быть уверен, что моя внешность изменилась — никакой разницы я не почувствовал. Но взглянув в зеркало, чтобы проверить, что же получилось, я увидел там странное лицо. Да, это был мой отец, но он был несколько младше, чем я его помнил. Я пользовался снимком, сделанным много планетарных лет назад, когда он только обручился с моей приёмной матерью.

Конечно, любой, кто был с ним знаком, без ошибки узнал бы эти резкие, даже жёсткие черты лица. И я надеялся, что Ит сумеет помочь мне в этом обмане, считывая и передавая воспоминания окружающих, что поможет мне соответствовать облику человека, известного в кругах Гильдии.

А сам Ит — что за личину он выбрал? Я был готов увидеть что-то вроде пуухи или рептилии, вид которой он принял на Лайлстэне, но уж никак не то, что предстало моим глазам. На столе, скрестив ноги, сидело вовсе не животное, а гуманоидное существо ростом с земного ребёнка лет пяти-шести. Его кожа была покрыта коротким и гладким бархатистым мехом, напоминающем мех пуухи.

На макушке этот мех был длиннее, образуя небольшой пятнистый гребень. Открытыми оставались только ладони рук. Мех был чернильно чёрным, а кожа — красной, как и глаза — большие и слегка навывкате, с щелевидными вертикально расположенными зрачками. Вокруг носа мех был гуще, отчего тот выделялся ещё больше, зато рот, с чёрными, как и мех, губами, был едва заметен.

Я никогда не видал подобного существа и ничего не слышал о нём. Выбранный Итом облик заинтриговал и озадачил меня. Космолётчики любили ручных зверьков и часто их сопровождали довольно странные создания. Но это было скорее разумное существо, хотя и весьма странного вида, его можно было, пожалуй, даже назвать человеком.

— Именно так, — подтвердил Ит. — Но я думаю, что в убежище пиратов ты найдёшь немало необычных форм жизни. А это тело обладает возможностями, которые помогут нам в случае затруднений.

— Ну и кто же ты? — спросил я, не в силах сдержать любопытства.

— Ты не можешь знать моего имени, — ответил Ит. — Насколько мне известно, этот вид давно исчез из космоса.

Мутант с рассеянным видом пригладил своими красными ладонями мех на боках.

— Вы сами признаёте, что среди звёзд вы — новички. Давай просто будем считать, что это как раз то тело, которое подходит для того, что нам предстоит.

Мы попрощались с Ризком и закатанином. Я не упустил из виду, что Зилврич смотрел на Ита с немалым удивлением, сменившимся, когда он, вероятно, узнал в покрытом чёрном мехом теле нечто ему знакомое, с трудом сдерживаемым восторгом. Ризк же просто вытаращил на нас глаза:

— Как долго вы сможете сохранить такой вид?

Очевидно, он решил, что изменение нашей внешности — результат какой-то пластической операции, хотя я не знаю, как он мог поверить, что у нас есть с собой такое сложное оборудование.

— Столько, сколько надо, — заверил его я, и мы направились к нашей уже очень основательно перестроенной шлюпке.

Стартовав обычным способом, мы сначала полетели в сторону станции, а затем сделанные Ризком изменения в конструкции позволили нам зависнуть в пространстве, ожидая «проводника». Место за приборной панелью занял Ит — его новое тело позволяло ему это.

Как долго продлится наше ожидание, мы не знали. Бездействие всегда намного утомительнее, чем любая деятельность. Время медленно текло в полной тишине. Я пытался припомнить то немногое, что рассказывал мне отец о временах, проведённых им в Гильдии. Меня не покидала мысль, что он был удивительно немногословен в разговорах обо всём, что касалось его деятельности в рядах этой организации, так что на пути моём лежало немало пропастей, перейти которые можно было лишь по тонкой, как паутинка, ниточке. Чем был занят Ит, я угадать даже не пытался.

Наконец наше молчание было прервано звоном сигнала, и я понял, что наш радар обнаружил движущийся объект. На экране возник корабль, явно держащий курс на станцию. Ит, обернувшись, посмотрел на меня, словно ожидая моего приказа. Это было совсем не в его стиле — обычно, если решение было принято, он не нуждался в моём согласии или разрешении.

Я кивнул, и он выполнил все необходимые действия, заведя нашу шлюпку в хвост этому кораблю. Мы шли почти вплотную к нему, что позволяло нам не быть замеченными. Размер этого судна был для нас очень удачным. Мы рассчитывали встретить небольшого разведчика, а это оказался грузовой корабль, хотя и самого лёгкого класса.

Мы напряжённо ожидали признаков тревоги на борту, но прошло довольно много времени, а её всё не было, и мы вздохнули свободнее, хотя эта опасность была далеко не главной. Для большего спокойствия Ит включил противорадарное устройство.

Тем временем мы приближались к цели. Что она из себя представляла — астероид, спутник или космическую станцию, понять было невозможно. Нашим глазам предстала масса кораблей, судя по виду их исковерканных, дряхлых корпусов, давно уже брошенных. Они были собраны в огромную груду и тесно прижаты друг к другу, образуя неправильной формы эллипс, и лишь в одном месте, прямо перед нами, зиял тёмный провал. Туда и направлялся корабль.

«Захваченные корабли», — пришло мне в голову. Я был готов поверить во все невероятнейшие рассказы о Вейстаре. Пираты буксировали сюда корабли, ставшие их жертвами, чтобы те послужили материалом в постройке их убежища, хотя я не понимал, зачем им нужен был весь этот труд.

Вскоре я ощутил лёгкую вибрацию — мы миновали защитный экран. Шлюпка вздрогнула, но не отстала от корабля. Мы прошли барьер, не подвергнувшись атаке.

Когда нас окружила стена из разбитых и искорёженных судов, я обратил внимание на новую опасность — мы могли столкнуться с их обломками, так как по мере нашего продвижения проход постепенно сужался.

Хотя на первый взгляд казалось, что разбитые корабли стоят очень близко друг к другу, при ближайшем рассмотрении всё оказалось иначе. Было ясно, что они образуют нечто вроде оболочки, окружающей центральное ядро, чем бы ни было это последнее. Обломки были соединены при помощи балок и тросов, но между ними оставались пустоты, во многие из которых наша шлюпка вполне могла бы поместиться.

Увидев это и прикинув, что впереди нас могут ожидать неприятности, потому что тоннель стал таким узким, что в нём мог поместиться лишь сам корабль, я решил пойти по менее рискованному пути.

— Надо спрятаться здесь, — скорее предложил, чем приказал я, — потом надеть скафандры и попытаться добраться самостоятельно.

— Возможно, это самое разумное, — согласился Ит. Но тут я вспомнил, что если я могу надеть скафандр, то для маленького тела Ита ничего подходящего на борту не было.

— Аварийный бокс, — напомнил он, отключая луч, связывающий нас с корпусом идущего рядом корабля.

Да, конечно же, в шлюпке был похожий на большой чемодан контейнер, предназначенный для эвакуации тяжелораненных членов экипажа, на которых нельзя было надеть обычный скафандр, в случае если высадка происходила на планете с непригодной для дыхания атмосферой.

Я отстегнул ремни и открыл отсек, где лежал мой скафандр. Аварийный бокс был закреплён рядом. Оказавшись в нём, Ит станет совершенно беспомощным, целиком зависящим от меня. Но мне хотелось верить, что это продлится недолго.

Ит был занят управлением, поворачивая шлюпку влево, к одной из дыр в массе обломков. Раздался скрежет обшивки, задевшей за балку, а потом нос шлюпки упёрся в какое-то препятствие. Оставалось надеяться, что шлюпка целиком скрылась в расщелине и её хвостовая часть не выступает в тоннель, где проходят корабли.

Я быстро надел скафандр, торопясь проверить это, хотя если наша пещера оказалась слишком мала, то совершенно непонятно, что мы могли теперь изменить. Вытащив аварийный бокс и подождав, пока Ит заберётся внутрь, я запер его и включил систему подачи воздуха. Так как размер бокса был рассчитан на человека, Ит в условиях отсутствия тяготения мог плавать внутри него, как рыбка в аквариуме.

Открыв входной люк, я чрезвычайно осторожно выбрался наружу, больше всего опасаясь наткнуться на какой-нибудь острый предмет, который может порвать покрытие моего скафандра или бокса, где находился Ит. Впрочем, места оказалось достаточно, чтобы пробраться вдоль шлюпки, в основном на ощупь, так как я предпочёл не включать здесь фонарик.

Судьба по-прежнему была к нам благосклонна. Хвост шлюпки находился внутри дыры. Хватаясь за куски искорежённого металла, составляющего стены и тихонько подтягивая за собой бокс, я выбрался в тоннель.

Здесь царил неяркий свет, источника которого я не видел, достаточный, чтобы двигаться от одной опоры к другой. Я старался перемещаться как можно быстрее, подгоняемый страхом, что в тоннель может войти ещё какой-нибудь корабль, и я окажусь похороненным среди обломков.

Череди погибших кораблей внезапно оборвалась и впереди открылось свободное пространство, где я увидел совсем другие космические суда. Одно из них было тем самым грузовиком, что помог нам попасть сюда, другое — остроносый рейдером-убийцей, из тех, какими пользовалась Гильдия, а третье, видимо, яхтой. Они парили над тем, что было самым удивительным миром во всей галактике. Перед нашими глазами проплывала станция овальной формы с посадочными площадками на концах. Её внешнее покрытие, изготовленное из непрозрачного кристаллического материала, местами было покрыто выбоинами и заплатами из какого-то вещества явно иного происхождения.

Грузовой корабль распахнул люк и выпустил наружу тяжело нагруженного робота-носильщика. Я проследил, как он приземлился на площадку, затем его верхняя часть с прикреплённым к ней грузом отделилась и переместилась в открывшийся шлюз, в то время как робот направился за новой партией. Кроме машин никого видно не было, и я решил, что у нас имеется возможность использовать их так же, как в своё время я использовал робота, чтобы выбраться из отеля на Фебе. Но сделать этого я не успел. Неизвестно откуда возникший силовой луч намертво приковал меня к стене из обломков.

Стальная хватка луча не ослабевала, а те, кто схватил меня, явно не торопились забрать своего пленника. Наконец из люка яхты выскользнуло несколько человек. Включив ракетные ранцы, они приблизились ко мне и, связав

перекрученным ремнём, как на поводке поволокли меня за собой, но не к кораблю, а к посадочной площадке. Затем меня втолкнули в шлюз, и я оказался внутри станции, где слабая гравитация позволила моим ногам наконец-то найти опору.

Захватчики были гуманоидами, и судя по их внешности, даже земного происхождения. Они сняли свои шлемы, а один из них проделал то же самое с моим, и я вдохнул местный воздух, вполне пригодный для дыхания, с характерным чуть заметным запахом восстановленного кислорода. Оставив связанными руки, они развязали мне ноги и стволом лазера указали, куда идти. Один из стражей забрал у меня бокс и потащил Ита за собой, то и дело останавливаясь, чтобы рассмотреть его получше.

Так, в качестве пленников мы явились на легендарный Вейстар и, надо заметить, это было удивительное место. В центре его находилось большое открытое пространство, заполненное рассеянным зеленоватым светом, который придавал лицам проходящих мимо неприятный оттенок. Благодаря существующей здесь небольшой искусственной гравитации, окружающие этот объём балконы и коридоры имели «верх» и «низ». Пересекая «площадь», я заметил что-то похожее на лаборатории, миновал множество плотно закрытых дверей. Здешнее население было равно, наверное, населению среднего размера деревни на обычной планете, хотя, как я полагаю, многие из тех, кто пользовался станцией в качестве базы, подолгу находились в космосе, и число постоянных её обитателей было весьма ограничено.

К одному из таких обитателей меня и привели. Он был орбслеонцем, его цилиндрическое тело было погружено в чашевидный сосуд, наполненный розовой жидкостью, в которой он нуждался для постоянного питания. Жидкость омывала его морщинистые плечи, а верхние щупальца плавали прямо под её поверхностью. Голова, широкая в нижней части, сужалась кверху, а почти у самой макушки находились два глаза, расставленные очень широко, почти по бокам.

Но это причудливое тело вмещало острый и пронизательный ум. Босс на Вейстаре — настоящий босс, вне зависимости от внешнего вида.

Конец его щупальца выскользнул из чаши и прикоснулся к сенсору Бэйсик-транслятора — орбслеонцы общались при помощи осязания.

— Ты кто?

— Хайвел Джорн, — мой ответ был столь же кратким, как и его вопрос. Я не знал, говорит ли ему что-нибудь это имя. И я не получал никакой помощи от Ита. Впервые я усомнился в том, что мутант сумеет помочь мне нести бремя своего перевоплощения. Процесс мышления чужака вполне мог быть таким, что Ит просто не в состоянии его перехватить.

— Ты пришёл. Как?

— На одноместном корабле. Я потерпел крушение на одном из спутников и воспользовался шлюпкой, — легенда была подготовлена заранее, и я надеялся, что она прозвучит убедительно.

— Как проник внутрь? — На лице чужака, естественно, не было никакого понятного мне выражения.

— Я заметил входящий грузовой корабль и пристроился за ним. Шлюпка застряла в тоннеле на полпути, пришлось надеть скафандр и пробираться самому.

— Зачем здесь?

— За мной охотится Патруль. Я был личным экспертом Истамфы, хотел откупиться и жить в покое. Но за мной явились патрульные. Законно взять они меня не смогли, и тогда прислали человека на контракте. Он оставил меня, решив, что я мёртв. С тех пор я в бегах, — такая байка могла сойти за правду, только если во мне признают Хайвела Джона. Оказавшись здесь, я всё больше и больше осознавал всю беспредельность своего безрассудства.

Неожиданно ко мне обратился Ит:

«Они послали за кем-то, кто знал Джорна. Кроме того, когда ты назвал своё имя никто из них не отметил про себя: «убит».»

— Что можешь делать здесь? — продолжился допрос.

— Я оценщик. Могу оказаться полезен. Это единственное место, где Патруль не достанет меня, — я старался держаться как можно увереннее.

Медленной и важной походкой, характерной для условий слабой гравитации, в помещение вошёл человек. Помоему, раньше я его не видел. Он был мутантом земного происхождения, фатфарианцем с бесцветно-белыми волосами. Его глаза укрывали большие тёмные очки, скрывающие их выражение. Но Ит был наготове.

«Он не был близко знаком с твоим отцом, но несколько раз встречал его в резиденции Истамфы. Однажды он принёс Джорну вещьцу Предтеч — иридиевый диск с камнем в центре. Твой отец предложил ему триста кредиток, но он не захотел продавать.»

— Я тебя помню, — заявил я, как только Ит сообщил мне эту информацию, — ты приносил мне предмет, изготовленный Предтечами, — иридий с камнем.

— Совершенно верно, — он говорил на Бэйсике, слегка шепелявя, — и я его тебе продал.

— Ну нет. Я предложил тебе три сотни, но ты решил, что сможешь получить больше. Ну и как, получил?

Он не ответил на мой вопрос, но резко повернув голову к орбслеонцу, произнёс:

— Он похож на Хайвела Джорна, и знает, что должен знать Джорн.

— Похож? — движение кончика щупальца преобразовалось транслятором в вопрос. — Что тебе не нравится?

— Он моложе.

Я постарался изобразить на лице нечто вроде снисходительной усмешки.

— У человека, находящегося в бегах, может не быть времени и денег на пластическую операцию, но уж омолаживающие таблетки он себе позволить может.

Фатфарианец ответил не сразу. Мне хотелось увидеть его лицо без этих огромных очков. Потом он произнёс почти безразличным тоном:

— Может быть и так.

Всё это время немигающий взгляд орбслеонца был

устремлён на меня. Затем его щупальце вновь затрепетало.

— Ты, оценщик, можешь пригодиться. Оставайся.

Я покинул комнату, не зная, пленник ли я по-прежнему, или уже служащий. Нас с Итом отвели в каморку на нижней палубе, где обыскали, отобрали скафандр и бокс, и оставили одних. Я попробовал открыть дверь и вовсе не был удивлён, обнаружив, что она заперта. Мы оставались пленниками, неизвестно лишь, в какой мере.

XII

В данный момент мне нужно было только одно — сон. Жизнь в космосе протекает по искусственному распорядку, мало связанному с солнцем или луной, днём или ночью в том смысле, как это понимают на планетах. Когда корабль находится в гиперпространстве, заняться на борту нечем, и люди обычно спят, когда чувствуют усталость, и едят, когда голодны, а какое-то систематическое измерение времени отсутствует. Я не знал, как давно я в последний раз ел или спал, но теперь усталость и голод пробудились во мне.

Комната, куда нас поместили, была очень маленькой и бедной по части обстановки. В ней всё было подчинено экономии места. Имелась откидная койка, убирающаяся в стенную нишу, крохотная душевая кабинка и автомат для подачи пищи.

Решив на всякий случай проверить, не включён ли он, я нажал на единственный рычажок (выбора блюд, очевидно, не предусматривалось). К моему огромному удивлению на панели зажёгся огонёк и нижняя её часть откинулась, предъявив нам закрытый поднос с пищей и запечатанный сосуд с жидкостью.

Судя по всему, обитатели Вейстара были не слишком избалованы изобилием, или же полагали, что незваные гости заслуживают только необходимого для жизни минимума. Я получил обычный космический паёк, питательный, но совершенно безвкусный, предназначенный кото-

рого было лишь поддержание сил человека, а никак не удовлетворение его гастрономических запросов.

Мы с Итом поделили между собой эту пищу, так же как и противный витаминный напиток из сосуда. И как только я выбросил посуду в мусоросборник, я понял, что спать хочу не меньше, чем только что хотел есть. Зато у Ита были совсем другие планы.

«Камень», — он мысленно послал слово, как приказ. Мне не требовалось переспрашивать, какой камень он имеет в виду.

«Зачем?»

«Ты полагаешь, я пойду на разведку в теле пвата?»

На разведку? Но как? Дверь была заперта, а снаружи, несомненно, находилась охрана. Не исключено также, что в комнате установлено устройство для наблюдения.

«Нет здесь ничего такого, — Ит, похоже, был уверен в этом, — а насчёт того, как отсюда выбраться...»

Он указал на узкую трубу под потолком, в которую небольшое существо вполне могло пролезть, если снять закрывающую отверстие решётку.

Я сравнил размеры теперешнего тела Ита с диаметром этого лаза. Когда я впервые попробовал такой способ изменения внешности, я полагал, что это лишь иллюзия, правда не только зрительная, но и осязательная тоже. Но теперь — неужели Ит действительно изменился в размере, и стоящее передо мной создание на самом деле было в несколько раз больше моего компаньона?

«Камень!» — повторил Ит, не отвечая на мои мысли. Казалось, он очень спешит, и я отвлекаю его от какого-то срочного дела.

Я взял камень в руку. Хотя Ит и утверждал, что за нами не следят, я не хотел держать его на виду. Я смотрел на Ита, стараясь увидеть не покрытого мехом гуманоида, а котамутанта, пока тот, наконец, не появился у моих ног.

Убрать решётку оказалось несложно. Ит, воспользовавшись мною в качестве лестницы, стремительно забрался в трубу и удалился, не сообщив мне ни когда он вернётся,

ни куда лежит его путь. Хотя этого он, возможно, не знал и сам.

Я хотел удержаться ото сна, полагая, что Ит время от времени будет мысленно связываться со мной, сообщая об увиденном, но моё тело нуждалось в отдыхе, и в конце концов я упал на койку и забылся крепким сном.

Первым, что я увидел, когда, наконец, проснулся, с трудом открыв глаза, был Ит. Он вновь был в своей мохнатой личине и лежал, свернувшись в шар. От удивления я сразу же вышел из сонного оцепенения.

Как ему удалось восстановить маскировку? Меня пронзил стах и рука моя метнулась к поясу, но там я с облегчением нащупал камень.

Тем временем Ит, целый и невредимый, поднялся, моргая и потягиваясь, словно так же как и я пробудился от крепкого сна.

«Идут гости», — он, казалось, ещё не проснулся окончательно, но мысль его была вполне отчётливой.

Я поплёлся в душ, где быстро привёл себя в более или менее бодрое состояние. Не успел я добраться до пищевого аппарата, как дверь отворилась и один из людей орбслеонца заглянул в комнату.

— Босс желает тебя видеть.

— Я ещё не поел, — исходя из предположения, что я теперь являюсь в определённом смысле протее орбслеонца, я решил продемонстрировать некоторую независимость.

— Хорошо. Ешь, — то, что он сделал эту уступку, удивило меня и придало уверенности. Впрочем, большего от него ожидать не следовало — он встал в дверях, наблюдая, как я заказываю здешнюю неаппетитную пищу и делюсь ею с Итом.

— Ты, — охранник уставился на мутанта, — ты чем занимаешься?

— Бесплезно с ним разговаривать, — поспешно символизировал я, — транслятор нужен. Это мой пилот, то есть бывший пилот. Разумен лишь на четверть, но в качестве техника совсем не плох.

— Понятно. Ну а всё равно, кто он? — Я не знал, спрашивал ли он из праздного любопытства, или выполнял приказ разузнать побольше. Но раз уж я начал благо-разумно снабжать Ита легендой, то стоило её развить.

— Это пват, с Формала, — продолжил я свои измышле-ния, вспомнив имя, которое мутант дал сам себе. В галактике так много планет, на которых существуют ра-зумные или псевдоразумные формы жизни, что никто не может сказать, что знает хотя бы тысячную их часть.

— Он останется здесь, — когда я собрался выходить, охранник преградил Иту дорогу.

Я покачал головой: «Он эмпатик. Без меня он убьёт себя.» — Это была ссылка на то, что я раньше считал выдумкой — рассказы о неких существах, которые дости-гают такой степени взаимной эмоциональной привязан-ности, что не могут существовать друг без друга. Но если всего лишь год назад я был твёрдо уверен, что место, где я теперь находился — тоже не более, чем сказка, то и в других причудливых легендах могло быть немало правды. По крайней мере охранник принял всё это за чистую монету и позволил Иту проковылять за мной по коридору.

Мы не вернулись в ту комнату, где орбслеонец допра-шивал меня, а вместо этого попали в уменьшенную копию столь знакомой мне закладной лавки. Здесь стоял длинный стол, уставленный множеством всяческих измерительных приборов — такой лаборатории могло позавидовать боль-шинство оценщиков, живущих на внутренних планетах. А вдоль стен висели полки с «секретами» — замками, кото-рые открывали доступ к их содержимому только по при-косновению пальца конкретного лица.

«Следящее устройство», — предупредил Ит. Впрочем об его наличии я и сам догадался, поняв, зачем меня сюда привели. Они собирались проверить, какой из меня оцен-щик. Дело было не из лёгких. Чтобы пережить это испы-тание, я должен был вспомнить всё, чему научил меня человек, которым я сейчас притворялся и то, чему я научился, выйдя из-под его опеки.

Вещи, предназначенные для оценки, были разложены на столе под прозрачным защитным покровом. Я шагнул прямо к ним, сразу приступив к делу, которым занимался всю жизнь.

Предметов было всего четыре. Оправленные в металл самоцветы ярко горели, словно светились изнутри.

Первым было ожерелье — короссы, чудесные камни из сарголианских морей, особо ценимые сарарикийцами за их удивительное свойство источать тонкий аромат при соприкосновении с теплом тела.

Я посмотрел камни на просвет, взвесил их в руке и понюхал каждое звено, после чего небрежно бросил ожерелье на стол.

— Искусственные. Скорее всего, работа Рампера с Норстеда, или кого-то из его учеников, — примерно пятидесятилетней давности. Они использовали маркийские благовония — пять, может быть, шесть пропиток, — вынес я вердикт и обратился к следующему предмету. Обращался я не к охраннику и не к двум другим людям, присутствующим в комнате, а к тем, кто наблюдал за мной при помощи камеры.

Следующий камень был вставлен в очень простую оправу. Горевший в нём тёмный огонь на пару секунд остановил мой взгляд. Затем я положил его в чашку инфраскопа и снял два измерения.

— Это очень похоже на земной рубин, причём первоклассный. Несомненно, без трещин. Но он подверглся двум способам обработки. Один я могу определить, со вторым встречаюсь впервые. В результате изменён цвет. Первоначально он был намного светлее. Необходимо провести лабораторный анализ, конечно, без вреда для качества. Но я думаю, любому гемологу было бы непросто с ним разобраться.

Третьей вещью был браслет из красноватого металла, однако на поверхности, где был нанесён орнамент, ясно был заметен золотистый отсвет. Создавая узор из цветов и листьев, мастер использовал это свойство, и золотые

линии переливались, подчёркивая изящество гравировки и придавая ей объёмность. Ошибки быть не могло — я вспомнил, как отец показывал мне подобную вещь, правда, тогда это был небольшой кулон, который он затем продал в музей.

— Это работа Предтеч и она подлинная. Единственный предмет такого рода, который я видел раньше, был найден в гробнице на Ростанде. Археологи решили, что он намного древнее, чем сама гробница. Вероятно, похороненный там ростандианец сам где-то нашёл его. Происхождение пока неизвестно.

В противоположность трём предыдущим, последний предмет представлял собой убогую металлическую штуку цвета свинца с неправильной формы кучкой плохо огранённых камней. Только центральный камень, каратов, наверное четырёх веса, имел какую-то ценность, да и то был обработан совершенно бездарно.

— Камперельская работа. В центре — сапфир, который стоит огранить заново. Остальные, — я пожал плечами, — не стоят возни. Побрякушка для туристов. Если это, — я повернулся к двоим безмолвно сидящим людям, — лучшее, что вы можете мне показать, то слухи о богатствах Вейстара сильно преувеличены.

Один из них подошёл к столу, чтобы уложить драгоценности обратно под защитный покров. Я уже подумал, не уведут ли меня сейчас обратно в камеру, когда монотонный голос босса заскрежетал из встроенного в стену динамика.

— Как ты и догадался, это была проверка. Ты увидишь остальные вещи. Сапфир — ты сможешь его огранить?

Я вздохнул про себя с облегчением. Мой отец не обладал соответствующей подготовкой, и мне не нужно было пытаться сделать это.

— Я оценщик, а не огранщик. Нужно иметь опыт, чтобы привести в порядок камень, с которым обошлись таким вот образом. Я думаю, следует обратиться, — я судорожно вспоминал, — к таким фирмам, как Фатка или Нийджила.

— Опять мне пришла на помощь память — на этот раз я вспомнил, как Вондар предупреждал меня, что у некоторых торговцев на окраинах в реестрах имеются два, а то и три разных списка — тех камней, которые продаются открыто, и тех, что продаются из-под полы. Их связи с Гильдией не были доказаны, но предполагались. Но то, что я способен назвать их, лишний раз доказывало, что мне случилось действовать на грани законности.

На некоторое время воцарилось молчание. Я молча стоял, переминаясь с ноги на ногу.

— Ведите ко мне, — проскрипел, наконец, селектор.

Меня вновь доставили в комнату, где босс-орбслеонец покачивался в своей чаше с жидкостью. К её краю был приделан небольшой откидной столик, на котором покоился один единственный маленький кусочек металла.

Его форма была хорошо мне знакома. Кольцо, предназначенное для ношения поверх толстой перчатки космического скафандра. Только в его оправе не было Камня Предтеч, тусклого и безжизненного. Оно было как две капли воды похоже на то, из-за которого погиб мой отец. Но самая важная часть отсутствовала. Я понимал, что это ещё одно испытание, только на сей раз проверялись не навыки оценщика, а мои познания в несколько иной области. Мой рассказ должен содержать достаточно правды, чтобы убедить их.

«Работают контрольные устройства», — Ит перехватил мою мысль.

— Что это? — босс не тратил время на предисловия.

— Можно мне осмотреть его? — спросил я.

— Возьми, посмотри и скажи! — прозвучал приказ.

Я взял кольцо. Без камня оно ещё больше напоминало погнутый бесполезный кусок металла. Как много отважусь я сказать? Они должны немало знать о «смерти» моего отца. Значит, надо сказать им всё, что он знал.

— Я видел одно такое раньше. Но оно было с камнем, — я начал с правды. — С тусклым камнем. Он подвергся какой-то обработке, которая сделала его совершенно без-

жизненным, не имеющим никакой ценности. Кольцо было найдено в космосе, на руке мёртвого чужака, предположительно — Предтечи, и принесено в качестве залога в мою лавку.

— Не имеющим ценности... — прощёлкал голос босса.
— Но ты всё-таки купил.

— Оно было сделано чужаками, Предтечами. Всё, что мы узнаём о них — важная информация, способная сделать богатыми некоторых людей. Немного здесь, немного там, а в конце концов приходишь к открытию. Само по себе кольцо ценности не имеет, но во-первых, его возраст, а во-вторых, непонятно, почему его носили поверх перчатки от скафандра, — за это можно и заплатить.

— А почему его носили поверх перчатки?

— Не знаю. Много ли нам известно о Предтечах? Они даже не принадлежали к одной цивилизации, расе или эпохе. Закатане имеют сведения о четырёх разных звёздных империях, существовавших до того, как они сами создали цивилизацию, и предполагают, что их было ещё больше. Города могут рухнуть, солнца угаснуть, но кое-какие предметы, при удачном стечении обстоятельств остаются. Вы знаете, в космосе вещи могут сохраняться очень долго. Всё, что мы знаем о Предтечах, дошло до нас в виде таких вот крупиц и кусочков, каждый из которых стоит очень много.

«Он спрашивает, — сообщил мне Ит, — но вопросы исходят не от него.»

«От кого же?»

«От кого-то поглавнее, чем этот моллюск, — Ит впервые употребил уничижительное выражение, позволив презрению проникнуть в свой мысленный сигнал, — это всё, что мне известно. Тот, другой, использует какой-то защитный экран.»

— Это было кольцо, — повторил я и положил помятый кружок обратно на столик. — В нём был камень, который здесь отсутствует, и оно напоминает то, что нашли на

Предтече и которое хранилось некоторое время у меня.

— Было у тебя — а теперь где?

— Спросите об этом, — ответил я резко, — у тех, кто, решив, что я мёртв, перерыл всю мою лавку. — Теперь я лгал, но заметит ли это детектор? Я ожидал, что ложь будет разоблачена, однако, по крайней мере, присутствующие в этой комнате никак на неё не отреагировали. А если мои слова сойдут за правду, то в определённых кругах Гильдии будут заданы весьма неприятные вопросы, что, впрочем, никак не могло мне повредить.

— Достаточно, — продребезжал селектор, — сходи в торговый зал, посмотри.

Мой конвоир направился к двери. Он не отдавал приказов, но на поясе у него висел танглер, и я не стал оспаривать его право вести меня туда, куда приказал его начальник.

Мы миновали одну из галерей, окружающих открытое пространство в центре станции. Из-за слабого притяжения двигаться приходилось, держась за поручень и не отталкиваясь сильно ногами от пола. Затем по винтовому стержню с поручнями вместо ступеней мы, почти как на гравитационном лифте, спустились на три уровня вниз от того, где располагались апартаменты босса, и попали в шумное торговое место, где сновали земляне, земляне-мутанты, а также чужаки-гуманоиды и негуманоиды.

Большинство из них носили корабельную форму, но без всяких официальных эмблем и знаков отличия. И все они были вооружены станнерами, хотя лазеров я вроде бы не заметил. Мне пришло в голову, что здесь, возможно, действует запрет на ношение более опасного оружия.

В комнате, куда меня привели, отсутствовало сложное лабораторное оборудование. Другой орбслеонец, очевидно низкой касты, так как у него были дополнительные клешни на боковых конечностях, которые удаляли у важных персон, сидел в своей чаше с жидкостью. Судя по всему, он был предупреждён и ожидал моего появления. Ничего не выстукивая на своём трансляторе, он шупаль-

цем указал мне на сиденье у стены, куда я покорно и сел, а Ит скорчился у моих ног. Здесь были ещё двое, и увидев их, я содрогнулся, осознав, в каком бесконечно далёком от любых законов месте я нахожусь.

В галактике всегда существовало рабство — иногда на отдельных планетах, иногда в системах или группах систем. Но был вид рабства, куда более тошнотворный, чем использование захваченных на войне пленников для сельскохозяйственных работ. И эти... эти... вещи... представляли собой результат именно этой разновидности рабства, ради уничтожения которой Патруль работал много десятилетий.

Слуги орбслеонца были гуманоидами — но только отчасти. Они подверглись таким изменениям, хирургическим и генетическим, что не могли больше считаться людьми, по крайней мере в том смысле, в котором определяет понятие «человек» шкала Ланкорокса. Они были, скорее, живыми машинами, запрограммированными на выполнение определённых функций, и не знающими ничего иного. Один из них сидел, уронив руки на стол, его дряблое тело было расслаблено, как будто энергия, поддерживающая в нём псевдожизнь, полностью покинула его. Другой быстро, ловко и аккуратно работал над ювелирным украшением — инкрустированным драгоценными камнями шейным обручем, какие по большим праздникам надевают вайверны на Варлоке. Он вынимал камни из креплений, с безупречной точностью сортировал их и раскладывал в соответствии с качеством в коробочки, рядком стоящие перед ним. Голова его была огромной и неправильной формы, а глаза, в каждом из которых теснилось по несколько зрачков, неподвижно смотрели в пространство.

«Он — наблюдатель, — сообщил мне Ит. — Он видит всё и обо всём сообщает, не анализируя увиденное. Второй — передатчик.»

«Экстрасенс!» — Я внезапно испугался, испугался, что бесформенный кусок мяса, сидевший перед нами, сможет

перехватить наш мысленный обмен и узнать, что мы с Итом — большее, чем кажемся.

«Нет, он работает в другом диапазоне, — возразил Ит, — разве что его хозяин прикажет...»

Он замолчал, и я понял, что мутант тоже осознаёт угрожающую нам опасность.

Я не знал, зачем меня прислали сюда. Время шло. Раб-наблюдатель продолжал свою работу над обручем, пока все камни не были извлечены, после чего металлическая оправа тоже было уложена в коробку побольше. Затем в его ловких пальцах появилась изящная тиара, в которую он начал вставлять только что вынутые из обруча камни. Хотя не все они были использованы, вещь, получившаяся в результате этой операции, в любом из ювелирных магазинов внутренних планет могла стоять не меньше тысячи кредиток.

В чём заключались мои обязанности, если таковые существовали, мне не сообщили. И хотя манипуляции раба-наблюдателя и привлекли ненадолго моё внимание, вскоре собственное безделье начало утомлять меня. Но в такой ситуации любой человек через какое-то время захочет чем-нибудь заняться, так что моя скука вряд ли могла показаться подозрительной.

Я ёрзал на стуле, который словно становился всё более жёстким и неудобным, когда в помещение вошёл человек. Он был одет в китель капитана космического корабля, но без эмблемы компании, и, похоже, он был хорошо знаком с этим заведением, поскольку, обогнув стол, за которым сидели рабы, направился прямо к орбслеонцу.

Он приложил левую руку к пояснице — так же, как часто делал и я, проверяя сохранность камней в поясе. Чужак-орбслеонец раскрыл откидной столик, точно такой же, каким пользовался его начальник, демонстрируя мне кольцо. Затем посетитель расстегнул китель и извлёк из-под его полы очень знакомый мне предмет — зоран. Орбслеонец обхватил камнень щупальцем и без предупреждения швырнул его мне. Я совершенно рефлекторно поймал зоран в воздухе.

— Что?! — капитан резко обернулся ко мне, схватившись за рукоятку станнера. Я, не обращая на него внимания, осмотрел камень.

— Первоклассный, — объявил я. Камень и в самом деле был отличный, вероятно, лучший из виденных мною за последнее время. Кроме того, он был хорошо обработан и вставлен в изящную оправу, позволявшую носить его в виде кулона.

— Благодарю, — саркастически произнёс капитан. — И кто же вы такой?

— Хайвел Джорн, оценщик, — ответил я. — Желаете продать?

— Ну не послушать же, какой он хороший, — парировал он. — С каких это пор Вону обзавёлся оценщиком?

— С сегодняшнего дня, — тут я посмотрел камень на просвет и сообщил: — Мутное пятнышко.

— Где? — он в два шага пересёк комнату и выхватил зоран у меня из рук. — Все пятнышки от того, что ты на него дышишь. Камень — лучше не бывает. — Он повернулся к орбслеонцу: — Четыре пункта.

— Зораны не стоят четырёх пунктов, — проскрипел транслятор, — даже самые лучшие.

Капитан нахмурился и сделал полшага к выходу.

— Тогда три.

— Один.

— Нет! Тардорк даст больше. Три!

— Иди к Тардорку. Два и не больше.

— Два с половиной.

Я не имел ни малейшего представления, в каких единицах шла торговля, но явно не в обычных кредитках. Вероятно, на Вейстаре была своя шкала ценностей.

Орбслеонец, казалось, принял окончательное решение.

— Только два. Иди к Тардорку.

— Ладно, два, — капитан швырнул камень на столик, свободное щупальце чужака протянулось к панели с маленькими кнопочками и его кончик набрал на ней какую-то комбинацию. Затем вновь заработал селектор.

— Два пункта. У четвёртого причала можешь получить припасы.

— Два! — проревел капитан, выходя, и яростно захлопнул за собой дверь.

Чужак снова бросил камень, на этот раз наблюдателю, который немедленно убрал его в одну из коробочек. Как раз в это время в комнату ввалился мой конвоир.

— Эй, ты! — он указал от меня. — Пошли.

Довольный, что избавился от сидения в этом скучном местечке, я вышел.

XIII

«Главный Босс», — предупредил Ит, подтверждая мою догадку о том, куда нас ведут. Мы вновь поднялись на несколько палуб, миновав ту, где располагались апартаменты орбслеонца, и оказались на одном из верхних этажей. На шершавой поверхности стен были видны стёршиеся следы орнамента. Видимо, вне зависимости от того, кто строил станцию, эта палуба предназначалась для высокопоставленных особ.

Меня довольно бесцеремонно втолкнули в дверь. Охранники остались снаружи. Они лениво попытались пресградить путь Иту, но он неожиданно шустро проскользнул между ними. Мне показалось странным, что они не последовали за мной. Но секундой позже я понял, что обитатель этого жилища не нуждается в их присутствии, потому что сделав шаг вперёд, я больно ударился о барьер из силового поля.

За невидимой стеной находилась комната, обставленная как номер шикарной гостиницы на какой-нибудь внутренней планете. Однако предметы обстановки не соответствовали друг другу, отличаясь иногда даже по размеру, словно некоторые из них предназначались для тел больших или, наоборот, меньших, чем, например, моё. Единственным, что их объединяло, были дороговизна и роскошь, доходящая иногда до крайней вульгарности.

Посреди всего этого великолепия развалившись в кресле, восседал сам Босс. Он был земного происхождения, но некоторые детали его внешности указывали на мутацию. Возможно он принадлежал к расе, происходившей от первых колонистов. Его волосы были пострижены так, что торчали жёстким гребнем над частично выбритым черепом, из-за чего он напоминал какого-нибудь торговца былых времен. Кожа была коричневой, а не просто покрытой космическим загаром, а на лице белели два шрама, слишком симметричных и несомненно нанесённых намеренно, которые шли от углов глаз к подбородку по обе стороны рта.

Как и претенциозное убранство комнаты, его одежда представляла собой пёструю смесь стилей, принятых на разных планетах. Длинные ноги, которые он вытянул, положив для пушего комфорта одну на другую, были обтянуты высокими мягкими сапогами, оторочеными серебристо-белым мехом. Одет он был в блестящий, чёрный с серебром, мундир адмирала Патруля, украшенный звёздами из драгоценных камней. При этом рукава мундира были отрезаны, оставляя руки открытыми по самые плечи. На запястьях красовались широкие иридиевые браслеты. Один из них был инкрустирован земными рубинами чистой воды, а другой — сапфирами и локралами, которые, чередуясь, создавали гармонический контраст синего и зелёного. Оба браслета были выполнены в весьма варварском стиле.

Кроме того, верхняя кромка гребня на его голове была схвачена полоской золотистого с зеленоватым отливом металла. К ней был прикреплён свисающий на лоб кулон с отличным десятикаратовым короссом. В общем — предводитель пиратов во всей своей красе.

Я не знаю, зачем он нарядился во всю эту мишуру — просто от дурного вкуса или чтобы продемонстрировать таким образом несметность своих богатств. Обычно представители высших эшелонов Гильдии в выборе одежды были скорее консервативны, нежели экстравагантны. Но

возможно, он, как хозяин или один из хозяев Вейстара, не принадлежал к Гильдии.

Он задумчиво смотрел на меня. И когда я встретился взглядом с этими тёмными глазами, мне показалось, что его одеяние — нечто вроде маски, призванной ошеломить и сбить с толку того, с кем он имеет дело.

— Мне сообщили, — он говорил на Бэйсике без всякого акцента, — что ты разбираешься в вещах Предтеч.

— В известных пределах, Благородный Человек. Я видел и имел возможность исследовать около десятка произведений их искусства.

— Вон там, — кивком головы он указал налево от меня, — посмотри на то, что лежит там, и скажи мне, подлинные ли это произведения Предтеч?

Предметы, которые он хотел оценить, покоились на круглом столе из салодианского мрамора. Там была длинная цепь из соединённых между собой металлических пластинок, украшенных замечательными крошечными розовыми камнями. Она могла быть как поясом, так и ожерельем. Рядом с ней находилась корона или тиара, которую, впрочем, вряд ли смог бы носить человек, поскольку она была не круглой, а овальной формы. Следующим был кубок, покрытый гравировкой и инкрустированный камнями, расположенными, скорее, случайно, чем в каком-то порядке. И, наконец, там было оружие в ножнах или кобуре. Его рукоять была изготовлена из нескольких разных металлов, каждый — своего цвета, причудливо переходящих один в другой.

Я понял, что мы нашли то, ради чего забрались в это осиное гнездо. Перед нами была большая часть найденного закатанами клада. Зилврич слишком хорошо описал мне его, чтобы я мог ошибиться. Там были и ещё несколько предметов, но лучшие и самые важные лежали здесь.

Именно кубок привлёк моё внимание, хотя я знал, что если Босс ещё не разгадал значения внешне беспорядочных линий и камней на его поверхности, то ни в коем случае нельзя было дать ему понять, что это — звёздная карта.

Я шагнул в сторону стола, остановившись перед силовым барьером, и позволил себе проявить настойчивость, как, несомненно, поступил бы на моём месте настоящий Хайвел Джорн.

— Я не смогу произвести оценку, Благородный Человек, если не изучу вещи вплотную.

Он нажал на кнопку, расположенную на подлокотнике кресла, пропуская меня, но я заметил, что когда я приблизился к столу, он вновь дважды нажал на неё, и я, без сомнения, оказался взаперти.

Я взял витую цепь и осторожно ощупал её. В прошлом я видел немало артефактов, созданных Предтечами. Некоторые из них были в коллекции моего отца, другие мне показывал Вондар Астл. Кроме того, кое-что я изучал по стереоснимкам. Но этот украденный клад был богатейшим из всего, что мне доводилось осматривать. Подлинность этих вещей не вызывала сомнений, даже если бы я ничего не знал об их недавнем прошлом. Но, как известно, существовало несколько цивилизаций Предтеч, и стиль этих произведений был для меня новым. Возможно, закатанская экспедиция наткнулась на остатки ещё одной, ранее неизвестной, звёздной империи.

— Это произведения Предтеч. Но, я полагаю, нового вида, — сказал я боссу, который по-прежнему неотрывно глядел на меня. — Поэтому их ценность несравненно выше, чем цена просто как ювелирных изделий. В самом деле, я даже не берусь определить их стоимость. Вы можете предложить их Комиссии Вайдайка, но не исключено, что даже они не в состоянии предложить настоящую цену.

— Камни, металл — если разобрать?

Этот вопрос вызвал во мне внезапную вспышку злости и отвращения. Сама мысль о том, чтобы уничтожить эти сокровища ради металла и камней, звучала кошунственно для всякого, кто понимал, что они из себя представляют.

Но он задал прямой вопрос и мне не следовало выказывать свои чувства по этому поводу. Я поочередно брал в руки все предметы, с трудом преодолевая искушение

повнимательнее рассмотреть кубок со звёздной картой.

— Все камни небольшие, — дололжил я, — огранка не соответствует современной моде, что снижает их ценность, но если попытаться огранить их заново, то получится ещё хуже. Металл — нет. Только происхождение и история этих вещей делает их бесценными.

— Я так и думал. Пожалуй, будет трудно найти им покупателя.

— Есть коллекционеры, Благородный Человек, чьи возможности, быть может, не столь велики, как у Вайдай-ка, но которые будут готовы использовать все доступные им источники средств, чтобы получить хоть один из лежащих перед Вами предметов. Он будут знать, что это незаконная сделка и сохранят своё приобретение в тайне. Такие люди известны Гильдии.

Он ответил не сразу, продолжая смотреть на меня, словно читая мои мысли, а не прислушиваясь к моим словам. Но я был достаточно сведущ в искусстве телепатической связи, чтобы понять, что он этого не делает. Я решил, что он просто раздумывает над услышанным.

Но меня обеспокоило нечто совсем иное, что сперва встревожило, а затем восхитило меня. Я почувствовал тепло, исходившее от кармашка в моём поясе, где лежал Камень Предтеч. И поскольку я не пользовался им теперь, это могло означать лишь одно — где-то рядом находится другой такой же волшебный камень. Я посмотрел на самый вероятный объект — корону, но не увидел предательского свечения. И тут меня коснулась мысль Ита:

«Кубок!»

Я протянул руку, как бы для того, чтобы заново осмотреть этот предмет, и на его поверхности обнаружил яркий огонёк, к счастью, не замеченный Боссом. Один из внешне заурядных камней, обозначавших, как я полагал, звёзды, ожил!

Подняв кубок, я небрежно повернул его, накрыв ладонью Камень Предтеч, и сразу же ощутил его живое тепло.

— Какая вещь кажется тебе самой значительной? — спросил Босс.

Я поставил чашу на место, но так, чтобы он не увидел светившегося камня, и посмотрел на весь набор, словно пытаюсь выбрать.

— Я думаю, что вот эта, — я прикоснулся к странному оружию.

— Почему?

Я понял, что это тоже была проверка, и на сей раз я провалился.

«Он знает!» — предупреждение от Ита пришло как раз в тот момент, когда Босс потянулся к кнопке на подлокотнике.

Я швырнул в него оружие, которое держал в этот момент в руке. По какой-то невероятной, неожиданной случайности удар пришёлся ему в лоб, прямо под кулон с короссом. Силовое поле не защитило его, так как я тоже находился внутри. Он даже не вскрикнул. Его глаза закрылись и Босс мягко осел в кресле. Я резко повернулся к двери, уверенный, что он успел вызвать охрану. Силовое поле могло защитить меня, но оно же держало меня в западне.

В дверь ворвались охранники. Один из них закричал и выстрелил из лазера. Силовое поле остановило луч, и отражённая волна пламени ударила в стрелявшего. Тот покачнулся, выронил оружие и рухнул на пол.

— Здесь есть выход, — Ит подскочил к креслу и схватил странное оружие, лежавшее на коленях у Босса. Я сгрёб в охапку остальные сокровища и вслед за Итом рванулся к стене, где мутант, нажав на кнопку, уже открыл потайную дверь. Когда она захлопнулась за нами, он снова послал мне мысль:

— Это вряд ли сможет надолго задержать их, кроме того, впереди установлена сигнализация и заслоны. Я заметил их, когда ходил на разведку. Достаточно включить их, и мы окажемся в ловушке.

Я прислонился к стене, расстёгивая китель и складывая за пазуху то, что унёс с собой.

— Ты знаешь, как отсюда выбраться? — спросил я его. Мы сбежали из комнаты совершенно не задумываясь, чисто рефлекторно, и теперь я опасался, что мы сами загнали себя в тупик.

— Есть старые ремонтные шахты. В шлюзе лежат скафандры. Им постоянно приходится латать обшивку. Всё зависит от того, как быстро мы сумеем добраться до шлюза.

Гравитация практически отсутствовала, и мы плыли в темноте, хватаясь за поручни на стенах. Похоже, такой способ передвижения практиковался здесь и раньше. Но меня беспокоило то, что ожидало нас впереди. Предположим, нам повезёт настолько, что мы сможем найти скафандры, надеть их и выбраться на внешнюю поверхность станции. Но для того, чтобы добраться до оболочки из разбитых кораблей и отыскать шлюпку, нам придётся пересечь пустое пространство. И тут наши шансы были ничтожно малы. Понятно, что за нами теперь гнался весь Вейстар, причём они охотились за нами на своей, хорошо знакомой территории.

— погоди, — предупредил меня Ит. Я резко остановился, врезавшись в него. — Впереди ловушка.

— Что нам делать?

— Тебе — ничего. Не мешать мне, — отрезал он.

Я ожидал, что он двинется вперёд, чтобы обезвредить то, что нас ожидало. Но он этого не сделал. А я, хотя и не ощутив никакого мысленного контакта, тем не менее почувствовал то, что могло быть только потоком мысленной энергии, устремляющимся куда-то вперёд, а Камень Предтеч в моём поясе вдруг раскалится, обжигая тело.

— Всё в порядке, — доложил Ит. — Теперь путь свободен, по крайней мере, часть пути...

Мы миновали ещё две такие же невидимые ловушки, и, наконец, открыв скользящую панель в стене, оказались под круглым колпаком на внешней поверхности станции. Там мы нашли скафандры, о которых говорил Ит. Поскольку вместе со своей добычей я не смог втиснуться

внутри даже самого большого скафандра, чашу и тиару пришлось отдать Иту, которому был велик даже самый маленький из них.

Но как добраться до внешней оболочки и найти шлюпку, я по-прежнему не представлял себе. Правда, оба скафандра были укомплектованы импульсными излучателями, предназначенными для передвижения в невесомости, но я полагал, что их мощности не хватит, чтобы преодолеть открытое пространство, и, вдобавок, мы будем прекрасно видны со станции. Но с нами сокровище и кроме того...

— Кстати, насчёт моей ошибки. Босс действительно знает, что представляет собой кубок? — спросил я.

— Отчасти. Он знает, что это карта.

— И они не будут сознательно уничтожать её? — мне очень хотелось в это поверить.

— Это только твои предположения, — возразил мутант. - Но, к сожалению, это единственное, на что мы можем рассчитывать.

Я открыл дверь шлюза и мы выбрались наружу. Магнитные подошвы удерживали нас на поверхности станции. Мы с Итом уже выходили однажды в космос таким способом, и я вновь ощутил тот невыносимый страх, что охватил меня тогда, когда обшивка корабля вольных торговцев ушла из-под ног и я поплыл в бескрайнюю пустоту.

— Но здесь пустота имела границы. Грузовой корабль, вслед за которым мы вошли в этот порт, исчез, но рейдер и яхта по-прежнему висели над станцией, и, помимо всего прочего, нас окружала сплошная масса из разбитых кораблей. Входа же в тот узкий тоннель, сквозь который мы проникли сюда, видно не было.

Медлить было нельзя. Может быть, нам удастся добраться до обломков, а может, нам не хватит энергии, но оставаясь на месте, мы рисковали быть пойманными раньше, чем попытаемся проверить это. Тем не менее, мы предварительно привязались один к другому при помощи

страховочного троса, каким пользуются ремонтные рабочие, чтобы прикрепляться к поверхности станции. Так, связанные, мы стартовали между двумя зловеще нависавшими над нами кораблями.

«Я не могу дотянуться до пусковой кнопки своего движка», — сообщил Ит. Это могло оказаться для нас последним ударом. Хватит ли мощности моего излучателя на двоих?

Я нажал на кнопку и почувствовал толчок, оторвавший меня и скафандр с сидящим внутри Итом от обшивки. Нашей целью был ближайший обломок корабля. Добравшись до него, можно было попытаться разыскать тоннель. Но я ожидал, что нас вот-вот захватит силовой луч. Почему-то я был уверен, что Босс не рискнёт применить аннигилирующее оружие, способное вместе с нами уничтожить и его сокровища.

Струя пламени за спиной продолжала толкать меня вперёд, несмотря на то, что Ит, вращаясь на тросе, тормозил движение. Никакой погони или силовых лучей пока не было. Впрочем, особой радости по этому поводу я не испытывал, скорее наоборот, был полон дурных предчувствий. Я был уверен, что нас заметили, и в любой момент могут поймать.

Движок отключился, когда мы были ещё очень далеко от цели. В этот момент Ит по какой-то случайности оказался впереди меня, и я увидел, как дёргается из стороны в сторону его скафандр, словно он совершал внутри отчаянные усилия, чтобы дотянуться до выключателя.

Я не понял, что он сделал, но его оболочка вдруг рванулась вперёд, увлекая за собой и меня. Скоро мы приблизились к стене из обломков брошенных кораблей, которая теперь стремительно надвигалась на нас. Мне хотелось верить, что Ит в состоянии контролировать скорость своего движения, и мы не врежемся в эту массу искореженного металла. Любой острый обломок легко мог проткнуть оболочку наших костюмов и убить нас на месте.

Ит вновь закрутился, стараясь погасить скорость. Хотя я почти не мог контролировать своё движение, но тоже постарался развернуться ногами вперёд, чтобы смягчить столкновение. Сила, влекущая нас вперёд, была куда больше, чем у моего двигателя, и я внезапно догадался, что Ит использовал Камень Предтеч, который был вставлен в кубок с картой, чтобы нарастить мощность ракеты.

«Выключай! — я послал эту мысль, как приказ. — Если ты не остановишься, нас разорвёт в клочья!»

Может быть он не смог этого сделать, но спустя мгновение мои подошвы больно ударились о тот небольшой ровный участок поверхности, в который я целился. Я потянулся вперёд, пытаясь схватить скафандр Ита. Он сумел развернуться и скользнуть вдоль осколков, достаточно далеко от них, чтобы не зацепиться. Магнитные подошвы моих башмаков удерживали меня на поверхности, но недолго. Хотя мне и удалось резким рывком остановить Ита, сила, влекущая его вперёд, сорвала меня с места и потащила вслед за ним.

Мы двигались вдоль обломков, крутясь и извиваясь, чтобы избежать столкновения с ними. Среди этой массы препятствий визуальные сканнеры вряд ли могли обнаружить нас, но любой прибор, реагирующий на тепло, с лёгкостью бы сделал это. А я не сомневался, что на Вейстаре такие приборы имелись.

Неужели они не решались атаковать нас из-за страха уничтожить сокровище? Быть может, они подали команду включить внешнюю защиту, чтобы заперев нас, затем, не спеша, подобрать? Например, когда у нас кончится кислород?

— Я думаю, они хотят взять тебя живым, — вмешался Ит в мои мрачные размышления. — Они догадываются, что ты знаешь истинную ценность карты. И они хотят знать, в чём она заключается. Кроме того, возможно, они знают, что Хайвел Джорн не воскресал из мёртвых. Мне иногда удаётся читать мысли, я не уверен, что я смог выяснить всё, о чём думают обитатели этого гнездышка.

Меня мало интересовало, какие мотивы двигают нашими врагами. Я сосредоточился на поиске путей к спасению, если таковые вообще существовали. Будь у нас время, мы могли бы облететь вокруг стены из обломков в поисках выхода. Но наш запас воздуха этого не позволял.

— Впереди корабль с разбитой кормой, — неожиданно сказал Ит. — Я видел его раньше!

Я действительно увидел разбитую корму, похожую на полуоткрытый рот. Во мне тоже шевельнулось воспоминание: как раз перед тем, как нас припечатал силовой луч, я держался рукой за край этой пробойны. Я не мог поверить в такую удачу, но, похоже, мы находились совсем рядом с выходом.

Ит совершил ещё один, последний бросок, и мы оказались в тоннеле. Передвигаясь от опоры к опоре, я начал пробираться по нему, таща за собою скафандр Ита. Я дрожал от усталости и боялся, что моих сил не хватит, чтобы пройти весь путь. Каждый рывок требовал огромного напряжения. Я забыл про всё вокруг, сосредоточившись только на движении вперёд.

Не знаю, как мы добрались до ниши, где оставили шлюпку, и забрались в шлюз. Но как только я захлопнул за нами люк, моя энергия иссякла, и я опустился на пол, не в силах даже пошевелиться, безучастно наблюдая, как Ит пытается поднять неуклюжий рукав скафандра, чтобы дотянуться до замка, терпит неудачу и с мрачным упорством пытается вновь.

Видимо, ему это всё же удалось. Вокруг меня, наполняя камеру, зашипел воздух, и внутренний люк распахнулся. Скафандр Ита начал трястись и извиваться, и вот мутант выбрался наружу и мстительно пнул его, подполз ко мне, чтобы расстегнуть застёжки моего защитного костюма.

Корабельный воздух вернул меня к жизни, и я сумел сбросить эту оболочку и заползти в кабину. Ит, опередив меня, занял место пилота, нажимая на кнопки, чтобы вывести шлюпку из ниши и отправиться отсюда прочь.

Я с трудом забрался в кресло и с облегчением откинулся

в нём. В этот момент я не верил, что у нас есть хоть малейшая надежда прорваться сквозь внешнюю защиту Вейстара. Мы неизбежно должны были встретить силовое поле, которое остановит нас, как того и хотели наши преследователи. Но дерзкое желание продолжить бой заставило меня взять в руки Камень Предтеч. Первым делом я уничтожил свою маскировку, по крайней мере, полагал, что уничтожил. У меня не было зеркала, чтобы проверить это.

И тут у меня появилась идея вновь прибегнуть к перевоплощению. Теперь, если они наведут на нас контрольный луч, они будут, во всяком случае, озадачены.

— Так сейчас и случится, — сообщил Ит и закрыл наглухо своё сознание, целиком сосредоточившись на выводе шлюпки из тоннеля.

Как много времени мне оставалось? Камень жёг мои руки, но я продолжал сжимать его. Я не мог наблюдать за изменением своей внешности, но напряг все оставшиеся у меня силы и энергию. И, наконец, я расслабился, полностью обессиленный, не в состоянии даже отложить в сторону причинявший мне боль Камень.

Я посмотрел мутным от усталости взглядом на своё тело и увидел, несомненно, те самые отороченные белым мехом высокие сапоги, а над ними блестела серебром адмиральская форма. Руки были открыты, на запястьях сверкали браслеты с камнями. Я надеялся, что с помощью Камня Предтеч, сделался точной копией Босса. Теперь, когда они наведут на нас контрольный луч, их замешательство может дать нам шанс.

Ит не обернулся, но его мысль прозвучала в моей голове:

— Отлично сделано. А вот и луч.

Я ничего не почувствовал и мне оставалось лишь поверить ему на слово. Собрав последние крохи энергии я выпрямился в кресле, чтобы придать себе мало-мальски бодрый вид. Неожиданно Ит ударил по пульта мохнатым кулаком. В ответ на этот удар шлюпка рванулась вперёд, и меня отшвырнуло на спинку кресла. Голова закружилась, я почувствовал слабость и провалился в темноту.

XIV

Сознание постепенно возвращалось ко мне. Я лежал, уставившись в потолок, не в силах понять не только где я нахожусь, но даже кто я есть. Воспоминания о недавнем прошлом возвращались путающе медленно. Мы, по крайней мере, ещё существовали, защитные системы пиратской крепости не уничтожили нас. Но свободны ли мы? Не пойманы ли силовым лучом? Я попытался приподняться и кресло подо мной закачалось.

Взглянув на себя, я понял, что больше не являюсь копией Босса, — хотя у приборной панели по-прежнему сидел на корточках покрытый мехом карлик. Моя рука скользнула к карману на поясе. Чем скорее я буду уверен, что стал самим собой, тем лучше. У меня было странное ощущение, что я не смогу ни о чём думать, пока вновь не вернусь в облик Мэрдока Джорна, как будто внешняя маскировка превращала меня не более чем в бледную копию моего отца. Теперь маскировка уже не имела смысла.

— Ты стал собой, — пришла мысль Ита.

Но произошло и ещё что-то. Моя рука лежала на кармане, в котором я много дней, недель, месяцев носил Камень Предтеч. А теперь карман был пуст.

— Камень! — сказал я вслух. Я вскочил, хотя тело моё было совершенно обессилено. — Камень!

Ит повернулся ко мне. Его лицо — лицо чужака — было маской, лишённой всякого выражения.

— Камень в безопасном месте, — вспыхнул мысленный сигнал.

— Но где?

— В безопасном месте, — повторил он. — А ты внешне снова стал Мэрдоком Джорном. Мы прорвались сквозь их защиту. Контрольный луч увидел тебя в личине Босса, и был введён в заблуждение достаточно надолго, чтобы Камень вышвырнул нас за пределы радиуса поражения.

— Ах, вот зачем он был тебе нужен. Но теперь я его заберу, — я держался прямо, хотя для этого мне пришлось

вцепиться в подлокотник кресла. Ит задействовал Камень Предтеч точно так же, как мы использовали его, чтобы увеличить мощность патрульного корабля-разведчика, уходя от погони.

— Я заберу его, — повторил я вновь.

Ит не пошевелился. Хотя я вместе с Ризком работал над переоборудованием шлюпки, я не знал, куда Ит мог положить Камень, чтобы тот наиболее эффективно увеличивал мощность двигателя.

— Камень в безопасном месте, — в третий раз сказал он. До меня, наконец, дошёл смысл этого уклончивого ответа.

— Он мой.

— Наш. — Ит был непреклонен. — Или, если хочешь, был твоим какое-то время.

Ясность мысли вернулась ко мне.

— Тот случай... Когда я превратил тебя в кота... Ты боишься.

— Я получил урок, и больше со мной такого не сделать. Но при неправильном использовании Камень может быть опасен.

— А ты, — я всеми силами сдерживал растущий во мне гнев, — будешь следить, чтобы этого не случилось?

— Именно так. Камень цел и невредим. А ты лучше взгляни-ка туда.

Он указал на предмет, который за неимением лучшего места, лежал на сидении второго кресла. Это был кубок со звёздной картой, нанесённой на его внешнюю поверхность. Я поднял его и поднёс к глазам.

Дно кубка представляло собой полусферу, на которой сверкали маленькие камни, вероятно, обозначавшие звёзды. И теперь, когда у меня была возможность рассмотреть их внимательно, я заметил, что они далеко не одинаковы. Представители моего вида подразделяют звёзды по цвету — на красные, белые, жёлтые, голубые, а также на карлики и гиганты. И похоже, что неизвестный создатель этой карты придерживался той же системы. За исключением лишь одного места, где рядом с жёлтым камнем, обозначавшем, по всей видимости, солнце, в кубок был вделан Камень Предтеч!

Я быстро осмотрел кубок со всех сторон. Да, планеты были обозначены и рядом с другими крошечными звёздами, но это были лишь еле заметные точки. Лишь одну из них изображал камень.

— Как ты думаешь, почему? — едва донёсся до моего разума вопрос Ита.

— Потому, что это их источник! — мне с трудом верилось, что мы нашли то, ради чего отправились на поиски. Мне кажется, моё неверие было порождено подсознательной убеждёностью в том, что это искание станет одним из тех, о которых говорится в старинных балладах и сагах, где конечная цель теряется в непрерывной череде смертельных опасностей и приключений.

Но одно дело — держать в руках звёздную карту, и совсем другое — найти на ней известный ранее пункт. Я не был астронавигатором, и если ни одна из обозначенных на ней точек не совпадёт с теми, что имеются на знакомых нам картах, то можно потратить на поиски всю жизнь и в итоге так и не понять, какая территория на ней обозначена.

— Мы знаем, где её нашли, — заметил Ит.

— Да, если только это не один из тех случаев, когда предмет, оставшийся от древнейшей цивилизации, спрятан тем, кто нашёл его намного позднее и кто никогда ничего не слышал о расе, что изготовила его, не говоря уже о планете, откуда эта раса происходила.

— Закатанин с помощью Ризка, который знает звёздные трассы, может найти ключ к этой загадке. Возможно, большинства звёзд обозначенных здесь, нет на современных картах. Но всё же эти двое помогут нам найти точку опоры.

— Ты собираешься рассказать им всё? — Это меня удивило, так как Ит никогда раньше не предлагал сообщать кому-либо о том, что выданные нами Патрулю тайники не были единственным местом, где существуют Камни Предтеч. На самом деле, все наши искания с самого начала были его идеей.

— Только то, что необходимо. Я скажу, что это шанс

отыскать новый клад. Закатанин не сможет отказать из любви к знаниям, Ризк — из надежды получить прибыль.

— Но ведь Зилврича надо доставить в ближайший порт вместе с его сокровищами. Хотя, конечно... — Я начал понимать, что Ит был не так уж безрассуден, как казалось, предлагая броситься в неизвестность, имея в качестве руководства лишь карту, созданную давным-давно исчезнувшей расой. — Хотя, конечно, мы никому не сообщали, когда мы собираемся вернуть его.

В глубине души я не почти сомневался, что закатанин не сможет противостоять неутолимой жажде знаний, столь свойственной его расе, и добровольно согласится отправиться вместе с нами по маршруту, обозначенному на кубке.

Но, несмотря на то, что я держал в руках эту карту, моё внимание вновь обратилось к более важному в этот момент предмету.

— Ит, камень.

— Камень в безопасном месте, — он всё так же не был склонен распространяться на данную тему.

Имелся, конечно, и другой камень, который по сравнению с нашим был лишь крохотной частичкой вещества, такого невзрачного на взгляд любого, кто не знал об его необычайных свойствах. Интересно, зависит ли от размеров камня его способность наращивать энергию? Я вспомнил, как Ит вызвал тот всплеск энергии, что пронёс нас вдоль барьера из обломков. Неужели его причиной послужила эта бесцветная песчинка, которую я вполне мог прикрыть самым кончиком своего мизинца? Должно быть, мы знали лишь малую часть возможностей Камней Предтеч.

Больше всего мне хотелось вернуться на корабль и убраться подальше от Вейстара. Но шлюпка всё ещё летела, и продолжительность её движения начала беспокоить меня. В принципе, мы должны были уже миновать место посадки на мёртвой луне.

Возвратное устройство — я повернулся, чтобы посмот-

реть на прибор. Его индикатор сообщал, что он настроен на возвращение к «Вендвинду». Внезапно меня одолело сомнение в его исправности. Большинство изменений в системе управления, сделанные Ризком, были временными, и выполнить их было непросто, хотя, безусловно, познания вольного торговца в ремонте и переделке аппаратуры существенно превосходили навыки обычного космолётчика.

А если связь с кораблём была неисправна? Мы могли очень даже просто заблудиться в пространстве. Но, похоже, пока мы всё-таки держали курс.

— Конечно, — вмешался в мои мрачные размышления Ит, — только летим мы не к луне. И если они выйдут в гипер...

— Ты хочешь сказать, что они взлетели? Не дожидаясь нас? — этот страх, похоже, тоже таился в глубине моего сознания. Наш визит на Вейстар был настолько безрассудным предприятием, что Ризк и закатанин вполне могли списать нас со счетов сразу, как только мы отправились на пиратскую базу. Или же Зилвричу стало хуже и пилот, видя, что дело зашло слишком далеко, решил оказать ему помощь... Я мог представить себе множество причин, по которым «Вендвинду» пришлось стартовать. Но мы всё ещё держали курс куда-то, курс, который сохранится лишь до тех пор, пока корабль не выйдет в гиперпространство для межсистемного броска. Когда это случится, мы окажемся брошенными на произвол судьбы, и нам останется либо возвращаться на Вейстар, либо садиться на одну из мёртвых планет.

— Если они собираются покинуть систему, то они выйдут в гипер.

— Они не знают этой системы, и для того, чтобы совершить бросок, им нужно сначала уйти за орбиту самой дальней планеты, — напомнил мне Ит.

— Камень — может быть стоит использовать его энергию, чтобы догнать их?

— Это очень опасно. Совместные манёвры в простран-

стве корабля и шлюпки... — казалось, Ит просто сообщал мне то, о чём думал в этот момент. Он изучил контрольную панель и покачал головой. — Здесь нет нормальной системы управления, сплошная импровизация и в решительный момент всё это может отказать.

— Короче, выбор из двух зол, — я подвёл итог. — Можно остаться здесь и ждать смерти, или же попытаться догнать корабль, пока мы держим с ним связь. Но почему, — меня вдруг осенила новая мысль, — Ризк не знает, что мы следуем за ними. Приборы должны были это зарегистрировать.

— Приёмник на корабле мог выйти из строя. А может быть, они предпочли не ждать.

Если пилот не захотел ждать... У него был «Вендвинд», у него был закатанин и у него было отличное объяснение нашего исчезновения. Он мог вернуться в ближайший порт со спасённым археологом на борту, с координатами Вейстара для передачи Патрулю и с кораблём, который он мог получить в качестве компенсации по контракту. Всё одно к одному, все козыри у него на руках. А у нас ничего. Кроме Камня Предтеч.

— Садись в кресло, — предупредил Ит. — Я попробую разогнаться при помощи Камня. Лишь бы только корабль не ушёл в гипер.

Я снова откинулся на спинку. Ит остался за контрольной панелью. Сможет ли выдуманное им тело чужака выдержать перегрузку без использования защитных устройств шлюпки? Если Ит потеряет сознание, я не смогу занять его место, и наша шлюпка легко может врезаться в «Вендвинд» со скоростью снаряда.

В прошлом мне приходилось испытывать перегрузки на кораблях, рассчитанных на высокую скорость. Но на шлюпке всё было не так. Её основным назначением была эвакуация людей с повреждённого корабля, и поэтому она должна была выдерживать кратковременные перегрузки при старте. Другое дело, каково было в ней находиться теперь, при постоянной нагрузке. Я лежал, вдавленный

ускорением в кресло, едва не теряя сознание. Казалось, будто сам материал, из которого были сделаны стены шлюпки, протестовал против этой страшной скорости. А на поверхности кубка, до сих пор лежавшего у меня на коленях, мерцал огонёк — это крошечный камень отвечал на шквал энергии, вызванной его большим собратом.

Я лежал, распластавшись в кресле, и словно сквозь туман смотрел на покрытое мехом тело Ита, его пальцы, судорожно вцепившиеся в панель, ожидая, что в любую секунду наша связь с кораблём может оборваться, и «Вендвинд» уйдёт в гиперпространство, навсегда покинув нас в этой мёртвой системе.

Может быть, это показалось мне под действием перегрузки, или Ит, оглушённый скоростью, уже не контролировал своих действий, но я увидел, как его рука мучительно медленно подползла к тумблеру на панели и нажала на него. Чудовищное давление исчезло. Я вырвался из кресла, и, положив туда Ита, встал перед горевшими на приборной панели огоньками индикаторов. Я понимал назначение каждого из них — Ризк успел в своё время научить меня правильно реагировать на их сигналы.

Мы подошли вплотную к «Вендвинду» и теперь нам нужно было причалить к нему. Большую часть работы должна была выполнить автоматика, но могли возникнуть проблемы, которые я должен буду решать сам.

Мучительно тянулись бесконечные секунды. Я смотрел на датчики приборной панели, от показаний которых зависела жизнь или смерть не только наша, но и корабля, к которому мы приближались, в любой момент готовый внести поправки. И вот мы оказались у цели. На экране возникло изображение открытого люка, ведущего в ангар для шлюпки. Когда его створки закрылись за нами, экран погрузился в темноту. Я облегчённо вздохнул. Но Ит неожиданно вскочил и вцепился в подлокотник.

— Беда. Сейчас... — он не успел закончить мысль.

Я не могу описать то, что произошло — в человеческом языке нет для этого слов. Мы не успели занять места в

креслах, не успели подготовиться. Нас даже не предупредили. Корабль вышел в гиперпространство...

Рот был полон крови. Она текла по подбородку. Открыв глаза, я увидел темноту, темноту, от которой возникло страшное ощущение слепоты. Всё тело было пронизано болью, при попытке шевельнуться переходившей в неистовую агонию. Но мне как-то удалось поднести руку к голове, и я почувствовал под пальцами липкую кровь.

Я ничего не видел!

— Ит! — простонал я. Звук эхом прогремел в ушах, пронзая мозг огнём.

Ответа не последовало. Темнота не исчезала. Я попытался на ощупь узнать, что творится вокруг меня. Рука упёрлась во что-то твёрдое. Возникло воспоминание. Я был в шлюпке. Мы вернулись на корабль за секунду до того, как он вышел в гипер.

Я не знал, насколько серьёзно я ранен. Так как шлюпка изначально предназначалась для спасения пострадавших в космических катастрофах, мне нужно было только вновь оказаться в кресле, и автоматически включившееся устройство окажет мне помощь.

Я попытался найти кресло. Хотя одна рука мне подчинялась, другой я не мог шевелить совсем. Я не нащупал ничего, кроме стены. Тогда я пополз, касаясь её пальцами. Кабина шлюпки была настолько тесной, что я сразу же должен найти одно из кресел. В полной темноте я водил рукой из стороны в сторону. Она не касалась ничего.

Если я был в шлюпке, то не найти в ней кресла было невозможно. Мысль о кресле, которое могло уменьшить боль, сделать тонизирующие и заживляющие инъекции, так поглотила меня, что я заставил себя приложить ещё большее усилие, чтобы найти его. Но кресла не было. Где бы я теперь не находился, это место не было шлюпкой. Моя рука опустилась на пол и нащупала неподвижное маленькое тельце. Ит! Пальцы сообщали мне, что он был не таким, каким я видел его в последний раз, а просто Итом, мутантом, как он был от рождения.

Я провёл ладонью по его пушистому боку, и мне показалось, что я заметил еле заметную пульсацию, словно его сердце всё ещё билось. Затем я попытался на ощупь проверить, не получил ли он заметных ранений. Темнота — я не мог позволить себе признать, что ослеп, — стала густой и давящей. Я тяжело дышал, как будто отсутствие света означало также и отсутствие воздуха. Я боялся, что так оно и есть, и нас будут держать здесь, пока мы не задохнёмся.

Ит не отвечал на мои мысли, которым я изо всех сил старался придать связность. Мы явно находились на борту «Вендвинда», запертые в одной из пустых кают внизу. Дверь не поддавалась моим слабым усилиям. Всё это могло означать лишь одно: Ризк взял власть в свои руки. Я не знаю, что он мог наговорить закатанину. Впрочем, наши действия были достаточно странными, чтобы послужить основой для какой-нибудь истории о том, что мы находимся вне закона, а его самого затащили на борт против желания (что, кстати, так и было). Хотя закатане и телепаты, но Ризк мог говорить только чистую правду и Зилврич поверил бы ему. Вполне возможно, нас теперь везли, чтобы выдать Патрулю за захват заложников и связи с Вейстаром. Выстраивая факты один за другим, я с ужасом понимал, что позиция Ризка безупречна, и Зилврич должен поддерживать его.

То, что мы помогли вернуть часть сокровищ, не означало равным счётом ничего. Забрав их с Вейстара, мы вполне могли удерживать их вместе с закатанином с целью получения выкупа. Такие дела не столь уж редки.

И если Ризк занесён в чёрный список, то выдав нас, он может быть реабилитирован. А если меня подвергнут глубокому дознанию, обнаружится вся афёра с Камнями Предтеч, и станет ясно, что мы вели с Патрулём двойную игру. Ризку останется только по прибытии в ближайший порт изобразить кристально честного человека, и с нами будет покончено.

Положение дел казалось безнадежным. У нас, на мой

взгляд, не было никаких преимуществ. Если бы с нами был один из Камней Предтеч, то при нынешнем умении использовать их необычные свойства у нас имелся бы шанс на победу. А Ит... Если он не умер, или не умирал, он мог бы...

Я осторожно поднял маленькое тело Ита, положив его голову к себе на плечо и поддерживая его здоровой рукой. Мне показалось, что пульс больше не ощущался. На мои мысленные призывы он не реагировал. Похоже, он был мёртв. И в этот момент я забыл о том, как меня раздражало его вторжение в мою жизнь, о том, как бесцеремонно он командовал мною. Может быть, мне нужна была такая зависимость от более сильной воли — моего отца, Вондара Астла, потом Ита...

Но я не считал, что это конец. Если Ит мёртв, то Ризк заплатит за его гибель. Я подумал о том, какую помощь могли бы оказать Ит и Камень. Но ни того, ни другого со мной теперь не было. Оставался только я сам, и я не считал себя побеждённым.

Мне всегда казалось, что я не экстрасенс. До встречи с Итом подобные способности у меня никак не проявлялись. Он сумел открыть мой разум, и я многому научился у него. В один не слишком приятный день он устроил мне мысленный контакт с другим человеком, чтобы доказать офицеру Патруля нашу невиновность. Затем он научил меня галлюцинационной маскировке, и уже я сам открыл, что используя Камень Предтеч, можно совершить полное превращение.

Но Ит — он был мёртв или близок к смерти. Ни Камня, ни Ита не было со мной. Я был ранен, неизвестно насколько тяжело, и я был пленником. Оставался лишь маленький, ничтожно маленький проблеск надежды — закатанин.

Он был телепатом, как и Ит. Мог ли я обратиться к нему, как-то его позвать?

Я смотрел в темноту, которая могла стать моим уделом на всю оставшуюся жизнь, но в моём сознании возникло лицо Зилврича, каким я запомнил его. И я старался удержать перед собой этот образ не для того, чтобы

изменить внешность, а в качестве отправной точки для мысленного поиска. Я посылал не конкретную мысль, а мольбу о внимании, крик о помощи.

И я почувствовал прикосновение! Но если мысли Ита, точно также, как и мысли закатанина в его присутствии, были ясны и отчётливы, то сейчас это была путаница из стремительно меняющихся ощущений, в которых я не мог разобраться, сливающихся в хаотический, утомительный шум.

Ит служил соединительной линией, без которой я не мог обойтись. Без него я лишь снова и снова повторял свои попытки, до тех пор, пока ураган мыслей чужака не сведёт меня с ума. Я взвесил шансы. Я мог оставаться пленником Ризка, не зная, что за судьбу он мне предназначил. Или же вновь попробовать установить контакт с закатанином. Не в моих привычках было сдаваться после первой же попытки.

Осторожно, как человек ищущий путь через зыбкую трясины, готовую проглотить его, я послал ещё один сигнал. Но на сей раз я продумал своё послание — медленно, образ за образом. Я не пытался «сказать» Зилвричу что-либо, в том виде, как я разговаривал с Итом. Я просто вновь и вновь повторял эти мысли, чтобы он мог воспринять их. Но я боялся, что мой медленный темп окажется столь же непонятным для него, как его стремительный — для меня.

Раз, два, три, четыре раза повторил я свой призыв. Больше я выдержать не мог. Боль в теле была ничем по сравнению с болью, охватившей мой мозг. И я потерял контакт, так же, как и сознание...

Укол острия иглы... Я вздрогнул от этого ощущения, сперва слабого, а затем всё более настойчивого. Я сопротивлялся ему, пытаясь удержаться в безопасности небытия. Укол — напоминание о том, к чему я не хотел возвращаться.

— Ит? — Нет, нет, это был не Ит...

«Подожди...»

Ждать? Чего ждать, кого? Мне всё равно. Ит? Нет, Ит умер. И я должен умереть. Смерть — это покой, ни забот,

ни чувств, ни мыслей. Мне так нужен покой — свобода от жизни, от боли, пронизывающей душу и тело. Ит мёртв, и я тоже мёртв, или умру, когда исчезнет эта острая игла и оставит меня в покое.

«Проснись...»

Проснуться? Ждать, просыпаться... Не имеет смысла. Ничто не имеет смысла.

«Проснись!»

Грохот в голове... Удар, удар пришедший извне. Я покачал головой, словно стараясь вытряхнуть из неё этот голос.

«Проснись же!» — Голос пронзил меня болью, и эта боль вывела меня из обморока. Я тихо стонал, плакал в темноте, просил, чтобы меня оставили в покое и дали спокойно умереть.

«Проснись!»

В черепе гулко стучал молоток. Теперь я ясно слышал свой плач, но не мог перестать плакать. И вместе с болью пришло и сознание, оно стало барьером, мешавшим мне вновь провалиться в небытие.

«Проснись! Держи!»

Что держать? Бессильно упавшую голову? Мне нечего было держать.

Потом я почувствовал внутри своего разбитого мозга — нет, не слова, что-то другое, — давление, которое служило опорой моим слабым мыслям. И это продолжалось, пока я широко открытыми глазами всматривался в пустоту, так же изменившийся внутри, как менялся внешне при помощи галлюцинаций, порождённых Камнем Предтеч. Я знал, что эта поддержка продлится не долго. И за это время я должен попытаться помочь себе сам.

XV

С огромным трудом мне удалось подняться на ноги. Здоровой рукой я по-прежнему прижимал к себе Ита. Другая рука висела, как плеть. Я был готов идти, но куда? Навстречу чему или кому? От сознания того, что я всё так

же заперт в этой тёмной камере, я был готов вновь упасть в обморок.

«Подожди. Приготовься», — в этом послании звучало напряжение, словно тот, кто передал его, совершал какое-то отчаянное усилие.

Затем раздался звук — тихий скрип, и сердце моё громко забилося: я не ослеп, справа от меня вспыхнула полоска света! Я обернулся в этом направлении — светлая полоса стала шире, превратившись в щель, сквозь которую я смог протиснуться — хотя от яркого света глаза заслезились.

Я выбрался наружу и привалился к стене, слишком обессиленный, чтобы повернуться и посмотреть на того, кто меня освободил. Наконец, уперевшись плечом в стену, я смог увидеть его.

Зилврич, которого я в последний раз видел на лазаретной койке, неподвижно лежал на полу, уперевшись в него руками. Совершенно очевидно, он был на исходе сил, целиком ушедших на то, чтобы доползти до двери моей камеры. С трудом подняв голову, он произнёс:

— Ты свободен. Ты можешь отдохнуть.

Свободный, но безоружный, я был почти так же слаб, как и закатанин. Но я не был сломлен. Как-то сумев положить Ита на пол, я обхватил Зилврича здоровой рукой и потащил его обратно в кровать. Потом вернулся, чтобы подобрать мутанта, и принёс его в каюту, осторожно прижимая к себе, хотя никакая забота уже не могла вернуть к жизни это маленькое тело.

— Скажи мне, — я был рад перейти на Бэйсик, избегнув мучительного для меня контакта с разумом чужака, — что произошло?

— Ризк, — Зилврич говорил медленно, словно каждое слово давалось ему с трудом, — решил полететь на Лайлстэну, вернуть меня и сокровища.

— И выдать нас, — закончил я, — как замешанных в дела Гильдии.

— Он хотел, чтобы его реабилитировали. Я не знал, что вы вернулись живыми — до твоего мысленного сигнала.

Он сказал, что вы погибли, когда корабль вышел в гиперпространство.

Я взглянул на прижатое к моей груди неподвижное тельце.

— Один из нас действительно погиб.

Внутри корабля я был свободен. Но я сомневался, что могу изменить ход событий. Ризк вернётся на Лайлстэну и надо мной нависнет угроза ареста. Дело даже не в том, что пилот теперь контролировал ситуацию. Если меня допросят с использованием сканеров, то на свет выплывет вся история с Камнями Предтеч.

Камень Предтеч!

Ит спрятал его где-то на шлюпке. Насколько я понимаю, Ризк об этом не подозревает. Если я снова смогу взять его в руку — я не знаю точно, каким образом его можно использовать в качестве оружия, но он без сомнения обладает возможностями такого рода. Шлюпка... Но Камень спрятал Ит, а он мёртв.

Кубок — если бы он у меня был, то по свечению камня, вставленного в него, я мог бы отыскать свой.

— Сокровища — где они?

— В сейфе, — Зилврич вскинул на меня пронзительный взгляд.

В сейфе... Если Ризк закодировал сейф на свой отпечаток пальца, то у меня не было никакого шанса получить кубок. Он будет заперт до тех пор, пока пилот не соизволит его достать.

— Нет, — казалось, что закатанин, как и Ит, мог читать мои мысли, хотя это и не имело значения. — Нет, сейф запер я.

— Он разрешил?

— Пришлось. Что это за вещь, для поиска которой тебе нужен кубок? Оружие?

— Я не знаю, можно ли его использовать как оружие. Но это источник энергии невероятной мощности. Ит спрятал его в шлюпке.

— Помоги мне отпереть сейф.

Это был как раз тот случай, когда хромой ведёт безногого. Путь был недалёким, но дался нам тяжело. Но я всё же смог поддержать чужака, пока он открывал сейф и извлекал оттуда кубок. Закатанин крепко прижимал его к себе, пока я вёл его обратно в каюту.

Прежде чем отдать кубок мне, он внимательно осмотрел его со всех сторон, и указав пальцем на крохотный Камень Предтеч, произнёс:

— Вот, что ты ищешь.

— Мы давно ищем это, Ит и я, — больше не было смысла скрывать правду. Нам уже не придётся отправиться в путь между звёзд, не нанесённых на карты, чтобы отыскать древний мир, откуда берутся такие камни. Но было дело, которое нужно было сделать теперь и здесь — найти тот камень, что спрятал Ит.

— Это карта, и ты думаешь, что на ней указано место, где лежит тот клад, который ты ищешь?

— Этот клад больше, чем найденный тобою в гробнице. — И я, как мог кратко, рассказал ему историю о Камнях Предтеч — о том, что был в кольце моего отца, о тех, что лежали в тайнике на неизвестной планете и о том, который Ит утаил от Патруля. Я рассказал, как мы использовали эти камни.

— Понятно. Тогда возьми, — Зилврич протянул мне кубок. — Найди спрятанный камень. Похоже, что обнаружив это, мы оказались на пороге громадного открытия, но открытия, таящего в себе такие опасности, что прежде чем рассказать о нём, стоит много раз подумать.

Я прижал к себе кубок так же, как держал Ита, опираясь о стену плечом, поковылял к лестнице, с которой я скорее не спустился, а упал, и направился к отсеку, где находилась шлюпка. Последние шаги дались мне так мучительно, что я едва не упал.

Я вновь забрался в машину, так хорошо послужившую нам, и с надеждой посмотрел на Камень Предтеч. Он мигнул и загорелся, наполнившись жизнью. Я не вполне понимал, как смогу использовать его в своих поисках, так

как яркость свечения не менялась. Но нужно было попытаться.

Сперва я неуклюже двинулся к хвосту шлюпки, не замечая изменений в свечении Камня. Но когда я приблизился к правому борту, кубок в руке шевельнулся, будто пытаюсь вырваться. Я разжал пальцы. Точно так же, как в тот раз, когда впервые пробудившийся Камень Предтеч привёл меня к заброшенному кораблю, где лежали его собратья, кубок стукнулся о борт и застыл, прилипнув к обшивке.

Я дёрнул за край панели, надеясь, что Ит, спрятав Камень, не закрыл её слишком плотно. Обломав ногти и изрезав пальцы об острую кромку, я начал уже было впадать в отчаяние. Одной рукой я мало что мог сделать.

Но я продолжил усилия и в конце концов мне, видимо, удалось сдвинуть запор, потому что целая секция стены отвалилась, и моим глазам предстало яркое сияние большого Камня. Кубок скользнул ему навстречу, и один камень соприкоснулся с другим. Я даже не пытался разделить их. Взяв кубок, я пустился в обратный путь.

Когда я осел на кровать рядом с Зилвричем, поставив кубок между нами, я был измотан настолько, что не мог шевельнуться, даже мысли мои были тусклы и текли вяло и бесполезно. Теперь, найдя второй камень, я не знал, как смогу использовать его против Ризка. Похоже, что достигнув этого маленького успеха, я исчерпал свои силы.

Ит лежал на краю койки закатанина. Одна из чешуйчатых ладоней чужака коснулась его головы.

— Он не умер.

Я вырвался из засасывавшей меня летаргии.

— Но...

— В нём есть ещё искорка жизни, маленькая, тусклая, но есть.

Я не медик, да если бы я им и был, то не обладал бы знаниями, необходимыми, чтобы исцелить полученные мутантом раны. Моя собственная беспомощность усугубляла дело.

Ит умрёт, и я ничем не смогу ему помочь.

Или смогу?

Совсем рядом с головой Ита стоял кубок с двумя прилипшими друг к другу камнями. Камень Предтеч был силой. Он был силой, способной изменять нашу внешность и сохранять эти изменения. И он смог превратить Ита в кота, когда я неожиданно для него решил произвести такое превращение. Так не могу ли я попробовать не превращать его, а вернуть ему жизнь?

Пока не утасла последняя искра, я обязан попытаться.

Я поднял свою бессильную и бесполезную левую руку правой, и положил её онемевшую ладонь на камни, не боясь, что они могут обжечь её. Правую руку я положил на голову Ита. Я дал задание мозгу представить своего друга живым. Так, с рукой, на которой теперь навсегда останутся шрамы, с собственным сознанием, полным решимостью, я вступил в битву против самой смерти, или с тем, что вид, к которому принадлежал Ит, считал концом существования. Я хотел, чтобы энергия, протекавшая через меня, превратила замеченную Зилвричем искорку жизни в огонь.

Камни источали ослепительное сияние, из-за которого я опять ничего не видел вокруг себя. Но я продолжал удерживать перед собой образ живого Ита, я держался, хотя всё внутри меня рвалось и дрожало от боли и страха.

Я, наверное, ещё не пришёл в сознание. Не знаю, как мне удалось выиграть эту битву. Наверное, только потому, что я держался до конца. И вот я увидел свою обгоревшую руку, лежавшую ладонью вверх на колене, кубок и камень, прикрытые полой кителя. Ит сидел на корточках, прижав передние лапки к бокам. Он был полон жизни, и казалось, совершенно невредим.

Я уловил отзвук мысленного разговора между закатыном и моим компаньоном. Но мне так сложно было сейчас сосредоточиться на чём-либо, что этот разговор казался мне тихим и невнятным шёпотом или бормотанием.

Ит, двигаясь со свойственным ему необычайным проворством, принёс аптечку, осмотрел мою руку и сделал

инъекцию, чтобы снять боль. Но для меня это не имело никакого значения. Я увидел, как закатанин кивнул в ответ на что-то предложенное Итом, и мутант вынес кубок из комнаты, вероятно, чтобы вновь спрятать его. Но мне больше всего на свете хотелось спать...

Разбудил меня голод. Я по-прежнему находился в каюте закатанина. Если за время, пока я спал, его и навестил Ризк, то признаков того, что меня пытались вернуть в камеру, я не заметил.

Ит примчался в каюту, как будто я, проснувшись, подал ему какой-то сигнал. Во зубах он притащил два тюбика с пищевыми концентратами. Увидев их, я забыл обо всём остальном. Но едва выдавив один из них себе в рот и сделав несколько торопливых глотков (хотя в нормальной обстановке такая пища не вызвала бы у меня аппетита), я задал вопрос:

— Ризк?

— Пока мы в гипере, ему делать нечего, — доложил Ит. — Он нашёл себе развлечение. Похоже, что когда корабль конфисковывали за контрабанду, его недостаточно хорошо обыскали. Ризк ухитрился найти тайник с ворхсом, и теперь сладко спит у себя в каюте.

Ворхс — штука достаточно мощная, чтобы усыпить кого угодно. Правда, будет ли такой сон сладким — это другой вопрос. Это был не просто опьяняющий напиток, на землян он действовал ещё и как галлюциноген. То, что Ризк обыскал корабль, меня не особенно удивило. Скука космического путешествия может сподвигнуть любого человека, запертого в четырех стенах во время броска через гиперпространство, на подобные развлечения. А Ризк знал, что этот корабль когда-то возил контрабанду.

— Ему помогли, — сообщил Ит. Он был так энергичен, что поневоле становилось завидно.

— Кто, ты?

— Наш просвещённый коллега, — Ит кивнул в сторону закатанина.

— Мне показалось, что Ризк питает слабость к выпивке,

— подтвердил Зилврич. — Хотя, конечно, нехорошо играть на чужих пороках, случается, что подобной щепетильностью необходимо пожертвовать. Я предположил, что можно взять грех на душу. Думаю, что мы можем обойтись без общества Ризка.

— Когда мы выйдем из гипера в системе Лайлстэны, мы окажемся на территории, контролируемой Патрулём, — кисло заметил я.

— Можно выйти из гипера и уйти туда опять, прежде чем наши бортовые сигналы будут опознаны, — возразил Зилврич. — Я обязан сообщить о нападении на наш лагерь, это правда. Но у меня также есть обязанности перед теми, кто послал туда нашу экспедицию. Эта карта — находка, какая случается раз в тысячи лет. Если мы сумеем отыскать ключ к расположению обозначенной на ней планеты, то разведывательный полёт туда значит больше, чем передача сообщения о рейде.

— Но пилот — Ризк. Он не согласится выйти за пределы нанесённых на карты областей. Кроме того, он решил выдать нас.

— Не нанесённые на карты? — задумчиво повторил закатанин. — Не вполне уверен. Посмотрите...

Он включил стереопроектор, установленный в рубке. Нажатием пальца он высветил на стене звёздную карту. Не будучи астронавигатором, я не умел читать её, разве что понять расположение звёзд и узнать координаты для гиперпространственного броска, горевшие рядом с каждой из них.

— Это граница «мёртвой зоны», — сообщил мне Зилврич. — слева от тебя, третья с краю, — угасшая система, где находится Вейстар. Она была открыта триста лет назад по вашему исчислению, судя по датировке на карте. Это одна из старых Синих Карт. Теперь посмотри на кубок, представь, что мёртвое солнце этой системы — это красный карлик, и поверни кубок на два деления влево.

Я взял кубок и медленно повернул его, переводя взгляд с него на стереокарту. Хотя я и не разбирался в таких

картах, я понял, что он прав! На кубке была обозначена не только сторевшая система красного карлика — умиравшего солнца, там был нанесён маршрут, ведущий от него к Камню Предтеч.

— Никаких координат для гиперброска, — заметил я. — Эта задача совершенно невероятна, даже разведчик, подготовленный к броскам наугад, вряд ли вернётся назад.

— Посмотри на кубок через это, — Ит, кажется, собрал приспособления со всего корабля, потому что вещь, которую мне дал закатанин, была моей собственной ювелирной лупой.

Посмотрев на созвездия, выгравированные на поверхности кубка, я заметил мельчайшие отметинки, но не смог разобрать ни одной из них.

— Вероятно, их коды для гипербросков, — пояснил закатанин.

— Но для нас они не годятся.

— Не уверен. У нас есть такие же координаты мёртвой системы. Поэтому...

— Ты можешь сделать это? — Конечно, он был археологом, и такие загадки были ему знакомы. Возможно, от того, что я был сыт, а моя рука пребывала в лучшем состоянии, чем раньше, ко мне возвращалась уверенность не только в себе, но и в знаниях и талантах моих компаньонов.

Когда я поставил кубок на пол, перевернув его верх ногами, к нему сразу же подбежал Ит. Он взял в лапки лупу и наклонился над картой, будто нюхая её.

«Это можно сделать, — его мысль была не просто ясной, в ней звучала такая уверенность, словно на пути к успеху вообще не было никаких препятствий, — мы вернёмся в мёртвую систему, запустив обратно ленту Ризка...»

— И попадём обратно в это осиное гнездо, — заметил я. — Но продолжай. Что мы будем делать дальше, если Достопочтенный Старейший, — я употребил по отношению к Зилвричу официальную форму обращения, — не сможет расшифровать координаты?

Ит не закрыл свой разум, как он обычно поступал в таких случаях, и я успел уловить проблеск чего-то похоже-

го на растерянность. Раньше я не замечал в его мыслях ничего похожего на страх. Обеспокоенность опасностью — да, бывало, но страх — никогда. Но теперь это было как раз такое чувство.

И в тот же момент меня озарила догадка:

— Ты можешь сделать это! — Быть может, я сам того не желал, но прозвучало это как обвинение.

Голова Ита повернулась ко мне на длинной шее и он посмотрел на меня.

— Старые привычки, воспоминания живут долго, — сказал он туманно. Он беспокойно вертел в лапках лупу, словно не хотел принимать решение.

Я почувствовал промелькнувшее мысленное послание чужака, понять которое не смог. Мне показалось, что Ит и чужак спорят о том, обладает ли Ит познаниями, которые я ему приписал.

— Именно так, — в итоге сообщил мне Ит. — Нет, прочесть эти надписи я не могу. Но они напоминают мне другую форму письменности, более знакомую мне, чем вам обоим.

Таков был его окончательный ответ. Довольно любопытно, кстати, было бы узнать, каким образом он может быть знаком с письменностью, напоминавшую письменность Предтеч, живших миллионы лет назад. Похоже старый вопрос о том, кем — или чем — был Ит, вновь вышел на первый план.

Хотя он никак не прокомментировал своё заявление, осталось впечатление, что мутант не склонен к продолжению дискуссии, и что у него имеются свои причины быть недовольным ситуацией, с которой он столкнулся.

Похоже, мне предстояло выступить в роли его рук. Вернувшись в рубку управления, я приготовился выполнить его инструкции. Как только мы окажемся в системе Лайлстэны, нам нужно будет запустить в обратном направлении ленту с курсом и вернуться в окрестности Вейстара.

Ризк не появлялся. Судя по всему, контрабандное пойло было весьма крепким. Я не представлял себе, что может произойти, если мы выйдем из гиперпространства, а за пультом не будет пилота. Скорее всего мы будем

бессмысленно болтаться по системе, мешая движению, пока какой-нибудь патрульный корабль не зацепит нас силовым лучом и не отбуксирует в порт, решив, что мы потеряли управление.

Я ввёл цифры, которые мне задал Ит, и мы, едва появившись у Лайлстэны, сразу же легли на обратный курс. Вновь оказавшись в гиперпространстве, мы получили массу времени, чтобы сосредоточиться на тех опасностях, которыми нам грозило возвращение к Вейстару. Безусловно, наш удачный побег вместе с сокровищами привёл все защитные системы пиратской крепости в состояние полной боеготовности. Они с полной уверенностью могли предполагать, что поскольку беглецы узнали их координаты, то с одной стороны можно ожидать визита Патруля, а с другой — кое-кто ещё, скорее всего Гильдия, может потребовать отчёта о том, как вышло, что её добыча так быстро исчезла из, казалось бы, абсолютно надёжного места.

Единственное, что мы могли сделать — это не задерживаться в мёртвой системе, чтобы нас не успели заметить. Нам нечем было обороняться против оружия, которым располагали бандиты. Поэтому нам нужно было повторить ту же процедуру, которую мы исполнили возле Лайлстэны: заранее подготовить новый курс и как можно меньше времени находиться в обычном пространстве.

Успех этого манёвра целиком зависел от того, сумеют ли Зилврич с Итом определить этот новый курс. Поскольку я им помочь ничем не мог, на моём попечении остались корабль и Ризк.

Самым разумным, что можно было сделать по отношению к Ризку, было запереть его в каюте на силовой замок. Когда на обратном пути мы вышли в гиперпространство, он протрезвел и вступил в битву с дверным замком, что заставило меня сообщить ему по селектору, что теперь на корабле распоряжаемся мы. Больше ничего я ему объяснять не стал и выключил селектор, оставив без внимания его требования. Вода и пища поступали к нему по системе жизнеобеспечения, и я оставил его в одиночестве обдумыв-

вать, трезво, я надеюсь, содеянные по отношению к «Вендвинду» и его владельцам глупости.

Затем я занялся мелким ремонтом. Я почистил сделанный Ризком самострел и наделал новых зорановых накопечников для дротиков. Я вовсе не собирался отправляться на неизвестную планету без оружия.

Если благодаря какому-то чуду мы всё-таки доберёмся до мира, обозначенного Камнем Предтеч, то неизвестно, с чем нам придётся столкнуться там. Возможно, это окажется планета, на которой мы не сможем находиться без защитных костюмов. Она может быть населена существами, бесконечно превосходящими нас во всех отношениях, и при этом ничуть не менее враждебными, чем Босс Вейстара. Хотя цивилизация, чьим творением был кубок, исчезла миллионы лет назад, на её обломках могли возникнуть новые, и мы могли встретить таких противников, что даже представить себе страшно.

Нашим первым испытанием станет выход из гипера в мёртвой системе. По мере приближения этого момента я становился всё более нервным и возбуждённым. Я почти не виделся с Итом и Зилвричем, разве что, когда принесил им еду и питьё. Я был готов чуть ли не выпустить Ризка, чтобы было с кем поделиться своими страхами.

Но когда слишком долгую тишину разорвал предупредительный сигнал, Ит уже был наготове в рубке управления. Я сел в пилотское кресло, а он свернулся в клубок у меня на коленях. Его разум был плотно закрыт, словно его переполняли бесценные знания, открыть которые раньше времени означало безвозвратно их утратить.

Мы вышли из гипера, и я нажал на кнопки, приготовившись ввести параметры нашей следующей цели. Нам повезло по крайней мере в том, что мы оказались в точке, очень близкой к тому месту, откуда мы покидали систему в прошлый раз, на самом её краю.

Но у нас было слишком мало времени, чтобы поздравлять себя с этой удачей. В рубке зазвучал сигнал тревоги. Нас засекли лучом слежения и теперь мы могли ожидать силового луча. Мои руки лежали на контрольной панели. Я был готов ввести указанный Итом курс. Но успеет ли он задать его, и смогу ли я набрать его прежде, чем враг успеет задержать наш корабль?

XVII

Только благодаря искусству Ризка, мы приземлились точно и аккуратно, на все три стабилизатора. Он посадил корабль так, как это может только мастер экстра-класса. И в который уже раз я задал себе вопрос о том, что же заставило его бросить своё ремесло — только ли любовь к выпивке? Мы ещё некоторое время оставались на своих местах, пока контрольные устройства изучали окрестности и сообщали нам результаты.

Получив их сообщения, я проникся ещё большим уважением к мастерству Ризка. Мы попали точно в узкую щель между стенами устремлённых в небо башен. И теперь, стоя среди этих рукотворных гигантов, мы могли увидеть раны, нанесённые им временем.

Почти все здания были серо-коричневого или синезелёного цвета, без всяких швов или других видимых признаков кладки. Но их некогда гладкую поверхность, на которой не было заметно ни окон, ни дверей, покрывали трещины и провалы.

Ризк повернулся, чтобы проверить датчики атмосферного контроля.

— Арфийский тип, пригодна для жизни, — сказал он, но даже не пошевелился, чтобы покинуть кресло. Я тоже.

В этих бесконечных рядах башен присутствовало нечто такое, что подавляло нас, заставляло почувствовать себя жалкими карликами. Мы казались себе букашками, не способными подняться из пыли, в которой копошимся, окружёнными гигантами, чьи едва видимые в вышине головы окутаны облаками. И повсюду царило неотступное ощущение смерти, давно властвующей в этих местах.

Вокруг нас не было заметно ни признаков растительности, ни какого-либо движения на земле или в воздухе. Это был лес останков, давно покинутый жизнью. Мы не заметили ничего, что могло бы вызывать страх, но тем не менее, во мне росло чувство (и Ризк, судя по его поведению, разделял его), что здесь не было места ничему живому.

— Вперёд! — это был Ит. Его маленькое тело всё напряглось, а когда он поворачивал голову из стороны в

сторону, стараясь получше рассмотреть картины, возникавшие на экране, в его движениях сквозило бешенное нетерпение.

Мы с Ризком поднялись из кресел. Кубок с Камнем Предтеч стоял на полу, и Ит сел рядом с ним, словно охраняя то, что лежало внутри. А камень горел, хотя, быть может, не так ярко, как раньше.

Мы спустились к Зилвричу. Закатанин стоял, опираясь на стену. Он взглянул на Ита, и я догадался, что они обменялись мысленными сообщениями. Я подставил ему своё плечо и вместе с Ризком помог выбраться из люка и спуститься по трапу на лётное поле.

Там мы сразу же услышали протяжный, жалобный звук. Пилот повернулся и посмотрел в сторону одного из узких проходов между башен. В этих проулках царил полумрак, подобный тому, что я видел в лесах на других планетах. Пронзительный стон не умолкал, и мы поняли, что это ветер завывает в трещинах и проломах.

Снаружи всеобщее запустение выглядело ещё ужаснее, чем на экране. У меня не возникало ни малейшего желания исследовать окрестности. Честно говоря, мне казалось, что удалившись от порта, можно попасть в такой лабиринт, выбраться из которого совершенно невозможно. А где искать... Сверху мы видели, что этот бескрайний город покрывает всю сушу и часть моря. То, что мы ищем, может находиться в двух-трёх кварталах отсюда, а может — на другой стороне планеты, и поиски займут многие месяцы.

— Я думаю, что нет! — Ит принёс с собой кубок. Теперь он держал его перед собой, и было видно, как вместе сияют маленькая точка на его поверхности и камень внутри. Ит резко повернул голову направо. — Туда!

Но что бы ни было «там», оно могло находиться на расстоянии многих миль от порта. А Зилврич, безусловно, не сможет пройти на своих слабых ногах даже небольшое расстояние. О том, чтобы оставить кого-то на корабле, на этот раз не могло быть и речи. У нас имелся флиттер, и если двое сядут в грузовой отсек, мы сможем отправиться на поиски по воздуху.

Мы оставили Ита с Зилвричем у трапа и вернулись на

корабль. На флиттер уже были загружены необходимые припасы, а также самострелы. Мы трое вместе с Итом будем достаточно тяжёлым грузом, и флиттер не сможет подниматься высоко, но выбирать не приходилось. Шлюпка была переделана настолько основательно, что на её возвращение в исходное состояние потребуется много дней, а лишнего времени не было.

Когда все приготовления закончились, судя по положению солнца, был уже вечер. Я предложил подождать до утра, но, к моему удивлению, Ит и закатанин со мной не согласились. Они, казалось, нисколько не сомневались в успехе предстоящего путешествия.

Когда мы забрались в нашу маленькую машину, командование принял Ит, а я лишь исполнял его распоряжения. Мы поднялись на высоту всего лишь вдвое большую моего роста, повернули направо, пересекли границу порта и углубились в сумрачный проход между башнями.

Темнота всё плотнее сгущалась над нами, здания закрыли собой заходящее солнце. Я не переставал удивляться, как люди вообще могли здесь жить. Между домами извивались переходы, расположенные на разной высоте. Пересекаясь друг с другом, они образовывали сеть, которая по мере удаления от порта становилась всё более плотной, практически не пропуская свет на тот уровень, где двигались мы. Некоторые из этих мостов рухнули, и их обломки лежали на тех, что располагались ниже, или горами мусора валялись на земле.

Я включил прожектор и сбросил скорость до минимума, чтобы не врезаться в эти обломки. Ит казался совершенно уверенным в правильности выбранного направления, направляя меня то в один полузасыпанный проулок, то в другой.

Сумрак сменился полной темнотой. Я всё больше боялся заблудиться, и навсегда потерять дорогу к сравнительно открытому пространству порта. Здесь всё было одинаковым; среди гладких цоколей башен, в которых не было видно дверей, лежали лишь разбросанные тут и там обломки рухнувших мостов.

Вдруг в луче прожектора промелькнуло какое-то движе-

ние, такое быстрое, что я сначала даже решил, что оно лишь почудилось мне, пока луч прожектора не осветил нечто, стоявшее у стены. Зажатое в угол, это существо повернулось к нам, охваченное не то злобой, не то страхом.

Я бывал на многих планетах и видел много странных созданий, мне были знакомы самые причудливые отклонения от привычных нам форм. Но это существо, стоявшее среди тёмных и заброшенных руин, обладало какими-то настолько отвратительными чертами, что будь у меня в руке лазер, я, не задумываясь, убил бы его.

Мы смотрели на него лишь одно мгновение, потом оно исчезло с удивительной скоростью. Оно двигалось на двух ногах, потом опустилось на четыре. И, что хуже всего, оно было похоже на человека. Или на то, что было человеком давным-давно, когда время ещё не стёрло всё то, что отличает человека от неразумных тварей.

— Похоже, в этом городе есть жители, — заметил Зилврич.

— Эта тварь, или что это там, — омерзение в голосе Ризка вполне соответствовало моим эмоциям, — куда она двигалась?

— Поворачивай налево, — увиденное, судя по всему, не произвело на Ита ни малейшего впечатления. — Теперь туда.

«Там» оказался первый проём в стене здания, который я увидел на уровне земли. Его форма была слишком правильной для провала. Размеры были вполне достаточными, чтобы туда вошёл флиттер. Но меня тревожило неприятное подозрение, что замеченное нами мерзкое существо скрылось именно там. А продолжая поиски, нам, возможно, придётся покинуть машину и встретиться с этой тварью и ей подобными.

Тем не менее, я подчинился приказанию Ита, направив флиттер в этот проём и остановив его посреди помещения, расположенного за ним. Мы находились в большом круглом зале. Если здесь раньше и была какая-то мебель, от неё давным-давно ничего не осталось. Но пол был засыпан мелким мусором, в который, вероятно, превратились предметы обстановки. В этом мусоре были протоптаны две

тропинки, упиравшиеся в тёмное отверстие в полу, в колодец.

Я осторожно вёл флиттер вперёд, пока его нос не завис над краем отверстия. Мы вполне могли спуститься туда на нашей машине. Но поскольку мы не знали, что ждёт нас внизу, такой спуск показался мне чересчур рискованным. Но Ит не разделял моих опасений. Он склонился над кубком, в котором блестел камень и приказал:

— Вниз! Теперь вниз!

Я хотел было отказаться, но тут подал голос закатания:

— Он прав. Под нами очень мощная сила. И если мы осторожно спустимся...

Я ни в коем случае не собирался спускаться без флиттера, но и в нём было ненамного безопаснее. Я считал, что это в любом случае безрассудно, и ожидал, что Ризк станет протестовать. Но когда я взглянул на него, то понял, что он так же зачарован лежавшим в кубке камнем, как и Ит.

Зависнув над колодцем, я остановил флиттер, и начал как можно медленнее спускаться, подозрительно поглядывая по сторонам.

Каким было изначальное предназначение этого отверстия, мы понять не могли. Но в его стены был вбит ряд опор, образующий примитивную лестницу, по которой, очевидно, передвигались те, кто пользовался колодцем много позже, чем он был построен. И использованные для её сооружения предметы часто представляли собой обломки каких-то более сложных вещей, вся работа была очень плохой, словно выполнялась расой, стоящей на низком уровне развития.

Мы спускались мимо этажей, миновали тёмные проёмы в стенах шахты. Я насчитал шесть таких уровней, однако диаметр колодца не уменьшался, чего я больше всего боялся вначале. И хотя грубо сделанная лестница вела к некоторым из проёмов, она не прерывалась, спускаясь всё ниже и ниже, связывая их между собой.

Я заглядывал во все дыры, к которым вела эта лестница, но не заметил там никаких признаков жизни, а луч нашего прожектора не мог проникнуть в их глубины. Вниз, вниз, шесть этажей, десять, двенадцать — дна видно не было.

Удерживать флиттер на такой маленькой скорости спуска становилось всё труднее. И всё время вместе с нами спускалась вниз и лестница. Пятнадцать.

«Скоро, очень скоро!» — мысль Ита была полна восторга. Никогда раньше он не проявлял эмоций так бурно. Я взглянул на приборы. Мы находились на глубине нескольких миль от поверхности. Я сбавил скорость до предела и стал ждать. Толчок — и мы приземлились. Перед нами, немного справа, лежал лишь один тоннель. И он был слишком узок для флиттера. Дальше нужно было идти пешком, а мне совсем не хотелось лишаться той небольшой защиты, которую представляла собой машина.

Моя осторожность была не напрасна. В глубине тоннеля мелькнуло какое-то движение, хотя я помнил, что лестница закончилась четырьмя этажами выше. Луч фонаря выхватил из темноты машину, не похожую ни на одну из виденных мною раньше. И всё же в ней было достаточно сходства с известными мне механизмами, чтобы понять, что ствол, который целился в нас, может выстрелить, а это не сулит ничего хорошего.

Но когда я положил палец на кнопку взлёта, Ит и закатанин одновременно закричали, Ит — мысленно, а чужак — на Бэйсике:

— Не надо!

Не надо? Они оба спятили. Нужно убираться подальше от этой штуки, пока она не открыла огонь.

— Посмотри ещё раз, — это сказал Зилврич. Ит по-прежнему не отрывал глаз от камня.

Я посмотрел, ожидая, что выстрел из этого зловещего ствола вот-вот уничтожит нас. И я не увидел ничего — вообще ничего.

— Где оно?

— Призрак, — ответил Зилврич. — Известно, что, некоторые предметы — деревья, вода, камни, возможно, и другие объекты, способны долгие годы хранить в себе визуальные иллюзии, и тот, кто обладает определённой структурой мышления, способен эти иллюзии воспринять. Те, кто построил всё это, могли знать и использовать данный принцип. Или то, что мы видели, могло быть просто отражением событий, происходивших здесь когда-

то и вызвавших такие бурные эмоции, связанные с этой картиной, что впечатление от неё сохранилось и предстало перед нами в виде призрака.

— Нам туда, — Ит не испытывал потребности в объяснениях. Вместо этого, он поднял кубок перед собой, указывая им, что наш путь лежит через этот тёмный проход.

Мы всё-таки пошли, иначе Ит с закатанином отправились бы туда сами. Моё самолюбие не позволяло мне отступать. Теперь мы были единой командой, противостоявшей таившимся в темноте опасностям, и я решился выдать Ризку один из самострелов. Вооружившись, мы двинулись вперёд. Ит сидел на моём плече, а Ризк с Зилвричем шли следом.

Я взял с собой небольшой фонарик, однако он был нужен нам не долго, потому что вскоре света, исходящего Камнем стало вполне достаточно. Он освещал широкое открытое пространство впереди, неповреждённые стены. Похоже было, что мы двигались по огромной трубе.

Определять расстояние в тёмном подземелье было трудно. Я полагал, что мы столкнёмся с опасностью в виде недостатка воздуха. Но похоже, что система, поддерживающая на такой глубине пригодную для дыхания атмосферу по-прежнему действовала.

Наконец мы вышли из тоннеля. За ним не располагалась другая шахта, как я подозревал, а просто тоннель замыкала большая комната, полная аппаратов и приборов. Часть из них стояла на полу, другие были расставлены по длинным столам. В центре этого помещения горел источник света, к которому так стремился Ит.

Это был объект конической формы, в мой рост высотой, установленный на столе. На его поверхности сияло прозрачное окошко, сквозь которое был виден расположенный внутри поддон, где лежали, светясь, штук десять Камней Предтеч.

Рядом с конусом на столе лежал другой такой же поддон, на котором были разложены ещё около десятка грубых необработанных камней. Они были чёрными, как куски угля, но в отличие от тех, что мы нашли когда-то на

брошенном космическом корабле, они не казались обгоревшими.

Ит спрыгнул с моего плеча на стол, поставил кубок и уселся рядом с ним, с любопытством глядя в окошко и пытаясь добраться до камней внутри. Что-то во всей этой картине показалось мне знакомым.

Существует много способов подделок, знакомых опытному скупщику камней. Можно так обработать камень, что изменится его цвет, можно даже скрыть трещины. Тепловая обработка способна превратить аметист в золотистый топаз. Искусная комбинация нагрева и серии химических реакций может превратить бледно-розовый рован в великолепный тёмно-пурпурный, причём отличить его от настоящего будет почти невозможно.

Я взял с подставки один из чёрных кусочков камня и вынул свою ювелирную лупу. Я не имел возможности исследовать предмет, который держал в руках, но тем не менее во мне росла уверенность, что это заготовка, Камень Предтеч в своём естественном виде. Эти камни должны были подвергнуться обработке, которая придаст им способность наращивать энергию.

Предмет этот был, конечно, весьма странным. Его поверхность внешне казалась бархатистой, но на ощупь была гладкой. Если бы он имел форму зерна... Я сделал глубокий вдох. Память играла со мной странные шутки. Если, конечно, это были шутки.

Однажды в прошлом я нашёл камни, или нечто, похожее на камни, лежащие на берегу ручья. На взгляд, но не на ощупь, они тоже казались бархатистыми, почти пушистыми. Один из этих камней утатила корабельная кошка, долго лизала его, потом проглотила и родила — Ита. Те, что лежали здесь, были просто кусочками минерала, они не были круглыми, похожими на зёрна. Но их поверхность...

Я посмотрел на Ита. Он сумел разгадать устройство запора на окошке, приоткрыл его, и теперь извлекал изнутри поддон с обработанными камнями. Когда поддон был снят с поддерживающей его опоры, конус, к моему изумлению, ожил, его внутренность озарилась светом. Не задумываясь, повинувшись желанию проверить свою догад-

ку, я вставил туда второй поддон, оставив лишь тот камень, что взял с него раньше. Самопроизвольно захлопнувшееся окошко едва не прищемило мне пальцы. Внутри начал разгораться ослепительно яркий свет.

Я получил ответ: «Искусственные камни».

Зилврич взял один из камней с другого поддона и сравнил его с тем, что держал я.

— Да, я полагаю, ты прав. Но я не думаю, что это, — он указал на чёрный кусочек, — действительно руда или заготовка. — Он повернул свою забинтованную голову, чтобы осмотреть комнату. Из конуса вырывались волны света, ярко освещая всё вокруг.

— Это, безусловно, была лаборатория.

— А значит, — заметил Ризк, — что это, скорее всего, последние камни, которые мы встретим. Если только не осталось записей, как...

Неожиданно раздался ужасный, оглушительный визг. Я бросил взгляд на конус и предупреждающе закричал, хватая Ита, и отталкивая плечом закатанина. Из верхушки печи вырвался огонь и фонтаном взвился вверх. Я бросился на пол, сжимая в руках вырывавшегося Ита и прикрывая собой Зилврича.

Потом свет погас.

Наступившая темнота была настолько густой, что даже казалась осязаемой. Я схватился за висевший на моём поясе фонарик и осветил то место, где только что стоял стол. Теперь там было пусто! Единственной вещью, которая по-прежнему лежала там, был кубок с картой, оставшийся невредимым в этой разрушительной вспышке. Ит вырвался из моих рук и бросился к нему. Но не добежав немного, он вдруг остановился. Его покрытое мехом тело замерцало в луче фонаря. Ит поднялся на задние лапы, как зверь, которого удерживают ошейник и натянувшийся поводок.

Его передние лапы задёргались в воздухе и он издал вопль агонии. Но никакого мысленного сигнала не было. Он словно превратился в простого зверя.

Напряжённо выпрямив спину, высоко поднявшись на задние лапы, он начал неуклюже двигаться в причудливом,

изломанном танце вокруг точки, где лежал кубок. На его морде выступила пена, глаза дико вращались и его тело продолжало мерцать, превращаясь в туманный столб.

Этот столб становился всё больше и выше. Казалось, что тело Ита распадалось на составляющие его атомы, превращаясь, буквально, в ничто. Но вместо того, чтобы рассеяться, туман вновь начал сгущаться, но вновь образующийся столб был больше, чем Ит, и имел другую форму.

Ни я, ни Ризк, ни Зилврич не могли пошевелиться. Фонарик выпал из моей руки, и его луч — случайно ли? — осветил кубок и Ита или то, что раньше было Итом.

Мерцающий столб становился всё шире, темнее и, казалось, плотнее. Раньше размер Ита не превышал размера кошки. Нечто, возникавшее перед нами, было высотой почти с меня. Наконец оно перестало расти и его безумное кружение становилось всё медленнее, а затем и вовсе прекратилось.

Я по-прежнему стоял, застыв от изумления.

Я видел Ита в трёх разных личинах, созданных при помощи галлюцинационной маскировки: он был пуухой, затем похожим на рептилию существом на Лайлстэне и мохнатым получеловеком, вместе со мной посетившим Вейстар. Но я был уверен, что последнее, нынешнее превращение произошло не по его воле.

Он был гуманоидом и...

Стройное тело, длинные красивые ноги, тонкая талия, а над ней...

Он, нет, ОНА, стояла неподвижно, глядя на свои вытянутые руки, на их нежную, золотистую с жемчужным отливом кожу. Потом она наклонила голову, чтобы увидеть это тело, провела вдоль него руками, словно проверяя, что оно действительно существует.

Зилврич произнёс одно единственное слово: «Луар!»

Ит повернула голову, она посмотрела на нас огромными глазами, золотистыми, как и кожа, но более тёмного и глубокого оттенка, и раскинула свои длинные, тёмно-рыжие волосы, закутавшись в них, словно в плащ. Затем она нагнулась и подняла кубок. Держа его на ладони, она подошла к нам вдоль луча фонаря, демонстрируя свой новый облик.

— Луар? — сорвалось с её губ. — Нет, Фалан!

Она замолчала на мгновение, глядя в пустоту, будто её глаза видели что-то, недоступное нашему зрению.

— Да, мы знали Луар, Достопочтеннейший, и мы жили там какое-то время, оставив на этой планете следы своего пребывания. Но она не была нашим домом. Мы — Странники, Те-Кто-Рождается-Вновь. Да, мы — фаланцы. А ещё раньше мы носили другое имя, много других имен.

Она подняла кубок, повернув его так, чтобы мы могли увидеть карту. Но огонёк Камня Предтеч погас, а другой камень просто исчез.

— Сокровища, которого мы искали здесь, больше нет. Разве что ваши мудрецы, Достопочтенный Старейший, сумеют разгадать забытую загадку.

— Это из-за тебя, Джорн!

Я покачулся. Неожиданный удар в предплечье швырнул меня на один из стоявших на полу приборов. Я вцепился в него, чтобы не упасть.

Ит одним из тех молниеносных движений, какие были столь свойственны ему — ей — в те времена, когда она ещё была мутантом, подхватила фонарик с пола. Она включила его на полную мощность, направила на Ризка, заряжавшего в свой самострел новый дротик, и тихонько свистнула.

Пилот согнулся, словно поражённый лучом лазера. Его рот искривился в беззвучном крике и оружие выпало у него из рук.

— Довольно! — Зилврич, поднял упавший самострел. Свист оборвался. Ризк выпрямился, крутя головой, словно пытаясь стряхнуть охватившее его оцепенение.

Я осторожно ощупал свою руку. Свет фонаря был всё ещё направлен на Ризка, который качался из стороны в сторону, с трудом держась на ногах. Я не обнаружил раны, но кожа саднила, и я понял, что наконечник дротика прошёл, лишь слегка оцарапав меня.

— Довольно! — повторил закатанин, опустив руку на плечо пилота. — Сокровище, лучшее из сокровищ — рядом с нами. Или, — он оценивающе посмотрел на Ит, — вместе с нами. Ты получила то, чего так долго ждала, Та,

Что Живёт Вне Времени. Не пожалей же меньшего для остальных.

Она повернула кубок в руке и улыбнулась.

— Конечно, Достопочтенный Старейший, в этот час, достигнув, как ты верно заметил, своей цели, я не хочу обидеть никого. Знание — это сокровище.

— Хватит камней, — сказал я вслух, сам не зная, почему, — хватит несчастий. Нам лучше обойтись без них.

Ризк поднял голову, щурясь на свет. Он смотрел в мою сторону, но мне кажется, не видел меня.

— Довольно! — отрывисто произнесла Ит. — Старейший прав. Мы нашли мир, полный сокровищ, которыми лучше всего заняться ему и его сородичам. Разве не так?

— Да, — в этом я не сомневался.

Ризк ещё раз покачал головой, но это был не отказ, а, скорее, попытка очистить свой разум.

— Камни... — прохрипел он.

— Камни были приманкой слишком для многих, — ответил я. — Разве ты хочешь, чтобы Гильдия, или те, с Вейстара, или Патруль всю жизнь преследовали тебя?

Он поднял руку и провёл ею по лицу. Потом посмотрел на Зилврича, старательно пряча глаза от Ит, словно только закатынин мог дать ему правдивый ответ.

— И всё-таки сокровища? — в этом вопросе было какое-то детское любопытство, как будто странная атака Ит очистила пилота от многолетних забот и подозрений.

— Больше, чем можно себе представить! — утешил его Зилврич.

Но сокровища больше не интересовали меня. Я смотрел на Ит. Торговец и мутант, мы были компаньонами. А что будет дальше?

Мысленное послание вместо слов, слегка удивлённое, но деликатное — таким был немедленный ответ на мои спутанные мысли.

— Я говорила тебе когда-то, Мэрдок Джорн, что мы оба отчасти нуждаемся в зависимости друг от друга. В начале я нуждалась в твоём теле, а ты — в некоторых свойствах, которыми я обладала, пребывая в жалкой и неудобной оболочке. Теперь я получила новое тело, гораздо лучшее,

чем то, что было тогда. На самом деле, такие тела неплохо служили моей расе тысячелетия назад. Но мы не стали из-за этого чужими друг другу. И я не хочу, чтобы наше партнёрство закончилось. А ты?

Она шагнула вперёд, отшвырнув в сторону кубок и фонарь, словно они больше не были ей нужны. Она прикоснулась ко мне, и это лёгкое прикосновение успокоило моё израненное сердце.

Я много раз возмущался высокомерием Ита, пытался разорвать ту связь, которой он — она (я ещё не привык к этому превращению) опутала меня с того момента, когда родилась на моей койке в каюте корабля вольных торговцев.

Её прикосновение, казалось, унесло боль в руке и в теле. И я понял, что хорошо это или плохо, но от выпавшей мне судьбы не уйти. Когда я осознал это, всё остальное тоже стало просто и понятно.

— А ты?.. — её мысль была подобна самому тихому шёпоту.

— Нет! — мой ответ был твёрд и ясен, и я вложил в него всю свою душу.

Содержание

Камень Предтеч 4

Звёзды, не нанесенные на карты 223

Андрэ Нортон
КАМЕНЬ ПРЕДТЕЧ

Литературно-художественное издание

Ответственный редактор
Голованев М. В.

Художественный редактор
Прилипко К. В.

Технический редактор
Казачек В. Н.

Сдано в набор 01.02.93г.
Подписано в печать 25.06.93г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская.
Печать высокая. Гарнитура «Таймс». Уч. изд. л. 24,8.
Физ. п. л. 13. Тираж 100 000 экз.
Заказ № 1180. «С» — 10.
Верстка АО «Музыка сфер»

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени
ПО «Детская книга» Мининформпечати РФ.
127018, Москва, Суцевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

